

2021 №1

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ | THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Золотарева А.А.

Роль апатии в формировании мужского депрессивного синдрома у заключенных 2-13

Дворянчиков Н.В., Шипицын Д.Ю.

Особенности полового самосознания и межличностного восприятия у лиц, осужденных без лишения свободы за половые преступления 14-26

Бабаян С.Л., Крапчатова И.Н., Кохман Д.В.

Взаимосвязь психологического восприятия осужденными амнистии с уровнем рецидивной преступности.....27-36

Борисова Д.П.

Особенности психологических защит пенитенциарных служащих в зависимости от уровня эмпатии 37-47

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.

Характеристика проагрессивных факторов, влияющих на агрессивное поведение осужденных, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы за сексуальные преступления.....48-62

Самойлик Н.А.

Изучение взаимосвязи профессионально-ценностных ориентаций и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России 63-76

Ковальчук И.А., Костина Л.Н., Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.

Развитие интеллектуально-личностного потенциала сотрудников ФСИН России на начальном этапе профессионализации.....77-89

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И.

Исследование самореализации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации 90-105

Ахмадеева Е.В., Галяутдинова С.И.

Изучение социальной фрустрированности, жизнестойкости и психологической безопасности личности сотрудников МВД.....106-120

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ | PSYCHOLOGY OF DEVIANANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.

Ценности, самоидентификация и личностная мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений 121-134

ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ | JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Бойкина Е.Э., Чернов В.А.

Правосознание подростков поколения центиналов: прогностическая оценка 135-149

Никитская Е.А.

Использование профессионально-педагогических форм работы с несовершеннолетними в воспитании патриотизма и профилактики экстремизма.....150-162

ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ | LEGAL PSYCHOLOGY

Малько А.В., Субочев В.В.

Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория 163-180

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | INTERDISCIPLINARY STUDIES

Бовин Б.Г., Бовина И.Б., Тихонова А.Д.

Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III).....181-194

Ходякова Н.В., Митин А.И., Ульянина О.А.

Психологические аспекты проектирования обучения сотрудников правоохранительных органов с учетом их субъектной позиции 195-209

ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: COVID-19 |
LEGAL PSYCHOLOGY IN RESPONSE TO THE CHALLENGES OF OUR TIME: COVID-19

Тузова О.Н., Степанова Д.Н.

Субъективная оценка россиянами личной психологической и правовой безопасности в условиях пандемии 210-222

Коропец О.А., Чудиновских М.В.

Готовность работающего населения к соблюдению правовых ограничений и запретов в период пандемии.....223-237

CONTENT:

THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

Zolotareva A.A.

The Role of Apathy in the Formation of Depression Syndrome in Male Prisoners 2-13

Dvoryanchikov N.V., Shipitsyn D.Y.

Specifics of Sexual Self-Concept and Interpersonal Perception in Convicted Non-Imprisoned Sexual Offenders.....14-26

Babayan S. L., Krapchatova I. N., Kokhman D. V.

Correlation Between Convicts' Psychological Perception of Amnesty and the Rate of Recidivism.....27-36

Borisova D.P.

Specifics of Psychological Defences in Prison Personnel Depending on their Empathy Level.....37-47

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.

Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their Sentences in Detention Facilities.....48-62

Samoylik N.A.

Study of Relationship between Professional-Value Orientations and Volitional Qualities in Cadets of Educational Institutions of Federal Penitentiary Service of Russia.....63-76

Kovalchuk I. A., Kostina L.N., Karpova G.S., Chudakova S. N., Dushkin A. S.

Development of Intellectual and Personality Potential of the Staff of the Federal Penitentiary Service at the Initial Stage of their Professional Development.....77-89

PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL ACTIVITY

Burtsev A. O., Efimkina N.V., Kudinov S. I., Pozin A.I.

Self-realization in Officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation...90-105

Akhmadeeva E. V., Galyautdinova S. I.

Social Frustration, Resilience and Psychological Security of Internal Affairs Officers...106-120

PSYCHOLOGY OF DEVIANT AND CRIMINAL BEHAVIOR

Kashirsky D. V., Staroseltseva O. V.

Values, Self-Identification and Personality Motivation of Persons Charged with Particularly Serious Crimes.....121-134

JUVENILE LEGAL PSYCHOLOGY

Boykina E. E., Chernov V. A.

Legal Conscience of Teens from the Centennials Generation: a Prognostic Assessment.....135-149

Nikitskaya S. A.

Use of confessional-pedagogical forms of work with minors in the upbringing of patriotism and prevention of extremism.....150-162

LEGAL PSYCHOLOGY

Malko A. V., Subochev V. V.

Political and legal Manipulation as a Psychological Phenomenon and a Scientific Category.....163-180

INTERDISCIPLINARY STUDIES

Bovin B. G., Bovina I. B., Tikhonova A. D.

Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part III).....181-194

Khodyakova N. V., Mitin A. I., Ulyanina O. A.

Psychological Aspects of Designing the Education Process of Law Enforcement Personnel with their Subjective Position in Mind.....195-209

LEGAL PSYCHOLOGY IN RESPONSE TO THE CHALLENGES OF OUR TIME: COVID-19

Tuzova O. N., Stepanova D. N.

Russians' Subjective Assessment of their Personal Psychological and Legal Safety During the COVID-19 Pandemic.....210-222

Koropets O. A., Chudinovskikh M. V.

Preparedness of Working Population to Adhere to Legal Constraints and Prohibitions during the COVID-19 Pandemic.....223-237

Уважаемые читатели!

Представляем Вашему вниманию очередной номер нашего журнала «Психология и право». Тематическая направленность номера «Пенитенциарная психология и практика исполнения наказаний». По данной тематике представлено 7 статей. Они освещают проблемы психологии личности как некоторых категорий осужденных, так и сотрудников ФСИН России. В контексте широкого общественного резонанса серийных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, особенно несовершеннолетних, читатели смогут ознакомиться с двумя статьями по психологии самосознания и особенностям проявления агрессии у данной категории осужденных.

В психологической службе ФСИН России вводятся должности клинических психологов. В этой связи, представляется, что для практиков будет весьма любопытно ознакомиться со статьёй о закономерностях проявления у осужденных апатии и депрессивного синдрома.

В трех статьях по пенитенциарной проблематике рассматривается ряд профессионально значимых качеств сотрудников УИС и возможности их развития.

Весьма любопытной и нетипичной для психологической проблематики является статья о восприятии осужденными такого юридического акта, как амнистия и ее взаимосвязь с уровнем рецидива.

В первом номере журнала представлены также статьи по другим направлениям юридической психологии в контексте глобальных процессов, происходящих как в мировом сообществе, так и в нашей стране.

В рубрике «Психология профессиональной деятельности» представлены две статьи с результатами изучения социальной фрустрированности, жизнестойкости, психологической безопасности и самореализации сотрудников органов внутренних дел.

В рубрике «Психология девиантного и криминального поведения» представлены результаты исследования личностных особенностей обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений.

В рубрике «Ювенальная юридическая психология» рассмотрены статьи, в которых представлены особенности правосознания неформальных групп современного поколения подростков (центиниалы, айдженеры, хоумлендеры, цифровые аборигены и др.), а также формы работы по воспитанию патриотизма и профилактике экстремизма.

Теоретико-методологические проблемы политико-правового манипулирования как психологического феномена представлены в статье под рубрикой «Правовая психология».

В связи с пандемией, вызванной COVID-19, в журнале введена специальная рубрика. В этом номере в неё вошли две статьи, в которых представлены исследования субъективной оценки россиянами личной психологической и правовой безопасности в условиях пандемии, а также готовность работающего населения к соблюдению правовых ограничений и запретов в период пандемии коронавируса.

В рубрике «Междисциплинарные исследования» продолжается публикация статьи (III часть) по проблеме радикализма и экстремизма. Также представлена статья, представляющая психологические аспекты проектирования обучения сотрудников правоохранительных органов с учетом их субъектной позиции.

Уважаемые читатели, редколлегия журнала и авторы статей, как всегда стремились, чтобы номер был содержательным, актуальным, отражал потребности практики и ученых. Надеемся, что в данном номере Вы найдете материалы, которые соответствуют Вашим ожиданиям и профессиональным интересам.

Искренне ваша,
Редакция журнала «Психология и право»

Роль апатии в формировании мужского депрессивного синдрома у заключенных

Золотарева А.А.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5724-2882>, e-mail: alena.a.zolotareva@gmail.com

В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению роли апатии в формировании мужского депрессивного синдрома у заключенных. На материалах анкетирования мужчин (N=151), отбывающих наказание в одной из колоний строгого режима г. Омска, построена эмпирическая модель, свидетельствующая о том, что формирование мужского депрессивного синдрома у заключенных является сложным поэтапным процессом, в котором на ранних стадиях происходит манифестация таких переживаний, как безнадежность, скука и одиночество, а на более поздних этапах к ним присоединяется апатия. Анализ социально-демографических характеристик показал, что возраст, семейное положение, наличие детей, образование, срок отбывания наказания и статья не оказывают эффектов на психологические симптомы заключенных. Исключением стал уровень образования заключенных, оказывающий влияние на переживание ими чувства безнадежности. На основании полученных данных делаются выводы о важности образовательных мероприятий в тюремной среде, а также потенциальном использовании результатов исследования в практике кризисной терапии заключенных в России.

Ключевые слова: апатия, безнадежность, предрасположенность к скуке, одиночество, мужской депрессивный синдром.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект № МК-541.2020.6).

Для цитаты: Золотарева А.А. Роль апатии в формировании мужского депрессивного синдрома у заключенных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 2—13. DOI:10.17759/psylaw.2021110101

The Role of Apathy in the Formation of Depression Syndrome in Male Prisoners

Alena A. Zolotareva

National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5724-2882>, e-mail: alena.a.zolotareva@gmail.com

The article presents the results of a research work on the role of apathy in the formation of depression syndrome in male prisoners. Basing on the questionnaire polling results of men (N = 151) serving their sentences in one of the maximum security penal colonies in Omsk, an empirical model was built indicating that the formation of depression syndrome in male prisoners is a complex step-by-step process with early stages involving manifestation of hopelessness, boredom and loneliness and with apathy joining in at later stages. The analysis of social and demographic characteristics revealed that a prisoner's age, family situation, children, education, the sentence served or the charges of which he was convicted have no effect on his psychological symptoms (the prisoners' educational level is only found to influence the way hopelessness is experienced). The data obtained suggest that there is a necessity for educational activities in prisons and also indicate a potential utility of the results in the field of anti-crisis therapy for prisoners in Russia.

Keywords: apathy, hopelessness, predisposition to boredom, loneliness, male depressive syndrome.

Funding: The research was funded by a grant (no. MK-541.2020.6) from the President of the Russian Federation aiming at state support for young Russian scientists with a PhD degree.

For citation: Zolotareva A.A. The role of apathy in the formation of depression syndrome in male prisoners. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 2—13. DOI:10.17759/psylaw.2021110101 (In Russ.).

Введение

Психологические эффекты тюремного заключения служат предметом особого интереса современной пенитенциарной психологии. Главной причиной этого интереса является тот факт, что статистика суицидов, совершаемых в тюрьмах, в целом выше аналогичных показателей среди населения всех стран [12]. По данным Всемирной организации здравоохранения (World Health Organization, WHO) и Международной ассоциации по предотвращению самоубийств (International Association for Suicide Prevention, IASP), заключенные в исправительных учреждениях являются группой самого высокого суицидального риска, в связи с чем нуждаются в профессиональной психологической помощи.

В научной литературе можно встретить довольно большой список психологических эффектов тюремного заключения, к которым относятся частые кошмары и бессонница,

непреходящие чувства вины и стыда, переживания отчужденности и изоляции, страхи и панические атаки, недовольство собой и своей жизнью и многое другое [27]. Наиболее частым таким эффектом является депрессия, которую, по данным разных исследователей, диагностируют у 45—73% заключенных [24; 25].

Тюремное заключение само по себе является депрессивным событием. Одной из причин депрессии в тюремной среде является то, что, вспоминая прошлые преступления, заключенные испытывают вину и горе [6]. Другой причиной считается изоляция, вызванная ограниченным тюремным пространством и разлукой с семьей и близкими [14]. Наконец, немаловажной причиной депрессии называют соматические жалобы заключенных, их хронические заболевания, а также психические заболевания с семейной историей [18].

В последние годы психологи активно разрабатывают программы кризисной терапии заключенных, однако сами специалисты приходят к выводу о недостатке исследований в этой области [28]. Так, современные исследователи стали все чаще фиксировать у мужчин не классическую депрессию, понимаемую в соответствии с DSM-V как состояние сниженного настроения с сопутствующей потерей энергии и интереса к жизни, а так называемый «мужской депрессивный синдром». Последний был открыт еще в 1995 г. группой шведских психологов под руководством В. Рутца, который описал атипичные симптомы депрессии в виде снижения устойчивости к стрессу, агрессии, импульсивности, злоупотребления психоактивными веществами и наследственной отягощенности (в частности, расстройств настроения, алкогольной зависимости и суицидального поведения) [23].

Открытие мужского депрессивного синдрома позволило объяснить рост данных, свидетельствующих о различиях в симптоматике депрессии между мужчинами и женщинами. В частности, женщины при депрессии отмечают классические симптомы болезни в виде плохого настроения, переживания чувства беспомощности и одиночества, приступы печали и плача, тогда как мужчины вне зависимости от степени их мужественности и тяжести психических и соматических симптомов предпочитают скрывать истинные эмоциональные переживания даже от своих лечащих врачей [19]. По меткому выражению С. Козна, такое состояние можно назвать «мужским молчаливым страданием» [8].

Целью настоящего исследования является изучение факторов мужского депрессивного синдрома у заключенных, а в качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что формирование мужского депрессивного синдрома у заключенных является сложным поэтапным процессом, в котором на ранних стадиях происходит манифестация таких переживаний, как безнадежность, скука и одиночество, а на более поздних этапах к ним присоединяется апатия. Это предположение основано на анализе результатов исследований, в соответствии с которыми апатия является основным клиническим симптомом депрессии [13], а при сопутствующей терапии апатии и депрессии в качестве распознавания суицидальной опасности необходимо проводить диагностику и работать с переживанием безнадежности [10], предрасположенностью к скуке [16] и переживанием одиночества [7].

Возможно, знания о закономерностях мужского депрессивного синдрома в тюремной среде позволят исследователям наметить дальнейшие перспективы изучения «белых пятен» в данной области, а психологам-практикам дадут некоторые ориентиры для диагностики, терапии и профилактики кризисных состояний и суицидального поведения у заключенных.

Методика

Участники исследования. В исследовании приняли участие мужчины (N=151), отбывающие наказание в одной из колоний строгого режима г. Омска. Исследование проходило при содействии штатного психолога, по просьбе администрации учреждения в данной статье не уточняется номер колонии. В конце анкеты респондентов просили указать некоторые социально-демографические характеристики:

- *Возраст.* 14 респондентов не указали свой возраст, оставшиеся участники исследования оказались в возрасте от 20 до 60 лет (M=34,75; Me=34,5 года; SD=7,93).

- *Семейное положение.* 3 респондента не указали свое семейное положение, среди оставшихся участников исследования распределение было следующим: 56 женатых респондентов, 40 разведенных, 47 холостых и 5 вдовцов.

- *Наличие детей.* 3 респондента не указали информацию в графе о наличии детей, среди оставшихся участников исследования 65 респондентов отметили отсутствие у них детей, 49 — одного ребенка, 25 — двоих, 9 — трех и более детей.

- *Образование.* 17 респондентов не указали свое образование, среди оставшихся участников исследования 47 отметили, что у них неполное среднее образование, 39 — среднее общее, 33 — среднее профессиональное и 15 — высшее.

- *Срок отбывания наказания.* 3 респондента не указали дату, с момента которой они отбывают наказание, срок отбывания наказания среди оставшихся участников исследования составил от 3 месяцев до 11 лет (M=3,29; Me=3 года; SD=1,25).

- *Статья.* 2 респондента не указали статью, по которой они привлечены к ответственности; среди оставшихся участников исследования: 30 отметили ст. 228 УК РФ «Незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконное приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества»; 23 — ст. 158 УК РФ «Кража»; 20 — ст. 111 УК РФ «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью»; 18 — ст. 105 УК РФ «Убийство»; 15 — ст. 161 УК РФ «Присвоение или растрата»; 13 — ст. 162 УК РФ «Разбой»; 10 — ст. 132 УК РФ «Насильственные действия сексуального характера»; 7 — ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения»; 4 — ст. 131 УК РФ «Изнасилование»; 4 — ст. 159 УК РФ «Мошенничество»; 3 — ст. 222 УК РФ «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов»; 2 — ст. 209 УК РФ «Бандитизм».

Инструменты. Психодиагностический пакет содержал следующие шкалы:

- *Шкала апатии А.А. Золотаревой* — предназначена для диагностики психического состояния, характеризующегося безразличием и равнодушием к себе, другим и миру (например, «Иногда я не чувствую вкус жизни») [3].

- *Шкала надежды и безнадежности А.А. Горбаткова* — является русскоязычной адаптацией польской версии шкалы безнадежности А. Бека (Beck Hopelessness Scale, BHS) [5]. Шкала содержит 20 тестовых пунктов, сгруппированных в две субшкалы: 1) надежда — диагностирует позитивное отношение к себе и своему будущему (например, «Я смотрю в будущее с надеждой и оптимизмом»); 2) безнадежность — оценивает негативное отношение к себе и своему будущему (например, «Будущее представляется мне мрачным») [2]. Для

данного исследования были использованы ключи классической версии шкалы, в соответствии с которой баллы по шкале надежды инвертируются и суммируются с баллами по шкале безнадежности.

- *Краткая версия шкалы предрасположенности к скуке Р. Фармера и Н. Сандберга (Short Boredom Proneness Scale, SBPS) в переводе А.А. Золотаревой* — оценивает предрасположенность к скуке как психическому состоянию, вызванному отсутствием интересных жизненных стимулов [11]. Шкала содержит 8 тестовых пунктов, измеряющих единый показатель предрасположенности к скуке (например, «Многое из того, что мне приходится делать, однообразно и уныло») [26].

- *Готландская шкала мужской депрессии Ф. Зьерау (Gotland Scale for Assessing Male Depression, GSMD) в переводе и апробации Д.А. Автономова* — предназначена для диагностики мужского депрессивного синдрома, включающего атипичные симптомы депрессии, такие как снижение толерантности к фрустрации, враждебность, раздражение, импульсивность, злоупотребление алкоголем и лекарствами, наличие семейной истории депрессии, алкоголизма и суицидальных склонностей [30]. Шкала включает 13 тестовых пунктов, в отношении каждого из которых респонденту необходимо ответить на вопрос «Замечали ли Вы или другие люди говорили Вам о том, что Ваше поведение в течение последнего месяца изменилось, если да, то в какую сторону?» (например, «Нерешительность в обычных повседневных ситуациях») [1].

- *Дифференциальный опросник переживания одиночества (ДОПО-3) Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева* — предназначен для диагностики отношения к одиночеству. В настоящем исследовании была использована только субшкала «Общее переживание одиночества», которая содержит 8 тестовых пунктов и отражает степень актуального ощущения одиночества, нехватки близкого общения с другими людьми (например, «Люди вокруг меня, но не со мной») [4].

Результаты и их обсуждение

Для анализа роли апатии в формировании мужского депрессивного синдрома был реализован анализ пути (path analysis) в программе IBM SPSS Amos v19.0. На рис. 1 представлена модель, в соответствии с которой переживание безнадежности ($\beta=0,18$; $p<0,05$), предрасположенность к скуке ($\beta=0,21$; $p<0,05$) и переживание одиночества ($\beta=0,26$; $p<0,05$) предсказывают апатию, а апатия ($\beta=0,44$; $p<0,001$), в свою очередь, предсказывает мужской депрессивный синдром. Проверяемая модель показала отличное соответствие данным (Satorra-Bentler $\chi^2(2)=1,539$; $p<0,001$; CFI=0,996; AGFI=0,973; NFI=0,996; RMSEA=0,000 (90% CI от 0,000 до 0,144); SRMR=0,464), полностью удовлетворяющее общепризнанным критериям (CFI $\geq$ 0,95; AGFI $\geq$ 0,90; NFI $\geq$ 0,95; RMSEA $\leq$ 0,08; SRMR $\leq$ 0,05) [15]. Тем самым гипотеза исследования подтвердилась. Формирование мужского депрессивного синдрома у заключенных является сложным поэтапным процессом, на ранних стадиях которого можно обнаружить манифестацию таких переживаний, как безнадежность, скука и одиночество, а на более поздних этапах — апатию.

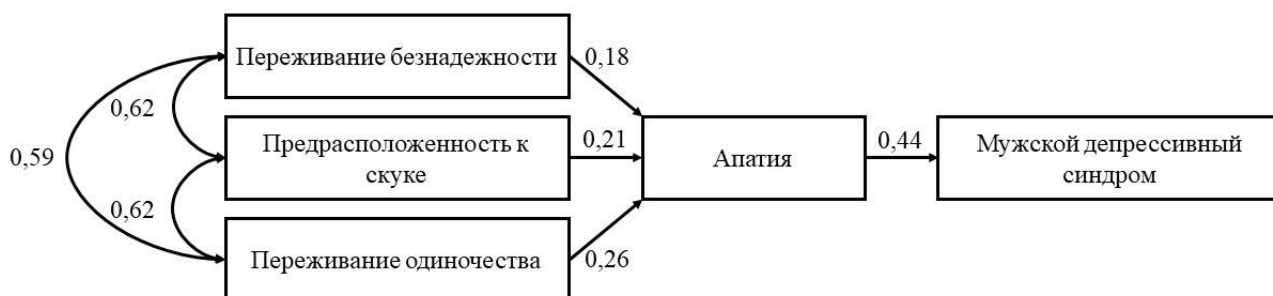

Рис. 1. Роль апатии в формировании мужского депрессивного синдрома у заключенных

Дополнительный анализ заключался в оценке потенциальных эффектов социально-демографических характеристик заключенных. С помощью однофакторного дисперсионного анализа ANOVA, реализованного в программе IBM SPSS v19.0, были обнаружены следующие закономерности.

- Возраст ($F(3,133)=0,537$; $p=0,658$), семейное положение ($F(3,144)=0,907$; $p=0,439$), наличие детей ($F(4,146)=0,763$; $p=0,551$), образование ($F(4,129)=0,584$; $p=0,675$), срок отбывания наказания ($F(2,148)=0,873$; $p=0,421$) и статья ($F(2,246)=0,645$; $p=0,526$) не оказывают эффектов на мужской депрессивный синдром у заключенных.

- Возраст ($F(3,133)=1,134$; $p=0,338$), семейное положение ($F(3,144)=1,008$; $p=0,391$), наличие детей ($F(5,145)=0,761$; $p=0,579$), образование ($F(4,129)=0,887$; $p=0,474$), срок отбывания наказания ($F(3,144)=0,727$; $p=0,537$) и статья ($F(2,146)=0,802$; $p=0,451$) не оказывают эффектов на апатию.

- Возраст ($F(3,133)=0,334$; $p=0,801$), семейное положение ($F(3,144)=0,416$; $p=0,742$), наличие детей ($F(5,144)=0,500$; $p=0,683$), срок отбывания наказания ($F(3,144)=1,424$; $p=0,238$) и статья ($F(2,146)=2,250$; $p=0,109$) не оказывают эффектов на переживание безнадежности. В то же время образование заключенных ($F(3,130)=2,978$; $p=0,034$) оказывает значимое влияние на переживание безнадежности. Показатели переживания безнадежности у заключенных с неполным средним ($M=48,96$; $SD=7,82$) и средним общим ($M=48,73$; $SD=7,74$) образованием оказались выше, чем у заключенных со средним профессиональным ($M=43,53$; $SD=11,51$) и высшим ($M=45,41$; $SD=10,25$) образованием.

- Возраст ($F(4,146)=1,198$; $p=0,314$), семейное положение ($F(3,144)=0,027$; $p=0,994$), наличие детей ($F(3,144)=0,986$; $p=0,401$), образование ($F(4,129)=1,908$; $p=0,113$), срок отбывания наказания ($F(3,144)=1,028$; $p=0,382$) и статья ($F(2,146)=2,079$; $p=0,129$) не оказывают эффектов на предрасположенность к скуке.

- Возраст ($F(3,133)=0,536$; $p=0,658$), семейное положение ($F(3,144)=0,960$; $p=0,414$), наличие детей ($F(3,144)=0,558$; $p=0,644$), образование ($F(4,129)=1,804$; $p=0,132$), срок отбывания наказания ($F(3,144)=0,441$; $p=0,724$) и статья ($F(2,146)=0,195$; $p=0,823$) не оказывают эффектов на переживание одиночества.

Тем самым единственным социально-демографическим показателем, оказывающим влияние на переживание безнадежности у заключенных, является уровень их образования. В недавнем масштабном исследовании, посвященном проблеме психосоциальной адаптации американцев, было показано, что между переживанием безнадежности и уровнем образования респондентов существует тесная негативная связь: чем ниже уровень образования, тем выше показатели переживания безнадежности [22]. В другом исследовании

было обнаружено, что низкий уровень образования является единственным социально-демографическим предиктором близкой суицидальной попытки среди заключенных [21]. Эти данные позволяют сделать закономерный вывод о важности образовательных мероприятий как методе профилактики переживания безнадежности и последующего развития апатии и мужского депрессивного синдрома у заключенных.

Выводы

- Социально-демографические характеристики (в частности, возраст, семейное положение, наличие детей, образование, срок отбывания наказания и статья) не оказывают эффектов на переживание безнадежности, предрасположенность к скуке, переживание одиночества, апатию и мужской депрессивный синдром у заключенных. Единственным исключением является влияние уровня образования заключенных на переживание безнадежности: чем ниже уровень образования у заключенных, тем наиболее остро они испытывают чувство безнадежности. Соответственно, заключенные с низким уровнем образования входят в группу риска и должны находиться в зоне пристального внимания специалистов. Особой профилактической мерой могут стать образовательные программы для заключенных, которые с доказанной эффективностью способствуют успешной реабилитации после тюремного заключения и снижают риск рецидива преступлений [29].

- В современной литературе можно найти сведения о том, что апатия и депрессия являются частыми психологическими симптомами заключенных [17], однако в настоящем исследовании впервые построена эмпирическая модель данных симптомов. Как оказалось, апатия играет ключевую роль в формировании мужского депрессивного синдрома у заключенных, в связи с чем ее диагностика должна стать частью раннего скрининга суицидального риска в тюремной среде. В качестве сопутствующих признаков мужского депрессивного синдрома могут рассматриваться такие психологические симптомы, как переживание безнадежности, предрасположенность к скуке и переживание одиночества.

- Закономерным следствием предыдущего вывода является предположение о том, что переживание безнадежности, предрасположенность к скуке, переживание одиночества, апатия и мужской депрессивный синдром могут быть мишенями кризисной терапии заключенных. В настоящее время практика разработки и внедрения подобных кризисных программ широко распространена и объединяет специалистов из Канады, Англии, Италии, Австрии и многих других стран [9], что может стать основой для формирования аналогичной программы в России.

- Ограничением настоящего исследования является его кросс-секционный дизайн, известным недостатком которого считается фиксация текущего момента и неспособность к анализу причинно-следственных связей.

- В качестве научной перспективы видится лонгитюдное исследование, обращенное к изучению обнаруженной эмпирической модели в контексте суицидального поведения заключенных. Одним из этапов работы в этом направлении может стать обогащение отечественной психодиагностики новыми инструментами. Например, в случае русскоязычной адаптации Скрининговой формы депрессии, безнадежности и суицида (Depression Hopelessness Suicide Screening Form — DHS) [20] у специалистов появится инструмент для экспресс-диагностики у заключенных основных психологических симптомов, затронутых в настоящем исследовании.

Литература

1. Автономов Д.А. Мужской депрессивный синдром // Независимость личности. 2014. № 2. С. 8—11.
2. Горбатков А.А. Шкала надежды и безнадежности для подростков: некоторые аспекты валидности // Психологическая наука и образование. 2002. № 3. С. 89—103.
3. Золотарева А.А. Психометрический анализ новой шкалы апатии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Том. 17. № 2. С. 191—209. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-2-191-209
4. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Дифференциальный опросник переживания одиночества: структура и свойства // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Том. 10. № 1. С. 55—81.
5. Beck A.T., Steer R.A. Beck Hopelessness Scale (BHS) manual. Pearson: San Antonio, 1993.
6. Bedaso A., Kediro G., Yeneabat T. Factors associated with depression among prisoners in southern Ethiopia: a cross-sectional study // BMC Research Notes. 2018. Vol. 11. P. 637. DOI: 10.1186/s13104-018-3745-3
7. Chang E.C., Chang O.D., Lucas A.G., Li M., Beavan C.B., Eisner R.S., McManamon B.M. et al. Depression, loneliness, and suicide risk among Latino college students: a test of a psychosocial interaction model // Social Work. 2019. Vol. 64. № 1. P. 51—60. DOI: 10.1093/sw/swy052
8. Coen S.E., Oliffe J.L., Johnson J.L., Kelly M.T. Looking for Mr. PG: masculinities and men's depression in a northern resource-based Canadian community // Health and Place. 2013. Vol. 21. P. 94—101. DOI: 10.1016/j.healthplace.2013.01.011
9. Daigle M.C., Daniel A.E., Dear G.E., Frottier P., Hayes L.M., Kerkhof A., Konrad N., Liebling A., Sarchiapone M. Preventing suicide in prisons, part II: international comparisons of suicide prevention services in correctional facilities // Crisis. The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention. 2007. Vol. 28. № 3. P. 122—130. DOI: 10.1027/0227-5910.28.3.122
10. Dori G.A., Overholser J.C. Depression, hopelessness, and self-esteem: accounting for suicidality in adolescent psychiatric inpatients // Suicide and Life-Threatening Behavior. 1999. Vol. 29. № 4. P. 309—318.
11. Farmer R., Sundberg N.D. Boredom proneness: the development and correlates of a new scale // Journal of Personality Assessment. 1986. Vol. 50. № 1. P. 4—17. DOI: 10.1207/s15327752jpa5001_2
12. Fazel S., Ramesh T., Hawton K. Suicide in prisons: an international study of prevalence and contributory factors // Lancet Psychiatry. 2017. Vol. 4. № 12. P. 946—952. DOI: 10.1016/S2215-0366(17)30430-3
13. Groeneweg-Koolhoven I., Ploeg M., Comijs H.C., Wjh Pennix B., van der Mast R.C., Shoeners R.A., Rhebergen D., Exel E.V. Apathy in early and late-life depression // Journal of Affective Disorders. 2017. Vol. 223. P. 76—81. DOI: 10.1016/j.jad.2017.07.022
14. Halvorsen A. Solitary confinement of mentally ill prisoners: a national overview and how the ADA can be leveraged to encourage best practices // Southern California Interdisciplinary Law Journal. 2017. Vol. 27. № 1. P. 205—229.
15. Hooper D., Coughlan J., Mullen M.R. Structural equation modeling: guidelines for determining model fit // Electronic Journal of Business Research Methods. 2008. Vol. 6. № 1. P. 53—60. DOI: 10.21427/D7CF7R
16. Krotava I., Todman M. Boredom severity, depression and alcohol consumption in Belarus // Journal of Psychology and Behavioral Science. 2014. Vol. 2. № 1. P. 73—83.

17. Maddzharov E.A. Age-psychological characteristics of inmates // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2016. Vol. 217. P. 92—100. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.02.035
18. Majekodunmi O.E., Obadeji A., Oluwole L.O., Oyelami R.O. Depression in prison population: demographic and clinical predictors // *Journal of Forensic Science and Medicine*. 2017. Vol. 3. № 3. P. 122—127. DOI: 10.4103/jfsm/jfsm_32_16
19. Martin L.A., Neighbors H.W., Griffith D.M. The experience of symptoms of depression in men vs women: analysis of the National Comorbidity Survey Replication // *JAMA Psychiatry*. 2013. Vol. 70. № 10. P. 1100—1106. DOI: 10.1001/jamapsychiatry.2013.1985
20. Martin M.S., Dorken S.K., Simpson A.I.F., McKenzie K., Colman I. The predictive validity of the Depression Hopelessness Suicide screening form for self-harm among prisoners // *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*. 2014. Vol. 25. № 6. P. 733—747. DOI: 10.1080/14789949.2014.955811
21. Marzano L., Hawton K., Rivlin A., Smith E.N., Piper M., Fazel S. Prevention of suicidal behavior in prisons: an overview of initiatives based on a systematic review of research on near-lethal suicide attempts // *Crisis. The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*. 2016. Vol. 37. № 5. P. 323—334. DOI: 10.1027/0227-5910/a000394
22. Mitchell U.A., Ailshire J.A., Brown L.L., Levine M.E., Crimmins E.M. Education and psychosocial functioning among older adults: 4-Year change in sense of control and hopelessness // *Journal of Gerontology: Series B*. 2018. Vol. 73. № 5. P. 849—859. DOI: 10.1093/geronb/gbw031
23. Rutz W., von Knorring L., Pihlgren H., Rihmer Z., Walinder J. Prevention of male suicides: lessons from Gotland study // *Lancet*. 1995. Vol. 345. P. 524. DOI: 10.1016/S0140-6736(95)90622-3
24. Scheyett A., Parker S., Golin C., White B., Davis C.P., Wohl D. HIV-infected prison inmates: depression and implications for release back to communities // *AIDS and Behavior*. 2010. Vol. 14. № 2. P. 300—307. DOI: 10.1007/s10461-008-9443-8
25. Shrestha G., Yadav D.K., Sapkota N., Baral D., Yadav B.K., Chakravartty A., Pokharel P.K. Depression among inmates in a regional prison of eastern Nepal: a cross-sectional study // *BMC Psychiatry*. 2017. Vol. 17. P. 348. DOI: 10.1186/s12888-017-1514-9
26. Struk A.A., Carriere J.S., Cheyne J.A., Danckert J. A Short Boredom Proneness Scale // *Assessment*. 2017. Vol. 24. № 3. P. 346—359. DOI: 10.1177/1073191115609996
27. Tomar S. The psychological effects of incarceration on inmates: can we promote positive emotion in inmates // *Delhi Psychiatry Journal*. 2013. Vol. 16. № 1. P. 66—72.
28. Tucker A.S., Mendez J., Browning S.L., Van Hasselt V.B., Palmer L. Crisis intervention team (CIT) training in the jail/detention setting: a case illustration // *International Journal of Emergency Mental Health*. 2012. Vol. 14. № 3. P. 209—215.
29. Vacca J.S. Educated prisoners are less likely to return to prison // *Journal of Correctional Education*. 2004. Vol. 55. № 4. P. 297—305.
30. Zierau F., Bille A., Rutz W., Bech P. The Gotland Male Depression Scale: a validity study in patients with alcohol use disorder // *Nordic Journal of Psychiatry*. 2002. Vol. 56. № 4. P. 265—271. DOI: 10.1080/08039480260242750

References

1. Avtonomov D.A. Muzhskoi depressivnyi sindrom [Male depressive syndrome]. *Nezavisimost' lichnosti=Independence of the Pperson*, 2014. No. 2, pp. 8—11.

2. Gorbakov A.A. Shkala nadezhdy i beznadezhnosti dlya podrostkov: nekotorye aspekty validnosti [The hope and hopelessness scale for adolescents: some aspects of validity]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie=Psychological Science and Education*, 2002. No. 3, pp. 89—103.
3. Zolotareva A.A. Psikhometricheskii analiz novoi shkaly apatii [Psychometric analysis of a new apathy scale]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki=Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2020. Vol. 17, no. 2, pp. 191—209. DOI: 10.17323/1813-8918-2020-2-191-209
4. Osin E.N., Leont'ev D.A. Differentsial'nyi oprosnik perezhivaniya odinochestva: struktura i svoistva [Differential Loneliness Scale: structure and features]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki=Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 2013. Vol. 10, no. 1, pp. С. 55—81.
5. Beck A.T., Steer R.A. Beck Hopelessness Scale (BHS) manual. Pearson: San Antonio, 1993.
6. Bedaso A., Kediro G., Yeneabat T. Factors associated with depression among prisoners in southern Ethiopia: a cross-sectional study. *BMC Research Notes*, 2018. Vol. 11, p. 637. DOI: 10.1186/s13104-018-3745-3
7. Chang E.C., Chang O.D., Lucas A.G., Li M., Beavan C.B., Eisner R.S., McManamon B.M. et al. Depression, loneliness, and suicide risk among Latino college students: a test of a psychosocial interaction model, *Social Work*, 2019. Vol. 64, no. 1, pp. 51—60. DOI: 10.1093/sw/swy052
8. Coen S.E., Oliffe J.L., Johnson J.L., Kelly M.T. Looking for Mr. PG: masculinities and men's depression in a northern resource-based Canadian community. *Health and Place*, 2013. Vol. 21, pp. 94—101. DOI: 10.1016/j.healthplace.2013.01.011
9. Daigle M.C., Daniel A.E., Dear G.E., Frottier P., Hayes L.M., Kerkhof A., Konrad N., Liebling A., Sarchiapone M. Preventing suicide in prisons, part II: international comparisons of suicide prevention services in correctional facilities. *Crisis. The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*, 2007. Vol. 28, no. 3, pp. 122—130. DOI: 10.1027/0227-5910.28.3.122
10. Dori G.A., Overholser J.C. Depression, hopelessness, and self-esteem: accounting for suicidality in adolescent psychiatric inpatients. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 1999. Vol. 29, no. 4, pp. 309—318.
11. Farmer R., Sundberg N.D. Boredom proneness: the development and correlates of a new scale. *Journal of Personality Assessment*, 1986. Vol. 50, no. 1, pp. 4—17. DOI: 10.1207/s15327752jpa5001_2
12. Fazel S., Ramesh T., Hawton K. Suicide in prisons: an international study of prevalence and contributory factors. *Lancet Psychiatry*, 2017. Vol. 4, no. 12, pp. 946—952. DOI: 10.1016/S2215-0366(17)30430-3
13. Groeneweg-Koolhoven I., Ploeg M., Comijs H.C., Wjh Pennix B., van der Mast R.C., Shoeners R.A., Rhebergen D., Exel E.V. Apathy in early and late-life depression. *Journal of Affective Disorders*, 2017. Vol. 223, pp. 76—81. DOI: 10.1016/j.jad.2017.07.022.
14. Halvorsen A. Solitary confinement of mentally ill prisoners: a national overview and how the ADA can be leveraged to encourage best practices. *Southern California Interdisciplinary Law Journal*, 2017. Vol. 27, no. 1, pp. 205—229.
15. Hooper D., Coughlan J., Mullen M.R. Structural equation modeling: guidelines for determining model fit. *Electronic Journal of Business Research Methods*, 2008. Vol. 6, no. 1, pp. 53—60. DOI: 10.21427/D7CF7R
16. Krotava I., Todman M. Boredom severity, depression and alcohol consumption in Belarus.

Journal of Psychology and Behavioral Science, 2014. Vol. 2, no. 1, pp. 73—83.

17. Maddzharov E.A. Age-psychological characteristics of inmates. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 2016. Vol. 217, pp. 92—100. DOI: 10.1016/j.sbspro.2016.02.035

18. Majekodunmi O.E., Obadeji A., Oluwole L.O., Oyelami R.O. Depression in prison population: demographic and clinical predictors. *Journal of Forensic Science and Medicine*, 2017. Vol. 3, no. 3, pp. 122—127. DOI: 10.4103/jfsm/jfsm_32_16

19. Martin L.A., Neighbors H.W., Griffith D.M. The experience of symptoms of depression in men vs women: analysis of the National Comorbidity Survey Replication. *JAMA Psychiatry*, 2013. Vol. 70, no. 10, pp. 1100—1106. DOI: 10.1001/jamapsychiatry.2013.1985

20. Martin M.S., Dorken S.K., Simpson A.I.F., McKenzie K., Colman I. The predictive validity of the Depression Hopelessness Suicide screening form for self-harm among prisoners. *Journal of Forensic Psychiatry and Psychology*, 2014. Vol. 25, no. 6, pp. 733—747. DOI: 10.1080/14789949.2014.955811

21. Marzano L., Hawton K., Rivlin A., Smith E.N., Piper M., Fazel S. Prevention of suicidal behavior in prisons: an overview of initiatives based on a systematic review of research on near-lethal suicide attempts. *Crisis. The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention*, 2016. Vol. 37, no. 5, pp. 323—334. DOI: 10.1027/0227-5910/a000394

22. Mitchell U.A., Ailshire J.A., Brown L.L., Levine M.E., Crimmins E.M. Education and psychosocial functioning among older adults: 4-Year change in sense of control and hopelessness. *Journal of Gerontology: Series B*, 2018. Vol. 73, no. 5, pp. 849—859. DOI: 10.1093/geronb/gbw031

23. Rutz W., von Knorring L., Pihlgren H., Rihmer Z., Walinder J. Prevention of male suicides: lessons from Gotland study. *Lancet*, 1995. Vol. 345, p. 524. DOI: 10.1016/S0140-6736(95)90622-3

24. Scheyett A., Parker S., Golin C., White B., Davis C.P., Wohl D. HIV-infected prison inmates: depression and implications for release back to communities. *AIDS and Behavior*, 2010. Vol. 14, no. 2, pp. 300—307. DOI: 10.1007/s10461-008-9443-8

25. Shrestha G., Yadav D.K., Sapkota N., Baral D., Yadav B.K., Chakravartty A., Pokharel P.K. Depression among inmates in a regional prison of eastern Nepal: a cross-sectional study. *BMC Psychiatry*, 2017. Vol. 17, p. 348. DOI: 10.1186/s12888-017-1514-9

26. Struk A.A., Carriere J.S., Cheyne J.A., Danckert J. A Short Boredom Proneness Scale. *Assessment*, 2017. Vol. 24, no. 3, pp. 346—359. DOI: 10.1177/1073191115609996

27. Tomar S. The psychological effects of incarceration on inmates: can we promote positive emotion in inmates. *Delhi Psychiatry Journal*, 2013. Vol. 16, no. 1, pp. 66—72.

28. Tucker A.S., Mendez J., Browning S.L., Van Hasselt V.B., Palmer L. Crisis intervention team (CIT) training in the jail/detention setting: a case illustration. *International Journal of Emergency Mental Health*, 2012. Vol. 14, no. 3, pp. 209—215.

29. Vacca J.S. Educated prisoners are less likely to return to prison. *Journal of Correctional Education*, 2004. Vol. 55, no. 4, pp. 297—305.

30. Zierau F., Bille A., Rutz W., Bech P. The Gotland Male Depression Scale: a validity study in patients with alcohol use disorder. *Nordic Journal of Psychiatry*, 2002. Vol. 56, no. 4, pp. 265—271. DOI: 10.1080/08039480260242750

Информация об авторе

Золотарева Алена Анатольевна, кандидат психологических наук, старший преподаватель

Золотарева А.А.

Роль апатии в формировании мужского депрессивного синдрома у заключенных
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 2—13.

Zolotareva A.A.

The Role of Apathy in the Formation of Depression Syndrome in Male Prisoners
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 2—13.

департамента психологии, старший научный сотрудник международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5724-2882>, e-mail: alena.a.zolotareva@gmail.com

Information about the author

Alena A. Zolotareva, PhD in Psychology, Senior Lecturer of the School of Psychology, Senior Research Fellow of the International Laboratory of Positive Psychology of Personality and Motivation, National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5724-2882>, e-mail: alena.a.zolotareva@gmail.com

Получена 13.03.2020

Принята в печать 02.02.2021

Received 13.03.2020

Accepted 02.02.2021

Особенности полового самосознания и межличностного восприятия у лиц, осужденных без лишения свободы за половые преступления

Дворянчиков Н.В.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Шипицын Д.Ю.

Центральная государственная медицинская академия Управления делами Президента Российской Федерации (ФГБУ ДПО ЦГМА), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4649-5603>, e-mail: pentin.shepard2013@yandex.ru

В статье рассматривается специфика половой «Я-концепции» и межличностного восприятия лиц, осужденных за сексуальные правонарушения, отбывающих наказание по закону без лишения свободы. Исследование проводилось с целью выявить структуру сохранных и нарушенных звеньев полового самосознания у данной категории лиц — его соответствия характеристикам, описанным для расстройств влечения. Выборку составили 60 человек; из них 30 на момент исследования состояли на учете в уголовно-исполнительных инспекциях ФСИН за совершение половых преступлений без отбывания реального срока, без зафиксированной психической патологии; 30 — лица, не привлекавшиеся к уголовной ответственности, без зафиксированных психических расстройств. Используются методики «Маскулинность и фемининность», «Возрастная идентичность», «Цветовой тест отношений», «Кодирование». В работе большое внимание уделено качественному анализу ассоциативных образов. В статье показано, что, согласно результатам эмпирического исследования, структура полового самосознания носит аномально-потребностный характер у значительного числа данных осужденных, что создает риски рецидивности. По результатам исследования необходимо выработать рекомендации судебным инстанциям для направления данной категории лиц на судебную экспертизу их психического состояния. Психологам уголовно-исполнительных инспекций рекомендовано внедрить методики на диагностику полового самосознания в повседневную работу для дифференциации осужденных по группе риска.

Ключевые слова: отбывание наказания без лишения свободы, аномальное сексуальное поведение, половое самосознание, возрастная идентичность, межличностное восприятие.

Дворянчиков Н.В., Шипицын Д.Ю.
Особенности полового самосознания и
межличностного восприятия у лиц, осужденных без
лишения свободы за половые преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 14—26.

Dvoryanchikov N.V., Shipitsyn D.Yu.
Specifics of Sexual Self-Concept and Interpersonal
Perception in Convicted Non-Imprisoned Sexual
Offenders
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 14—26.

Для цитаты: *Дворянчиков Н.В., Шипицын Д.Ю.* Особенности полового самосознания и межличностного восприятия у лиц, осужденных без лишения свободы за половые преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 14—26. DOI:10.17759/psylaw.2021110102

Specifics of Sexual Self-Concept and Interpersonal Perception in Convicted Non-Imprisoned Sexual Offenders

Nikolay V. Dvoryanchikov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Dmitriy Y. Shipitsyn

"Central State Medical Academy" of Directorate of the President of the Russian Federation,
Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4649-5603>, e-mail: pentin.shepard2013@yandex.ru

The article considers the specifics of the sexual self-concept and interpersonal perception in individuals convicted of sexual crimes and serving their sentences without legally imposed loss of freedom. The study was aimed at revealing the structure of intact and damaged elements of the sexual self-concept in this category of persons and the correspondence between this self-concept and the properties found in appetite disorders. The sample consisted of 60 persons: 30 of them were registered (at the time of the study) with Penal Enforcement Inspectorates of the Federal Penal Correction Service for committing sexual offences (without loss of freedom) and had no revealed mental pathology, whereas the other 30 persons had neither criminal records nor any revealed mental disorders. The techniques used were "Masculinity and Femininity", "Age Identity", "The Color Relationship Test", "Encoding". The research work had an increased emphasis on the qualitative analysis of associative images. From the results of an empirical study it was shown that the make-up of the sexual self-identity in a large proportion of the convict subjects has the nature of anomalous necessity, which poses the risk of repeated offences. The results of the study suggest the necessity to make recommendations for the judiciary about referral of this category of persons for a forensic examination of their mental condition. The psychologists of penal enforcement inspectorates were recommended to implement the techniques of diagnosing one's sexual self-concept as part of their day-to-day work on differentiating convicts by the risk they pose.

Keywords: serving a sentence without loss of freedom, anomalous sexual behavior, sexual self-concept, age identity, interpersonal perception.

For citation: Dvoryanchikov N.V., Shipitsyn D.Yu. Specifics of Sexual Self-Concept and Interpersonal Perception in Convicted Non-Imprisoned Sexual Offenders. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 14—26. DOI:10.17759/psylaw.2021110102 (In Russ.).

Сексуальные девиации субъективно обнаруживаются личностью уже в сформированном виде, после чего человек проходит путь различной длительности, прежде чем их принять, с ними совладать, либо жестоко «расправиться» [6]. Несмотря на значительные успехи современной психологии и сексологии, до сих пор недостаточно понятно, что же структурно и динамически происходит в период, который предшествует точке осознания аномальной сексуальной потребности, как происходит скрытая закладка фиксированных категорий образа объекта и его компонентов, какие нарушения развития, феномены импринтинга несвоевременны, либо аномально перекрывают друг друга в социальной ситуации развития и способны в итоге запускать сексуальный «триггер» на аномальные объекты — незрелые, старческие, изуродованные (апотемнофильность) и др. Наиболее изучены, безусловно, сексуальные аномалии, имеющие клиничко-юридическое значение, наиболее криминогенные [9; 12; 13; 17].

Однако существуют категории лиц, которым до сих пор не уделялось достаточно внимания в плане оценки структуры их полового самосознания. Одной из них являются осужденные за половые преступления, к которым не применена мера лишения свободы. Формально трудясь на благо общества, они все время проводят вне надзора правоохранительных органов, за исключением тех моментов, когда необходимо прийти по вызову в уголовно-исполнительную инспекцию (УИИ). Несмотря на тенденцию к ужесточению наказаний за половые преступления, их статистика, согласно данным департамента Верховного суда РФ, растет, а реальное число таких преступлений всегда выше. Если за совершенным правонарушением стоит аномально сформированная потребность, то это означает высокий риск рецидива [4]. В этой связи именно лица, осужденные за половые преступления без лишения свободы, потенциально могут нести такую угрозу.

Под категорию «условно» отбывающих наказание за сексуальные правонарушения попадают по закону те лица, чьи правонарушения были не столь тяжки, а жертвы — лица старшего подросткового возраста (14—15 лет). Вместе с тем остается неизвестным, стоит ли за правонарушением формирующаяся парафилия и подросток явился лишь «первой пробой» на пути к еще более незрелому объекту, или сексуальный интерес данной категории осужденных фиксирован в диапазоне недостаточной зрелости объекта (эфебофильность), либо выбор незрелого объекта объясняется иными факторами [18]. Этот вопрос остается по большей части и вне экспертных исследований, так как суды формально не обязаны направлять на экспертизу за половые преступления лиц, чьи жертвы уже достигли 14 лет. К тому же в утвержденный перечень применяемых методик психологов, работающих в УИИ, до сих пор не входят те, которые прицельно диагностируют половое самосознание; нет и методических рекомендаций по их использованию сотрудниками данных структур.

Данные, полученные при исследовании полового самосознания тех осужденных, чьей сферой сексуального интереса становятся исключительно дети допубертатного возраста, нельзя напрямую экстраполировать на половое самосознание категории условно осужденных. Это обусловлено не только разностью условий, применяемых к ним мер —

одни на свободе, другие в колонии, — но и спецификой характеристик жертв. Так, аспекты возрастного самосознания подростка качественно отличаются от детского [14]; подросток уже иначе проходит кризисы доверия [10] в процессе коммуникации, сам проявляет интерес к сексуальным экспериментам, часто со зрелым объектом, желая проверить свой «запас прочности» на жизненном пути [8]. Все это «играет на руку» аномальным когнитивным концепциям [15] половых преступников, влекущихся к недостаточно зрелым объектам, так как становится труднее различить собственную сексуальную проекцию и идентификацию с жертвой от наличия реально подаваемых ею «сексуальных сигналов». Вместе с тем и правовое самосознание старшего подростка уже более зрелое, и он находится в том периоде, когда формируется способность понимать характер и значение совершаемых с ним сексуальных действий, дать им отпор, что требует от преступника, скорее, роли наставника, более изобретательной и brutальной [1]. И все-таки нас в первую очередь интересует юридически значимый аспект — является ли психосексуальная сфера условно отбывающих наказание соответствующей таковой при криминогенных расстройствах половых влечений.

Объект исследования: половое самосознание при девиантном сексуальном поведении.

Предмет исследования: специфика полового самосознания у лиц, осужденных по половым преступлениям без лишения свободы.

Цель исследования: выявить специфику полового самосознания у лиц, осужденных за половые преступления без реального отбывания наказания.

Гипотезы.

1. У группы, совершивших половые преступления без лишения свободы, половое самосознание характеризуется дисгармонично сформированными компонентами половой идентичности, полоролевого поведения, сексуальных предпочтений, с преобладанием нарушений на когнитивном уровне, что обуславливает характерный образы восприятия себя и объекта.
2. У группы, совершивших половые преступления без лишения свободы, половое самосознание характеризуется искажением полоролевых и половозрастных свойств на эмоциональном уровне. Полоролевой конфликт разрешается путем доминирования в отношениях с недостаточно зрелым партнером, что обуславливает соответствующие образы восприятия себя и объекта.

Характеристики выборки

Исследование проводилось на двух группах по 30 человек в каждой. Первую (основную) группу составили мужчины, осужденные за половые преступления и отбывающие наказание без лишения свободы. Данные лица регулярно посещают филиалы Уголовно-исполнительной инспекции по городу Москве, основное время проводят на свободе. Возраст испытуемых от 19 до 45 лет. Вторую (контрольную) группу составили мужчины, условно отнесенные к норме. Данные испытуемые не имели зарегистрированных психических расстройств, судимостей по уголовным статьям в прошлом. Возраст испытуемых 18—43 года.

Методики исследования

Методики: «МиФ» (модифицированный перечень С. Бем) — позволяет выявить пропорцию маскулинности и фемининности в звеньях половой «Я-концепции», конфликтные стороны полового самосознания [3, 16]; «ВИД» (возрастная идентичность) —

методика позволяет более дифференцированно исследовать возрастное самосознание, онтогенетически связанное с половой идентичностью; «ЦТО» (цветовой тест отношений) — методика позволяет вскрыть эмоционально-смысловой уровень половозрастной «Я-концепции»; «Кодирование» (модифицированный «проективный перечень» З. Старовича) — помогает выявить ассоциированный образ восприятия себя и объекта коммуникации не только на уровне значений и личностных смыслов, но и на уровне эксплицитированных символов [11].

Статистический анализ результатов проводился для методик «МиФ» и «ВИД» по критерию Манна—Уитни, для методик «ЦТО» и «Кодирование» — по критерию χ^2 Пирсона.

Результаты исследования

Пропорции маскулинности и фемининности (методика «МиФ») в значимых показателях основной и контрольной групп: «я реальный—я идеальный» ($p < 0,05$), «я реальный — мужчина должен быть» ($p < 0,01$), «я идеальный — мужчина должен быть» ($p < 0,05$), «я идеальный — мужчины считают, что я» ($p < 0,05$), «я идеальный — женщины считают, что я.....» ($p < 0,05$), «я реальный — реальный сексуальный партнер» ($p < 0,05$). При сравнении основной и контрольной групп отдельно по показателю маскулинности: «я реальный» ($p < 0,01$), «реальный сексуальный партнер» ($p < 0,05$), «идеальный сексуальный партнер» ($p < 0,01$), «женщины считают, что я» ($p < 0,01$), «женщина должна быть» ($p < 0,01$). При сравнении основной и контрольной групп отдельно по показателю фемининности: «мужчины считают, что я» ($p < 0,01$), «реальный сексуальный партнер» ($p < 0,01$), «идеальный сексуальный партнер» ($p < 0,01$), женщины считают, что я» ($p < 0,01$). Средние показатели по группам представлены на рис. 1 и 2 соответственно.

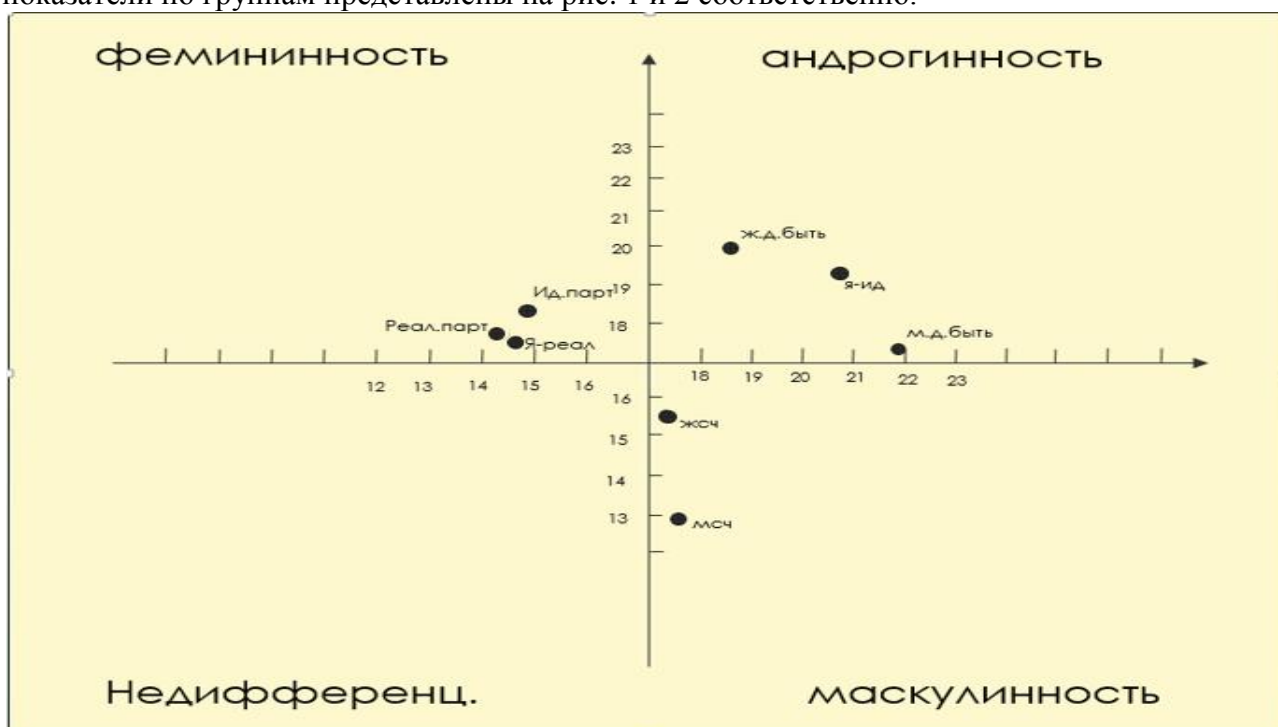

Рис. 1. Распределение средних значений по методике «МиФ» основной группы

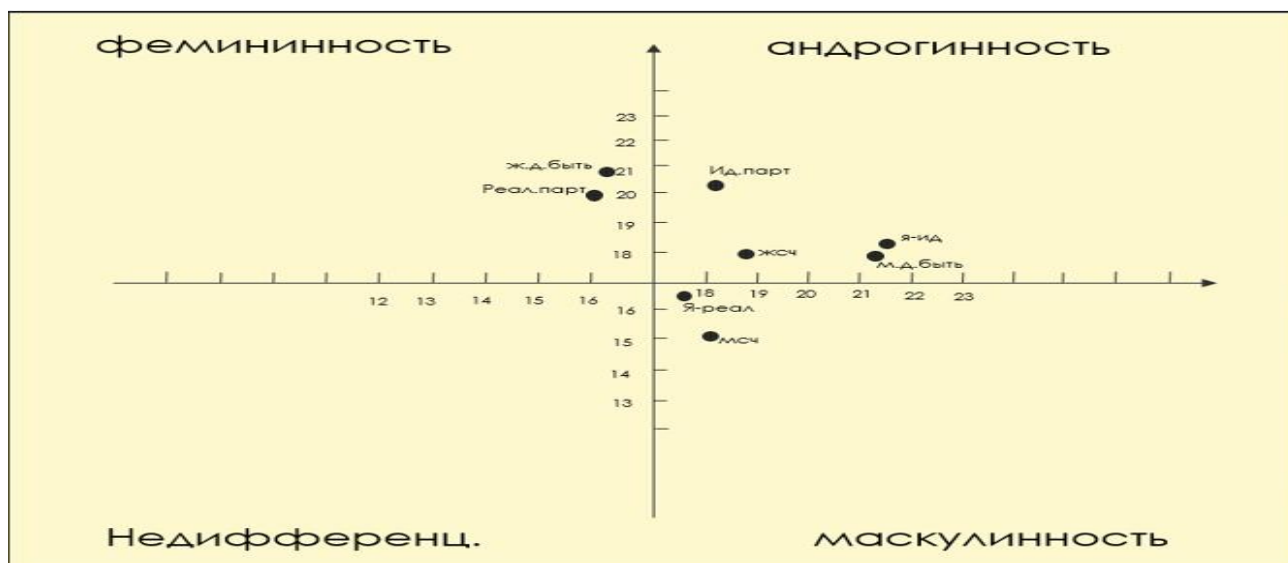

Рис. 2. Распределение средних значений по методике «МиФ» контрольной группы

Характеристики возрастной «Я-концепции» (методика «ВИД») в значимых показателях основной и контрольной групп: «женщина должна быть — идеальный сексуальный партнер» ($p < 0,05$), «ребенок должен быть — на самом деле ребенок» ($p < 0,05$), «я идеальный — на самом деле ребенок» ($p < 0,01$), «я идеальный — ребенок должен быть» ($p < 0,01$), «я реальный — на самом деле взрослый» ($p < 0,01$), «я реальный — на самом деле ребенок» ($p < 0,01$), «я реальный — ребенок должен быть», «мужчина должен быть — идеальный партнер» ($p < 0,05$). При сравнении основной и контрольной групп отдельно по показателю взрослости: «я реальный» ($p < 0,01$), «я идеальный» ($p < 0,01$), «реальный сексуальный партнер» ($p < 0,01$), «идеальный сексуальный партнер» ($p < 0,01$), «ребенок должен быть» ($p < 0,05$), «на самом деле взрослый» ($p < 0,01$), «мужчины считают, что я» ($p < 0,05$). При сравнении основной и контрольной групп отдельно по показателю инфантильности: «я реальный» ($p < 0,01$), «я идеальный» ($p < 0,01$), «реальный сексуальный партнер» ($p < 0,01$), «идеальный сексуальный партнер» ($p < 0,05$), «мужчины считают, что я» ($p < 0,05$), «на самом деле ребенок» ($p < 0,01$), «на самом деле взрослый» ($p < 0,05$). Средние показатели по группам представлены на рис. 3 и 4 соответственно.

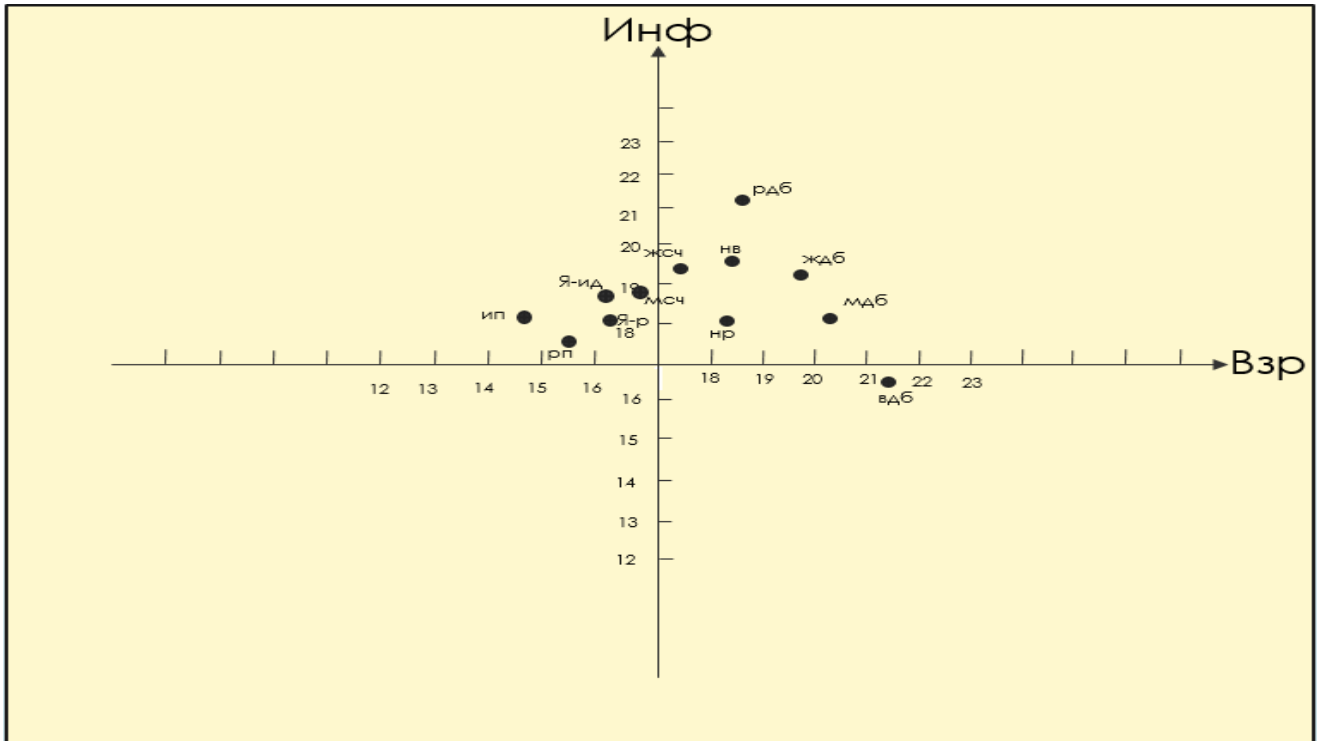

Рис. 3. Распределение средних значений по методике «ВИД» основной группы

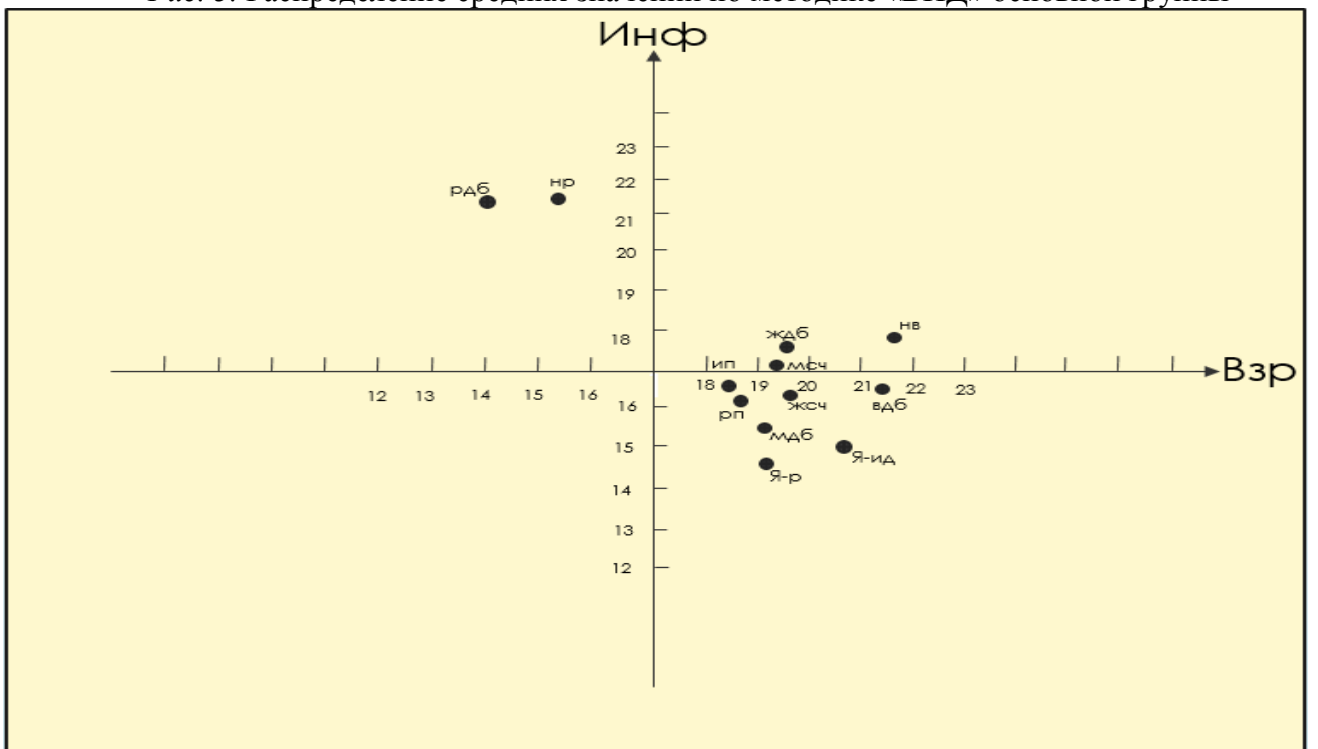

Рис. 4. Распределение средних значений по методике «ВИД» контрольной группы

Для представителей основной группы значимыми оказались эмоционально-смысловые

связки (методика «ЦТО»): «я—мальчик» ($p < 0,01$), «я—ребенок» ($p < 0,05$), «я—женщина» ($p < 0,01$), «я—одиночество» ($p < 0,01$), «я идеал—женщина» ($p < 0,01$), «ребенок—идеальный сексуальный партнер» ($p < 0,01$), «ребенок—испуг» ($p < 0,05$), «ребенок—риск» ($p < 0,05$), «ребенок—опасность» ($p < 0,01$), ребенок—тревога ($p < 0,05$), «отец—стыд» ($p < 0,01$), «отец—неприятный человек» ($p < 0,01$), «женщина—неуспех» ($p < 0,01$). Не характерными ($p > 0,05$) оказались связки: «я—мужчина», «ребенок—спокойствие». Для контрольной группы выделены следующие значимые эмоционально—смысловые связки: я—мужчина ($p < 0,01$), «женщина—тепло» ($p < 0,01$), я—отец ($p < 0,05$), женщина—идеальный сексуальный партнер ($p < 0,01$). Не характерными ($p > 0,05$) оказались связки: «я—ребенок», «отец—стыд», «я—мальчик», «я женщина», «я идеал—женщина», «ребенок—риск», «ребенок—тревога», «ребенок—опасность».

Среди характеристик самовосприятия в ассоциированных образах отмечены значимые пересечения (методика «кодирование») образа Я и образа ребенка ($p < 0,05$), фемининность образа Я ($p < 0,05$), феномен зависимого Я от внешнего мира ($p < 0,05$). Характеристики восприятия объекта: наличие признаков взрослости в образе ребенка ($p < 0,05$), деперсонализация образа ребенка ($p < 0,05$), амбивалентное восприятие образа женщин ($p < 0,05$). У контрольной группы значимые частоты выявлены по характеристикам: пересечения «Я»-«мужчина» ($p < 0,01$), позитивное восприятие образа мужчины ($p < 0,01$), позитивное восприятие женщин ($p < 0,05$). Кроме того, множество образов ребенка содержат коитальную символику и символику дефлорации, характерную для нашей культуральной среды.

Обсуждение результатов

В целом, у представителей основной группы половая идентичность характеризуется низкой маскулинностью и повышенной фемининностью, что сдвигает характеристику «Я-реального» в фемининный квадрат, и указывает на наличие нарушения полоролевой идентичности на когнитивном уровне. Показатели образа «Я-идеальное» близки у обеих групп и находятся в андрогинном квадрате. Значимая разница в расстояниях между «Я-реальное» и «Я-идеальное» между группами указывает на наличие внутриличностного конфликта в половой сфере у испытуемых основной группы. Представления о том, каким должен быть мужчина у лиц обеих групп схожи и в целом нормативны. Однако наличие значимой разницы между показателями «Я-идеальное» и «мужчина должен быть» у представителей основной группы, в сравнении с контрольной, указывает на то, что лица основной группы не стремятся вести себя согласно маскулинному полоролевому стереотипу [19]. Наличие большого расстояния в показателях «Я-идеальное» и «мужчины считают, что я» между группами указывает на то, что представители основной группы демонстрируют менее маскулинное поведение при коммуникации с мужчинами. Это свидетельствует о том, что мужчины как группа не оказывают влияния на их поведение, не являются значимыми в плане социокультурного образца. То есть у представителей основной группы имеется нарушение интериоризации мужской половой роли. Недостаточно маскулинное поведение демонстрируется и женщинам. Предпочтение отдается сексуальным партнерам близким по характеристикам маскулинности и фемининности к их собственным. Близость «Я-реального» и «идеальный сексуальный партнер» характеризует тождественность идентичности представителей основной группы с их жертвами, так как низкомаскулинный, либо недостаточно дифференцированный по гендерным качествам сексуальный партнер способствует стабилизации их образа Я.

Показатели «я-реальный» по возрастной идентичности у представителей обеих групп, лежат в диаметрально противоположных квадратах. Испытуемые основной группы демонстрируют значительное снижение данного показателя по шкале взрослости и его скачок вверх по шкале инфантилизма. Это говорит о том, что инфантильные структуры в процессе развития представлений о себе так и не уступили место более зрелым, либо у данных испытуемых происходит возврат к более ранним стадиям возрастной «Я-концепции», а относительная граница взросления легко проницаема в отношении механизмов регрессии. Выявлено сближение возрастной идентичности с идентичностью жертвы, что также объясняется потребностью в стабилизации собственного Я, но по возрастному критерию. Образ «Я-идеальное» близок к «Я-реальное», и находятся в квадрате, характеризуемом повышенным инфантилизмом и сниженной зрелостью, что указывает на несформированность внутренней мотивации становиться более зрелым. Испытуемым основной группы свойственно представлять мужчин более инфантильными. Данное искажение снимает возможность внутриличностного конфликта — стремление в идеале стать взрослым, поскольку, даже если «Я-идеальное» совпадет с идеалом взрослости, по сути, оно будет инфантильным. В то же время образ ребенка на когнитивном уровне наделяется взрослыми чертами, незрелые лица становятся референтной группой. Характер поведения с представителями противоположного пола у данных лиц еще более инфантильный, чем с мужчинами. Желаемый сексуальный партнер у лиц основной группы характеризуется повышенным инфантилизмом, сниженной зрелостью и является истинным стимулом, запускающим триггер сексуального поведения.

Как видно из результатов анализа, для представителей основной группы на эмоционально-смысловом уровне характерна связь «я» — «ребенок», «я» — «мальчик», имеется связь «я» — «женщина», при отсутствии связки «я» — «мужчина», что указывает на сдвиг характеристик половозрастной идентичности в сторону фемининности и незрелости. Кроме того, выявлена связка «я-идеал» и «женщина», указывающее на то, что и в структуре потребностей отсутствует стремления стать ближе к маскулинному образцу. Связка «ребенок — идеальный сексуальный партнер» указывает на потребность в еще более инфантильном объекте на эмоциональном уровне. Наличие связи «женщина» — «неуспех», вероятно, свидетельствует наличии неудачного опыта коммуникации с представителями женского пола.

Отдельным и неожиданным феноменом оказалось для нас наличие связок «ребенок — опасность», «ребенок» — «тревога», «ребенок» — «риск» при наличии значимой связки «ребенок» — «идеальный сексуальный партнер» в методике «ЦТО» у основной группы. Данный результат, на первый взгляд, противоречит данным Л. Демидовой, полученным в ее исследовании [5], где у лиц с расстройством влечения ребенок ассоциируется со «спокойствием», «весельем», «безопасностью». Однако в данном случае мы, вероятно, имеем дело с феноменом, специфичным для осужденных без лишения свободы, — в отличие от лиц, находящихся в колонии им есть что терять, и цена ошибки, связанной с повторным противоправным поведением, в их сознании велика, на что указывают и данные беседы с ними. Если это так, то феномен повышенного ощущения тревоги, риска, небезопасности у условно осужденных за половые преступления может быть ингибирующим фактором [7], мешающим реализации аномальной половой активности. Тем не менее, данная позиция требует дальнейших исследований и подтверждений.

Оценка ассоциативных образов по методике «Кодирование» у представителей основной группы показала наличие фемининности, иногда андрогинности образа Я (например, «Я — летучая мышь»), инфантильности (например, «Я — Питер Пен»); при этом отмечена деперсонализации образа ребенка. Множество детских образов наполнено коитальными символами («укус волка», «охота на зайца»), связанными со зрелой сексуальностью, символикой дефлорации («сломанный цветок», «поение коня», «топтанье конем чего-то...») [2]. Множество детских образов связываются с символами перехода, возрастной инициации («дверь», «ключ», «лестница»), что свидетельствует о значимости для испытуемых контрольной группы сексуального объекта именно на возрастном этапе перехода от детства к взрослости, т. е. в подростковом периоде. Это говорит также о том, что потенциал методики «кодирование» далеко не исчерпан и требует дальнейших методологических разработок, более тонкой квантификации фиксируемых показателей.

Таким образом, по результатам исследования мы приняли первую гипотезу и отвергли вторую.

Выводы

1. Психосексуальная сфера лиц, осужденных за половые преступления без лишения свободы характеризуется дисгармонично сформированными звеньями «Я-концепции». Полоролевая идентичность данных лиц низкомаскулинна и высокофемининна. Мужская группа не является для них референтной. Выявлены недостаточная интериоризация мужской половой роли, дефицит мужского полоролевого поведения. Идентичность испытуемых основной группы и характеристика предпочитаемого сексуального объекта приближены друг к другу, что объясняется потребностью в стабилизации собственного Я.
2. Испытуемые основной группы наделяют образ ребенка более взрослыми чертами, при этом собственная возрастная идентичность недостаточно зрелая. На эмоциональном уровне выявляется связь «я—ребенок», «я—женщина», при отсутствии эмоциональной связи с образом «мужчины», «отца». Реальный сексуальный партнер выраженно инфантилен и маломаскулинен, однако эмоционально предпочтительным является еще более инфантильный сексуальный партнер. Группа взрослых как категория в представлениях испытуемых обнаруживает недостаточную зрелость, при этом эмоционально малозначима.
3. Половая «Я-концепция» определяет межличностное восприятие данных лиц. Образы ребенка при восприятии нагружены взрослой сексуальностью, при этом прослеживаются феномены деперсонифицированного отношения к нему. Вместе с тем образ желаемого сексуального партнера эмоционально сопряжен с переживанием тревоги, опасности, риска. В целом, половая сфера данных лиц фрустрирована, испытуемые ощущают себя одинокими. При этом образ женщины характеризуется амбивалентными чертами, их восприятие эмоционально сопряжено с переживанием неуспеха.
4. Структура полового самосознания лиц основной группы указывает на потребностный характер аномального сексуального поведения. Вместе с тем данная категория лиц фактически не направляется судами на экспертные исследования. Необходимо выработать рекомендации юридическим инстанциям, в связи с потребностью в диагностике психологического состояния данных лиц в рамках экспертиз; внедрить методики на диагностику полового самосознания в деятельность психологов Уголовно-исполнительных инспекций.

Дворянчиков Н.В., Шипицын Д.Ю.
Особенности полового самосознания и
межличностного восприятия у лиц, осужденных без
лишения свободы за половые преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 14—26.

Dvoryanchikov N.V., Shipitsyn D.Yu.
Specifics of Sexual Self-Concept and Interpersonal
Perception in Convicted Non-Imprisoned Sexual
Offenders
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 14—26.

Литература

1. Васильченко Г.С., Агаркова Т.Е., Агарков С.Т. Сексопатология: справочник. М.: Медицина, 1990. 576 с.
2. Гура А. В. Брак и свадьба в славянской народной культуре: Семантика и символика. М.: Индрик, 2012. 936 с.
3. Дворянчиков Н.В., Носов С.С., Саламова Д.К. Половое самосознание и методы его диагностики: учеб. пособие. М.: Флинта, 2011. 216 с.
4. Дворянчиков Н.В. Полоролевая идентичность у лиц с девиантным сексуальным поведением: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.04. М., 1998.
5. Демидова Л.Ю., Зобнина Н.В., Дворянчиков Н.В., Введенский Г.Е., Каменсков М.Ю., Купцова Д.М. Измененное восприятие возраста при педофилии / педофильном расстройстве // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 1. С. 104—120.
6. Имелинский К.И. Сексология и сексопатология. М.: Медицина, 1986. 420 с.
7. Калашникова А.С., Дворянчиков Н.В., Василенко Т.Г. Обзор исследований по проблеме ингибиторов агрессии (Часть 1) // Психология и право. 2014. № 1.
8. Кон И.С. Открытие «Я». М.: Политиздат, 1978. 367 с.
9. Радченко Н.А. Клинико-социальная характеристика и судебно-психиатрическая оценка лиц, совершивших противоправные сексуальные действия в отношении несовершеннолетних: дисс. ... канд. мед. наук: 14.00.18. М., 2002.
10. Скрипкина Т.П. Психология доверия: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2000. 264 с.
11. Старович З. Судебная сексология. М.: Юридическая литература, 1991. 175 с.
12. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: Медицина, 2001. 560 с.
13. Ткаченко А. А., Введенский Г. Е. Патогенетические модели парафилий // Аномальное сексуальное поведение. М.: Редакционно-издательский отдел ГНЦССП имени В.П. Сербского, 1997. 426 с.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
15. Abel G.G., Gore D.K., Holland C.L., Camp N. et al. The measurement of the cognitive distortions of child molesters // Annals of Sex Research. 1989. № 2. P. 135—152.
16. Bem Sandra L. Bem Sex-Role Inventory: professional manual // Consulting Psychologists Press. 1981. № 1. P. 37.
17. Fisher D., Beech A., Browne K. Comparison of sex offenders to nonoffenders on selected psychological measures // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology. 1999. № 43. P. 473—491.
18. Freund K., Kuban M. Toward a testable developmental model of pedophilia: The development of erotic age preference // Child Abuse & Neglect. 1993. № 17. P. 315—324.
19. Heibrun A. Human sex-role behavior. N.Y.: Pergamon Press, 1981. 167 p.

References

1. Vasil'chenko G.S., Agarkova T.E., Agarkov S.T. Seksopatologiya: spravochnik. Moscow: Meditsina, 1990. 576 p.

Дворянчиков Н.В., Шипицын Д.Ю.
Особенности полового самосознания и
межличностного восприятия у лиц, осужденных без
лишения свободы за половые преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 14—26.

Dvoryanchikov N.V., Shipitsyn D.Yu.
Specifics of Sexual Self-Concept and Interpersonal
Perception in Convicted Non-Imprisoned Sexual
Offenders
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 14—26.

2. Gura A. V. Brak i svad'ba v slavyanskoj narodnoj kul'ture: Semantika i simbolika. Moscow: Indrik, 2012. 936 p.
3. Dvorjanchikov N.V., Nosov S.S., Salamova D.K. Polovoe samosoznanie i metody ego diagnostiki: uchebnoe posobie. Moscow: Flinta, 2011. 216 p.
4. Dvoryanchikov N.V. Polorolevaya identichnost' u lic s deviantnym seksual'nym povedeniem: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk: 19.00.04. Moscow, 1998
5. Demidova L.Yu., Zobnina N.V., Dvoryanchikov N.V., Vvedenskij G.E., Kamenskov M.Yu., Kupcova D.M. Izmenennoe vospriyatie vozrasta pri pedofilii / pedofil'nom rasstrojstve // Klinicheskaya i special'naya psikhologiya. 2020. Vol. 9, no. 1. pp. 104—120.
6. Imelinskij K.I. Seksologiya i seksopatologiya. Moscow: Medicina, 1986. 420 p.
7. Kalashnikova A.S., Dvoryanchikov N.V., Vasilenko T.G. Obzor issledovanij po probleme inhibitorov agressii (Chast' 1) // Psikhologiya i pravo, 2014, no. 1.
8. Kon I.S. Otkrytie "Ya". Moscow: Politizdat, 1978. 367 p.
9. Radchenko N.A. Kliniko-social'naya kharakteristika i sudebno- psixiatricheskaya ocenka lic, sovershivshikh protivopravnye seksual'nye dejstviya v otnoshenii nesovershennoletnikh: dis. ... kand. med. nauk: 14.00.18. Moscow., 2002.
10. Skripkina T.P. Psikhologiya doveriya: uchebnoe posobie dlya vysshikh uchebnykh zavedenij. Moscow: Akademiya, 2000. 264 p.
11. Starovich Z. Sudebnaya seksologiya. Moscow: Yuridicheskaya literatura, 1991. 175 p.
12. Tkachenko A.A., Vvedenskij G.E., Dvoryanchikov N.V. Sudebnaya seksologiya. Moscow: Medicina, 2001. 560 p.
13. Tkachenko A. A., Vvedenskij G. E. Patogeneticheskie modeli parafilij // Anomal'noe seksual'noe povedenie. Moscow: Redakcionno-izdatel'skij otdel GNCSSP im. V. P. Serbskogo, 1997. 426 p.
14. Ehrikson Eh. Identichnost': yunost' i krizis. Moscow: Progress, 1996. 344 p.
15. Abel G.G., Gore D.K., Holland C.L., Camp N. et al. The measurement of the cognitive distortions of child molesters // Annals of Sex Research, 1989, no. 2, pp. 135-152.
16. Bem Sandra L. Bem Sex-Role Inventory: professional manual // Consulting Psychologists Press, 1981, no. 1, p. 37.
17. Fisher D., Beech A., Browne K. Comparison of sex offenders to nonoffenders on selected psychological measures // International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology, 1999, no. 43, pp. 473-491.
18. Freund K., Kuban M. Toward a testable developmental model of pedophilia: The development of erotic age preference // Child Abuse & Neglect, 1993, no. 17, pp. 315—324.
19. Heibrun A. Human sex-role behavior. New York: Pergamon Press, 1981. 167 p.

Информация об авторах

Дворянчиков Николай Викторович, кандидат психологических наук, декан факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Шипицын Дмитрий Юрьевич, преподаватель, Центральная государственная медицинская академия» Управления делами Президента Российской Федерации (ФГБУ ДПО ЦГМА), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail:

Дворянчиков Н.В., Шипицын Д.Ю.
Особенности полового самосознания и
межличностного восприятия у лиц, осужденных без
лишения свободы за половые преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 14—26.

Dvoryanchikov N.V., Shipitsyn D.Yu.
Specifics of Sexual Self-Concept and Interpersonal
Perception in Convicted Non-Imprisoned Sexual
Offenders
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 14—26.

pentin.shepard2013@yandex.ru

Information about the authors

Nikolay V. Dvoryanchikov, PhD in Psychology, Dean of the Faculty of Legal and Forensic Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: dvorian@gmail.com

Dmitriy Y. Shipitsyn, Lecturer in Psychology, "Central State Medical Academy" of Directorate of the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1462-5469>, e-mail: pentin.shepard2013@yandex.ru

Получена 15.10.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 15.10.2020
Accepted 02.02.2021

Взаимосвязь психологического восприятия осужденными амнистии с уровнем рецидивной преступности

Бабаян С.Л.

Российский государственный университет правосудия (ФГБОУ ВО РГУП),
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний
(ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>, e-mail: bsl09@mail.ru

Кранчатова И.Н.

Российский государственный гуманитарный университет (ФГБОУ ВО РГГУ),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1163-6720>, e-mail: crimlaw2007@yandex.ru

Кохман Д.В.

Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний
(ФКОУ ВО Университет ФСИН России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-3894>, e-mail: kokhman2013@yandex.ru

Данная статья посвящена исследованию рецидивной преступности амнистированных лиц в России во взаимосвязи с психологическим восприятием осужденными амнистии. Указываются особенности правовой природы института амнистии в сравнении с другими институтами досрочного освобождения. Предложена авторская методика изучения повторной преступности амнистированных лиц с целью определения ее коэффициента. Проанализированы личностные характеристики амнистированных, имеющие значение для предотвращения освобождения осужденных, склонных к делинквентному поведению. Раскрываются проблемы нарушения прав потерпевших, пострадавших от преступлений лиц, подлежащих амнистированию. Разработаны меры, направленные на снижение масштабов негативных социальных последствий применения амнистии с учетом ее правовой природы. Сделан вывод о том, что в качестве одной из причин негативных социальных последствий применения амнистии можно назвать искаженное восприятие осужденными ее целей, а также низкую воспитательно-мотивационную составляющую отдельных актов об амнистии.

Ключевые слова: амнистия, восприятие, перцепция, досрочное освобождение, социальные последствия, рецидив.

Для цитаты: Бабаян С.Л., Кранчатова И.Н., Кохман Д.В. Взаимосвязь психологического восприятия осужденными амнистии с уровнем рецидивной преступности [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 27—36. DOI:10.17759/psylaw.2021110103

Бабаян С.Л., Крпчатова И.Н., Кохман Д.В.
Взаимосвязь психологического восприятия
осужденными амнистии с негативными социальными
последствиями ее применения
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 27—36.

Babayan S.L., Krapchatova I.N., Kokhman D.V.
Correlation Between Convicts' Psychological Perception
of Amnesty and the Rate of Recidivism
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 27—36.

Correlation Between Convicts' Psychological Perception of Amnesty and the Rate of Recidivism

Sergey L. Babayan

Russian State University of Justice, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>, e-mail: bsl09@mail.ru

Irina N. Krapchatova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1163-6720>, e-mail: crimlaw2007@yandex.ru

Dmitry V. Kokhman

Federal Penitentiary Service University of Russia, St. Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-3894>, e-mail: kokhman2013@yandex.ru

This article deals with recidivism of amnestied persons in Russia in conjunction with convicts' psychological perception of amnesty. We identify the specifics of legal nature of amnesty in comparison to other forms of early release. The authorial method of studying the recidivism of pardoned persons is suggested in view of calculating its factor. In the article we analyze the personality characteristics of amnestied persons bearing relevance to non-release of the convicts who are prone to delinquent behavior. We cover the problem of violation of rights of people affected by the crimes of persons who are subject to an amnesty. Measures have been developed to lower the scale of negative impact of amnesty on the society while taking into account its legal nature. It was concluded that one of the reasons of negative social implications of granting an amnesty can be misperception of its goals on the part of convicted persons as well as low educational and motivational value of certain amnesty acts.

Key words: amnesty, perception, early release, social implications, recidivism.

For citation: Babayan S.L., Krapchatova I.N., Kokhman D.V. Correlation Between Convicts' Psychological Perception of Amnesty and the Rate of Recidivism. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 27—36. DOI:10.17759/psylaw. 2021110103 (In Russ.).

Введение

Амнистии применяются во многих странах, но Россию можно назвать лидером мирового сообщества по использованию данного правового феномена. За всю свою непродолжительную историю нижняя палата Парламента Российской Федерации 19 раз прибегала к изданию актов об амнистии. Однако, кроме воплощения гуманистических начал, достижения при помощи амнистий социальных, экономических и политических целей, они несут в себе негативные последствия для общества и государства [7]. Об этой проблеме говорят президент Российской криминологической ассоциации А.И. Долгова и другие видные представители криминологической науки в своем заключении, представленном на один из проектов амнистии [4]. В то же время из истории российского государства известны примеры явно неудачных амнистий, наиболее яркими из которых

стали мартовские амнистии 1917 г., объявленные Временным правительством [13], а также амнистия 1953 г., принятая указом Президиума Верховного Совета СССР [10]. Одним из главных негативных для общества последствий издания амнистий всегда называют повторную преступность. Зачастую, исходя из содержания проекта амнистии, затруднительно спрогнозировать масштабы рецидивной преступности лиц, освобожденных в связи с ее изданием. Можно предположить, что одной из причин совершения такими лицами повторных преступлений является несоответствие системы представлений личности об амнистии как правовом явлении.

Методология исследования

Диалектический метод познания позволил обеспечить объективность и полноту изучаемых явлений, в частности, проблем восприятия осужденными амнистии во взаимосвязи с уровнем повторной преступности. В ходе исследования применялись общенаучные методы познания: анализа и синтеза, индукции и дедукции, сравнения, абстрагирования, обобщения. Для изучения количественных показателей рецидива амнистированных лиц и изучения мнения сотрудников уголовно-исполнительной системы о том, как осужденные воспринимают амнистию, использовались статистические методы. Для получения интересующих нас личностных признаков амнистированных лиц применялся метод анализа документов (осуществлялась выборка личных дел осужденных, освобожденных по амнистии, путем простого отбора с помощью регулярной процедуры).

Результаты

Восприятие можно определить, как процесс отражения в сознании человека предметов и явлений окружающей действительности путем воздействия раздражителя на его органы чувств, при непосредственном участии других психических явлений (например, памяти, мышления, эмоций), определяемых конкретно сложившимися условиями.

Амнистия — это юридическое явление, заключающиеся в праве высших органов государственной власти издавать акты, которые позволяют, не изменяя действующего уголовного закона и не ставя под сомнение правомерность и обоснованность конкретных обвинительных приговоров, полностью или частично освобождать неопределенный круг лиц от отбывания наказания, а также освобождать от последствий наказания — судимости.

Осужденные в основной своей массе желают освободиться от отбывания наказания. Причем это в равной степени относится как к лицам, совершившим преступление впервые, так и к «закоренелым» преступникам (привычный тип). Безусловно, более всего желают избавиться от бремени наказания, осужденные к лишению свободы, так как они существенно поражены в своих правах. Для лиц, лишенных свободы, материальные потребности преобладают над духовными, а способы, направленные на удовлетворение этих потребностей, часто носят безнравственный, аморальный и извращенный характер. У многих из этих лиц ослаблена эмоционально-волевая сфера, снижен самоконтроль, в результате чего появляется зависимость от эгоистических потребностей, среди которых есть квазипотребности (употребление алкоголя, наркотиков, психотропных веществ). С другой стороны, изменение ценностных ориентаций приводит к отсутствию потребности в физическом развитии и труде, желании завести семью или поддерживать социально-полезные связи; осужденные могут видеть в родственниках только дополнительную возможность получения материальных благ. Ведущей остается потребность быть свободными [11].

Несмотря на это, далеко не все осужденные проявляют стремление к досрочному освобождению от отбывания наказания и на это есть несколько причин. Одной из основных причин является то, что многие основания освобождения от отбывания наказания,

установленные российским законодательством, требуют от осужденных проявления усилий для достижения намеченной цели. Так, при рассмотрении вопроса об условно-досрочном освобождении либо о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания или помиловании учитывается факт возмещения вреда, причиненного действиями виновного, его поведение в период отбывания наказания, участие в воспитательных мероприятиях, отношение к учебе и труду, наличие у него поощрений и взысканий.

Также нельзя исключать субъективизма при подготовке и оценке характеризующих осужденного материалов, что в итоге влияет на принятие решения о досрочном освобождении. М.Г. Дебольский справедливо отмечает: «Недостаточно мотивированные отказы в условно-досрочном освобождении у многих осужденных вызывают фрустрацию, дополнительный психологический стресс, напряжение, недоверие к администрации учреждения, суду» [3, с. 37].

Другой причиной выступает полная адаптация некоторых осужденных к условиям исправительного учреждения. Такие осужденные, как указывают в своей работе М.В. Киселев и М.В. Прохорова, проявляют гипертрофированное, «потребительское» отношение к наказанию. Материально-бытовые условия, в которых эта категория лиц проживала до момента осуждения, были значительно хуже условий, созданных в местах принудительного содержания. Наличие подобного дисбаланса приводит к восприятию наказания не как кары, а как возможности продолжить свое существование в комфортной обстановке [6].

Институт амнистии принципиально отличается от других правовых институтов досрочного освобождения от отбывания наказания. Ключевое отличие — это массовость освобождения, достигаемая путем указания в акте, оформляющем амнистию, определенного набора социально-демографических, уголовно-правовых и уголовно-исполнительных признаков личности, при соответствии которым осужденный подлежит безоговорочному освобождению. То есть акты об амнистии, за некоторым исключением, не требуют от осужденных проявления действий, свидетельствующих об их исправлении.

Указанные особенности снижают воспитательно-мотивационную составляющую амнистии и приводят к освобождению лиц, как желающих оказаться на свободе, так и не желающих. Если проанализировать цели издания амнистий, то они также не соответствуют современной концепции исправления осужденных и не стимулируют их правопослушное поведение. Как правило, в актах об амнистии указывается цель гуманизма, они приурочиваются к знаковым событиям и датам, но, по сути, они являются политическим инструментом для освобождения от наказания неопределенного круга лиц. В связи с этим можно не согласиться с позицией, высказываемой в настоящее время правозащитниками, общественными и политическими деятелями о необходимости принять акт об амнистии к юбилею Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. или в связи с пандемией нового вирусного заболевания COVID-19.

Особенно отрицательно на психологическое восприятие осужденными амнистии влияет нивелирование обязанности возместить вред, причиненный их делинквентным поведением. Формирование у осужденных уважительного отношения к возмещению ущерба, причиненного преступлением, направлено на исправительное воздействие в период отбывания ими наказания [1]. Только проявление высокого уровня эмпатии к жертвам преступного посягательства способно привести виновное лицо к правильному осознанию предоставленного права освободиться от наказания досрочно.

Перед сотрудниками исправительных учреждений и сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций, преимущественно принимавших участие в реализации актов об амнистии, был поставлен вопрос: «Как, по Вашему мнению, осужденные воспринимают амнистию?». 55,3% и 49,7% соответственно отметили, что осужденные воспринимают

амнистию как счастливое стечение обстоятельств; 25,6% и 34,3% — как должное, их обязаны освободить; 10,6% и 10,7% — как доверие государства и предоставленный шанс исправиться; 8,5% и 4,3% — как условно-досрочное освобождение. Таким образом, основная часть осужденных не воспринимают амнистию как предоставленный государством и обществом шанс исправиться и даже не отождествляют ее с другими видами досрочного освобождения. Они не стремятся загладить вред, причиненный преступлением, безразлично относятся к потерпевшим и довольно часто, надеясь вновь избежать наказания, совершают повторные преступления.

Показатели повторной преступности лиц, освобожденных в связи с изданием акта об амнистии, невозможно проанализировать ввиду отсутствия специальной государственной статистики. Некоторое представление о состоянии и динамике рецидивной преступности амнистированных лиц дают сведения, размещенные в отчете Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в разделе: «Характеристика осужденных, ранее судимых, имеющих неснятую или непогашенную судимость»[8]. По материалам данного отчета, в 2013 г. было осуждено 576 лиц, освобожденных по амнистии и другим основаниям, в 2014 г. — 669, в 2015 г. — 17 704, в 2016 г. — 1 942, в 2017 г. — 807, в 2018 г. — 767. Из представленных данных заметен значительный рост преступности в 2015 г., затем наблюдается существенное снижение в 2016 г. и дальнейшее поэтапное снижение в 2017 и 2018 гг. Такая динамика объясняется принятием Государственной Думой Российской Федерации 24 апреля 2015 г. постановления «Об объявлении амнистии в связи с 70-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов». Эта амнистия имела значительные масштабы, из мест лишения свободы было освобождено 34 475 человек; от отбывания наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества освободились 189 236 человек.

Однако информация, представленная в отчете Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации, не дает объективной картины об уровне рецидива среди амнистированных лиц. Во-первых указанное в отчете число включает в себя не только амнистированных, но и освобожденных по другим основаниям (например, в связи с тяжелой болезнью или инвалидностью, в связи с отсрочкой отбывания наказания и др.). Во-вторых, данный отчет учитывает только лиц, имеющих судимость, тогда как амнистия 2015 г. предусматривала снятие судимости со всех лиц, подпадающих под ее действие, за исключением одной категории освобождаемых. Думается, что именно эта категория оказалась в анализируемом нами отчете.

Изучение научной литературы по рассматриваемой проблеме так же указывает на противоречивость информации о состоянии рецидивной преступности амнистированных лиц. Так, А.Н. Осяк отмечает, что на основании данных Информационного центра Главного управления внутренних дел по Ростовской области повторные преступления в названном регионе совершили 3,6% лиц, освобожденных по амнистиям 2000 и 2001 гг. [9]. Кроме того, И.Г. Дудко указывает на то, что на основании постановления Государственной Думы Российской Федерации от 26 мая 2000 г. «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов» из мест лишения свободы было освобождено 188 тысяч осужденных, из них 63% вновь были осуждены к лишению свободы, а вот данные о повторной преступности лиц, освобожденных по амнистии от отбывания наказания и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества, не приводятся [5]. По мнению А.Я. Гришко: «Каждый пятый из тех, кто по амнистии освобождается из мест лишения свободы, в течение первого года своего нахождения на свободе совершает новое умышленное преступление» [2, с. 199]. По другим данным, рецидив среди всех амнистированных в 2014 г. составил 40% [14].

Отсутствие системных и объективных показателей повторной преступности амнистированных лиц и методики ее изучения отрицательно сказывается на развитии института амнистии. Недостаток столь важной криминологической информации не позволяет прогнозировать развитие преступности и своевременно вырабатывать меры по ее профилактике. В связи с этим нами была разработана методика исследования рецидива амнистированных лиц, которая заключается в соотнесении данных, полученных от региональных Информационных центров Министерства внутренних дел, с данными отчетов применения амнистии в территориальных органах Федеральной службы исполнения наказаний. Дополнительно в регионах Российской Федерации, выбранных для нашего исследования, анализировалось каждое пятое личное дело осужденного, освобожденного в порядке акта об амнистии от отбывания наказания в виде лишения свободы.

Таким образом, в Липецкой области по амнистии 2015 г. из мест лишения свободы освободились 350 человек, а повторные преступления совершили 30 человек; в Рязанской области — 531 и 57 соответственно, в Тульской области — 758 и 96, в Ярославской области — 391 и 66. Отдельно в данных регионах необходимо выделить статистику повторной преступности лиц, освобожденных по амнистии от отбывания наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества (Липецкая область: освобождено 1167 человек, из них 132 совершили преступления; Рязанская область: 847 и 212 соответственно; Тульская область: 1247 и 253; Ярославская область: 1431 и 395). Необходимо отметить, что в приведенной статистике учитываются только те лица, которые совершили умышленные преступления в течение двух лет с момента применения к ним акта об амнистии.

Для объективного сравнения повторной преступности амнистированных лиц в данных регионах целесообразно рассчитать ее коэффициент. С этой целью можно воспользоваться формулой: $KП = \frac{П \times 100}{Н}$, где П — число амнистированных, повторно совершивших преступления; Н — численность лиц, освобожденных по амнистии, в отдельном регионе. Коэффициент повторной преступности амнистированных лиц, рассчитывается на 100 человек, освобожденных от отбывания наказания или меры уголовно-правового характера в порядке акта амнистии. В результате произведенных расчетов коэффициент криминологического рецидива амнистированных лиц в Липецкой области составил 10,61; Рязанской области — 19,52; Тульской области — 17,4; Ярославской области — 25,3.

Между тем, по результатам нашего исследования, связанного с применением амнистии 2015 г., следует выделить категории лиц, наиболее склонных к противоправному поведению: условно осужденные; осужденные, которым до дня вступления в силу постановления об амнистии неотбытая часть наказания заменена более мягким видом наказания или отбывание наказания которым отсрочено, а также осужденные к наказаниям без изоляции от общества (п. 4 постановления об амнистии 2015 г.); осужденные, неотбытая часть наказания которых на день окончания исполнения постановления об амнистии составляла менее одного года (п. 5 постановления об амнистии 2015 г.).

При применении амнистии довольно сложно провести анализ личности осужденного, поскольку акт об амнистии рассчитан на неопределенный круг лиц и реализуется по строго определенным, формальным признакам. На наш взгляд, в акте об амнистии следует установить определенные критерии отбора осужденных в целях воспрепятствования освобождения лиц, склонных к совершению правонарушений. Так, исследование личных дел осужденных показало, что в группе амнистированных, совершивших новые преступления, преобладают лица с отрицательной характеристикой и большим количеством взысканий, возложенных на них в период отбывания наказания. Из 317 осужденных к лишению свободы, личные дела которых оказались в нашей выборке, 29 совершили преступления после освобождения. В группе амнистированных, повторно совершивших преступления, 86,2% в

период отбывания наказания характеризовались отрицательно, 17,24% имели от 1 до 3 взысканий, а 82,76 % — 4 взыскания и более. В последней группе максимальное количество взысканий доходило до 40. Поэтому в акте об амнистии целесообразно устанавливать ограничение на ее применение не в зависимости от факта признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, а в зависимости от количества и качества полученных им взысканий в ходе отбывания наказания.

Другим ограничением применения амнистии могут выступать сведения о прошлых судимостях лица. Проведенное исследование позволило установить корреляцию между новыми преступлениями амнистированных лиц и уголовно-наказуемыми деяниями, за которые они имели судимости. Так, 77,8% лиц, совершивших повторные преступления корыстной направленности, уже имели судимости за общественно опасные деяния этого вида. Аналогичная ситуация обстоит с преступлениями в сфере незаконного оборота наркотиков, психотропных и сильнодействующих веществ — 14,2%; преступлениями против жизни и здоровья — 4,2%; преступлениями, связанными с незаконным хранением оружия и боеприпасов — 2,3%. Представляется обоснованным закрепить в актах об амнистии норму, ограничивающую освобождение осужденных с определенным количеством судимостей за совершение однородных преступлений или преступлений одной направленности. Стоит отметить наличие подобной нормы о запрете применения амнистии на лиц, являющихся профессиональными преступниками, в ст. 151 Уголовного кодекса Италии. Однако, несмотря на наличие такой нормы, как отмечают А. Barbarino и G. Mastrobuoni, при помиловании 1990 и 2006 гг. и амнистии 1990 г., итальянские законодатели решили распространить акты прощения на профессиональных преступников. Кроме того, из-за доказательств того, что преступная активность уменьшается с возрастом, законодатели иногда увеличивали количество помилованных за счет повышения возраста освобождаемых категорий лиц (обычно определяемых как лица старше 65 или 70 лет) [15].

Нельзя оставить без внимания осужденных за совершение неосторожных преступлений, так как большинство принятых амнистий в России закрепляли основания их освобождения. Анализ личных дел осужденных, подпавших под амнистию, показывает, что 23% из них совершили неосторожные преступления, из которых 94,52% связаны с дорожно-транспортными происшествиями. При этом исследования ученых, проведенные в странах Европейского Союза, свидетельствуют о том, что люди, совершающие другие правонарушения, характерные для антиобщественных взглядов, с большей вероятностью попадают в дорожно-транспортные происшествия и нарушают правила дорожного движения. Также была установлена зависимость тяжести санкций, применяемых к правонарушителям в сфере дорожного движения, от количества дорожно-транспортных происшествий. Уровень смертности в результате дорожно-транспортных происшествий выше в странах, где поведение жителей более агрессивно, а в странах с более суровыми пенитенциарными системами — ниже [16]. Все это наводит на мысль о том, что прощение лиц, совершивших неосторожные преступления, может детерминировать аналогичные деяния с их стороны в будущем.

Вывод

Представляется оправданным выделить в качестве одной из причин совершения амнистированными лицами повторных преступлений неправильное восприятие целей амнистии и сформированную в результате этого систему представлений личности, противоречащей ее воспитательной составляющей. Несомненно, данная причина не является единственной и не может рассматриваться как основная. Однако в период реализации амнистии необходимо проводить с осужденными дополнительную воспитательную и

Бабаян С.Л., Крпчатова И.Н., Кохман Д.В.
Взаимосвязь психологического восприятия
осужденными амнистии с негативными социальными
последствиями ее применения
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 27—36.

Babayan S.L., Krapchatova I.N., Kokhman D.V.
Correlation Between Convicts' Psychological Perception
of Amnesty and the Rate of Recidivism
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 27—36.

психологическую работу, акцентируя внимание на проявленные к ним со стороны общества и государства гуманизм и милосердие, которые они должны оправдать своим правопослушным образом жизни. Отметим, что для повышения воспитательно-мотивационной составляющей амнистии и препятствования освобождения лиц, склонных к противоправному поведению, будет целесообразным устанавливать в актах об амнистии признаки личности, отражающие количество и качество взысканий, полученных осужденными в период отбывания наказания, а также характер прошлых судимостей, указывающих на профессионализацию в какой-либо преступной сфере. Для соблюдения прав потерпевших и формирования уважительного к ним отношения со стороны лиц, совершивших преступления, в актах об амнистии возможно устанавливать нормы, требующие от потенциально амнистируемых лиц возместить полностью или частично материальный и иной вред, причиненный их деяниями.

Литература

1. *Бабаян С.Л.* Освобождение от отбывания наказания: проблемы и пути совершенствования // Уголовно-исполнительное право. 2018. № 3. С. 309—314.
2. *Гришко А.Я.* Амнистия. Помилование. М., 2014. 236 с.
3. *Дебольский М.Г.* Проблемы риска рецидива при условно-досрочном освобождении // Психология и право. 2014. Том 4. № 1. С. 35—49.
4. Краткое криминологическое заключение на Предложения Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека об объявлении амнистии и проект Постановления, разработанный Координационным советом оппозиции / А.И. Долгова [и др.] // Пролог. 2013. № 4. С. 87—89.
5. *Дудко И.Г.* Амнистия в России: проблемы и последствия // Гуманитарные науки и образование. 2010. № 3. С. 103—104.
6. *Киселев М.В., Прохорова М.В.* Отношение осужденных к лишению свободы к наказанию как критерий их исправления // Вестник Кузбасского института. 2020. № 1. С. 41—47.
7. *Кохман Д.В.* Нивелирование негативных последствий амнистии в сфере соблюдения прав потерпевших и возмещения материального ущерба, причиненного преступлением // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 2. С. 151—159.
8. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2008—2018 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (дата обращения: 20.02.2020).
9. *Осяк А.Н.* Институт амнистии в российском уголовном праве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2006. 208 с.
10. *Панков И.* «Дикие» эшелоны Лаврентия Пальча // Преступление и наказание. 2008. № 6. С. 55—57.
11. Пенитенциарная психология и педагогика: учеб.-метод. пособие / С.С. Пиюкова, С.А. Тарасова. Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2017. 86 с.
12. *Поздняков В.М.* Задачи пенитенциарных психологов при современной реформе уголовно-исполнительной системы России // Психология и право. 2012. № 3. С. 1—8.
13. *Пузин Р.С.* Мартовские амнистии 1917 года и их социально-политические последствия // Вопросы российской юстиции. 2019. № 1. С. 56—61.
14. *Скобликов П.А.* Современные российские амнистии: основания и последствия // Закон. 2014. № 8. С. 106—113.
15. *Barbarino A., Mastrobuoni G.* The Incapacitation Effect of Incarceration: Evidence from Several Italian Collective Pardons. Bonn, 2012. 54 p.
16. *Castillo-Manzano J., Castro-Nuno M., Fageda X.* Are traffic violators criminals? Searching for answers in the experiences of European countries // Transport Policy. 2015. Vol. 38. P. 86—94.

References

1. Babayan S.L. Osvobozhdenie ot otbyvaniya nakazaniya: problemy i puti sovershenstvovaniya [Exemption from serving sentences: problems and ways to improve]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Executive Penal Law], 2018, no. 3, pp. 309—314.
2. Grishko A.YA. Amnistiya. Pomilovanie [Amnesty. Pardon]. Moscow, 2014. 236 p.
3. Debol'skij M.G. Problemy riska recidiva pri uslovno-dosrochnom osvobozhdenii [Relapse Risk Problems with Parole], *Psihologiya i pravo* [Psychology and Law], 2014. Vol. 4, no. 1, pp. 35—49.
4. Kratkoe kriminologicheskoe zaklyuchenie na Predlozheniya Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka ob ob'yavlenii amnistii i proekt Postanovleniya, razrabotannyj Koordinacionnym sovetom oppozicii [Brief criminological conclusion on the Proposals of the Council under the President of the Russian Federation on the development of civil society and human rights on the declaration of amnesty and the draft Resolution developed by the Opposition Coordinating Council] / A.I. Dolgova [i dr.], *Prolog* [Prologue], 2013, no. 4, pp. 87—89.
5. Dudko I.G. Amnistiya v Rossii: problemy i posledstviya [Amnesty in Russia: problems and consequences], *Gumanitarnye nauki i obrazovanie* [Humanities and Education], 2010, no. 3, pp. 103—104.
6. Kiselev M.V., Prohorova M.V. Otnoshenie osuzhdennyh k lisheniyu svobody k nakazaniyu kak kriterij ih ispravleniya [The attitude of convicts to imprisonment to punishment as a criterion for their correction], *Vestnik Kuzbasskogo institute* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 2020, no. 1, pp. 41—47.
7. Kokhman D.V. Nivelirovanie negativnyh posledstvij amnistii v sfere soblyudeniya prav poterpevshih i vozmeshcheniya material'nogo ushcherba, prichinennogo prestupleniem [Leveling the negative consequences of the amnesty in the field of respect for the rights of victims and compensation for material damage caused by a crime], *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The rule of law: theory and practice], 2018, no. 2, pp. 151—159.
8. Osnovnye statisticheskie pokazateli sostoyaniya sudimosti v Rossii za 2008—2018 gody [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2074> (Accessed 20.02.2020).
9. Osyak A.N. Institut amnistii v rossijskom ugolovnom prave: dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk [Amnesty Institute in Russian Criminal Law: dissertation for the degree of candidate of legal sciences]: 12.00.08. Moscow, 2006. 208 p.
10. Pankov I. «Dikie» eshelony Lavrentiya Palycha ["Wild" echelons of Lavrenty Palych], *Prestuplenie i nakazanie* [Crime and Punishment], 2008, no. 6, pp. 55—57.
11. Penitenciarnaya psihologiya i pedagogika: uchebno-metodicheskoe posobie [Prison psychology and pedagogy] / S.S. Piyukova, S.A. Tarasova. Samara: Samarskij yuridicheskij institut FSIN Rossii, 2017. 86 p.
12. Pozdnyakov V.M. Zadachi penitenciarnyh psihologov pri sovremennoj reforme ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii [The tasks of penitentiary psychologists in the modern reform of the Russian penal system], *Psihologiya i pravo* [Psychology and Law], 2012, no. 3, pp. 1—8.
13. Puzin R.S. Martovskie amnistii 1917 goda i ih social'no-politicheskie posledstviya [March Amnesties of 1917 and their socio-political consequences], *Voprosy rossijskoj yusticii* [Issues of Russian Justice], 2019, no. 1, pp. 56—61.
14. Skoblikov P.A. Sovremennye rossijskie amnistii: osnovaniya i posledstviya [Modern Russian amnesties: grounds and consequences], *Zakon* [Law], 2014, no. 8, pp. 106—113.
15. Barbarino A., Mastrobuoni G. The Incapacitation Effect of Incarceration: Evidence from Several Italian Collective Pardons. Bonn, 2012. 54 p.

Бабаян С.Л., Крпчатова И.Н., Кохман Д.В.
Взаимосвязь психологического восприятия
осужденными амнистии с негативными социальными
последствиями ее применения
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 27—36.

Babayan S.L., Krpchatova I.N., Kokhman D.V.
Correlation Between Convicts' Psychological Perception
of Amnesty and the Rate of Recidivism
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 27—36.

16. *Castillo-Manzano J., Castro-Nuno M., Fageda X.* Are traffic violators criminals? Searching for answers in the experiences of European countries // *Transport Policy*. 2015. Vol. 38. pp. 86—94.

Информация об авторах:

Бабаян Сергей Львович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, Российский государственный университет правосудия (ФГБОУ ВО РГУП); старший научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>, e-mail: bsl09@mail.ru

Крпчатова Ирина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Российский государственный гуманитарный университет (ФГБОУ ВО РГГУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1163-6720>, e-mail: crimlaw2007@yandex.ru

Кохман Дмитрий Вадимович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин, Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний (ФКОУ ВО Университет ФСИН России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-3894>, e-mail: kokhman2013@yandex.ru

Information about the authors:

Sergey L. Babayan, Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law Russian State University of Justice; Senior Researcher Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8712-0192>, e-mail: bsl09@mail.ru

Krpchatova Irina Nikolaevna, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1163-6720>, e-mail: crimlaw2007@yandex.ru

Kokhman Dmitry Vadimovich, PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law Disciplines Federal Penitentiary Service University of Russia, St. Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1899-3894>, e-mail: kokhman2013@yandex.ru

Получена 22.06.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 22.06.2020
Accepted 02.02.2021

Особенности психологических защит пенитенциарных служащих в зависимости от уровня эмпатии

Борисова Д.П.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2375-365X>, e-mail: borisovad.p@mail.ru

В современном мире все меньше люди взаимодействуют между собой и, соответственно, не склонны вникать в проблемы и проявлять интерес к переживаниям других. Исходя из этого, встает вопрос об особенностях эмпатии в обществе. Сейчас в большей степени исследуется профессиональный аспект эмпатии в сфере «человек-человек». В нашем исследовании эмпатия рассматривается как процесс, на который могут повлиять внешние факторы. В данной статье продемонстрированы результаты динамических изменений эмпатии, которые происходят при взаимодействии сотрудников и осужденных и лиц, содержащихся под стражей. Помимо этого, мы рассмотрели взаимосвязь эмпатии и психологических защит — это продемонстрирует, как изменяется аффективная составляющая поведения в зависимости от неблагоприятных внешних факторов. Полученные результаты акцентируют внимание на некоторых аспектах деятельности сотрудников пенитенциарной системы, что поможет в организации их психологического сопровождения. На основе полученных данных возможно составить новые и дополнить имеющиеся коррекционные и профилактические программы с целью нивелирования негативного воздействия внешних факторов на поведение и психологическое состояние сотрудников.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, эмпатия, психологические защиты, сотрудники, пенитенциарная система.

Для цитаты: Борисова Д.П. Особенности психологических защит пенитенциарных служащих в зависимости от уровня эмпатии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 37—47. DOI:10.17759/psylaw.2021110104

Specifics of Psychological Defences in Prison Personnel Depending on their Empathy Level

Daria P. Borisova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia; Research Institute of the
Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2375-365X>, e-mail: borisovad.p@mail.ru

In the today's world people are interacting less and less time with other people and consequently they tend not to get involved with others' problems or care much about the emotions of others. Hence, this raises an issue of empathy in the modern society. Presently, the subject of more extensive research is the professional aspect of empathy in the person-to-person domain. In our study empathy is viewed as a process that can be affected by external factors. This article demonstrates the results of dynamic variations of empathy which occur in interactions between the personnel and the convicts and persons held in custody. In addition to that we researched the relationship between empathy and psychological defences - to demonstrate how the affective component of one's behavior varies depending on the adverse effects of external factors. Our findings highlight certain aspects of the activity of the penal system personnel, which will be helpful in providing psychological counselling for them. The data obtained make it possible to create new or update existing correctional and prevention programs in order to minimize the negative impact of external factors on the behavior and psychological state of the prison personnel.

Keywords: penal correction system, empathy, psychological defences, personnel, penitentiary system.

For citation: Borisova D.P. Specifics of Psychological Defences in Prison Personnel Depending on their Empathy Level. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 37—47. DOI:10.17759/psylaw.2021110104 (In Russ.).

Введение

Служебная деятельность сотрудников уголовно-исполнительной системы зачастую протекает в стрессогенных условиях, которые могут оказывать негативное воздействие на их психофизиологическое состояние. Взаимодействие с лицами, содержащимися под стражей (осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми) или имеющими альтернативные виды наказания, является одним из таких условий, так как подразумевает под собой вынужденное общение сотрудников с лицами, зачастую придерживающимися криминальных ценностей. Такое общение может сопровождаться провокациями со стороны правонарушителей, неадекватным восприятием мер воспитательного воздействия, а также постоянным присутствием риска не только на психологическом, но и на физическом уровне, так как всегда требуется быть готовым оказать сопротивление. При таких условиях создается психологический или коммуникативный барьер, что может приводить к конфликтным ситуациям между участниками взаимодействия.

Сотрудникам при исполнении должностных обязанностей так или иначе приходится

вступать в официальные или деловые отношения с осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми, целью которых является ориентирование данных лиц на соблюдение правил внутреннего распорядка, выполнение обязанностей, предусмотренных Российским законодательством, а также бесконфликтное и правопослушное поведение в период нахождения в местах лишения свободы или при отбывании альтернативных мер наказания. Также, согласно ч. 2 ст. 43 Уголовного кодекса Российской Федерации, одной из целей уголовно-исполнительной системы является «исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений». Получается, на сотрудников возложена воспитательная функция, которая подразумевает применение в своей деятельности нравственных и педагогических конструкторов наравне с правовыми и административными. Однако стоит учитывать, что зачастую сотрудники, поступающие на службу, имеют не педагогическое, а юридическое образование. В период получения и развития профессиональных навыков их обучение выстраивалось в четко заданных рамках с учетом предстоящей трудовой деятельности. В условия заданных законодательством рамок взаимодействия между представителями правоохранительных органов и людьми, попавшими в ситуацию правонарушения, эмоциональность в контакте и ее значимость максимально снижены. Исходя из этого, молодые сотрудники, попадающие в новую актуальную ситуацию, требующую быстрого приспособления, вынуждены в кратчайшие сроки перестраивать свою программу деятельности, основываясь не только на полученных знаниях в период обучения, но и на тот жизненный опыт, который не всегда может быть достаточным, и демонстрировать высокий уровень развития навыков социального взаимодействия, особенно в области проявления эмпатии (хотя эмпатия дает возможность познавать у других людей многие невысказанные или скрываемые намерения, что крайне важно оценивать в условиях пенитенциарных учреждений).

Термином «эмпатия» описывается механизм, с помощью которого можно лучше понимать и быстрее оценивать состояние другого человека. Сложность его описания заключается в том, что до сих пор не выработано четкого представления и единого мнения в отношении определения, структуры и механизмов эмпатии – все зависит от рассматриваемого направления. Поэтому целесообразно рассматривать эмпатию с точки зрения целостной структуры, которая включает в себя психофизиологические, психологические и социальные аспекты. Исходя из этого, эмпатия является одним из главных аспектов коммуникативной деятельности, способствует гармоничному выстраиванию взаимоотношений, а также позволяет адаптировать поведения человека к актуальной ситуации [4].

Исходя из вышеописанного считаем целесообразным привести определение Е.С. Гончаренко, которое наиболее широко описывает данный феномен: «сложное многоуровневое личностное образование, структура которого представляет собой совокупность эмоциональных, когнитивных и поведенческих характеристик человека, заключающихся в постижении эмоционального состояния, проникновения, вчувствования в переживания другого» [3, с. 34]. Несмотря на важность, изучение особенностей эмпатии у сотрудников правоохранительных органов, а в частности, уголовно-исполнительной системы, в настоящее время еще не столь популярно. Встречаются малочисленные работы, ориентированные на описание эмпатических способностей сотрудников, но этот аспект не является первоочередным, чаще эмпатия рассматривается как дополнительный параметр. Так, например, Л.С. Качкина исследовала эмоциональный и коммуникативный компоненты личности в рамках изучения формирования социально-психологической компетентности [5].

Н.Н. Тарновская рассматривает эмпатию как фактор, позволяющий предотвращать различного рода конфликты (внутриличностные и межличностные) при межличностной коммуникации, а также способствующий снижению проявления тревожности. Также автор указывает, что личностный рост невозможен без развития эмпатических способностей, которые, в свою очередь, являются признаком личностного развития. Одним из результатов исследования, имеющим значение для нашей работы, является выявление корреляционной связи между эмпатией и внутренней конфликтностью, что обозначает нивелирование тревожных тенденций и конфликтности в поведении сотрудников, обладающих развитыми эмпатическими способностями [8].

В своем исследовании Ю.В. Семенова рассматривала индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов при оценке толерантности [7]. Автор указывает, что снижение эмоционального тонуса влияет на уровень бдительности, что приводит к изменению скорости реагирования на значимые сигналы, а иногда — к их пропуску. При высоком уровне эмоционального напряжения происходит обратная ситуация и отмечаются лишние реакции на незначительные стимулы, а также это приводит к нарушению последовательной деятельности. В свою очередь, выполнение служебных задач в полном объеме и качестве зависит от обладания сотрудниками целым рядом качеств.

Приведенные в работе результаты показывают, что у сотрудников правоохранительных органов после 5 лет трудовой деятельности отмечается повышение таких показателей, как невротичность, депрессия, раздражительность, снижение толерантности. Исследование непосредственно параметров эмпатии продемонстрировало достаточно низкие показатели способности к эмпатии: только у 3,2% сотрудников, чей трудовой стаж был до 5 лет, и у 18,8%, чей стаж составлял более 5 лет, отмечается высокий уровень эмпатии. Данный факт указывает на влияние условий работы, которые зачастую носят напряженный характер, на эмоциональное состояние сотрудника.

Обращаясь к полученным результатам в работе Ю.В. Семеновой, видим, что, несмотря на положительную динамику в области развития эмпатийности, ее уровень все равно не достигает оптимального состояния, что может затруднять выполнение задач, связанных с коммуникацией с людьми разных категорий.

Как мы уже указывали ранее, сотрудники уголовно-исполнительной системы в своей работе сталкиваются с рядом неблагоприятных факторов, которые необходимо преодолеть. Для благоприятного их преодоления начинают включаться психологические защиты, которые способствуют сохранению личности в стрессовых ситуациях. Обращаясь к Большому психологическому словарю Б. Мещерякова, В. Зинченко, под психологической защитой стоит понимать систему специфических регуляторных механизмов психической деятельности, работа которых направлена на нивелирование, снижение или сведение к минимальному воздействию на личность негативных травмирующих переживаний, сопряженных с внутренними или внешними конфликтами, состоянием тревоги и дискомфорта [6].

Ряд исследователей обращали свое внимание на изучение типов поведения в неблагоприятных условиях специалистов профессий в области «человек-человек», так как именно данные работники должны быстро приспосабливаться к изменяющимся условиям, обладать эмоциональной стабильностью, демонстрировать готовность общения в «вынужденных» контактах [2]. Стоит отметить, что в таком случае стоит говорить не столько о высоком уровне эмпатийности, а сколько о необходимом ее уровне, способствующем

выполнению служебных обязанностей, но, в тоже время, позволяющем избежать вреда для самого специалиста. Данной точки зрения придерживается Власенко Ю.М., указывающая на оптимальное проявление эмпатии в виде дистанцированного сочувствия. Это позволяет установить достаточный контакт с человеком, привлечь его к общению, оказать необходимую помощь, не пропуская негативные чувства через себя [2]. Если ситуация складывается иным образом, и сотрудник переступает допустимую для него грань проявления и переживания эмоций «включаются» защитные механизмы психики. При действии конструктивных защитных механизмов снижается негативное влияние ситуации на личности и достигается благоприятное разрешение стрессовой ситуации. Однако при использовании примитивных (деструктивных) защитных механизмов может быть нанесен урон качественному профессиональному выполнению деятельности.

Как видим, работы направлены на изучение различных психологических особенностей сотрудников; интересующий нас аспект — взаимодействие с правонарушителями не учитывается. Поэтому мы обратили наше внимание на этот важный момент и постарались выявить связь между стажем работы в учреждениях уголовно-исполнительной системы и проявляемой эмпатией, ведь сотрудники указанного ведомства требуют особого внимания со стороны психологической службы и своевременного вмешательства для сохранения здоровой личности.

Результаты исследования

Для исследования было привлечено 89 человек от 23 до 60 лет. В выборку вошли сотрудники различных учреждений уголовно-исполнительной системы (далее — УИС). Группы были сформированы по следующему принципу: сотрудники, работающие с лицами, чье наказание не связано с лишением свободы (инспекторский состав); сотрудники следственных изоляторов, чья деятельность непосредственно связана с взаимодействием с осужденными, подозреваемыми, обвиняемыми (в выборку не входили представители воспитательной и психологической служб, т.к. у данной категории сотрудников заведомо уровень развития эмпатических способностей может быть выше за счет особенностей профессиональной подготовки и специфики работы, которые требуют внимательного отношения к человеку для установления доверительных отношений, в т.ч. для оказания различной помощи; поэтому в исследовании принимали участие сотрудники иных подразделений); сотрудники, проходящие службу в учреждениях УИС, не имеющие контакта со спецконтингентом. Также была сформирована контрольная группа из лиц, не проходящих службу в УИС и иных правоохранительных органах [1]. В исследовании применялись методики: Торонтская алекситимическая шкала TAS-26, Методика диагностики уровня эмпатических способностей В.В. Бойко (Тест на эмпатию Бойко В.В.), методика «Шкала эмоционального отклика» А. Меграбяна и Н. Эпштейна, опросник Плутчика Келлермана Конте — Методика «Индекс жизненного стиля».

Для получения достоверной и всесторонней информации об особенностях групп, в процессе анализа данные были поочередно сравнены между собой. Для получения дополнительной информации все участники были разделены на две группы по принципу контакта/не контакта со спецконтингентом.

При сравнении показателей в группах значимых различий в уровне эмпатии обнаружено не было (в основном для выборки характерен средний уровень развития эмпатических способностей, отсутствие признаков алекситимии). Однако были обнаружены некоторые особенности проявления исследуемых характеристик.

В полученных результатах имеются значимые различия между сотрудниками уголовно-исполнительной системы и лицами, не проходящими службу в УИС, а именно в применяемых психологических защитах. Так, сотрудники уголовно-исполнительных инспекций, в отличие от сотрудников гражданской службы, не склонны использовать такие механизмы, как «регрессия» (отличия — на уровне значимости 0,002), «замещение» (отличия — на уровне значимости 0,001), а сотрудники следственных изоляторов, контактирующие с осужденными, подозреваемыми и обвиняемыми — «подавление» (отличия — на уровне значимости 0,004).

Для рассмотрения данных, полученных при применении корреляционного анализа Спирмена, предварительно выборка была поделена на две группы по признаку контакта/не контакта со спецконтингентом.

Для сотрудников, чьи служебные обязанности связаны с контактом с осужденными и имеющих стаж службы 5—10 лет в учреждениях уголовно-исполнительной системы, характерно снижение значений по параметру «рациональная эмпатия» (тест на эмпатию Бойко В.В.). Согласно методике, рациональная эмпатия отражается в интересе к другому человеку. Подобная тенденция может проявляться в силу того, что при постоянном контакте с большим количеством людей интерес к проблемам окружающих постепенно угасает, тем более деятельность сотрудников связана с постоянным решением сложных ситуаций, возникающих как у осужденных, так и у сотрудников. Подобная тенденция находит свое отражение еще в одном параметре — снижении «эмпатийного потенциала» (общего уровня эмпатии) у сотрудников со стажем от 5 до 10 лет.

Однако у сотрудников, чей трудовой стаж составляет больше 10 лет, наблюдается обратная тенденция — уровень эмпатии начинает повышаться. Подобная тенденция может быть вызвана тем, что сотрудники с достаточно большим стажем имеют большой опыт социального взаимодействия и в некоторых ситуациях могут проявить более выраженную эмоциональную составляющую общения, нежели молодые сотрудники, которым приходится справляться со своим состоянием на службе. Дополнительными критериями для проявления эмпатии являются занимаемый статус, должность, на которой состоит сотрудник. Указанный стаж предполагает профессиональное развитие сотрудника и его продвижение по служебной лестнице, что, в свою очередь, ведет к смене деятельности — сотрудникам уже не приходится взаимодействовать с осужденными, их основная деятельность направлена на взаимодействие с коллегами, что позволяет отдалиться от многочисленных проблемных ситуаций. Также должность руководителя подразумевает оказание помощи и проведение воспитательной работы с подчиненными, что невозможно качественно сделать без понимания состояния человека и ситуаций, которые им движут.

У участников исследования, не относящихся к сотрудникам уголовно-исполнительной системы и другим правоохранительным органам, наблюдаются другие показатели. Для данной категории стаж трудовой деятельности в большей степени оказывает влияние на механизмы психологической защиты, чем на эмоциональный компонент личности, что не свойственно сотрудникам уголовно-исполнительной системы.

Например, сотрудники, чей трудовой стаж менее 5 лет в большей степени прибегают к защите по типу «регрессии». Данный факт может быть обусловлен тем, что молодые сотрудники еще не обладают стойкими адекватными способами совладания с возникающими сложными моментами в контексте своей профессиональной деятельности в связи с тем, что не обладают полным объемом знаний и умений, необходимых для качественного

выполнения работы.

Более опытные сотрудники, имеющие стаж более 10 лет, чаще используют такой механизм психологической защиты, как «проекция». Подобная смена может быть обусловлена изменениями, происходящими в обществе, в том числе в профессиональных обязанностях, что влечет за собой изменение требований (а точнее их повышение) и приводит к необходимости смены поведения, что не все воспринимают положительно и не все рассматривают как возможность саморазвития, а наоборот, происходит нарастание недовольства и проецирование негативных чувств на окружающих. Подобная ситуация снижает возможность понимания чувств и состояний других и снижает в целом проявление эмпатии, что подтверждается выявленной прямой связью между показателями «стаж работы более 10 лет» и «уровень алекситимии», т. е. происходит развитие алекситимических качеств с увеличением стажа работы.

Стоит отметить, что в уголовно-исполнительной системе развит механизм сопровождения поступающих на службу сотрудников на первом году службы, который предполагает закрепление за ними наставника (более опытного сотрудника). Задачами наставника являются помощь в адаптации, профессиональном становлении, выработке практических навыков, развитии определенных личностных качеств, необходимых для успешного выполнения служебных обязанностей.

Далее был проведен детальный анализ каждой группы отдельно, позволяющий сделать следующие выводы. В группе сотрудников следственных изоляторов, не контактирующих с осужденными, выявлены отрицательные корреляционные связи между параметрами: стаж (менее 5 лет) — интуитивная эмпатия (отличия на уровне значимости $-0,01$), стаж (более 10 лет) — проникающая способность (отличия на уровне значимости $-0,02$). Подобное явление может быть объяснено тем, что у молодых сотрудников на данном этапе профессиональной деятельности еще не достаточно развиты навыки общения с профессиональной группой и на интуитивном уровне они не могут различать поступающую информацию в полном объеме. В большинстве случаев деятельность этой профессиональной группы и во время получения образования, и во время несения службы не предполагает непосредственного взаимодействия с людьми — сотрудники данной категории работают с документами.

У старших сотрудников этой же группы, чей стаж службы составляет более 10 лет, наблюдается обратная картина. Их жизненный опыт позволяет им в короткие сроки определять все изменения, происходящие с человеком.

Анализируя результаты, полученные в группе сотрудников, контактирующих с лицами, содержащимися в пенитенциарных учреждениях, выявить значимые связи между стажем трудовой деятельности и эмпатией не удалось. Однако можем отметить следующие особенности. Сотрудники уголовно-исполнительной инспекции, которые работают менее 5 лет, склонны использовать при взаимодействии рациональный канал эмпатии (отличия на уровне значимости $0,04$), что свидетельствует об ориентации на переживания, изменения состояния собеседника, и интуитивный канал эмпатии (отличия на уровне значимости $0,026$), который дает возможность быстро оценить изменения в поведении партнера.

Для сотрудников, контактирующих с лицами, содержащимися под стражей, чей трудовой стаж находится в пределах 5—10 лет характерно снижение общего уровня эмпатии (отличия на уровне значимости $0,008$). Данный факт может быть объяснен эмоциональной опустошенностью за время профессионального развития, стремлением к саморазвитию и продвижению по службе, что заставляет человека в большей степени обращать внимание на

свои переживания, внутренний мир, достижения и поставленные цели и снижает интерес к изменениям в других людях.

Далее рассмотрим, каким образом выстраивается связь между используемыми человеком психологическими защитами и эмпатией. При анализе данных было выявлено, что группа участников исследования, которые не взаимодействуют с осужденными, в своем поведении прибегают к достаточно широкому спектру защит, в отличие от сотрудников, чья деятельность непосредственно связана с контактом с осужденными. Так, в первой группе проявляются следующие связи: «отрицание» при «установках, не способствующих эмпатии»; «подавление», связанное с уровнем «алекситимии» и «интуитивным каналом эмпатии»; «регрессия» — как при «алекситимии», так и при «эмпатии»; «проекция» — «проникающая способность»; «замещение» — «алекситимия» и низкая «проникающая способность». Для группы контактирующих с осужденными в своей трудовой деятельности характерны следующие связи: «отрицание» — при хорошо развитом «эмоциональном канале эмпатии»; «подавление» — при сниженных показателях «способности к идентификации» и «проникающей способности»; «реактивное образование» — при «установках, не способствующих эмпатии». Можем предположить, что для снижения воздействия негативных факторов исследуемые категории сотрудников прибегают к отличающимся способам защиты. Также только в группе не контактирующих сотрудников отмечается сочетание факторов «реактивное образование» и «дети», «высшее образование».

Подобные различия в использовании психологических защит могут быть обусловлены отличающимся характером трудовой деятельности. Например, «отрицание», которое в большей степени характерно для сотрудников, проходящих службу в уголовно-исполнительной системе, может быть обусловлено потребностью в дистанцировании от контингента, с которым они работают, в связи с выполнением поставленных перед ними задач, так как излишняя открытость, доверительность могут помешать в трудовой деятельности, а также негативно сказаться на психологическом состоянии, поскольку переживание негативных эмоций требует больших усилий. В данной ситуации говорим именно о негативных эмоциях, потому что сотрудникам приходится работать с лицами, подверженными воздействию криминальной субкультуры, которые не всегда стремятся взаимодействовать с представителями пенитенциарных учреждений, негативно к ним относятся и могут создавать различные трудности.

При использовании механизма «подавления» отрицательные эмоциональные переживания блокируются и происходит вытеснение из сознания всех обстоятельств, связанных с их возникновением.

Подобным образом реализуется механизм «отрицания» — негативные переживания вытесняются в подсознание. Подобный механизм позволяет пережить травмирующую ситуацию без глубокого погружения в нее.

При реализации защиты по механизму «реактивные образования» происходит формирование в поведении противоположной установки, которая снижает воздействие ситуации, вызывающей беспокойство. Другими словами, происходит вытеснение неприятных эмоциональных состояний, на их месте образуются нейтральные или положительные переживания. Это находит прямое отражение в деятельности сотрудников пенитенциарных учреждений: сотрудник, независимо от обстоятельств, обязан выполнить поставленные перед ним задачи (контроль и требование соблюдения режимных правил, отстраненность в общении и т. д.). Это может вызвать дискомфорт при возникновении

диссонанса при эмоциональном отклике на ситуацию и жестком требовании субординации и невозможности проявления эмпатических чувств (что является обычной человеческой реакцией на горе другого).

Исходя из описанных особенностей трудовой деятельности и разницы в проявляемых психологических защитах между сотрудниками пенитенциарных учреждений и гражданскими работниками, можем сделать вывод, что служба в уголовно-исполнительной системе требует стойкости, сдержанности, строгости, условия службы не позволяют проявлять «слабости» (что можно наблюдать при «включении» в поведение защит по типу «регрессия»).

Помимо различий при сравнении указанных групп проявляются общие тенденции в использовании психологических защит. Так, участники исследования, обладающие общим низким уровнем эмпатии, используют «рационализацию», а участники, обладающие высоким уровнем эмпатических способностей, — «компенсацию».

При организации исследования нами была сформулирована гипотеза о том, что для респондентов с низким уровнем эмпатических способностей характерна напряженность психологических защит. Однако при анализе результатов мы получили данные, свидетельствующие о наличии данной тенденции у всех респондентов исследования, независимо от уровня эмпатии. Это может свидетельствовать о присутствии в жизни всех людей эмоционально сильных переживаний, которые необходимо преодолеть без ущерба для психического состояния.

Выводы

В ходе исследования мы получили результаты, которые свидетельствуют об отсутствии значимых различий в уровне эмпатии у двух групп респондентов (сотрудников уголовно-исполнительной системы и сотрудников, работающих на гражданской службе). У большинства участников исследования выявлен средний уровень развития эмпатии. Наравне с этим выделены разные механизмы проявления эмпатии.

Также нам удалось определить связь между стажем трудовой деятельности сотрудников, контактирующих с осужденными и лицами, содержащимися под стражей, и общим уровнем эмпатии.

При сопоставлении результатов, полученных при исследовании психологических защит, было выявлено наличие их напряженности практически у всей выборки. Однако у сотрудников уголовно-исполнительной системы и сотрудников гражданской службы имеются различия в используемых типах защит.

Литература

1. *Борисова Д.П.* Эмпатические способности у сотрудников УИС, работающих в непосредственном контакте с осужденными и лицами, содержащимися под стражей: Вып. квалификац. работа: магист. дисс.: Направление 37.04.01 «Психология». Магистерская программа «Юридическая психология: судебно-экспертная практика» / Моск. гос. психолого-пед. ун-т. М., 2016. 90 с.
2. *Власенко Ю.М.* Механизмы психологической защиты у студентов специальности «социальная работа» с разными уровнями эмпатии / Ю.М. Власенко // Инновационные образовательные технологии. – 2015. – №2 (42). – С. 66-70.
3. *Гончаренко Е.С.* Развитие эмпатийного потенциала личности (на материале исследования детей 7-8 лет) : дис. ... канд. Психологических наук / Е.С. Гончаренко. –

Борисова Д.П.
Особенности психологических защит пенитенциарных
служащих в зависимости от уровня эмпатии
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 36—47.

Borisova D.P.
Specifics of Psychological Defences in Prison Personnel
Depending on their Empathy Level
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 36—47.

Краснодар, 2003. – 244 с.

4. *Елеференко И.О.* Эмпатия как основание коммуникации // «Культурная жизнь Юга России». – 2010. - №4 (38). – С. 33-36
5. *Качкина Л.С.* Психолого-педагогические условия формирования социально-психологической компетентности сотрудников уголовно-исполнительной системы: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Л.С. Качкина; Кемерово, 2012. 25 с.
6. *Мещеряков Б.* Большой психологический словарь / Б. Мещеряков, В. Зинченко. – [Электронный ресурс] URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/08.php (дата обращения: 24.05.2020).
7. *Семенова Ю.В.* Индивидуально-психологические особенности сотрудников правоохранительных органов // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 5. С. 175—181.
8. *Тарновская Н.Н.* Взаимосвязь эмпатии и внутренней конфликтности как психологическое условие жизнеобеспечения сотрудников ГПС МЧС России при внешнестатных ситуациях: автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 05.26.03 / Н.Н. Тарновская; МЧС России. Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы. СПб., 2008. 24 с.

References

1. Borisova D. P. Empaticheskie sposobnosti u sotrudnikov UIS, rabotayushchikh v neposredstvennom kontakte s osuzhdennymi i litsami, sodержashchimisya pod strazhei: Vyp. kvalifikats. rabota: Magist. dis.: Napravlenie 37.04.01 «Psikhologiya». Magisterskaya programma «Yuridicheskaya psikhologiya: sudebno-ekspertnaya praktika» [Empathic abilities of UIS employees who work in direct contact with convicts and persons in custody]. Mosk. gos. psikhologo-ped. un-t. Moscow, 2016. 90 p.
2. Vlasenko YU.M. Mekhanizmy psihologicheskoy zashchity u studentov special'nosti «social'naya rabota» s raznymi urovnyami empatii [Mechanisms of psychological protection in students of the specialty «Social work» with different levels of empathy]. Innovacionnye obrazovatel'nye tekhnologii [Innovative educational technologies]. 2015, no. 2 (42), pp. 66-70.
3. Goncharenko E.S. Razvitie empatijnogo potentsiala lichnosti (na materiale issledovaniya detej 7-8 let) : dis. ... kand. Psihologicheskikh nauk. [Development of the empathic potential of the individual (based on the study of children aged 7-8 years)]. Krasnodar, 2003. 244 p.
4. Eleferenko I.O. Empatiya kak osnovanie kommunikacii [Empathy as the basis of communication]. «Kul'turnaya zhizn' YUga Rossii» [Cultural life in the South of Russia], 2010, no. 4 (38), pp. 33-36.
5. Kachkina L.S. Psikhologo-pedagogicheskie usloviya formirovaniya sotsial'no-psihologicheskoi kompetentnosti sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy: avtoref. dis. ... kand. psikh. nauk: 19.00.07 [Psychological and pedagogical conditions for the formation of socio-psychological competence of employees of the penal system. Ph. D. (Psychology) Thesis]. L.S. Kachkina; Kemerovo, 2012, 25 p.
6. Meshcherekov B. Bol'shoj psihologicheskij slovar' [Large psychological Dictionary]. Zinchenko. – [Elektronnyj resurs] URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dict/08.php (data obrashcheniya: 24.05.2020).
7. Semenova Yu.V. Individual'no-psihologicheskie osobennosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Individual psychological characteristics of law enforcement

Борисова Д.П.
Особенности психологических защит пенитенциарных
служащих в зависимости от уровня эмпатии
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 36—47.

Borisova D.P.
Specifics of Psychological Defences in Prison Personnel
Depending on their Empathy Level
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 36—47.

officers]. Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of the Buryat state University], 2009, no. 5, pp. 175–181.

8. Tarnovskaya N.N. Vzaimosvyaz' empatii i vnutrennei konfliktnosti kak psikhologicheskoe uslovie zhizneobespecheniya sotrudnikov GPS MChS Rossii pri vneshneshtatnykh situatsiyakh: avtoref. dis. ... kand. psikhol. nauk: 05.26.03 [The relationship between empathy and internal conflict as a psychological condition for life support of employees of the Russian emergencies Ministry in emergency situations. Ph. D. (Psychology) Thesis]. N.N. Tarnovskaya; MChS Rossii. Sankt-Peterburgskii universitet Gosudarstvennoi protivopozharnoi sluzhby. Sankt-Peterburg, 2008. 24 p.

Информация об авторах

Борисова Дарья Павловна, аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ); старший научный сотрудник НИУЦ-2, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2375-365X>, e-mail: borisovad.p@mail.ru

Information about the authors

Daria P. Borisova, graduate student, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia; Senior Researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2375-365X>, e-mail: borisovad.p@mail.ru

Получена 10.06.2020

Принята в печать 02.02.2021

Received 10.06.2020_

Accepted 02.02.2021

Характеристика проагрессивных факторов, влияющих на агрессивное поведение осужденных, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы за сексуальные преступления

Диденко А.В.

Томский национальный исследовательский медицинский центр Российской академии наук, отделение пограничных состояний НИИ психического здоровья (ФГБНУ «ТНИМЦ РАН, НИИ ПЗ»), г. Томск, Российская Федерация; Сибирский государственный медицинский университет Минздрава России (ФГБОУ ВО СибГМУ Минздрава РФ), г. Томск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9796-1673>, e-mail: dedzone@yandex.ru

Писарев О.М.

Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ ДПО «Томский ИПКР ФСИН России»), г. Томск, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>, e-mail: olbig@sibmail.com

Мальцева Е.А.

Управление Федеральной службы исполнения наказаний по Тюменской области (УФСИН России по Тюменской области), г. Тюмень, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9492-3137>, e-mail: ZimK@bk.ru

Изучена структура и выраженность проагрессивных факторов, влияющих на проявление агрессии у осужденных, находящихся в местах лишения свободы за преступления сексуального характера. Проведено сравнительное эмпирическое исследование двух групп осужденных мужского пола, отбывающих наказание за сексуальные (N=30) и корыстные преступления (N=30). Сравнительный анализ поведенческих проявлений агрессии и экспериментально-психологическое исследование проведены с использованием личностного опросника агрессивности Buss А.Н. и Durkee А., Фрайбургского личностного опросника и методики «Личностная агрессивность и конфликтность» Ильина Е.П. и Ковалева П.А. Установлено статистически достоверное преобладание уровня агрессивности у сексуальных преступников по сравнению с осужденными за корыстные преступления ($p \leq 0,01$) по параметрам: физическая, вербальная, косвенная агрессия, раздражительность и чувство вины. Показана выраженность личностных проагрессивных факторов у осужденных сексуальных преступников (раздражительность, вспыльчивость — при $p \leq 0,01$; невротичность, депрессивность, реактивная агрессивность, эмоциональная

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

лабильность — при $p \leq 0,05$). Рассмотрено влияние на агрессию пенитенциарной среды.

Ключевые слова: агрессия осужденных, проагрессивные личностные черты, сексуальный преступник, пенитенциарная среда.

Для цитаты: *Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.* Характеристика проагрессивных факторов, влияющих на агрессивное поведение осужденных, отбывающих уголовные наказания в местах лишения свободы за сексуальные преступления [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62. DOI:10.17759/psylaw.2021110105

Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their Sentences in Detention Facilities

Alexander V. Didenko

Mental Health Research Institute, Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russia; Siberian State Medical University, Tomsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9796-1673>, e-mail: dedzone@yandex.ru

Oleg M. Pisarev

Tomsk Institute of Improvement of Professional Skill Workers of Federal Service of Execution of Punishments, Tomsk, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>, e-mail: olbig@sibmail.com

Ekaterina A. Mal'tseva

Administration of Federal Service of Execution of Punishments of the Russian Federation Across the Tyumen Oblast, Tyumen, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9492-3137>, e-mail: ZimK@bk.ru

In this research work we studied the structure and severity of pro-aggressive factors that influence aggressive manifestations in sex offenders serving their sentences in detention facilities. We carried out a comparative empirical study of two groups of male convicts serving their time for sexual (N=30) and mercenary crimes (N=30). The comparative analysis of aggressive behavior as well as the experimental and psychological research have been performed using the following: Buss A.H. & Durkee A. Hostility Inventory Questionnaire, Freiburg Personality Inventory, Ilyin Ye.P. and Kovalyov P.A. "Personality Aggression and Proneness to Conflict" methodology. It has been statistically proven that the aggression level in sex offenders prevails over that of mercenary criminals ($p \leq 0.01$) by the following parameters: physical, verbal and indirect aggression, irritability and sense of guilt. Prominence of pro-aggressive personality factors has been revealed in the convict sex offenders (irritability, quick temper at $p \leq 0.01$; neuroticism, depressiveness, reactive aggression, emotional instability at $p \leq 0.05$).

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

Additionally, we discussed the influence of prison context on the aggression level.

Keywords: convicts' aggression, pro-aggressive personality traits, sex offender, prison context.

For citation: Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A. Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their Sentences in Detention Facilities. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62. DOI:10.17759/psylaw.2021110105 (In Russ.).

Введение

Актуальными проблемами пенитенциарной психологии являются анализ поведенческих характеристик, прогноз адаптации и проведение психокоррекционной работы с осужденными, отбывающими наказания за преступления сексуального характера. По результатам исследований, эти лица в криминологическом и социальном плане представляют собой разнородную группу. Однако с психологических позиций они характеризуются такими общими чертами как, неприятие общепринятых поведенческих норм, агрессивность, подверженность поступков влиянию ситуационных факторов, напряженность в межличностных отношениях, низкий уровень контроля повседневного поведения, неуверенность в себе и недоразвитие коммуникативных навыков [7; 8].

Выраженные поведенческие особенности отмечаются у осужденных находящихся в местах лишения свободы за совершение сексуальных действий в отношении несовершеннолетних, при этом адаптационная динамика может носить как стабильный (компенсированный), так и нестабильный (декомпенсированный) характер, с агрессивным стилем поведения, с высокой вероятностью гетероагрессивных действий, а также сопровождаться суицидальными эксцессами [1].

Тем не менее, даже внешне благополучное, правопослушное поведение в местах лишения свободы, характерное для большинства сексуальных преступников, не всегда свидетельствует об успешной адаптации личности к местам лишения свободы. В динамике отбывания наказания у этих лиц также отмечаются признаки, свидетельствующие о личностной, эмоциональной нестабильности и незрелости, конфликтности, проявляющейся на межличностном уровне, суицидальных или аутоагрессивных тенденциях [4].

Обнаруживаются взаимосвязи агрессивного поведения в местах лишения свободы с личностными характеристиками и социальным статусом осужденного в криминальной субкультуре: у осужденных со средним и низким социальным статусом, к которым относятся лица, совершившие действия сексуального характера, источником агрессивных тенденций является высокая социальная дезадаптация личности [16]. Кроме этого, на силу и интенсивность проявлений агрессивности у лиц, совершивших преступления сексуального характера, могут влиять и психические расстройства, широко представленные у данной категории осужденных [19; 20].

Таким образом, при изучении поведенческих особенностей, связанных с проявлением агрессии в местах лишения свободы, у осужденных за преступления сексуального характера необходимо анализировать широкий спектр факторов, имеющих сложный,

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

био психосоциальный генез. В связи с этим, учитывая сложность феномена агрессии, перспективными представляются модели оценки, абстрагированные от влияния какого-либо одного фактора (например биологического), позволяющие структурировать все многообразие анализируемых гетеро-аутоагрессивных факторов риска, а также взаимодействие внутренних (личностных) и внешних (социальных) структур.

Одним из направлений изучения процесса и принципов регуляции проявлений агрессии является ее анализ в рамках конструкта «социальная ситуация—ингибиторы агрессии—проагрессивные факторы» [5; 6; 12; 13; 14]. При этом агрессию, как многомерный феномен, можно рассматривать и как адаптивный механизм, но временами проявляющийся чрезмерно и трансформирующийся в дезадаптивные формы реагирования [11]. С другой стороны, в условиях жесткой соционормативной регуляции поведения (в местах лишения свободы) большую роль могут играть и контролирующие агрессию структуры личности самого агрессора, так называемая «защитная мотивация» [9]. В зарубежных исследованиях производится оценка факторов риска агрессивных действий и их взаимоотношения с так называемыми протективными факторами, способными снизить вероятность проявления агрессии [21]. Для определения вероятности риска агрессии в зарубежной практике широко используются соответствующие структурированные клинические или же актуарные инструменты оценки риска [22].

При любом из этих подходов оценка личностных структур, участвующих в подавлении агрессии либо в ее усилении, является перспективной, как с позиций динамической оценки риска рецидива преступлений, так и в целях определения мишеней психотерапевтического воздействия на личность осужденного в процессе отбывания уголовного наказания.

В связи с этим целью данного исследования явилось изучение интенсивности проявлений агрессии, а также выявление специфических проагрессивных факторов личностного и социального характера у осужденных, находящихся в исправительных учреждениях за совершенные сексуальные преступления.

Материал и методы исследования

Исследование было проведено на базе одного из исправительных учреждений (далее ИУ) строго режима Управления федеральной службы исполнения наказаний России по Тюменской области, в котором содержатся осужденные мужского пола, впервые отбывающие уголовное наказание в местах лишения свободы. Всего обследовано 60 осужденных.

Первую (экспериментальную) группу составили 30 осужденных, отбывающих наказание по ч. 1 статьи 131 УК РФ (изнасилование — половое сношение с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшей или к другим лицам либо с использованием беспомощного состояния потерпевшей) и ч. 2 статьи 131 УК РФ (соединенное с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, а также совершенное с особой жестокостью по отношению к потерпевшей или к другим лицам). Средняя продолжительность срока наказания составила 6,6 лет. Возраст осужденных составил от 20 до 52 лет (средний возраст 36 ± 5 лет). Уровень образования: 20% (n=6) имели среднее образование, 50% (n=15) — средне специальное, 30% (n=9) — высшее. В зарегистрированном браке состояли всего 8 человек (27% группы), 22 человека (73%

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

группы) на момент исследования не состояли в зарегистрированных отношениях: никогда не были женаты ($n=15$), семейные отношения были прекращены ($n=7$). Необходимо отметить, что, несмотря на высокую частоту психических расстройств, встречаемых среди осужденных, совершивших сексуальные преступления, в первую группу был произведен тщательный отбор лиц без психических расстройств и не состоявших под наблюдением психиатра ИУ.

При анализе личности осужденных за сексуальные преступления с использованием метода беседы было установлено, что с детства по отношению к ним применялись физические наказания, притеснения, отмечался унижающий стиль отношений с матерью и сверстниками. Осужденные сообщали о каком-либо травматическом опыте во взаимоотношениях с женщинами, связанном с переживанием измены, внезапным разрывом отношений с женщиной в связи с ее выбором другого партнера. Выявлялись трудности в построении отношений с противоположным полом и реализации сексуальной потребности. Использование агрессивных моделей построения отношений с противоположным полом приводило к выбору преступного способа удовлетворения своих сексуальных потребностей и совершению криминальных деяний с использованием различных форм агрессии с целью подавления сопротивления жертвы.

Во вторую (контрольную) группу вошли осужденные ($n=30$), отбывающие наказание по ч. 2, 3 статьи 158 УК РФ (кража — тайное хищение чужого имущества). Средняя продолжительность срока составила 4,8 года. Возраст осужденных — от 23 до 53 лет (средний возраст 38 ± 2 лет). Уровень образования: 23% осужденных ($n=7$) имеют среднее образование, 60% ($n=18$) — средне специальное, 17% осужденных ($n=5$) — высшее. Характер брачных отношений: 12 человек (40%) официально состояли в браке; 11 человек (37%) на момент исследования не состояли в зарегистрированных отношениях (8 — никогда не были женаты, 3 — семейные отношения прекращены); 7 человек (23%) поддерживали семейные отношения без официальной регистрации. Среди осужденных представленных в группе, также не отмечалось лиц с психическими расстройствами.

В исследовании были использованы следующие психодиагностические инструменты.

1. Личностный опросник агрессивности А.Н. Бусса и А. Дуркея [17], стандартизированный А.А. Хваном, Ю.А. Зайцевым и Ю.А. Кузнецовой [15], позволяющий определить выраженность некоторых качественных характеристик агрессивности и враждебности (физическая агрессия, косвенная агрессия, вербальная агрессия, негативизм, склонность к раздражению, обида, подозрительность, чувство вины).

2. Фрайбургский личностный опросник формы «В» [18], в адаптации А.А. Крылова и Т.И. Ронгинской [3]. Методика позволяет диагностировать состояния и свойства личности, имеющие первостепенное значение для процесса социальной адаптации и регуляции поведения индивида в контексте оценки проагрессивных личностных черт.

3. Методика «ЛАК» (личностная агрессивность и конфликтность), сконструированная Е.П. Ильиным и П.А. Ковалевым [2;10]. Методика использовалась с целью выявления склонности субъекта к конфликтности и агрессивности как проявлений личностных характеристик, носящих также по отношению к агрессии проагрессивный характер.

Кроме тестометрии, при проведении исследования использовались данные об

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

особенностях поведенческих проявлений агрессии у осужденных в местах лишения свободы в процессе отбывания наказания, полученные путем опроса сотрудников ИУ, находящихся с осужденными в непосредственном контакте.

Обработка полученных результатов проводилась с помощью метода оценки значимости средних величин *t*-критерия Стьюдента (использовался автоматизированный программный комплекс «Автоматизированное рабочее место психолога» — программа Psychometric Expert, версия 9.0.7). За уровень статистической значимости принимались значения $p \leq 0,01-0,05$, недостоверным уровнем являлся $p > 0,05$. Проверка «нормальности» распределения выборки осуществлялась с помощью расчета *W*-критерия Шапиро—Уилка (p -value $> 0,05$).

Результаты и обсуждение

На первом этапе исследования был проведен сравнительный анализ внешних, наблюдаемых окружающими, проявлений агрессивного поведения у осужденных двух групп. Опрос персонала ИУ, непосредственно взаимодействующего с обследуемыми осужденными, выявил следующие особенности.

Прямая агрессия у осужденных первой группы отмечалась лишь у части обследованных ($n=6$). По мнению наблюдателей, агрессивные проявления служили своеобразным способом выражения протеста по отношению к своему осуждению, носили ситуативно обусловленный характер и были связаны с предполагаемой психологической и физической угрозой. Проявления агрессии характеризовались повышенной экспрессивностью, одновременно с выраженной зависимостью эмоций от влияния группы. Состояние напряженности носило яркий и длительный характер. Наличие эксплозивных проявлений коррелировало с адаптационными трудностями в ИУ: осужденные жаловались на неуживчивость с окружающими, проявления нетерпимости к их мнению. Отмечаемые проявления требовали обеспечения осужденному безопасных условий содержания и перемещения его в другое социальное окружение. С другой стороны, агрессивные действия осужденного могли быть направлены на персонал ИУ (чаще женского пола) или совершались акты аутоагрессии под влиянием аффективной вспышки.

Большинство осужденных первой группы ($n=24$) выражали свою агрессию в косвенной форме: не проявляли открытую физическую агрессию. Вербальная агрессия проявлялась дифференцированно. В связи с имеющимся неформальным статусом в пенитенциарной среде (преимущественно низким), подчинением криминальным нормам, господствующим в ИУ, вербальная агрессия табуировалась. Характерный тип поведенческого реагирования, отмечаемый у данных осужденных, — так называемое ипохондрическое поведение, с частыми посещениями врачей медицинской части, наличием различных соматических жалоб, требованиями назначения лечения, госпитализации, помещения в медицинскую часть. Посещение психолога также носило частый характер. В этих случаях нередко использовались вербальная агрессия (нецензурная брань, жаргонные слова, жалобы на незаконные действия администрации ИУ, обвинения в несправедливом отношении к ним) и провокационные модели поведения, с попытками вызвать негативную реакцию или чувство вины у сотрудника ИУ за неспособность кардинальным образом изменить текущую ситуацию осужденного.

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

Осужденные за корыстные преступления характеризовались относительно однородным типом реагирования — эпизодические проявления агрессивных вспышек в межличностных отношениях и во взаимоотношениях с сотрудниками ИУ преимущественно вербального характера. Единичные эпизоды физической агрессии отмечались при межличностных конфликтах между осужденными. Сотрудниками ИУ проявления подобных агрессивных форм поведения воспринимались как самоутверждение личности в пенитенциарной среде, своеобразная реализация модели поведения с конкретной, прагматической целью в виде получения выгодной работы, длительных и краткосрочных свиданий, приобретения материальных ценностей и пр. Осужденные второй группы характеризовались персоналом ИУ как находчивые, изобретательные, изворотливые, использующие промахи и ошибки окружающих (как сотрудников, так и других осужденных) в своих корыстных целях, скрывающие свои истинные эмоции.

Результаты проведенной психодиагностики показали различия между двумя группами на уровне модальностей проявления агрессии в виде: физической агрессии, вербальной агрессии, косвенной агрессии, раздражительности и чувства вины (табл. 1).

Таблица 1

Значимость различий исследуемых групп по методике Басса—Дарки

Шкала	Средн.: группа № 1	Средн.: группа № 2	t-value	p
Физическая агрессия	6,267	4,467	2,451	0,008654*
Вербальная агрессия	6,767	5,033	3,021	0,001872*
Косвенная агрессия	3	1,733	3,702	0,00024*
Негативизм	1,133	0,967	0,468	0,320864
Раздражительность	2,867	1,6	2,538	0,006931*
Обида	3	2,267	1,733	0,044266
Подозрительность	4,433	3,7	1,453	0,075858
Чувство вины	5,633	4,5	2,545	0,006803*
Индекс агрессивности	16,03	11,23	3,589	0,000342*
Индекс враждебности	7,433	5,967	1,844	0,035159*

Примечание: «*» — различия носят статистически достоверный характер.

Так, по параметру «физическая агрессия» у осужденных первой группы наблюдалась статистически значимая ($p=0,008654$), более выраженная склонность к физическому превосходству по отношению к окружающим. В данном случае эту особенность можно интерпретировать как высокую вероятность использования физической силы против другого лица.

По параметру «косвенная агрессия» осужденные первой группы продемонстрировали более выраженную склонность (при $p=0,00024$) к проявлению агрессивных тенденций косвенным путем в виде злобных шуток, острот, едких замечаний, насмешек, по сравнению с респондентами второй группы. Использование данного способа проявления

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

агрессии указывает на общую тенденцию вымещения на окружающих негативных переживаний, вызванных зачастую собственными неудачами, в том числе и в сексуальной сфере.

Статистически значимые различия получены по параметру «раздражительность» (при $p=0,006931$), что подтверждает характерную для осужденных сексуальных преступников установку на выражение эмоций отрицательного характера в различных ситуациях, внутреннюю готовность к демонстрации негативных переживаний при любом намеке на конфликт в межличностных отношениях.

Различия, определяемые по шкале «Чувство вины» (при $p=0,006803$) с преобладанием средних значений этого параметра у осужденных за сексуальные преступления, могут свидетельствовать о доминировании у них защитных форм поведения, блокирующих гнев, враждебность. Кроме этого, данный параметр отражает готовность отвечать агрессивными действиями на фрустрирующие влияния, связанные с осуждением и последующим отбыванием уголовного наказания в ИУ.

Средние значения между группами статистически достоверно различаются по параметру «индекс агрессивности» по совокупности шкал «Физическая агрессия», «Вербальная агрессия» и «Раздражительность» ($p=0,000342$), а также по параметру «индекс враждебности» ($p=0,035159$). Полученные результаты говорят о чрезмерном проявлении негативных межличностных тенденций, затрудняющих сотрудничество и провоцирующих возникновение и развитие конфликтных ситуаций. Кроме этого, для осужденных первой группы характерно в целом недоброжелательное отношение, готовность или желание причинять окружающим неприятности, дискомфорт (как эмоциональный, так и физический). Выраженные показатели враждебности могут свидетельствовать об увеличении вероятности импульсивных агрессивных актов, которые не всегда приводят к соответствующей агрессии, а проявляются в косвенной форме. Тем не менее, для данных осужденных была характерна и враждебность с целью самоутверждения, с оправданием себя и одновременным обвинением жертвы насилия.

Анализ структуры и выраженности личностных проагрессивных факторов, влияющих на характер агрессивного поведения, показал статистически значимые различия средних значений между двумя группами по следующим шкалам методики FPI «В» (табл. 2): «Невротичность» ($p=0,037571$), «Депрессивность» ($p=0,012604$) «Раздражительность» ($p=0,004527$), «Реактивная агрессивность» ($p=0,020196$) и «Эмоциональная лабильность» ($p=0,049372$). Указанные различия могут характеризовать осужденных за сексуальные преступления как лиц, имеющих повышенный уровень невротизации, проявляющейся в виде раздражительности, с фиксацией на внутренних, соматических ощущениях, в сочетании с периодическими колебаниями (нестабильностью) эмоциональной сферы в виде тревоги и страха. Указанные проявления отмечались сотрудниками ИУ в виде выраженных агрессивных реакций в ответ на какие-либо внешние раздражители (ссоры в отряде, конфликты с персоналом пенитенциарного учреждения), реже проявлялись без видимой причины, под влиянием актуального психического состояния. При этом более низкие значения указанных показателей у осужденных, совершивших корыстные преступления, свидетельствуют об относительно стабильном эмоциональном состоянии, умении владеть собой в процессе соблюдения режима отбывания наказания и адаптации к

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

местам лишения свободы в целом.

Таблица 2

Значимость различий исследуемых групп по методике FPI «В»

Шкала	Средн.: группа № 1	Средн.: группа № 2	t-value	p
Невротичность	3,733	2,067	1,812	0,037571*
Спонтанная агрессивность	3,867	3	1,302	0,099057
Депрессивность	4,033	2,2	2,298	0,012604*
Раздражительность	3,533	1,8	2,701	0,004527*
Общительность	9,2	9,333	0,182	0,42831
Уравновешенность	6,8	7	0,497	0,310505
Реактивная агрессивность	4,267	2,933	2,097	0,020196*
Застенчивость	3	2,5	0,774	0,221205
Открытость	8,1	6,2	2,488	0,007883*
Экстраверсия	7,3	6,733	1,176	0,122324
Эмоциональная лабильность	3,7	2,433	1,678	0,049372*
Маскулинность	9,2	8,667	1,048	0,149604

Примечание: «*» — различия носят статистически достоверный характер.

Обращают на себя внимание статистически достоверные, более высокие значения по шкале «Открытость» ($p=0,007883$) у осужденных первой группы. Выявленную особенность можно интерпретировать следующим образом: высокие показатели по данной шкале могут быть связаны с демонстрацией эмоциональных переживаний и проявлений элементов несдержанности в поведении. По всей видимости, этот параметр FPI «В» у осужденных первой группы, указывает не на собственно открытость человека, как готовность к контактам, обмену информацией, сотрудничеству, а характеризует осуществляемые попытки эмоционального давления на окружающих, демонстративное обращение за помощью к окружающим в надежде получить поддержку.

Анализ результатов по методике ЛАК выявил статистически достоверные различия ($p=0,005116$) между двумя группами только по шкале «Вспыльчивость» (группа № 1=2,933; группа № 2=1,733). Указанная особенность подтверждает выявляемую установку на проявление негативных чувств (раздражение, гнев, грубость) в сочетании с избирательным снижением самоконтроля своего поведения в процессе отбывания уголовного наказания у осужденных сексуальных преступников.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило тот факт, что агрессивное поведение в местах лишения свободы связано с взаимодействием целого ряда факторов, отражающихся на личностном, ситуативном и социальном уровне.

Сравнительный анализ модальностей агрессии (по методике Басса—Дарки) и выявленные преобладающие личностные черты (по данным методики FPI «В» и методики

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

ЛАК) у осужденных, отбывающих уголовные наказания за различные типы преступлений, позволяет судить в целом об осужденных сексуальных преступниках как о лицах с выраженными проагрессивными тенденциями. Данный факт подтверждается высоким уровнем реактивной агрессивности, физической, вербальной агрессии, раздражительности, косвенной агрессии и интегральными показателями (индекс агрессивности и индекс враждебности), по данным методики Басса—Дарки. В качестве проагрессивных можно выделить преобладание у осужденных за сексуальные преступления выраженности таких личностных черт, как невротичность, депрессивность, раздражительность, реактивная агрессивность и эмоциональная лабильность. Однако выявленное преобладание выраженности такой черты, как открытость, с учетом особенностей внешних проявлений агрессивного поведения в местах лишения свободы, позволило трактовать этот факт как проявление несдержанности в поведении и попытку сигнализировать окружающим о наличии актуального психического дискомфорта.

Существующие условия, сдерживающие проявления агрессивных тенденций, могут быть связаны со сформированными свойствами личности, такими как эмоциональная устойчивость, склонность к чувству вины, контроль импульсивности. Определенным сдерживающим агрессию влиянием обладают также и ценностно-потребностные факторы, связанные с принятием неизбежности отбывания наказания, искуплением вины перед жертвой, стремлением к соблюдению режимных требований для досрочного освобождения и пр. Однако исследование показало, что наличие жесткой соционормативной регуляции поведения в местах лишения свободы с необходимостью соблюдения формальных (закрепленных в законодательстве) и неформальных норм поведения способно трансформировать проявления агрессивности в ряд направлений:

- агрессия как проявление социальной дезадаптации (прямая, физическая агрессия; косвенная агрессия с ипохондрическим поведением, вербальные формы агрессии с раздражительностью, направленной на социально-безопасные объекты и пр.);
- социально-приемлемая агрессия, как стиль поведения в местах лишения свободы (тип агрессивного поведения, позволяющий личности балансировать на грани адаптивного поведения в местах лишения свободы для достижения определенных целей).

Безусловно, дезадаптация и проявления агрессии в местах лишения свободы у осужденных за сексуальные преступления связаны с доминированием указанных выше проагрессивных личностных структур, при недостаточном влиянии структур, тормозящих агрессию, в данном случае имеющих личностный (внутренний) и социальный (внешний) генез. При этом социальные условия, в которых реализуется агрессивное поведение осужденных, характеризуются пространственными и временными ограничениями, враждебностью пенитенциарной среды, влиянием тюремной субкультуры с культом силы, с постоянным ожиданием опасности. Указанные факторы, а возможно, и некоторые другие условия, способные существенно влиять на формирование агрессивного поведения в местах лишения свободы, нуждаются в отдельном изучении.

Результаты исследования имеют важное значение в реализации пенитенциарной практики работы с лицами, отбывающими уголовное наказание в местах лишения свободы: для дифференциальной диагностики и построения оптимальных способов взаимодействия с осужденными; прогнозирования поведения посредством динамической

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

оценки уровня агрессии в процессе отбывания наказания; создания безопасных условий отбывания уголовных наказаний, особенно в отношении лиц, совершивших сексуальные преступления.

Литература

1. *Диденко А.В.* Особенности характерологических реакций у осужденных за преступления сексуального характера в период первичной адаптации к местам лишения свободы // Академический журнал Западной Сибири. 2020. Том 16. № 3(86). С. 47—49.
2. *Ильин Е.П.* Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2002. 512 с.
3. Исследование личности с помощью модифицированной формы В опросника FPI / В.Д. Балин, В.К. Гайда, В.К. Горбачевский [и др.] // Практикум по общей, экспериментальной и прикладной психологии: учеб. пособие / Под общ. ред. А.А. Крылова, С.А. Маничева. СПб.: Питер, 2000. С. 197—203.
4. *Кадыров Р.В., Янкина Е.В.* Психологические особенности осужденных, совершивших преступления сексуального характера [Электронный ресурс] // Социосфера: научно-практический журнал. 2010. № 4. URL: <http://www.medpsy.ru/library/library060.php> (дата обращения: 08.09.2020).
5. *Калашникова А.С.* Значение ингибиторов агрессии для судебно-экспертной оценки общественной опасности при определении ограниченной вменяемости // Российский психиатрический журнал. 2018. № 6. С. 86—90.
6. *Калашникова А.С., Дворянчиков Н.В., Василенко Т.Г.* Обзор исследований по проблеме ингибиторов агрессии (часть II) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2014. № 2. URL: http://psyandlaw.ru/journal/2014/2/Kalashnikova_Dvoryanchikov_Vasilenko.phtml (дата обращения: 08.09.2020).
7. *Кокурин А.В., Кокурина И.В.* Характеристика осужденных за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы в России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2012. № 1. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50326.shtml> (дата обращения: 08.09.2020).
8. *Логунова О.А., Дворянчиков Н.В.* Исследование психологических особенностей личности и поведения серийных сексуальных убийц различных типов [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. № 1. URL: https://psyjournals.ru/files/97331/psyandlaw_2019_1_Logunova_Dvoryanchikov.pdf (дата обращения: 08.09.2020). DOI: 10.17759/psylaw.2019090104
9. *Ложкин А.И.* Психология личности агрессивно-насильственного преступника (мотивационно-смысловой аспект). Екатеринбург: Изд-во Урал. юрид. ин-та МВД России, 2002. 136 с.
10. Методика «Личностная агрессивность и конфликтность» / Е.П. Ильин, П.А. Ковалев // Методическое руководство. Сборник тестов программно-методического комплекса дифференциальной диагностики поведенческих нарушений несовершеннолетних «Диагност-Эксперт+» / Н.В. Дворянчиков, В.В. Делибалт, Е.Г. Дозорцева, М.Г. Дебольский, А.В. Дегтярев, Р.В. Чиркина, А.В. Лаврик. М.: Изд-во ФГБОУ ВО МГППУ, 2017. С. 60—63.
11. *Налчаджян А.А.* Агрессивность человека. СПб.: Питер, 2007. 736 с.

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

12. Сафуанов Ф.С. Психологическая типология криминальной агрессии // Психологический журнал. 1999. № 6. С. 24—35.
13. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
14. Сафуанов Ф.С., Калашикова А.С., Царьков А.Е. Клинико-психологические факторы криминальной агрессии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. № 4. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n4/88645.shtml> (дата обращения: 08.09.2020). DOI: 10.17759/psyandlaw.207070405
15. Хван А. А., Зайцев Ю. А., Кузнецова Ю.А. Стандартизированный опросник измерения агрессивных и враждебных реакций А. Басса и А. Дарки: методические рекомендации. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2006. 68 с.
16. Штефан Е.Ф. Психокоррекция агрессивного поведения осужденных мужского пола при длительных сроках наказания: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. Рязань, 2008. 26 с.
17. Buss A.H., Durkee A. An inventory for assessing different kinds of hostility // Journal of Consulting Psychology. 1957. Vol. 21. № 4. P. 343—349. DOI: 10.1037/h0046900
18. Fahrenberg J., Hampel R., Selg H. Das Freiburger Persönlichkeitsinventar (8., erweiterte Aufl.). Göttingen: Hogrefe - Verlag für Psychologie, 2010.
19. Gerwinn H., Weiß S., Tenbergen G., Amelung T. et al. Clinical characteristics associated with paedophilia and child sex offending — Differentiating sexual preference from offence status // European Psychiatry. 2018. Vol. 51. P. 74—85. DOI: 10.1016/j.eurpsy.2018.02.002
20. Harsh S., Keller F., Jockusch U. Sexual offenders in prison and in hospital: a comparative study // Recht und Psychiatrie. 2006. Vol. 24. P. 26—31.
21. Ireland J.L. Individual assessments of aggression. Accounting for core factors. In Jane L. Ireland, Carol A. Ireland, and Philip Birch (eds.), *Violent and Sexual Offenders Assessment, Treatment, and Management: Second edition*. New York: Routledge, 2019. P. 294—328.
22. Neil C., O'Rourke S., Ferreira N, Flynn, L. Protective factors in violence risk assessment: Predictive validity of the SAPROF and HCR-20V3 // International Journal of Forensic Mental Health. 2019. Vol. 19. P. 84-102. doi: 10.1080/14999013.2019.1643811

References

1. Balin V.D., Gaida V.K., Gorbachevskii V.K. [i dr.] Issledovanie lichnosti s pomoshch'yu modifitsirovannoi formy B oprosnika FPI [Personality research using a modified form B in the FPI questionnaire]. In In Krylov A.A., Manichev C.A. (eds.), *Praktikum po obshchei, eksperimental'noi i prikladnoi psikhologii: Uchebnoe posobie* [Practicum on general, experimental and applied psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2000, pp. 197-203.
2. Buss A.H., Durkee A. An inventory for assessing different kinds of hostility. *Journal of Consulting Psychology*, 1957. Vol. 21, no. 4, pp. 343-349. doi: 10.1037/h0046900
3. Didenko A.V. Osobennosti kharakterologicheskikh reaktssii u osuzhdennykh za prestupleniya seksual'nogo kharaktera v period pervichnoi adaptatsii k mestam lisheniya svobody [Features of characterological reactions in convicted persons for sexual crimes during the initial adaptation in prison]. *Akademicheskii zhurnal Zapadnoi Sibiri* [Academic journal of Western Siberia], 2020, no. 3, pp. 47-49. (In Russ.; abstr. in Engl.).
4. Fahrenberg J., Hampel R., Selg H. Das Freiburger Persönlichkeitsinventar (8., erweiterte Aufl.). Göttingen: Hogrefe - Verlag für Psychologie. 2010.

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

5. Gerwinn H., Weiß S., Tenbergen G., Amelung T. et al. Clinical characteristics associated with paedophilia and child sex offending — Differentiating sexual preference from offence status. *European Psychiatry*, 2018. Vol. 51, pp. 74-85. doi: 10.1016/j.eurpsy.2018.02.002
6. Harsh S., Keller F., Jockusch U. Sexual offenders in prison and in hospital: a comparative study. *Recht und Psychiatrie*, 2006. Vol. 24, pp. 26-31.
7. П'ин Е.П. Motivatsiya i motivy. [Motivation and motives]. Saint-Petersburg: Piter, 2002. 512 p.
8. П'ин Е.П., Kovalev P.A. Metodika «Lichnostnaya agressivnost' i konfliktnost'» [The method of "Personal aggressiveness and conflict"]. In Dvoryanchikov N.V., Delibalt V.V., Dozortseva E.G., Debol'skii M.G., Degtyarev A.V., Chirkina R.V., Lavrik A.V., Metodicheskoe rukovodstvo. Sbornik testov programmno-metodicheskogo kompleksa differentsial'noi diagnostiki povedencheskikh narushenii nesovershennoletnikh «Diagnost-Ekspert+» [Methodological guidance. Collection of tests of the program-methodical complex of differential diagnostics of behavioral disorders of juvenile «Diagnostician-Expert+»]. Moscow: FGBOU VO MGPPU Publ., 2017, pp. 60-63.
9. Ireland J.L. Individual assessments of aggression. Accounting for core factors. In Jane L. Ireland, Carol A. Ireland, and Philip Birch (eds.), *Violent and Sexual Offenders Assessment, Treatment, and Management: Second edition*. New York: Routledge, 2019, pp. 294-328.
10. Kadyrov R.V., Yankina E.V. Psikhologicheskie osobennosti osuzhdennykh, sovershivshikh prestupleniya seksual'nogo kharaktera [Elektronnyi resurs] [Psychological characteristics of convicts who have committed crimes of a sexual nature]. *Sotsiosfera: nauchno-prakticheskii zhurnal [Sociosphere: a scientific and practical journal]*, 2010, no. 4. Available at: <http://www.medpsy.ru/library/library060.php> (Accessed 08.09.2020). (In Russ.; Abstr. in Engl.).
11. Kalashnikova A.S. Znachenie ingibitorov agressii dlya sudebno-ekspertnoi otsenki obshchestvennoi opasnosti pri opredelenii ogranichennoi vmenyaemosti [The value of inhibitors of aggression for the forensic evaluation of social risk in the determination of diminished responsibility]. *Rossiiskii psikhiatricheskii zhurnal [Russian psychiatric journal]*, 2018, no. 6, pp. 86-90. (In Russ.; Abstr. in Engl.).
12. Kalashnikova A.S., Dvoryanchikov N.V., Vasilenko T.G. Obzor issledovaniy po probleme ingibitorov agressii (chast' II) [Elektronnyi resurs] [A review of research on the problem of aggression inhibitors (part II)]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2014, no. 2. Available at: http://psyandlaw.ru/journal/2014/2/Kalashnikova_Dvoryanchikov_Vasilenko.phtml (Accessed 08.09.2020). (In Russ., Abstr. in Engl.).
13. Khvan A. A., Zaitsev Yu. A., Kuznetsova Yu.A. Standartizirovannyi oprosnik izmereniya agressivnykh i vrazhdebnykh reaktsii A. Bassa i A. Darki: metodicheskie rekomendatsii [Standardized questionnaire for measuring aggressive and hostile reactions by A. Buss and A. Durkee: methodical recommendation]. Kemerovo: KRIPKiPRO Publ., 2006. 68 p.
14. Kokurin A.V., Kokurina I.V. Kharakteristika osuzhdennykh za prestupleniya protiv polovoi neprikosnovennosti i polovoi svobody lichnosti, otbyvayushchikh ugodnoe nakazanie v vide lisheniya svobody v Rossii [Elektronnyi resurs] [Characteristics of those convicted of crimes against sexual integrity and sexual freedom of the individual serving a criminal sentence in the form of imprisonment in Russia]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and law]*, 2012, no. 1. Available at: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2012/n1/50326.shtml> (Accessed 08.09.2020). (In

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

Russ., Abstr. in Engl.).

15. Logunova O.A., Dvoryanchikov N.V. Issledovanie psikhologicheskikh osobennostei lichnosti i povedeniya seriinykh seksual'nykh ubiits razlichnykh tipov [Elektronnyi resurs] [Research of psychological features of the personality and behavior of serial sexual killers of various types]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2019, no. 1. Available at: https://psyjournals.ru/files/97331/psyandlaw_2019_1_Logunova_Dvoryanchikov.pdfC.

(Accessed 08.09.2020). (In Russ., Abstr. in Engl.).

16. Lozhkin A.I. Psikhologiya lichnosti agressivno-nasil'stvennogo prestupnika (motivatsionno-smyslovoi aspekt) [Psychology of the aggressively violent criminal's personality (motivational and semantic aspect)]. Ekaterinburg: Ural. yurid. in-ta MVD Rossii Publ., 2002. 136 p.

17. Nalchadzhyan A.A. Agressivnost' cheloveka [Aggressiveness of human]. Saint-Petersburg: Piter, 2007. 736 p.

18. Neil C., O'Rourke S., Ferreira N, Flynn, L. Protective factors in violence risk assessment: Predictive validity of the SAPROF and HCR-20V3. *International journal of forensic mental health*, 2019. Vol. 38, pp. 84-102. doi: 10.1080/14999013.2019.1643811

19. Safuanov F.S. Psikhologicheskaya tipologiya kriminal'noi agressii [Psychological typology of criminal aggression]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1999, no. 6, pp. 24-35. (In Russ.; abstr. in Engl.).

20. Safuanov F.S. Psikhologiya kriminal'noi agressii [Psychology of criminal aggression]. Moscow: Smysl, 2003. 300 p.

21. Safuanov F.S., Kalashnikova A.S., Tsar'kov A.E. Kliniko-psikhologicheskie faktory kriminal'noi agressii [Elektronnyi resurs] [Clinical and psychological factors of criminal aggression]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 2017, no. 4. Available at: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2017/n4/88645.shtml> (Accessed 08.09.2020). (In Russ., Abstr. in Engl.). DOI: 10.17759/psylaw.207070405

22. Shtefan E.F. Psikhokorreksiya agressivnogo povedeniya osuzhdennykh muzhskogo pola pri dlitel'nykh srokakh nakazaniya. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk [Psychocorrection of aggressive behavior of male convicts with long sentences. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Ryazan', 2008. 26 p.

Информация об авторах

Диденко Александр Владимирович, доктор медицинских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отделения пограничных состояний НИИ психического здоровья, Томский национальный исследовательский медицинский центр РАН (ФГБНУ ТНИМЦ РАН, НИИ ПЗ), г. Томск, Российская Федерация; профессор кафедры психиатрии, наркологии и психотерапии, Сибирский государственный медицинский университет (ФГБОУ ВО СибГМУ Минздрава РФ), г. Томск, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9796-1673>, e-mail: dedzone@yandex.ru

Писарев Олег Михайлович, кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры организации кадровой, социальной, психологической и воспитательной работы, Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний (ФКУ ДПО «Томский ИПКР ФСИН России»), г. Томск, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>, e-mail: olbig@sibmail.com

Диденко А.В., Писарев О.М., Мальцева Е.А.
Характеристика проагрессивных факторов,
влияющих на агрессивное поведение осужденных,
отбывающих уголовные наказания в местах лишения
свободы за сексуальные преступления
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 48—62.

Didenko A.V., Pisarev O.M., Mal'tseva E.A.
Characterization of Pro-aggressive Factors Influencing
the Aggressive Behavior of Sex Offenders Serving their
Sentences in Detention Facilities.
2021. Vol. 11, no. 1, pp. 48—62.

Мальцева Екатерина Александровна, старший психолог психологической службы, Управление Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Тюменской области (УФСИН России по Тюменской области), г. Тюмень, Российская Федерация; ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9492-3137>, e-mail: ZimK@bk.ru

Information about the authors

Alexander V. Didenko, MD, Associate Professor, Leading Researcher of the Department of Borderline States of the Mental Health Research Institute, Tomsk National Research Medical Center of the Russian Academy of Sciences, Tomsk, Russia; Professor of the Department of Psychiatry, Narcology and Psychotherapy of the Siberian State Medical University, Tomsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9796-1673>, e-mail: dedzone@yandex.ru

Oleg M. Pisarev, PhD in Psychology, Associate professor, The Head of the Department of Organization of Personnel, Social, Psychological and Educational Work, Tomsk Institute of Advanced Training of Workers of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3559-6524>, e-mail: olbig@sibmail.com

Ekaterina A. Mal'tseva, Senior Psychologist of the Psychological Service of the Administration of Federal Penitentiary Service of Russia in the Tyumen Region, Tyumen, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9492-3137>, e-mail: ZimK@bk.ru

Получена 09.09.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 09.09.2020
Accepted 02.02.2021

ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ |
THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE

**Изучение взаимосвязи профессионально-ценностных
ориентаций и волевых качеств курсантов
образовательных организаций ФСИН России**

Самойлик Н.А.

Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКОУ ВО Кузбасский институт ФСИН России), г. Новокузнецк, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>, e-mail: nat-samojlik@yandex.ru

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи волевых качеств и профессионально-ценностных ориентаций будущих сотрудников пенитенциарной сферы. Выборку составили 298 курсантов, обучающихся в ведомственном вузе ФСИН России. Диагностический комплекс включал следующие методики: «Диагностика профессионально-ценностных ориентаций личности» (Н.А. Самойлик) и «Опросник диагностики волевых качеств личности» (М.В. Чумаков). На основании полученных результатов делается вывод, что независимо от выявленного типа профессионально-ценностных ориентаций для курсантов характерны такие волевые качества, как ответственность, решительность, самостоятельность, выдержка, настойчивость и целеустремленность. Полученные взаимосвязи отражают общую тенденцию профессионального становления сотрудников, которая заключается в специально организованном процессе принятия и осмысления ценностных ориентиров будущей служебной деятельности. Данные результаты можно использовать при проведении индивидуального консультирования и тренингов, направленных на формирование ценностей профессии и прогнозирование карьерного роста будущих специалистов исправительных учреждений.

Ключевые слова: волевые качества, профессионально-ценностные ориентации, учебная деятельность, служебная деятельность, курсанты.

Для цитаты: Самойлик Н.А. Изучение взаимосвязи профессионально-ценностных ориентаций и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 63—76. DOI:10.17759/psylaw.2021110106

Samoylik N.A.
Изучение взаимосвязи профессионально-ценностных ориентаций и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 63—76.

Samoylik N.A.
Study of Relationship between Professional-Value Orientations and Volitional Qualities in Cadets of Educational Institutions of Federal Penitentiary Service of Russia
Psychology and Law. 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 63—76.

Study of Relationship between Professional-Value Orientations and Volitional Qualities in Cadets of Educational Institutions of Federal Penitentiary Service of Russia

Natalya A. Samoylik

Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>, e-mail: nat-samojlik@yandex.ru

The article presents the results of an empirical examination of the relationship between the volitional qualities and professional and value orientations of the future officers in the penitentiary field. The sample consisted of 298 cadets enrolled in a departmental institution of higher education of the Federal Penitentiary Service of Russia. The diagnostics was performed using following techniques: "Diagnostics of Professional and Value Personality Orientations" (by N.A. Samoylik) and "Diagnostics Questionnaire of Volitional Personality Qualities" (by M.V. Chumakov). From the obtained results it was concluded that irregardless of one's personal type of professional and value orientations, cadets are distinguished by volitional qualities, such as responsibility, determination, self-reliance, tenacity, persistence and firmness of purpose. The links revealed reflect a general tendency to officers' professional development, which lies in a specifically organized process of acceptance and understanding of the key values of their future service. These results can be used in individual counseling and training courses aimed at the formation of professional values and predicting the career of the future professionals of the correctional facilities.

Keywords: volitional qualities, professional and value orientations, training activities, service, cadets.

For citation: Samoylik N.A. Study of Relationship between Professional-Value Orientations and Volitional Qualities in Cadets of Educational Institutions of Federal Penitentiary Service of Russia. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 63—76. DOI:10.17759/psylaw. 2021110106 (In Russ.).

Введение

Достижение поставленных современным законодательством целей по исполнению уголовных наказаний возможно лишь при высоком уровне профессиональной подготовки кадрового состава исправительных учреждений, огромную роль в которой играют волевые качества. Волевые качества представителей пенитенциарной области труда характеризуются высокими показателями социальной ответственности и устойчивости ценностных ориентаций. Вследствие подобной ситуации сотрудникам необходимо формировать такие значимые качества, которые будут способствовать строгой гуманистической и правовой регламентации осуществления служебной деятельности. Выполнение задач по изоляции

осужденных зависит от профессиональных качеств специалистов исправительных учреждений.

Кроме того, результативность служебной деятельности сотрудников пенитенциарной системы во многом связана с умением управлять своим поведением, контролировать эмоции, принимать соответствующие решения в экстремальных ситуациях, возникающих в местах лишения свободы. В связи с этим значимость проявления волевых качеств как ценностных ориентиров специалистов уголовно-исполнительной системы (далее — УИС) в процессе выполнения поставленных служебных задач чрезвычайно возрастает.

Несомненно, что большое значение для формирования волевых качеств сотрудников УИС играет профессиональная подготовка, осуществляемая в ведомственных образовательных учреждениях и предполагающая не только приобретение необходимых для службы знаний, умений, навыков и специальных компетенций, но и развитие профессионально-ценностных ориентаций (далее — ПЦО). Обучение в специализированном учебном заведении направлено на осознание, принятие и дальнейшее развитие системы волевых качеств, выступающих в качестве значимых и системообразующих факторов профессионализма будущих специалистов.

Методологические основы исследования воли и ее основных характеристик заложили в своих работах М.Я. Басов [2], Л.И. Божович [3], Ю.Б. Гиппенрейтер [7], В.И. Селиванов [14], Б.Н. Смирнов [15] и др. Современные тенденции анализа свойств и специфики становления волевых качеств индивида представлены у А.В. Быкова [4], Ю.Т. Глазунова и К.Р. Сидорова [6], В.А. Иванникова [8], Е.П. Ильина [9], Е.О. Смирновой [16], М.В. Чумакова [17]. В зарубежной психологии вопросами структурно-функциональных особенностей воли занимались авторские коллективы под руководством R.P. Bagozzi [20], J. Beckmann [21], D.C. Gottfredson [22], E.J. Finkel [23], M.S. Hagger [24], M.R. VanDellen [25]. В то же время подчеркнем, что в последнее время в литературе актуализуется проблема развития волевых качеств в образовательном процессе ведомственных вузов правоохранительных органов России (Н.В. Аникеева [1], А.А. Вотинов [5], Т.М. Молокова [11], Н.А. Никулина [12], И.В. Попов [13], Ю.М. Тихомирова [17], А.В. Щербаков [19]).

Следовательно, служебная деятельность предъявляет высокие требования к подготовке специалистов УИС, что позволяет предположить наличие взаимосвязи между ПЦО и волевыми качествами курсантов специализированного ведомственного вуза. Однако до настоящего времени отсутствуют эмпирические исследования, посвященные анализу взаимосвязи ПЦО и волевых качеств будущих сотрудников пенитенциарной сферы.

Метод исследования

Исследование проводилось в 2017—2018 г. на базе ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России» (г. Новокузнецк). Выборку исследования составили курсанты в количестве 298 человек, проходящие профессиональную подготовку по специальности «Правоохранительная деятельность». Возраст испытуемых — от 20 до 24 лет ($M=21,68$; $\sigma = 0,12$). Эмпирическое исследование осуществлялось с помощью следующих методик: «Диагностика профессионально-ценностных ориентаций личности» («ДиПЦОЛ») (Н.А. Самойлик) и «Опросник диагностики волевых качеств личности» («ВКЛ») (М.В. Чумаков).

Обработка полученных количественных результатов велась с помощью t -критерия Спирмена, значения среднего показателя величины (M) и частотного (процентного) анализа.

Результаты исследования

На основе полученных результатов диагностики по опроснику «ДиПЦОЛ» можно констатировать, что для курсантов в большей степени свойственен когнитивный тип ПЦО (48%), в основе которого находится готовность будущих специалистов исправительных учреждений изучать и применять на практике профессиональные знания (рис. 1).

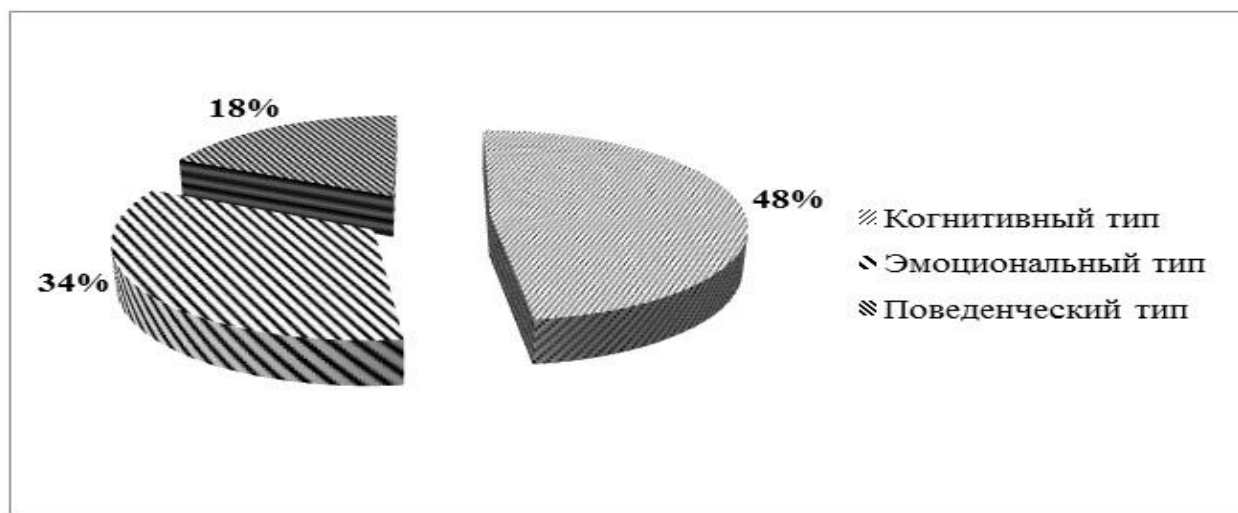

Рис. 1. Представленность типов профессионально-ценностных ориентаций среди курсантов

Преобладание когнитивного типа ПЦО можно объяснить следующими аспектами. Во-первых, профессиональные знания являются общими для представителей конкретной области труда. Подобная всеобщность специальных знаний связана с введением стандартов высшего образования, наличием нормативных образовательных документов и предъявляемыми со стороны государства требованиями к подготовке специалистов определенной сферы труда. Во-вторых, профессиональные знания отличаются объективизмом, выраженным в синтезе теоретического и практического уровня, инструментального и технологического способа реализации деятельности. В-третьих, профессиональные знания сотрудников УИС носят узкоспециализированный характер, обеспечивающий целостность процесса профессионализации и полноценной реализации специалиста в ходе служебной деятельности.

Курсанты с познавательным типом ПЦО отличаются осознанием важности организации различных форм межличностного взаимодействия и ответственности при их поддержании ($r=0,58$ при $p \leq 0,01$), что свидетельствует об осмысленной актуализации поведения в соответствии с требованиями служебной деятельности. Необходимость сознательного управления своим поведением обусловлена формированием положительного отношения к профессиональному сообществу, коллегам и себе как профессионалу (табл. 1).

Таблица 1

Показатели взаимосвязи между волевыми качествами и ценностями профессии респондентов с когнитивным типом (r -критерий Спирмена) (N=143)

Шкалы методик	Ценности — отношения	Ценности — знания	Ценности — цели	Ценности — результат	Ценности — качества	Ценности — умения
Ответственность	0,58**	0,67**	-	0,42*	-	-
Инициативность	-	-	-	-	-0,51*	-
Решительность	0,42*	-	0,45**	-	-	-
Самостоятельность	-	0,53*	-	0,55*	-	0,49*
Выдержка	0,61*	-	-	-	-	-
Настойчивость	-	0,64*	-	0,39*	-	-
Энергичность	0,55*	-	-	-	-	-
Внимательность	0,46*	-	-	-	-	-
Целеустремленность	-	0,59**	-	-	0,54**	0,48*

Примечание: здесь и далее в таблицах: «*» — присутствует достоверная связь (при $p \leq 0,05$); «**» — присутствует сильная значимая связь (при $p \leq 0,01$).

Возрастание значимости отношений среди курсантов с когнитивным типом ПЦО детерминировано потребностью в быстром и уверенном принятии решений, от которых может зависеть не только оперативная обстановка в исправительном учреждении, но и жизнь сотрудников ($r=0,42$ при $p \leq 0,05$). Способность без длительных колебаний разрешать сложившуюся проблемную или экстремальную ситуацию определяется направленностью на поддержание безопасности и режимных требований. Продуктивное межличностное взаимодействие с сослуживцами и мотивация на сохранение доверительных и открытых отношений способствуют выработке адекватной модели прогнозирования действий и поступков в условиях социума осужденных.

Полученные умеренные положительные взаимосвязи между ценностями отношений и проявлением энергичности ($r=0,55$ при $p \leq 0,05$) и внимательности ($r=0,46$ при $p \leq 0,05$) отражают повышение показателя удовлетворенности процессом общения за счет включения в данный процесс активности, интереса и сосредоточенности как ведущих познавательных характеристик сотрудников УИС. В ходе служебной деятельности, реализуемой курсантами в ходе обучения, актуализуется потребность в произвольной концентрации внимания, памяти, восприятия, результатом применения которых становятся собранность и направленность на эффективное выполнение поставленных профессиональных задач.

Обучение в ведомственном вузе предполагает получение специализированных знаний, выступающих основой личностного саморазвития. Мотивация получения и совершенствования системы знаний повышается в связи с развитием таких волевых качеств, как ответственность ($r=0,67$ при $p \leq 0,01$), самостоятельность ($r=0,53$ при $p \leq 0,05$) и настойчивость ($r=0,64$ при $p \leq 0,05$). Обнаруженные взаимосвязи позволяют предположить, что качество процесса усвоения и закрепления профессиональных знаний зависит от проявления волевых качеств обучающихся ведомственного вуза. Данное обстоятельство также можно объяснить и выполнением некоторых служебных обязанностей, осуществляемых в период учебно-профессиональной деятельности и несущих практико-

ориентированный характер. Так, например, несение службы в карауле, осуществление контрольно-пропускного режима, соблюдение субординации, организация индивидуальных и групповых форм самоподготовки позволяют определить ценность специальных знаний, входящих в структуру профессиональных компетенций выпускников ведомственных вузов.

Выявленная умеренная положительная взаимосвязь между ценностями-целями и решительностью ($r=0,45$ при $p \leq 0,01$) дает возможность говорить о росте уровня значимости профессиональных целей над личностными и формировании способностей самостоятельного и своевременного принятия необходимых служебных решений и их реализации в ходе выполнения основных целей наказания осужденных.

Достижение значимых результатов обучающихся связано с высоким уровнем самостоятельности ($r=0,55$ при $p \leq 0,05$) и настойчивости ($r=0,39$ при $p \leq 0,05$). Полученные корреляционные взаимосвязи можно объяснить преобладанием в ходе специальной подготовки инициативности, критичности, способности отстаивать свою позицию и преодолевать препятствия на пути к достижению поставленных целей. Данные волевые качества курсантов могут выступать ценностными ориентирами будущей деятельности и детерминировать их дальнейшую успешную профессионализацию.

Специфика личностно-профессиональных качеств курсантов с когнитивным типом ПЦО обусловлена наличием осознанных целей в жизни и мобильности в их достижении ($r=0,55$ при $p \leq 0,01$) и, в то же время, значительным снижением лидерских тенденций в структуре проявления волевых характеристик ($r=-0,51$ при $p \leq 0,05$), что свидетельствует о склонности респондентов к выполнению поставленных служебных задач на основе следования нормам и требованиям уголовного законодательства.

Согласно полученным результатам, освоенные курсантами способы выполнения профессиональных обязанностей осуществляются с помощью таких волевых качеств, как самостоятельность ($r=0,49$ при $p \leq 0,05$) и целеустремленность ($r=0,48$ при $p \leq 0,05$). Формируемая в процессе учебно-профессиональной деятельности в вузе потребность в развитии и активизации актуальных и потенциальных ценностных ресурсов выступает как ведущее условие становления профессионала, готового непосредственно и качественно выполнять служебные задачи. Мотивация и готовность сотрудников УИС осуществлять служебную деятельность без посторонней помощи обусловлена имеющейся системой компетенций, закладываемой в процессе обучения в ведомственном вузе.

Для группы респондентов характерен и эмоциональный тип ПЦО (34%). Наличие данного типа демонстрирует присутствие общего положительного отношения к будущей службе. Эмоциональный фон курсантов обуславливает потребность в профессиональном саморазвитии в ходе учебной деятельности, что позволяет характеризовать особенности адаптации к специфике обучения в ведомственном вузе, психологическую готовность к реализации нового социального статуса и акцентирование внимания на значимых для предстоящей профессии функциях, обязанностях и правах (табл. 2).

Таблица 2

Показатели взаимосвязи между волевыми качествами и ценностями профессии респондентов с эмоциональным типом (г-критерий Спирмена) (N=101)

Шкалы методики	Ценности — отношения	Ценности — знания	Ценности-цели	Ценности — результат	Ценности — качества	Ценности — умения
Ответственность	0,37*	0,56*	0,45*	-	-	-
Инициативность	-	-	-	-	0,44**	-
Решительность	-	-	0,57*	0,39*	-	-
Самостоятельность	0,35*	-	0,72**	0,51*	-	0,43*
Выдержка	-	-	-	0,44*	-	-
Настойчивость	-	-	0,49**	-	0,31*	-
Энергичность	0,34*	-	-	0,43*	-	-
Внимательность	-	-	-	-	-	-
Целеустремленность	-	-	0,51*	-	0,47*	-

Достаточно весомую роль в учебно-профессиональном процессе играют отношения, формирование которых во многом зависит от способностей будущих специалистов УИС переживать и осмысливать личностные и социальные контакты. Эмоциональный фон обучения курсантов детерминирован показателем субъективной оценки общественных и профессиональных факторов, позволяющих психологически грамотно и уверенно строить межличностные взаимоотношения, как с сокурсниками, так и с офицерами.

Достижение целей в ходе обучения среди обучающихся с эмоциональным типом ПЦО также определяется увеличением уровня ответственности ($r=0,45$ при $p \leq 0,05$), решительности ($r=0,57$ при $p \leq 0,05$) и настойчивости ($r=0,49$ при $p \leq 0,01$). Полученные корреляционные связи свидетельствуют об активном использовании курсантами волевых качеств при создании благоприятной психологической атмосферы внутри коллектива в течение всего периода обучения.

Тесная положительная связь между значимостью целей и самостоятельностью их достижения ($r=0,72$ при $p \leq 0,01$) демонстрирует формируемую в ходе обучения способность без посторонней помощи организовывать свою деятельность, отстаивать свое мнение, соблюдать нормы и правила профессиональной группы без внешнего контроля. Ведь, по справедливому замечанию И.С. Кона: «Самостоятельность как свойство личности предполагает, во-первых, независимость, способность самому, без подсказки извне, принимать и проводить в жизнь важные решения, во-вторых, ответственность, готовность отвечать за последствия своих поступков и, в-третьих, убеждение в том, что такое поведение реально, социально возможно и морально правильно» [11, с. 269].

Значительную роль в ходе служебной деятельности специалистов исправительных учреждений играет результативность, выступающая в качестве показателя психолого-педагогической эффективности обеспечения процесса исправления осужденных. Подчеркнем, что сложность воспитательного воздействия на лиц, совершивших преступления, зависит от специфики их криминальной зараженности и уровня отрицания норм социального взаимодействия. Полученные умеренные положительные корреляции между значимостью результата и решительностью, самостоятельностью, выдержкой и энергичностью ($r=0,3-0,5$ при $p \leq 0,05$) отражают адекватность восприятия и оценки итогов

учебной деятельности курсантов, что является базовой предпосылкой становления саморазвития. Стремление к достижению конкретных результатов в ходе выполнения поставленных служебных задач связано с готовностью предпринимать грамотные и юридически обоснованные действия в ответ на угрозы пенитенциарной среды, способностью сознательно ставить перед собой цели и определять направления деятельности для их достижения, контролировать эмоциональные проявления и терпеливо переносить профессиональные перегрузки.

В группе курсантов с выраженным эмоциональным типом ПЦО были обнаружены умеренные положительные взаимосвязи между ответственностью и значимостью отношений ($r=0,37$ при $p \leq 0,05$) и знаниями ($r=0,56$ при $p \leq 0,05$). Ответственность респондентов с эмоциональным типом выражается, прежде всего, в чувстве долга, добросовестном выполнении поставленных служебных задач и гордости за принадлежность к пенитенциарной области труда. Данные характеристики определяют эмоциональный полюс отношения реализации социально значимой сферы профессии — сотрудника УИС.

Кроме того, в качестве важных профессиональных качеств будущие специалисты пенитенциарной сферы назвали такие волевые характеристики, как инициативность ($r=0,44$ при $p \leq 0,01$), настойчивость ($r=0,31$ при $p \leq 0,05$) и целеустремленность ($r=0,47$ при $p \leq 0,05$). Выявленные положительные взаимосвязи позволяют предположить, что чем более осознается значимость становления профессиональных особенностей у специалистов исправительных учреждений, тем больше увеличивается потребность в активности, стремлении доводить начатое дело до логического заключения и направленности на неуклонное, вопреки трудностям и препятствиям, достижение поставленной цели.

Развитие важных для сотрудников УИС специальных умений осуществляется за счет автономности и независимости, позволяющих уже в период обучения сформировать необходимые способности по организации самообразования, формированию системы мировоззрения, управлению процессом жизнедеятельности и профессионализации ($r=0,43$ при $p \leq 0,05$).

Следует подчеркнуть, что курсантам также присущ поведенческий тип ПЦО (18%), формируемый на заключительном этапе получения образования и представляющий собой развитие системы паттернов профессионального поведения. Исходя из природы ценностей, отметим, что одним из условий перехода ПЦО в регулятивный показатель является необходимость их актуализации в личностно-профессиональную плоскость.

Профессионально значимые качества будущих специалистов пенитенциарной сферы имеют положительные корреляции с ответственностью ($r=0,62$ при $p \leq 0,05$), инициативностью ($r=0,34$ при $p \leq 0,01$), самостоятельностью ($r=0,48$ при $p \leq 0,05$), выдержкой ($r=0,71$ при $p \leq 0,05$), внимательностью ($r=0,55$ при $p \leq 0,05$) и целеустремленностью ($r=0,69$ при $p \leq 0,01$). Данные личностные особенности курсантов выступают как базовые факторы успешной организации и реализации процесса приобретения ценностей профессии. В то же время они являются и объективными диагностическими критериями становления личности сотрудника УИС (табл. 3).

Таблица 3

Показатели взаимосвязи между волевыми качествами и ценностями профессии респондентов с поведенческим типом (r-критерий Спирмена) (N=54)

Шкалы методики	Ценности— отношения	Ценности— знания	Ценности— цели	Ценности— результат	Ценности— качества	Ценности— умения
Ответственность	0,51*	-	0,75*	-	0,62*	-
Инициативность	-	-	-	-	0,34**	-
Решительность	-	-	-	-	-	0,49*
Самостоятельность	-	0,47*	-	-	0,48*	-
Выдержка	-	-	-	-	0,71*	-
Настойчивость	-	-	0,56*	-	-	0,75**
Энергичность	-	-	-	-	-	-
Внимательность	-	-	-	-	0,55*	0,44*
Целеустремленность	0,56**	-	-	0,48*	0,69**	-

Способы реализации служебной деятельности курсантов образовательных организаций ФСИН России связаны с проявлением в ходе учебной деятельности решительности ($r=0,49$ при $p \leq 0,05$) и внимательности ($r=0,44$ при $p \leq 0,05$). Вероятно, обучающиеся при выполнении поставленных учебно-профессиональных задач уверенно ориентируются на принятие необходимых решений и пытаются поддержать оптимальный уровень сосредоточенности и, вместе с тем, тактичности при взаимодействии с сослуживцами и офицерами.

В качестве ведущего и необходимого умения в группе респондентов с поведенческим типом ПЦО было выделено такое волевое качество, как настойчивость ($r=0,75$ при $p \leq 0,01$), что указывает на осознание потребности в преодолении препятствий и достижении значимых результатов деятельности. В данном случае формирование и адекватное проявление выраженной служебной направленности можно рассматривать как триггер формирования поведенческой модели профессионального развития и реализации личности специалиста в системе исполнения наказаний.

Специфика реализации значимых отношений курсантов с поведенческим типом ПЦО обусловлена осознанием важности ответственности ($r=0,51$ при $p \leq 0,05$) и целеустремленности ($r=0,56$ при $p \leq 0,01$). Ценностные отношения к служебной деятельности и себе как представителю определенной трудовой области возникают вследствие трудовой социализации, результатом которой становится осознание важности различных типов отношений в процессе службы.

Выполнение поставленных профессиональных задач курсантами ведомственных образовательных учреждений связано с организацией самостоятельного получения специальных знаний ($r=0,47$ при $p \leq 0,05$). Познавательный аспект служебной деятельности будущих сотрудников УИС направлен на приобретение и дальнейшее развитие теоретических, методических и технологических сведений, составляющих основу эффективного выполнения поставленных задач по изоляции и исправлению осужденных. Осознание важности получения профессиональных знаний способствует формированию мотивации совершенствования и увеличения их качественных и количественных показателей, а также применению их в ходе практической деятельности.

Уверенность респондентов данной группы в достижении профессиональных целей связана с включением в процесс учебной деятельности волевых проявлений ответственности ($r=0,75$ при $p \leq 0,05$) и настойчивости ($r=0,56$ при $p \leq 0,05$). Полученные положительные взаимосвязи между вышеназванными шкалами могут быть объяснены следующими факторами. Во-первых, у обучающихся наблюдается стремление в достижении высоких результатов в учебной, боевой, спортивной и служебной подготовке. Во-вторых, специфика обучения в ведомственном вузе предполагает активную работу курсантов по организации и реализации самовоспитания, которое выступает основой успешной профессионализации специалиста УИС. Обнаруженная положительная умеренная корреляция между ценностью результата и целеустремленностью ($r=0,48$ при $p \leq 0,05$) подтверждает необходимость адаптации своего поведения к цели исполнения уголовных наказаний в отношении лиц совершивших преступление и объективного представления перспектив своего личностного и профессионального развития.

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать тождественность волевых качеств обучающихся ведомственных вузов ФСИН России независимо от типа профессионально-ценностных ориентаций. Гипотеза исследования о наличии взаимосвязей между профессионально-ценностными ориентациями и волевыми качествами обучающихся ведомственного вуза подтвердилась. Курсанты с разными типами профессионально-ценностных ориентаций обладают общими волевыми качествами, среди которых ответственность, решительность, самостоятельность, выдержка, настойчивость и целеустремленность. В заключении заметим, что результаты эмпирического исследования можно использовать при индивидуальном консультировании и проведении тренингов, направленных на формирование ценностей профессии через призму волевых качеств специалистов пенитенциарной сферы.

Литература

1. Аникеева Н.В. Роль волевой регуляции в профессиональной деятельности сотрудника ОВД // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 3. С. 105—107.
2. Басов М.Я. Воля как предмет функциональной психологии. СПб.: Алетея, 2007. 543 с.
3. Божович Л.И. Проблемы формирования личности / Под ред. Д.И. Фельдштейна. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2001. 349 с.
4. Быков А.В. Генезис волевой регуляции. М.: Юго-Восток-Сервис. 2007. 247 с.
5. Вотинов А.А. Формирование культуры самоорганизации сотрудников ФСИН как фактор их профессионального совершенствования // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 292—294.
6. Глазунов Ю.Т., Сидоров К.Р. Степень проявления волевых качеств как мера способности преодоления препятствия на пути достижения цели // Сибирский психологический журнал. 2016. № 61. С. 20—33. DOI: 10.17223/17267080/61/2
7. Гиппенрейтер Ю.Б. О природе человеческой воли // Психологический журнал. 2005. № 3. Т. 26. С. 15—24.
8. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. СПб.: Питер. 2006. 208 с.
9. Ильин Е.П. Психология воли. СПб.: Питер, 2009. 368 с.

10. *Кон И.С.* Психология самостоятельности // Педагогика здоровья. М.: Педагогика Пресс, 1992. С. 268—273.
11. *Молокова Т.М.* Проблемы организации и совершенствования профессиональной подготовки сотрудников УИС // Вестник Кузбасского института. 2011. № 5(8). С. 103—107.
12. *Никулина Н.А.* Совершенствование профессиональной подготовки сотрудников УИС // Сборник научных трудов сотрудников Вологодского института права и экономики ФСИН России. Вологда. Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 182—186.
13. *Попов И.В.* Самоорганизация учебной деятельности как фактор развития личности курсантов ведомственных вузов // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара: Самарский юридический институт. 2017. С. 243—245.
14. *Селиванов В.И.* Дискуссионные вопросы психологии воли // Психологический журнал. 1986. № 6. Т. 7. С. 110—121.
15. *Смирнов Б.Н.* О разных подходах к проблеме воли в психологии // Вопросы психологии. 2004. № 3. С. 64—70.
16. *Смирнова Е.О.* К проблеме воли и произвольности в культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2015. Т. 11. № 3. С. 9—15. DOI: 10.17759/chr.2015110302.
17. *Тихомирова Ю.М.* Структурные компоненты психологической готовности сотрудников уголовно-исполнительной системы к профессиональной деятельности // Наука и бизнес: пути развития. 2014. № 7(37). С. 35—37.
18. *Чумаков М.В.* Эмоциональные аспекты волевой регуляции: монография. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2005. 168 с.
19. *Щербаков А.В.* Некоторые аспекты профессиональной подготовки сотрудников УИС в современных условиях // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новокузнецк. Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний. 2018. С. 216—220.
20. *Bagozzi R.P., Moore D.J., Leone L.* Self-Control and the Regulation of Dieting Decisions: The Role of Prefactual Attitudes, Subjective Norms, and Resistance to Temptation / R.P. Bagozzi, D.J. Moore L. Leone // Basic and Applied Social Psychology. 2004. Vol. 26. P. 199—213.
21. *Beckmann J.* Metaprocess and the regulation of behavior / J. Beckmann, F. Halisch, J. Kuhl // Motivation, intention and volition. Berlin: Springer, 1987. P. 371—386.
22. *Gottfredson D.C.* Personality and persistence in education: a longitudinal study // Journal of Personality and Social Psychology. 1982. Vol. 43(3). P. 532—545.
23. *Finkel E.J.* High-maintenance interactions: Inefficient social coordination impairs self-regulation / E.J. Finkel, W.K. Campbell, A.B. Brunell, A.N. Dalton, T.L. Chartrand, S.J. Scarbeck // Journal of Personality and Social Psychology. 2006. Vol. 91. P. 456—475.
24. *Hagger M.S.* Ego Depletion and the Strength Model of Self-Control: A Meta-Analysis / M.S. Hagger, C. Wood, C. Stiff, N.L.D. Chatzisarantis // Psychological Bulletin (American Psychological Association). 2010. Vol. 136(4). P. 495—525.

Samoylik N.A.
Изучение взаимосвязи профессионально-ценностных ориентаций и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 63—76.

Samoylik N.A.
Study of Relationship between Professional-Value Orientations and Volitional Qualities in Cadets of Educational Institutions of Federal Penitentiary Service of Russia
Psychology and Law. 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 63—76.

25. VanDellen M.R., Hoyle R.H. Regulatory Accessibility and Social Influences on State Self-Control / M.R. VanDellen, R. Hoyle // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Vol. 36. P. 251—263.

References

1. Anikeeva N.V. Rol' volevoj regulyacii v professional'noj deyatel'nosti sotrudnika OVD [The role of volitional regulation in the professional activity of the IAB employee]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Moscow University of the MIA of Russia]*, 2012, no. 3, pp. 105-107 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Basov M.Ya. Volya kak predmet funkcional'noj psihologii [Will as a subject of functional psychology]. Saint-Petersburg: Aleteya, 2007. 543 p. (In Russ.).
3. Bozhovich L.I. Problemy formirovaniya lichnosti [Problems of personality formation] / Pod red. D.I. Fel'dshtejna. Moscow: MPSI; Voronezh: MODEK, 2001. 349 p.
4. Bykov A.V. Genezis volevoj regulyacii [The genesis of the volitional regulation]. Moscow: Yugo-Vostok-Servis, 2007. 247 p. (In Russ.).
5. Votinov A.A. Formirovanie kul'tury samoorganizacii sotrudnikov FSIN kak faktor ih professional'nogo sovershenstvovaniya [The creation of a culture of self-organization of employees of the FPS as a factor of their professional development]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2015, no. 20, pp. 292-294 (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Glazunov Yu.T. & Sidorov K.R. Stepen' proyavleniya volevykh kachestv kak mera sposobnosti preodoleniya prepyatstviya na puti dostizheniya celi [The extent of manifestation of volitional qualities as a measure of the ability to overcome obstacles to achieve the goal]. *Sibirskij psihologicheskij zhurnal [Siberian journal of psychology]*. 2016, no. 61, pp. 20-33 (DOI: 10.17223/17267080/61/2) (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Gippenrejtser Yu.B. O prirode chelovecheskoj voli [On the nature of the human will]. *Psihologicheskij zhurnal [Psychological journal]*. 2005. T. 26, no. 3, pp. 15-24 (In Russ., abstr. in Engl.).
8. Ivannikov V.A. Psihologicheskie mekhanizmy volevoj regulyacii [Psychological mechanisms of volitional regulation]. Saint-Petersburg: Piter, 2006. 208 p. (In Russ.).
9. Il'in E.P. Psihologiya voli [Psychology of will]. Saint-Petersburg: Piter, 2009. 368 p. (In Russ.).
10. Kon I.S. Psihologiya samostoyatel'nosti [The psychology of independence] // *Pedagogika zdorov'ya*. Moscow: Pedagogika Press, 1994. pp. 268-273. (In Russ.).
11. Molokova T.M. Problemy organizacii i sovershenstvovaniya professional'noj podgotovki sotrudnikov UIS [Problems of organization and improvement of professional training of employees of PS]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta [Bulletin of the Kuzbass Institute]*. 2011, no.5(8), pp. 103-107 (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Nikulina N.A. Sovershenstvovanie professional'noj podgotovki sotrudnikov UIS [Improvement of professional training of PS staff]. *Sbornik nauchnykh trudov sotrudnikov Vologodskogo instituta prava i ekonomiki FSIN Rossii [Collection of scientific works of employees of the Vologda Institute of Law and Economics of the FPS of the Russian Federation]*. Vologda. Vologodskij institut prava i ekonomiki Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy. 2017, pp. 182-186. (In Russ.).

13. Popov I.V. Samoorganizaciya uchebnoj deyatelnosti kak faktor razvitiya lichnosti kursantov vedomstvennyh vuzov [Self-organization of educational activity as a factor of personality development of cadets of departmental universities] / Penitenciarnaya bezopasnost': nacional'nye tradicii i zarubezhnyj opyt: al'manah nauchnyh trudov Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii [*Prison security: national traditions and foreign experience: almanac of scientific works of the Samara Legal Institute of the FPS of the Russian Federation*]. Samara: Samarskij yuridicheskij institute, 2017, pp. 243-245. (In Russ.).
14. Selivanov V.I. Diskussionnye voprosy psikhologii voli [Discussion questions of the psychology of will]. Psikhologicheskii zhurnal [*Psychological journal*], 1986. T. 7, no. 6, pp. 110—121 (In Russ., abstr. in Engl.).
15. Smirnov B.N. O raznyh podhodah k probleme voli v psihologii [On different approaches to the problem of will in psychology]. Voprosy psihologii [*Questions of psychology*], 2004, no. 3, pp. 64-70 (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Smirnova E.O. K probleme voli i proizvol'nosti v kul'turno-istoricheskoy psihologii [On the problem of will and arbitrariness in cultural and historical psychology]. Kul'turno-istoricheskaya psihologiya [*Cultural and historical psychology*], 2015. T.11, no. 3, pp. 9-15 (DOI: 10.17759/chp.2015110302) (In Russ., abstr. in Engl.).
17. Tihomirova Yu.M. Strukturnye komponenty psikhologicheskoy gotovnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy k professional'noj deyatelnosti [Structural components of psychological readiness of employees of the penal system to professional activity]. Nauka i biznes: puti razvitiya [*Science and business: ways of development*], 2014, no. 7(37), pp. 35-37 (In Russ., abstr. in Engl.).
18. Chumakov M.V. Oprosnik diagnostiki volevyh kachestv lichnosti. Rukovodstvo [Questionnaire of diagnostics of will qualities of personality Guide]. Yaroslavl'. NPC «Psihodiagnostika», 2008. 168 p. (In Russ.).
19. Shcherbakov A.V. Nekotorye aspekty professional'noj podgotovki sotrudnikov UIS v sovremennyh usloviyah [Some aspects of professional training of PS employees in modern conditions]. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema segodnya: vzaimodejstvie nauki i praktiki materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Novokuznetsk. Kuzbasskij institut Federal'noj sluzhby ispolneniya nakazaniy (g. Novokuznetsk, 17-18 noyabrya 2018 g.) [*Criminal Enforcement System Today: Interaction of Science and Practice Materials of the Russian Scientific and Practical Conference*], 2018, pp. 216-220. (In Russ.).
20. Bagozzi R.P., Moore D.J., Leone L. Self-Control and the Regulation of Dieting Decisions: The Role of Prefactual Attitudes, Subjective Norms, and Resistance to Temptation / R.P. Bagozzi, D.J. Moore L. Leone // *Basic and Applied Social Psychology*. 2004. Vol. 26, pp. 199-213.
21. Beckmann J. Metaprocess and the regulation of behavior / J. Beckmann, F. Halisch, J. Kuhl // *Motivation, intention and volition*. Berlin. Springer 1987. pp. 371-386.
22. Gottfredson D.C. Personality and persistence in education: a longitudinal study // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1982. V. 43 (3). P. 532-545.
23. Finkel E.J. High-maintenance interactions: Inefficient social coordination impairs self-regulation / E.J. Finkel, W.K. Campbell, A.B. Brunell, A.N. Dalton, T.L. Chartrand, S.J. Scarbeck // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2006. Vol. 91, pp. 456-475.

Samoylik N.A.

Изучение взаимосвязи профессионально-ценностных ориентаций и волевых качеств курсантов образовательных организаций ФСИН России
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 63—76.

Samoylik N.A.

Study of Relationship between Professional-Value Orientations and Volitional Qualities in Cadets of Educational Institutions of Federal Penitentiary Service of Russia
Psychology and Law. 2020. Vol. 11, no. 1, pp. 63—76.

24. Hagger M.S. Ego Depletion and the Strength Model of Self-Control: A Meta-Analysis / M.S. Hagger, C. Wood, C. Stiff, N.L.D. Chatzisarantis // *Psychological Bulletin* (American Psychological Association). 2010. Vol. 136 (4), pp. 495-525.

25. VanDellen M.R., Hoyle R.H. Regulatory Accessibility and Social Influences on State Self-Control / M.R. VanDellen, R. Hoyle // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2010. Vol. 36, pp. 251-263.

Информация об авторе

Самойлик Наталья Анатольевна, кандидат психологических наук, начальник кафедры пенитенциарной психологии и пенитенциарной педагогики, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний России, (ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России»), г. Новокузнецк, Российская Федерация,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>, e-mail: nat-samojlik@yandex.ru

Information about the author

Natalya A. Samoylik, PhD in Psychology, head of the Chair of the Penal Psychology and Penal Pedagogics Kuzbass Institute of the FPS of Russia, Novokuznetsk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5862-8197>, e-mail: nat-samojlik@yandex.ru

Получена 06.02.2020

Принята в печать 02.02.2021

Received 06.02.2020

Accepted 02.02.2021

**ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПРАКТИКА ИСПОЛНЕНИЯ УГОЛОВНЫХ НАКАЗАНИЙ
[THE PENITENTIARY PSYCHOLOGY AND PENAL PRACTICE**

**Развитие интеллектуально-личностного потенциала
сотрудников ФСИН России на начальном этапе
профессионализации**

Ковальчук И.А.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

Костина Л.Н.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, e-mail: kostin62@mail.ru

Карпова Г.С.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3595-5678>, e-mail: Ufkbyrf86@mail.ru

Чудакова С.Н.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3235-7074>, e-mail: svetachudakova@rambler.ru

Душкин А.С.

Санкт-Петербургский университет МВД России (СПБУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

В статье проанализированы результаты формирующего эксперимента, направленного на развитие личностного компонента и активацию ресурсов интеллектуального компонента интеллектуально-личностного потенциала сотрудников ФСИН России на начальном этапе профессионализации. Для апробации Программы развития интеллектуально-личностного потенциала нами были отобраны сотрудники ФСИН России, относящиеся к выявленным трем типам личности (конструктивному, посредственному, разбалансированному), имеющие средний и низкий уровень развития интеллектуально-личностного потенциала. В ходе психологического тренинга решались следующие основные задачи: развитие способности к рефлексии; осознание своих переживаний, чувств, мотивов и поступков, поступков окружающих; развитие представлений о собственной значимости, ценности, формирование положительной Я-концепции (для снятия невротических проявлений); развитие интернальности — ответственности за свое поведение в ситуациях служебной деятельности;

*Ковальчук И.А., Костина Л.Н.,
Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.*
Развитие интеллектуально-личностного потенциала
сотрудников ФСИН России на начальном этапе
профессионализации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77—89.

*Kovalchuk I.A., Kostina L.N.,
Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S.*
Development of Intellectual and Personality Potential of
the Staff of the Federal Penitentiary Service at the
Initial Stage of their Professional Development
Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77—89.

овладение социально-психологическими знаниями и коммуникативными навыками; развитие служебной мотивации и мотивационной зрелости; развитие личностно-интеллектуальной зрелости сотрудников.

Ключевые слова: развитие, интеллектуально-личностный потенциал, сотрудник ФСИН России, психологический тренинг, тип личности, служебная деятельность.

Для цитаты: *Ковальчук И.А., Костина Л.Н., Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.* Развитие интеллектуально-личностного потенциала сотрудников ФСИН России на начальном этапе профессионализации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77—89. DOI:10.17759/psylaw. 2021110107

Development of Intellectual and Personality Potential of the Staff of the Federal Penitentiary Service at the Initial Stage of their Professional Development

Ilya A. Kovalchuk

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

Lyubov N. Kostina

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot", Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, e-mail: kostin62@mail.ru

Galina S. Karpova

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3595-5678>, e-mail: Ufkbyrf86@mail.ru

Svetlana N. Chudakova

Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3235-7074>, e-mail: svetachudakova@rambler.ru

Anton S. Dushkin

Saint-Petersburg University of the MIA of Russia, Saint-Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

The article analyzes the results of a "forming" experiment aimed at development of the personality component and activation the resources of the intellectual component of the intellectual and personality potential in the staff of the Federal Penitentiary Service of Russia at the initial stage of their professionalizing. In order to test the program of intellectual and personal development we selected the officials of the Service belonging to the three personality types (constructive, mediocre and unbalanced) with average and low levels of development of the intellectual and personality potential. The psychological training attempted to address the following key challenges:

Ковальчук И.А., Костина Л.Н.,
Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.
Развитие интеллектуально-личностного потенциала
сотрудников ФСИН России на начальном этапе
профессионализации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77—89.

Kovalchuk I.A., Kostina L.N.,
Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S.
Development of Intellectual and Personality Potential of
the Staff of the Federal Penitentiary Service at the
Initial Stage of their Professional Development
Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77—89.

development of the ability for reflection; conscious awareness both of their own feelings, emotions, motives and actions and of the actions of people around them; developing the awareness of their own value and importance; building a positive self-concept (to relieve neurotic manifestations); building internality - the responsibility for one's behavior in the situations arising during their professional performance; mastering the knowledge of social and psychological interactions and communication skills; development of one's motivation of service and motivational maturity; development of the personal and intellectual maturity in the officials of the Service.

Keywords: development, intellectual and personality potential, officials of the Federal Penitentiary Service, psychological training, personality type, professional performance.

For citation: Kovalchuk I.A., Kostina L.N., Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S. Development of intellectual and personal potential employees of the Federal penitentiary service of Russia at the initial stage of professionalization. *Psikhologii i pravo=Psychology and law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77—89. DOI:10.17759/psylaw. 2021110107 (In Russ.).

Введение

Авторами статьи, с целью оптимизации интеллектуально-личностного потенциала обучающихся Академии Федеральной службы исполнения наказаний на начальном этапе служебной деятельности в образовательной организации, была спроектирована психокоррекционная программа, которая включала тренинговые занятия, направленные на повышение эффективности интеллектуального и личностного компонентов данного потенциала. Программа включала две части. Первая часть была представлена логическими и нейрогимнастическими упражнениями, направленными на активацию интеллектуального компонента потенциала, для синхронизации работы правого и левого полушарий головного мозга, развития межполушарной согласованности. Вторая часть состояла из социально-психологических тренингов с элементами арт и гештальт-терапии и в совокупности была направлена на развитие личностно-мотивационного компонента потенциала [4].

Квазиэкспериментальное воздействие было осуществлено на материале неоднородных выборок по следующей схеме [6]:

О1Х02

О3О4.

В апробировании Программы развития интеллектуально-личностного потенциала приняли участие сотрудники Академии Федеральной службы исполнения наказаний, обучающиеся по специальностям «Тыловое обеспечение в УИС», «Организация режима в УИС», «Оперативно-розыскная деятельность», «Пенитенциарная психология, отличающиеся низким и средним уровнем развития потенциала и причисленные к выявленным разбалансированному, посредственному и конструктивному типам личности [2].

Формирующий эксперимент был представлен тремя экспериментальными группами. В первую экспериментальную группу вошли 7 девушек и 7 юношей отличающихся низким и средним уровнем развития интеллектуально-личностного потенциала и принадлежащие к конструктивному типу личности. Из них 4 человека обучались по специальности «Тыловое обеспечение», 3 человека по специальности «Пенитенциарная психология», 7 человек по

Ковальчук И.А., Костина Л.Н.,
 Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.
 Развитие интеллектуально-личностного потенциала
 сотрудников ФСИН России на начальном этапе
 профессионализации
 Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77—89.

Kovalchuk I.A., Kostina L.N.,
 Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S.
 Development of Intellectual and Personality Potential of
 the Staff of the Federal Penitentiary Service at the
 Initial Stage of their Professional Development
 Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77—89.

специальностям «Оперативно-розыскная деятельность» и «Организация режима в УИС». Вторую экспериментальную группу составили 6 девушек и 8 юношей с низким и средним уровнем развития интеллектуально-личностного потенциала. Из них 3 человека проходили обучение по специальности «Пенитенциарная психология», 3 человека — «Тыловое обеспечение», 8 человек — «Оперативно-розыскная деятельность» и «Организация режима в УИС» и принадлежащие к посредственному типу личности. Третью экспериментальную группу составили 7 девушек и 7 юношей. Из них 4 обучающихся по специальности — «Пенитенциарная психология», 3 — «Тыловое обеспечение», 7 — «Оперативно-розыскная деятельность» и «Организация режима в УИС», принадлежащие к разбалансированному типу личности с низким и средним уровнем развития интеллектуально-личностного потенциала [3].

Для проверки эффективности результатов формирующего эксперимента в аналогичных экспериментальной группе пропорциях были представлены три контрольные группы обучающихся в Академии Федеральной службы исполнения наказаний, которые имели низкий и средний уровень развития интеллектуально-личностного потенциала и относящиеся ко всем четырем специальностям — «Пенитенциарная психология», «Оперативно-розыскная деятельность», «Тыловое обеспечение» и «Организация режима в УИС».

Уровень выраженности интеллектуально-личностного потенциала обучающихся в Академии Федеральной службы исполнения наказаний оценивался нами в соответствии с табл.1 и определялся как сумма качественных показателей по личностно-мотивационному и интеллектуальному компонентам. Одним из главных критериев сформированности интеллектуального и личностно-мотивационного компонентов интеллектуально-личностного потенциала являются эффективность выполнения служебной деятельности и решения служебных задач.

Таблица 1

**Критерии уровня сформированности
 личностно-мотивационного и интеллектуального компонентов потенциала**

Название теста	Параметр	Средний уровень выраженности признака, в сырых баллах	Нормы	
			Отклонение	Среднее
Опросник карьерных ориентаций «Якоря карьеры» Э. Шейна	Служение	28,14—29,92	0,89	29,03
	Автономия	2,34—17,38	7,52	9,86
	Специализация	18,41—28,17	4,88	23,29
	Мотивация к службе	34,48—44,52	5,02	39,5
	Мотивационная зрелость	95,21—128,13	16,46	111,67
«Продвинутые прогрессивные матрицы» Дж. Равена	Вызов	16,67—26,83	5,08	21,75
	Скорость	1,96—2,04	0,04	2
	Точность	0,77—0,97	0,1	0,87
	Продуктивность	10—12	1,06	10,62

Название	Параметр	Средний уровень	Нормы	
«Числовые ряды»	Точность	0,7—0,94	0,12	0,82
«Исключенные слова»	Продуктивность	19,7—24,92	2,61	22,31
	Точность	0,66—0,86	0,1	0,76
«Личностный профиль» Г. Айзенка	Общительность	19,66—26,64	3,49	23,15
	Активность	19—26	3,73	22,4
	Ассертивность	17—26	4,21	21,56
	Самоуничижение	0—11	6,85	3,86
	Подавленность	0—2	1,96	0,46
	Склонность к риску	9—19	4,52	14
	Импульсивность	0—9	4,81	4,73
	Агрессивность	0—7	3,88	3,18
Безответственность	0—8	5,08	3,2	

Для причисления обучающегося в Академии Федеральной службы исполнения наказаний к типу личности мы использовали формулы факторных оценок. По результатам психодиагностического исследования необходимо установить степень выраженности факторов. Посредством метода наименьшего расстояния, используя полученные факторные оценки, необходимо установить принадлежность испытуемого к разбалансированному, конструктивному, либо посредственному типу личности [5].

Расстояние до 1-го типа личности = $[F11 \text{ кластер}-F1x]+[F21 \text{ кластер}-F2x]+[F31 \text{ кластер}-F3x]+[F41 \text{ кластер}-F4x]+[F51 \text{ кластер}-F5x]+[F61 \text{ кластер}-F6x]+[F71 \text{ кластер}-F7x]$, где F1 1 кластер ... F7 1 кластер - средняя выраженность 1-го ... 7-го фактора 1-го кластера (конструктивный тип личности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний); F1x ... F7x - выраженность факторов у обучающегося.

Расстояние до 2-го типа личности = $[F12 \text{ кластер}-F1x]+[F22 \text{ кластер}-F2x]+[F32 \text{ кластер}-F3x]+[F42 \text{ кластер}-F4x]+[F52 \text{ кластер}-F5x]+[F62 \text{ кластер}-F6x]+[F72 \text{ кластер}-F7x]$, где F1 2 кластер ... F7 2 кластер - средняя выраженность 1-го ... 7-го фактора 2-го кластера (посредственный тип личности сотрудника Федеральной службы исполнения наказаний); F1x ... F7x - выраженность факторов у обучающегося;

Расстояние до 3-го типа личности = $[F13 \text{ кластер}-F1x]+[F23 \text{ кластер}-F2x]+[F33 \text{ кластер}-F3x]+[F43 \text{ кластер}-F4x]+[F53 \text{ кластер}-F5x]+[F63 \text{ кластер}-F6x]+[F73 \text{ кластер}-F7x]$, где F1 1 кластер ... F7 1 кластер - средняя выраженность 1-го... 7-го фактора 3-го кластера (разбалансированный тип личности сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний); F1x ... F7x - выраженность факторов у обучающегося.

Определение типа личности обучающегося в Академии Федеральной службы исполнения наказаний происходит путем применения метода наименьшего расстояния. Обучающийся будет причислен к типу личности, расстояние к которому будет наименьшим.

Результаты эмпирического исследования показали, что в тренинговой работе с обучающимися Академии Федеральной службы исполнения наказаний на различных специальностях необходимо учитывать индивидуально-психологические особенности интеллектуально-личностного потенциала, которые были выявлены в результате уровневого и

*Ковальчук И.А., Костина Л.Н.,
Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.*
Развитие интеллектуально-личностного потенциала
сотрудников ФСИН России на начальном этапе
профессионализации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77—89.

*Kovalchuk I.A., Kostina L.N.,
Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S.*
Development of Intellectual and Personality Potential of
the Staff of the Federal Penitentiary Service at the
Initial Stage of their Professional Development
Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77—89.

структурного анализа, тип личности, а также общее направление психокоррекционной работы.

В тренинговой и психокоррекционной работе с обучающимися, которые были причислены к конструктивному типу личности, акцент необходимо делать на работе с такими базовыми качествами, как мотивация к служебной деятельности и ответственность. Посредственный тип личности предполагает работу с ответственностью, вербальным интеллектом и развитием служебной мотивации. Разбалансированный тип личности предполагает акцент на усилении работы по активизации интеллектуального компонента интеллектуально-личностного потенциала (вербального и невербального интеллекта, скоростные интеллектуальные операции), акцентировании внимания на работе с мотивационной зрелостью и осознанностью, снижении негативных индивидуально-психологических особенностей (агрессивность, импульсивность, тревожность), внутриличностными конфликтами (тревожность—агрессивность), появляющимися из-за наличия разнонаправленных индивидуально-психологических тенденций [5].

В тренинговой программе приняли участие 42 обучающихся по четырем специальностям («Пенитенциарная психология», «Оперативно-розыскная деятельность», «Тыловое обеспечение», «Организация режима в УИС») в Академии Федеральной службы исполнения наказаний и находящихся на начальном этапе служебной деятельности. Длительность программы тренинга составила три месяца. Участие обучающихся в программе по развитию интеллектуально-личностного потенциала осуществлялось в период самоподготовки. Тренинговая программа длилась 35 занятий: по 10 занятий для обучающихся посредственного и конструктивного типов личности, 15 занятий для разбалансированного типа личности. Частота и длительность занятий составляла три занятия в неделю по три часа. Тренинг структурно состоял из вводной, основной, заключительной частей и был направлен на оптимизацию интеллектуального и личностно-мотивационного компонентов интеллектуально-личностного потенциала. Личностно-мотивационный компонент был представлен элементами арт и гештальт-терапии. Интеллектуальный компонент - логическими и нейрогимнастическими упражнениями. Заключительная часть включала в себя обратную связь и рефлексивное обсуждение полученных результатов.

Эффективность проведения психокоррекционной Программы оценивалась нами с помощью критериев психодиагностического исследования и объективных внешних критериев (средняя оценка по итогам сдачи экзаменационной сессии, суммы взысканий и поощрений за второе полугодие).

По данным психодиагностического исследования нами были выделены следующие маркеры эффективности Программы развития интеллектуально-личностного потенциала:

1. По тенденции преодолевать препятствия в профессиональной деятельности; усилению мотивов быть профессионалом; снижению значимости ценности независимости от правил и норм общества нарастанию, тенденции воплощать в работе свои идеалы и ценности; увеличению мотивационной зрелости и мотивации к службе определялись критерии развития профессиональной мотивации. Определялись на основе шкал теста «Якоря карьеры» Э. Шейна (ЯК) в адаптации В.Э. Винокуровой и В.А. Чикер:

- увеличение показателей по шкале «специализация»;
- увеличение показателей по шкале «служение»;
- увеличение показателей по шкале «вызов»;
- увеличение показателей по шкале «мотивация к службе»;

*Ковальчук И.А., Костина Л.Н.,
Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.*
Развитие интеллектуально-личностного потенциала
сотрудников ФСИН России на начальном этапе
профессионализации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77—89.

*Kovalchuk I.A., Kostina L.N.,
Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S.*
Development of Intellectual and Personality Potential of
the Staff of the Federal Penitentiary Service at the
Initial Stage of their Professional Development
Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77—89.

- увеличение показателей по шкале «мотивационная зрелость»;
- уменьшение показателей по шкале «автономия».

2. По таким показателям как активность, общительность, умеренно выраженной способности к асертивности определялись критерии развития коммуникативных навыков, на основе шкал теста «Личностный профиль» Г. Айзенка (EPP):

– увеличение показателей по шкале «общительность». Слишком высокие показатели, которые выходят за верхние границы нормы приводят к навязчивости, неразборчивости в контактах, излишней общительности и нивелирует эффективность служебной и профессиональной деятельности. Границы нормы ($\delta = 3,49$; $Mx = 23,15$).

– увеличение показателей по шкале «активность»;

– увеличение показателей по шкале «асертивность». Высокие показатели по данной шкале свидетельствуют о навязывании собственного мнения, давлении на окружающих и зачастую не благоприятствует эффективности служебной и профессиональной деятельности. Границы нормы ($\delta = 4,21$; $Mx = 21,56$).

3. По тенденции к снижению агрессивности, безответственности, импульсивности и склонности к риску нами определялись критерии снижения показателей психотических проявлений. Обусловлены шкалами теста «Личностный профиль» Г. Айзенка (EPP):

- уменьшение показателей по шкале «импульсивность»;
- уменьшение показателей по шкале «агрессивность»;
- уменьшение показателей по шкале «безответственность»;
- уменьшение показателей по шкале «склонность к риску».

4. По тенденции к снижению подавленности и самоуничужения нами определялись критерии снижения показателей невротических проявлений. Обусловлены шкалами теста «Личностный профиль» Г. Айзенка (EPP):

- уменьшение показателей по шкале «самоуничужение»;
- уменьшение показателей по шкале «подавленность».

5. По тенденции к увеличению показателей точности и продуктивности решений, увеличение показателей скорости решения интеллектуальных задач без снижения точности и продуктивности определялись нами маркеры оптимизации интеллектуального компонента интеллектуально-личностного потенциала по показателям интеллектуальных методик:

- увеличение показателей по шкале «продуктивность» теста «Продвинутые прогрессивные матрицы» Дж. Равена;
- увеличение показателей по шкале «скорость» теста «Продвинутые прогрессивные матрицы» Дж. Равена;
- увеличение показателей по шкале «точность» в теста «Продвинутые прогрессивные матрицы» Дж. Равена;
- увеличение показателей по шкале «продуктивность» теста «Исключение слова»;
- увеличение показателей по шкале «точность» теста «Исключение слова»;
- увеличение показателей по шкале «точность» теста «Числовые ряды».

Объективные критерии учебно-профессиональной и служебной деятельности обучающихся в Академии Федеральной службы исполнения наказаний выступали показателями эффективности проведенной нами психокоррекционной работы. Объективными маркерами послужили: средняя оценка за экзаменационную сессию, доля поощрений и замечаний за второй семестр. Полученные данные сравнивались с результатами за первый семестр.

Ковальчук И.А., Костина Л.Н.,
Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.
Развитие интеллектуально-личностного потенциала
сотрудников ФСИН России на начальном этапе
профессионализации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77—89.

Kovalchuk I.A., Kostina L.N.,
Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S.
Development of Intellectual and Personality Potential of
the Staff of the Federal Penitentiary Service at the
Initial Stage of their Professional Development
Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77—89.

По окончании квазиэксперимента и реализации психокоррекционной Программы анализ данных психодиагностического исследования показал, что в трех экспериментальных группах произошли положительные статистически значимые изменения в стремлении воплощать в работу свои идеалы и ценности, мотивации решения заведомо сложных задач, мотивации к мотивационной зрелости и службе, в сфере профессиональной мотивации (табл. 2). Также отмечается снижение в экспериментальных группах тенденции к освобождению от предписаний, ограничений и правил, что благоприятно сказывается на эффективности служебной и профессиональной деятельности в Академии Федеральной службы исполнения наказаний, где свойственны выполнение распорядка дня во время несения службы, выполнения служебных обязанностей, жесткая иерархия и субординация.

Отсутствие статистически значимых изменений в мотивации профессиональной и служебной деятельности показала интерпретация данных психодиагностического исследования респондентов контрольных групп. Однако существует статистически значимое уменьшение показателей шкалы «автономия» у испытуемых конструктивного типа личности: $M_{\text{до трен}} = 18,9$; $M_{\text{после трен}} = 17,9$ при $p \leq 0,05$. Тем не менее, данная тенденция выражена значительно слабее, чем у обучающихся Академии Федеральной службы исполнения наказаний этого же типа личности, принимавших участие в квазиэксперименте: $M_{\text{дотрен}} = 19,1$; $M_{\text{послетрен}} = 12,1$ при $p \leq 0,01$.

Таблица 2

**Результаты тренинговой работы с обучающимися Академии ФСИН России
(разбалансированный, посредственный, конструктивный типы личности)
(при $^* p \leq 0,05$; $^{**} p \leq 0,01$; $^{***} p \leq 0,001$ для U-критерия Манна Уитни)**

Критерии развития интеллектуально-личностного потенциала	Параметр	Разбалансированный тип		Посредственный Тип		Конструктивный Тип	
		Эксп. группа до/после тренинга	Контр. группа до/после тренинга	Эксп. группа до/после тренинга	Контр. группа до/после тренинга	Эксп. группа до/после тренинга	Контр. группа до/после тренинга
Профессиональная мотивация	Опросник карьерных ориентаций «Якоря карьеры» Э. Шейна						
	Служение	24,3*/25,6*	23,2/23,6	24,1*/25,9*	24,0/24,2	25,6*/28,9*	26,0/26,2
	Автономия	22,3**/16,5**	22,1/21,6	18,7*/12,3*	19,0/18,6	19,1**/12,1**	18,9*/17,9*
	Специализация	18,5*/19,2*	18,3/18,6	18,3*/21,8*	18,4/18,6	19,5*/22,9*	19,6/19,4
	Вызов	15,7*/18,1*	15,5/15,2	12,7*/15,6*	12,8/21,7	18,1*/21,5*	17,9/17,9
	Мотивационная зрелость	89,7*/95,3*	89,1/88,8	89,5**/97,2**	89,9/91,1	95,3*/100,1*	95,1/95,3
	Мотивация к службе	30,2**/34,5**	29,8/28,2	31,4*/37,2*	31,8/31,6	33,4**/38,2**	32,9/33,0
Коммуникативные навыки	«Личностный профиль» Г. Айзенка						
	Активность	17,2/17,6	17,0/16,9	16,9*/18,2*	16,7/16,9	12,5*/19,6*	12,8/13,0
	Ассертивность	18,1*/19,2*	18,3/18,2	17,2**/19,2**	17,0/17,3	13,8*/18,1*	13,5/13,6
	Общительность	18,4/19,3	18,3/18,7	17,3*/20,1*	17,6/17,7	16,9*/20,3*	16,7/16,8

Ковальчук И.А., Костина Л.Н.,
Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.
Развитие интеллектуально-личностного потенциала
сотрудников ФСИН России на начальном этапе
профессионализации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77—89.

Kovalchuk I.A., Kostina L.N.,
Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S.
Development of Intellectual and Personality Potential of
the Staff of the Federal Penitentiary Service at the
Initial Stage of their Professional Development
Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77—89.

Критерии развития интеллектуально-личностного потенциала	Параметр	Разбалансированный тип		Посредственный Тип		Конструктивный Тип	
		Эксп. группа до/после тренинга	Контр. группа до/после тренинга	Эксп. группа до/после тренинга	Контр. группа до/после тренинга	Эксп. группа до/после тренинга	Контр. группа до/после тренинга
Неврогические проявления	Подавленность	7,8**/4,3**	8,1/8,4	4,3*/3,0*	4,6/4,8	8,6*/3,4*	7,9/7,8
	Самоуничужение	15,1**/9,6**	14,9	11,0*/7,8*	11,4/11,2	13,5*/8,2*	13,7/13,6
Психотические проявления	Импульсивность	14,1*/11,0*	13,8/13,9	11,9*/8,6*	11,0/11,2	12,2*/9,7*	12,6/12,3
	Безответственность	10,2**/6,3**	10,4/9,9	12,8**/8,1**	11,7*/11,2*	13,4**/8,7**	12,9*/11,7*
	Агрессивность	14,1*/11,2*	13,7/14,0	12,1*/7,8*	12,0/11,9	12,5*/6,8*	12,8/12,7
	Склонность к риску	19,8**/16,2**	18,7/18,9	20,1*/17,2*	19,8/20,00	18,1*/15,6*	19,0/18,7
Интеллектуальный потенциал	«Продвинутые прогрессивные матрицы» Дж. Равена						
	Скорость	1,5/1,6	1,4/1,5	1,5*/1,7*	1,6/1,5	1,3*/1,8*	1,4/1,5
	Точность	0,6/0,7	0,6/0,6	0,6*/0,9*	0,7/0,6	0,5*/0,7*	0,6/0,6
	Продуктивность	8,2*/9,5*	8,0/8,2	8,5*/10,2*	8,7/8,8	8,3*/9,8*	8,5/8,7
	Тест «Исключение слова»						
	Точность	0,3/0,4	0,3/0,2	0,3*/0,7*	0,3/0,3	0,4*/0,8*	0,5/0,5
	Продуктивность	13,5*/14,6*	13,2/13,6	12,3*/14,1*	12,1/12,0	13,7*/15,1*	13,9/13,7
	Субтест «Числовые ряды»						
Точность	0,5/0,6	0,5/0,4	0,5*/0,8*	0,6/0,5	0,5*/0,8*	0,4/0,5	

Обучающиеся, причисленные к конструктивному типу личности, по причине оптимального соотношения интеллектуального и личностно-мотивационного компонентов интеллектуально-личностного потенциала являются наиболее адаптивными к Федеральной службе исполнения наказаний и поэтому наблюдаемые позитивные изменения у испытуемых контрольной группы происходят даже без дополнительного психологического сопровождения.

В сфере оптимизации коммуникативных навыков у испытуемых экспериментальных групп, причисленных к посредственному и конструктивному типам личности, были зафиксированы статистически значимые положительные изменения в активности, асертивности и общительности. А также наблюдаются положительные изменения показателей асертивности у испытуемых, причисленных к разбалансированному типу личности.

По показателям активности и общительности у обучающихся, причисленных к разбалансированному типу личности, статистически значимых изменений не выявлено, так

*Ковальчук И.А., Костина Л.Н.,
Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.*
Развитие интеллектуально-личностного потенциала
сотрудников ФСИН России на начальном этапе
профессионализации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77—89.

*Kovalchuk I.A., Kostina L.N.,
Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S.*
Development of Intellectual and Personality Potential of
the Staff of the Federal Penitentiary Service at the
Initial Stage of their Professional Development
Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77—89.

как данные показатели изначально располагались в районе идеальной статистической нормы Поэтому в результате реализации тренинговой программы значимых изменений не произошло (табл. 2).

Статистически значимое уменьшение показателей по шкалам самоуничижения и подавленности (маркеры невротических проявлений) наблюдаются у испытуемых экспериментальных групп, причисленных ко всем трем типам личности. Статистически значимых изменений в контрольных группах не зарегистрировано (табл. 2).

Интерпретация маркеров психотических проявлений у респондентов экспериментальных групп, причисленных к трем типам личности, подтверждает статистически значимое уменьшение показателей импульсивности, агрессивности, безответственности и склонности к риску. Вероятно, что в данном конкретном случае возрастающие показатели профессиональной мотивации нивелируют негативные индивидуально-психологические особенности, создавая компенсаторный эффект (табл. 2).

У испытуемых, причисленных к посредственному и конструктивному типам, регистрируется небольшое по уровню статистически значимое уменьшение показателя безответственности. В остальном же у испытуемых контрольных групп статистически значимых изменений маркеров психотических проявлений не наблюдается. Представленный факт, по нашему мнению, интерпретируется условиями служебной деятельности, например, служебной дисциплиной в Академии Федеральной службы исполнения наказаний. У испытуемых, причисленных к разбалансированному типу личности, статистически значимого уменьшения показателя безответственности не наблюдается. По мнению авторов, это связано с проявляющимися внутриличностными конфликтами в структуре их личности, которые препятствуют формированию ответственного и нормативного поведения (табл. 2).

В результате интерпретации критериев развития интеллектуального компонента интеллектуально-личностного потенциала у испытуемых экспериментальной группы выявлен низкий по уровню, но статистически значимый сдвиг показателей по шкалам вербального и невербального интеллекта. Интеллектуальные показатели, по мнению А. Анастаси характеризуется минимальной пластичностью в сравнении с личностными особенностями [1].

Интерпретация объективных маркеров развития интеллектуального и личностно-мотивационного компонентов интеллектуально-личностного потенциала у обучающихся Академии Федеральной службы исполнения наказаний на начальном этапе профессиональной и служебной деятельности (средний балл оценок за семестр, количество поощрений и замечаний за семестр) показала положительные статистически значимые изменения в учебно-профессиональной и служебной деятельности в результате реализации психокоррекционной Программы в сравнении с исходными данными. Статистически значимых сдвигов у испытуемых контрольных групп не выявлено (табл. 3).

Таблица 3

Показатели объективных маркеров развития компонентов интеллектуально-личностного потенциала после формирующего эксперимента в соответствии с типом личности (изменения при уровне $p \leq 0,05$)

Ковальчук И.А., Костина Л.Н.,
 Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.
 Развитие интеллектуально-личностного потенциала
 сотрудников ФСИН России на начальном этапе
 профессионализации
 Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77—89.

Kovalchuk I.A., Kostina L.N.,
 Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S.
 Development of Intellectual and Personality Potential of
 the Staff of the Federal Penitentiary Service at the
 Initial Stage of their Professional Development
 Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77—89.

Тип личности	Категория	Доля замечаний	Доля поощрений	Средний бал оценки за полугодие
Посредственный	Экспериментальная группа до тренинга	1,5	0,1	3,3
	Контрольная группа до тренинга	1,4	0,1	3,4
	Экспериментальная группа после тренинга	0,7	0,7	3,5
	Контрольная группа после тренинга	1,4	0,1	3,3
Разбалансированный	Экспериментальная группа до тренинга	2,3	0,1	3,5
	Контрольная группа до тренинга	2,3	0,1	3,6
	Экспериментальная группа после тренинга	1,4	0,6	3,9
	Контрольная группа после тренинга	2,4	0	3,4
Конструктивный	Экспериментальная группа до тренинга	0,5	0,9	3,8
	Контрольная группа до тренинга	0,4	0,7	3,7
	Экспериментальная группа после тренинга	0,1	1,9	4,2
	Контрольная группа после тренинга	0,4	0,8	3,8

Следовательно, реализация авторской психокоррекционной Программы, количественная и качественная интерпретация результатов квазиэксперимента, систематическое психологическое сопровождение обучающихся в Академии Федеральной службы исполнения наказаний с учетом выявленных типов личности (посредственный, разбалансированный, конструктивный), различающихся интеллектуально-личностным потенциалом позволяют полагать, что оптимизации интеллектуального и личностно-мотивационного компонентов в структуре интеллектуально-личностного потенциала на начальном этапе профессиональной и служебной деятельности способствует социально-психологический тренинг с элементами арт и гештальт-терапии, рефлексивных приемов, а также логических и нейрогимнастических упражнений.

Литература

1. Анастаси А. Психологическое тестирование: пер. с англ. / Под ред. и с предисл. К.М. Гуревича, В.И. Лубовского. М.: Педагогика, 1982. 320 с.
2. Ковальчук И.А. Интеллектуально-личностный потенциал будущих специалистов ФСИН России на этапе первичной подготовки к службе и обучению [Электронный ресурс] / И.А. Ковальчук, Д.В. Сочивко // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 204—218.

*Ковальчук И.А., Костина Л.Н.,
Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.*
Развитие интеллектуально-личностного потенциала
сотрудников ФСИН России на начальном этапе
профессионализации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77—89.

*Kovalchuk I.A., Kostina L.N.,
Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S.*
Development of Intellectual and Personality Potential of
the Staff of the Federal Penitentiary Service at the
Initial Stage of their Professional Development
Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77—89.

DOI:10.17759/psylaw.2018080418

3. *Ковальчук И.А.* Системно-функциональное исследование интеллектуально-личностного потенциала будущих специалистов ФСИН России, находящихся на этапе первоначальной профессиональной подготовки / И.А. Ковальчук, Л.Н. Костина // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Том 4(70). 2018. № 3. С. 69—78.

4. *Ковальчук И.А.* К вопросу о развитии интеллектуально-личностного потенциала сотрудников Федеральной службы исполнения наказаний на начальном этапе служебной деятельности / И.А. Ковальчук, В.В. Пименов // Преступление, наказание, исправление. IV Международный пенитенциарный форум (К140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): сб. тез. выступлений и докладов участников (г. Рязань, 20—22 нояб. 2019 г.): в 10 т. Т. 7. Рязань: Академия ФСИН России, 2019.: Материалы международных научно-практических конференций и круглых столов. 2019. С. 289—293.

5. *Ковальчук И.А.* Психологическая оценка и развитие интеллектуально-личностного потенциала сотрудников ФСИН России на начальном этапе служебной деятельности : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.03 / Ковальчук Илья Александрович. Москва, 2020. 213 с.

6. *Носс И.Н.* Введение в практику психологического эксперимента. М.: Пер Сэ, 2006. 304 с.

References

1. Anastazi A. Psikhologicheskoe testirovanie: per. s angl. / A. Anastazi ; podred. ispredisl. K. M. Gurevicha, V. I. Lubovskogo. Moscow: Pedagogika, 1982. 320 p.

2. Koval'chuk I.A. Intellektual'no-lichnostnyi potentsial budushchikh spetsialistov FSIN Rossii na etape pervichnoi podgotovki k sluzhbe i obucheniyu [Elektronnyiresurs] / I.A. Koval'chuk, D.V. Sochivko // Psikhologiya i pravo. 2018. Tom 8, no. 4, pp. 204-218. doi:10.17759/psylaw.2018080418.

3. Koval'chuk I.A. Sistemno-funktsional'noe issledovanie intellektual'no-lichnostnogo potentsiala budushchikh spetsialistov FSIN Rossii, nakhodyashchikhsya na etape pervonachal'noi professional'noi podgotovki / I.A. Koval'chuk, L.N. Kostina. Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Sotsiologiya. Pedagogika. Psikhologiya. Tom 4 (70). 2018, no. 3, pp. 69-78.

4. Koval'chuk I.A. K voprosu o razvitiintellektual'no-lichnostnogo potentsiala sotrudnikov federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii na nachal'nom etape sluzhebnoi deyatel'nosti / I.A. Koval'chuk, V.V. Pimenov. IV Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum «Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie» (k 140-letiyu ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossii i 85-letiyu Akademii FSIN Rossii): sb. tez. vystuplenii i dokladov uchastnikov (g. Ryazan', 20-22 noyab. 2019 g.) : v 10 t. Ryazan' :Akademiya FSIN Rossii, 2019. T. 7 :Materialy mezhdunarodnykh nauchno-prakticheskikh konferentsii i kruglykh stolov. 2019, pp. 289-293.

5. Koval'chuk I.A. Psikhologicheskaya otsenka i razvitie intellektual'no-lichnostnogo potentsiala sotrudnikov FSIN Rossii na nachal'nom etape sluzhebnoi deyatel'nosti : dis. ... kand. psikhol. nauk : 19.00.03 / Koval'chuk Ilya Aleksandrovich. Moskva, 2020. 213 p.

6. Noss I.N. Vvedenie v praktiku psikhologicheskogo eksperimenta / I. N. Noss. Moscow: Per Se, 2006, 304 p.

Информация об авторах

Ковальчук Илья Александрович, старший преподаватель кафедры общей психологии,

*Ковальчук И.А., Костина Л.Н.,
Карпова Г.С., Чудакова С.Н., Душкин А.С.*
Развитие интеллектуально-личностного потенциала
сотрудников ФСИН России на начальном этапе
профессионализации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 77—89.

*Kovalchuk I.A., Kostina L.N.,
Karpova G.S., Chudakova S.N., Dushkin A.S.*
Development of Intellectual and Personality Potential of
the Staff of the Federal Penitentiary Service at the
Initial Stage of their Professional Development
Psychology and law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 77—89.

Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

Костина Любовь Николаевна, доктор психологических наук, доцент, начальник кафедры психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, e-mail: kostin62@mail.ru

Карпова Галина Сергеевна, преподаватель кафедры общей психологии, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3595-5678>, e-mail: Ufkbyrf86@mail.ru

Чудакова Светлана Николаевна, кандидат юридических наук, начальник организационно-научного отдела научного центра, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), г. Рязань, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3235-7074>, e-mail: svetachudakova@rambler.ru

Душкин Антон Сергеевич, кандидат психологических наук, доцент, начальник кафедры педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России (СПбУ МВД России), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Information about the authors

Ilya A. Kovalchuk, Assistant of the Department of General Psychology of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5400-9815>, e-mail: iljakvlchk@rambler.ru

Lyubov N. Kostina, Doctor of Psychology, associate Professor, head of the Department of psychology of educational and scientific complex of psychology of official activity, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot", Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7285-2817>, e-mail: kostin62@mail.ru

Galina S. Karpova, Assistant of the Department of General Psychology of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3595-5678>, e-mail: Ufkbyrf86@mail.ru

Svetlana N. Chudakova, PhD (Law), head of the organizational and scientific Department of the scientific center of the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3235-7074>, e-mail: svetachudakova@rambler.ru

Anton S. Dushkin, the candidate of psychological sciences, associated professor, Head of the department of pedagogics and psychology, Saint-Petersburg University of the MIA of Russia, Saint-Petersburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-1585>, e-mail: dushkin-ac@mail.ru

Получена 04.04.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 04.04.2020
Accepted 02.02.2021

ПСИХОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ | PSYCHOLOGY OF PROFESSIONAL
ACTIVITY

Исследование самореализации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации

Бурцев А. О.

Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО АУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

Ефимкина Н. В.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России),

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6384-4866>, e-mail: e_n_v@inbox.ru

Кудинов С.И.

Российский университет дружбы народов (ФГАО ВО РУДН), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>, e-mail: rudn.tgu@yandex.ru

Позин А.И.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6025-7914>, e-mail: pozuh@bk.ru

В статье приводятся данные исследования профессиональной самореализации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации. Приведены результаты опроса сотрудников подразделений ГУ МВД России по г. Москве с указанием основных причин и условий, повлиявших на решение об увольнении со службы по собственной инициативе. Раскрыто понятие термина «самореализация» в зарубежной и отечественной психологии. Также освещаются результаты исследования средних значений структурных компонентов самореализации личности и факторный анализ полученных результатов. Было обследовано 190 сотрудников структурных подразделений ГУ МВД России по г. Москве (сержантского и офицерского состава со стажем службы от 2 до 15 лет). На основании полученных результатов делается ряд выводов. Во-первых, в исследованной группе преобладают не только хорошее представление о своих стремлениях, но и умение их реализовать. Сотрудники рациональны и при этом оптимистичны, умеют распределять собственные ресурсы. Их отличает стремление к личностному росту, профессиональному совершенству и социальному признанию. Во-вторых, имеются некоторые противоречия мотивационной сферы респондентов. У них присутствуют как узколичностные мотивы, обеспечивающие личное продвижение по службе

Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И.
Исследование самореализации сотрудников органов
внутренних дел Российской Федерации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 90—105.

Burtsev A.O., Efimkina N.V., Kudinov S.I., Pozin A.I.
Self-realization in Officers of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 90—105.

(финансовая независимость, авторитет, власть), так и социально одобряемые мотивы (внести существенный вклад в общий результат совместной деятельности, улучшить взаимоотношения среди коллег и т. п.). При этом социально одобряемые мотивы существенно выше, на довольно высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,0002$).

Ключевые слова: профессиональная самореализация, самоактуализация, мотивация, сотрудник ОВД.

Для цитаты: *Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И.* Исследование самореализации сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 1. № 1. С. 90—105. DOI:10.17759/psylaw. 2021110108

Self-realization in Officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

Anton O. Burtsev

Academy of management of the Ministry of internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burtsev_anton@bk.ru

Nadezhda V. Efimkina

Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia V. Y. Kikotya, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6384-4866>, e-mail: e_n_v@inbox.ru

Sergei I. Kudinov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>, e-mail: rudn.tgu@yandex.ru

Aleksander I. Pozin

Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia V. Y. Kikotya, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6025-7914>, e-mail: po3uh@bk.ru

The article presents the research data of the professional self-realization in the internal affairs officers of the Russian Federation. Also the study provided the data of a survey carried out among some internal affairs officers from the subdivisions of Moscow Head Office of the Russian Ministry of Internal Affairs. The respondents specified the motives and the work context that led them to resignation from service. The study shows how the notion of self-realization is defined in the international and in Russian Psychology. The work also contains the findings of average values of structural components of personal self-realization and the factor analysis of the data obtained. 190 officers (non-commissioned and commissioned officers with 2-15 years of service) from the structural subdivisions of the Moscow Head Office of the Ministry have been examined. Several conclusions can be drawn from the results of the examination. Firstly, the examined officers of this group mostly have not only a good

idea of their ambitions, but they also have the ability to fulfill them. The officers are efficient and at the same time optimistic, they can redistribute their resources. They are distinguished by the yearning for their personal growth, professional excellence and social recognition. Secondly, the respondents' motivational sphere has certain contradictory elements. On the one hand, they have their own personal motives ensuring their career advancement (financial independence, prestige and power). On the other hand, they accept the socially upheld motives (to make a significant contribution to their collective accomplishment, to improve relationships among their colleagues etc.). At the same time, the socially upheld motives are considerably more prevalent (at a fairly high level of statistical significance $p \leq 0.0002$).

Keywords: professional self-realization, self-actualization, motivation, internal affairs officers.

For citation: Burtsev A.O., Efimkina N.V., Kudinov S.I., Pozin A.I. Self-realization in Officers of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 1, no. 1, pp. 90—105. DOI:10.17759/psylaw. 2021110108 (In Russ.).

Введение

Сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации (далее — сотрудник ОВД) посвящает свою жизнь ответственной деятельности, при этом защищает права и безопасность не только граждан, но и государства в целом. Каждый сотрудник должен соответствовать высоким требованиям к профессиональному мастерству, быть честным и справедливым. Через 1—2 года после начала службы закладываются основы деятельности, на достижение уровня квалифицированного специалиста уходит 5—7 лет, и лишь через 8—10 лет службы сотрудник правоохранительных органов становится профессионалом высокого класса. По статистическим данным ГУ МВД России по г. Москве в 2017 г. уволено 3182 сотрудника (18,7%), из них большая часть ушли по собственной инициативе (62,5%).

Результаты опросов сотрудников при увольнении позволили выявить основные причины и условия, повлиявшие на решение об увольнении со службы по собственной инициативе (табл. 1).

Таблица 1

Результаты анкетного опроса основных причин и условий, повлиявших на решение об увольнении со службы по собственной инициативе

Основные причины	Количество в ед. (%)
Недостаточный уровень социальной обеспеченности (по данным Росстата в 2017 г. средний показатель заработной платы в г. Москве составил 67899 рублей, что превышает уровень денежного содержания сотрудников органов внутренних дел)	580 (48%)
Значительная нагрузка, обусловленная спецификой прохождения службы в органах внутренних дел	296 (24,5%)
Отсутствие интереса и мотивации к дальнейшей службе	154 (12,7%)

Незрелая психофизиологическая устойчивость, повлекшая поспешное принятие решения о прохождении службы в органах внутренних дел	89 (7,4%)
Невозможность перевода или отказ от перевода на иную должность	46 (3,8%)
Ограничения и запреты, связанные со службой в органах внутренних дел	28 (2,3%)
Прохождение службы на должностях, имеющих повышенный коррупционный риск	16 (1,3%)

Согласно этим данным получается, что большая часть личного состава, имеющая большой опыт, увольняется из органов внутренних дел по экономическим, организационным и психологическим причинам. В сложившейся обстановке приобретают актуальность вопросы оценки профессиональной самореализации сотрудников ОВД, позволяющие создать целостную систему управления как молодыми, так и опытными кадрами. В этом свете оценка профессиональной самореализации сотрудников представляется необходимым условием. «Процесс самореализации сотрудников протекает в экстремальных условиях, требующих от них отдачи физических, психологических и духовных сил. От них постоянно требуется умение быстро мобилизовать свои ресурсы, эффективно доводить свои действия до необходимого результата, уметь восстанавливаться в ограниченные промежутки времени, регулировать свое психическое состояние и быть подготовленными к действиям в сложных условиях» [3; 12]. Все эти факторы не только сопровождают процесс профессиональной самореализации, но и способствуют профессиональной деформации личности.

Теоретические подходы к исследованию «самореализации»

В настоящее время нет единого представления о процессе самореализации личности, хотя данный вопрос интересовал человечество с античных времен. Еще Аристотель предлагал практические рекомендации, позволяющие человеку самосовершенствоваться [2].

Первое определение термина «самореализация» (self-realization), как отмечает Л.Л. Коростылева, был дан в «Словаре по философии и психологии» еще в 1902 г. [4].

В зарубежной психологической литературе основной вклад в понимание самореализации внесли ученые гуманистического подхода: А. Маслоу, К. Роджерс. А. Маслоу под самореализацией личности понимал самоактуализацию, которая является определенной вершиной потребностей, и только 2% способны достичь этого уровня [9].

К. Роджерс, в свою очередь, движущей силой самоактуализации называл инстинктивную природу живого организма, другими словами, самоактуализация — стремление к самосовершенствованию — присуща любому человеку, разница только в том, находится она в латентном или очевидном состоянии, что во многом зависит от окружающей действительности [13].

В отечественной психологии нет единого представления о самореализации личности, однако ведущих исследователей занимал данный феномен. Д.А. Леонтьев разносторонне рассматривал самореализацию личности, выделяя в ней три уровня: философский, под которым понимался человек и самореализация в целом, социальный, где рассматривался социум, влияющий на самореализацию, и психологический, а именно влияние личностных особенностей на успешность самореализации [8].

Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И.
Исследование самореализации сотрудников органов
внутренних дел Российской Федерации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 90—105.

Burtsev A.O., Efimkina N.V., Kudinov S.I., Pozin A.I.
Self-realization in Officers of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 90—105.

С.Л. Рубинштейн ввел понятие «самоопределение», где ведущую роль играет стремление к саморазвитию [14]. Данная идея не осталась без внимания, и ее развивает К.А. Абульханова-Славская, которая считает, что «... определение человеком своей позиции в социальной действительности составляет необходимое звено общественного становления личности, осознание этой позиции и есть самоопределение, проведение своей личностной линии в многообразных ситуациях общения» [14]. Как мы видим, в научной психологии прошлого хоть и не значилось понятие «самореализация личности», но стремление человека к самовыражению волновало умы многих ученых.

В современной психологии проблема самореализации рассматривается в русле системного подхода. Так Л.А. Коростылева, опираясь на идеи Б.А. Ананьева, считает, что «... именно профессиональная сфера определяет самореализацию личности. Ученый выделяет три уровня самореализации. Самый низкий уровень — примитивный (исполнительский), более высокий, который обеспечивает духовный и личностный рост субъекта, — уровень реализации ролей и норм в социуме и наивысший уровень — уровень смысла жизненной и ценностной самореализации» [11]. На каждом уровне личность сталкивается со специфическими барьерами, затрудняющими процесс самореализации [4].

С.И. Кудинов предлагает полисистемную модель самореализации личности, которая состоит из совокупности микро- и макросистем, определяющих успешность самореализации личности. Автор выделяет три вида самореализации личности: личностную, социальную и профессиональную; он дает следующее определение: «Самореализация — это комплексное психологическое образование, детерминированное социально-психологическими факторами, обеспечивающими успешность самоосуществления личности в разных сферах жизнедеятельности в процессе онтогенеза» [5].

Программа исследования и интерпретация результатов

В исследовании приняли участие 190 сотрудников Управления и его структурных подразделений ГУ МВД России по городу Москве сержантского и офицерского состава со стажем службы от 2 до 15 лет. При проведении исследования были использованы методики «Диагностика уровня эмоционального выгорания» В.В. Бойко и «Многомерный опросник самореализации личности» С.И. Кудинова. На первом этапе были проанализированы средние значения структурных компонентов самореализации личности (рис. 1).

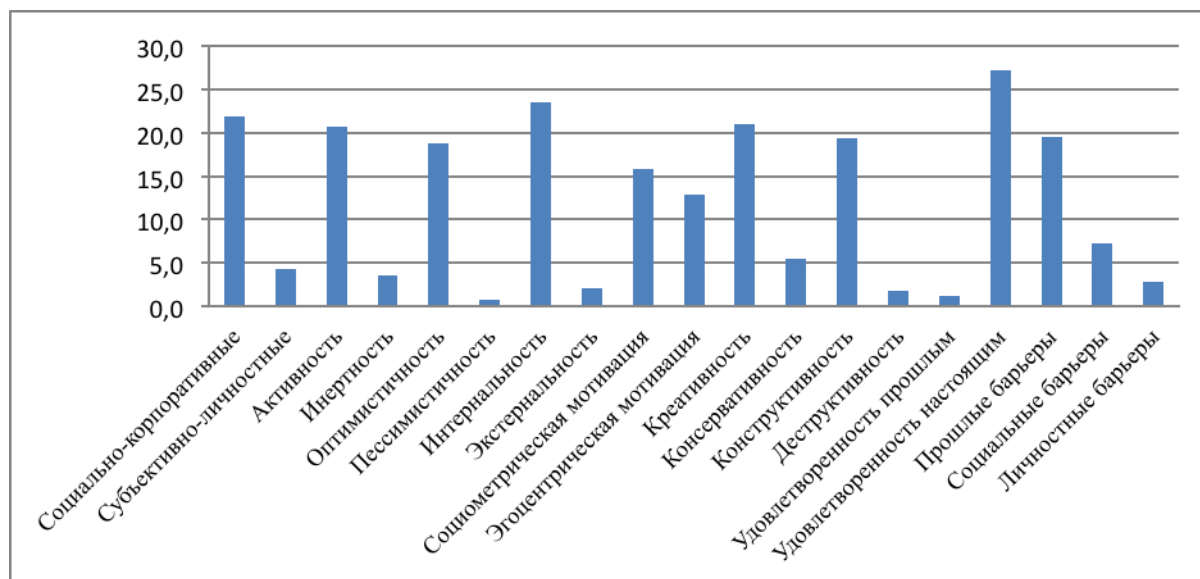

Рис. 1. Выраженность составляющих самореализации

Как видно на рис. 1, в структуре самореализации сотрудников ОВД доминируют с выраженными средними значениями удовлетворенность настоящим, интернальность, социально-корпоративные установки, креативность, что позитивно характеризует самореализацию сотрудников в правоохранительной системе. Сотрудники позитивно оценивают свое качество жизни, как в социальном, так и в профессиональном аспектах, способны контролировать свое поведение, успешно доводить начатые дела до логического завершения. В стрессовых ситуациях профессиональной деятельности для них характерно ориентироваться на внутренние критерии, стремиться к анализу своего поведения, а не перекладывать ответственность на своих коллег по службе. Социально-корпоративные установки свидетельствуют о том, что для сотрудников важны самовыражение личностного потенциала, труд на благо коллектива и пользу общества, повышение профессионального уровня подразделения, стремление к нормализации межличностных взаимоотношений среди коллег. Наряду с этим для сотрудников не характерны шаблонные приемы самовыражения; напротив, они склонны к неординарному решению поставленных задач, способны легко переключаться с одной деятельности на другую. Все эти показатели, безусловно, являются важными предикторами успешной самореализации сотрудников в правоохранительной структуре. Объективная действительность, в которой протекает профессиональная деятельность любого сотрудника, обусловлена систематически действующими стрессогенными факторами. В этой связи необходимо подчеркнуть, что успешная самореализация сотрудника, невозможна без выраженных гармоничных ее характеристик, что мы и наблюдаем на рис. 1. Условия профессиональной деятельности диктуют сотруднику ряд требований, которым он должен соответствовать. Для успешного выполнения поставленных оперативно-служебных задач ему необходимо стремиться развивать свой потенциал на благо общества, стремиться находить неординарные выходы из сложившихся обстоятельств, продиктованные спецификой служебной деятельности.

На среднем уровне выражены такие характеристики, как: активность, конструктивность, оптимистичность, прогноз будущего, а также социальная и эгоцентрическая мотивация, что дополняет позитивную картину самореализации

сотрудников правоохранительной системы. Тем самым, хоть в меньшей степени, но все-таки достаточно выражено стремление сотрудников к активному нахождению решений для поставленных задач, расширению диапазона средств к их достижению; при этом их самовыражение, как правило, имеет позитивную психоэмоциональную окраску. Об этом свидетельствует конструктивность самореализации, говорящая о том, что сотрудники удовлетворены результатом своей деятельности и благоприятно оценивают возможность для будущего самовыражения.

Отдельно стоит обратить внимание на эгоцентрическую и социальную мотивацию самовыражения сотрудников, которая имеет среднюю выраженность в структуре самореализации личности. Таким образом, сотрудники стремятся развивать свои навыки в разнообразных сферах деятельности. Наряду со стремлением быть полезным членом общества, они стараются улучшать морально-психологическое состояние коллектива и социально-психологический климат; отмечается потребность при самовыражении в узколичностной направленности, например, стремление к карьерному росту, развитие в себе профессиональных качеств, желание получить властные полномочия.

Незначительно выражены консервативность и социальные барьеры самореализации. Мы связываем это с особенностями служебной деятельности, где не всегда нужно проявлять креативность в самовыражении, а приходится ограничиваться шаблонными действиями, опираясь на имеющиеся приказы, нормативные акты, законодательство РФ, которые четко регламентируют действия сотрудников правоохранительных органов. Социальные барьеры на пути самовыражения сотрудника правоохранительных органов также являются неотъемлемой частью профессиональной деятельности. К ним можно отнести ненормированный рабочий день, высокую ответственность за свои действия, специфичность контингента (асоциальный, антисоциальный), с которым сотрудникам приходится сталкиваться.

Полученные в исследовании данные рассмотрим более подробно, с целью определения взаимосвязи структурных компонентов. Социально-корпоративные установки имеют корреляционно-значимые связи с активностью, оптимистичностью, интернальностью, социоцентрической мотивацией, эгоцентрической мотивацией, креативностью, конструктивностью, удовлетворенностью настоящим, прогнозом будущего, социальными барьерами. Следовательно, можно заключить, что направленность самореализации с учетом коллективных интересов способствует активной позиции самовыражения в совокупности с положительным эмоциональным настроением, опорой на собственные силы, что приносит удовлетворение процессом самореализации и обеспечивает возможность находить нестандартные способы решения поставленных оперативно-служебных задач. При этом стоит отметить статистически значимую связь социально-корпоративных установок с эгоцентрической мотивацией самореализации. Карьерный рост, получение высокого денежного довольствия являются важным аспектом профессиональной деятельности для любого сотрудника ОВД, однако мы можем отметить, что данные потребности сотрудники стремятся реализовывать с учетом коллективных интересов.

Субъективно-личностные установки, напротив, имеют статистически значимые связи с рядом дисгармоничных характеристик самореализации, таких как инертность, пессимистичность, экстернальность, деструктивность. Это может свидетельствовать о том,

что для сотрудников не характерно реализовывать себя в отрыве от профессиональной среды и интересов своих коллег. Хотя для сотрудников и характерно развивать у себя профессионально важные качества личности, однако это не делается с целью выделиться из коллектива, достичь превосходства над своими коллегами.

Активность вполне логично имеет положительную корреляционную связь с гармоничными компонентами самореализации: оптимистичностью, интернальностью, социальной и эгоцентрической мотивацией, креативностью, конструктивностью, удовлетворенностью прошлым, удовлетворенностью настоящим и прогнозом будущего. В этой связи стоит заметить, что активная позиция самовыражения сотрудников характеризуется всесторонним развитием его личностного потенциала, при высокой активности сотрудники не сталкиваются с социальными барьерами служебной деятельности и позитивно оценивают результаты самовыражения. Стоит заметить, что высокая активность проявляет себя как при социальной направленности самовыражения, так и при решении сотрудником узко личных задач.

Инертность имеет статистически значимые связи с пессимистичностью, экстернальностью, консервативностью, деструктивностью, личностными барьерами. Таким образом, пассивная позиция самовыражения приводит к негативным итогам самореализации и может быть детерминирована личностными особенностями сотрудника, накопившейся усталостью, эмоциональным выгоранием и т. д.

Оптимистичность самореализации как социально-корпоративной установки и активность являются важным условием успешной самореализации сотрудника и имеют положительную корреляцию с гармоничными структурными компонентами самореализации. Вместе с тем для оптимистичности характерна статистически значимая связь с консервативностью самореализации, опять же деятельность сотрудников сопряжена с шаблонными аспектами деятельности, выработанными стереотипами поведения, к которым можно отнести субординацию. Однако при высокой позитивной эмоциональной окраске самовыражения данная неотъемлемая сфера профессиональной деятельности сотрудников реализуется вполне благополучно.

Пессимистичность коррелирует с экстернальностью, деструктивностью, удовлетворенностью прошлым и личностными барьерами. Вполне закономерно, что низкий жизненный тонус, ригидность в профессиональной деятельности, стремление переложить ответственность на коллег по службе негативно влияют на процесс самореализации сотрудника; вместе с тем отмечается корреляционная связь с удовлетворенностью прошлым. Это говорит о том, что для сотрудников при снижении психо-эмоционального состояния характерно не строить планы самовыражения и оценивать его эффективность в настоящем, а искать положительные аспекты в прошлом. Такое поведение иногда встречается в правоохранительной структуре, когда сотрудник пессимистически оценивает настоящую действительность, стремится не адаптироваться к новым условиям службы, а отыскать положительные моменты в прошлом, сравнивая, к примеру, полицию и милицию.

Интернальность коррелирует с социоцентрической и эгоцентрической самореализацией, креативностью, консервативностью, конструктивностью, удовлетворенностью настоящим, прогнозом будущего и социальными барьерами. Высокий контроль сотрудником своего поведения с опорой на собственные возможности справедливо приводит к удовлетворительной самореализации. Стоит заметить, что

Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И.
Исследование самореализации сотрудников органов
внутренних дел Российской Федерации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 90—105.

Burtsev A.O., Efimkina N.V., Kudinov S.I., Pozin A.I.
Self-realization in Officers of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 90—105.

возникающие социальные барьеры, которые могут быть вызваны недостатком опыта, малой информированностью сотрудника, также мобилизуют его внутренние ресурсы, способствуя адекватному анализу ситуации и нахождению путей решения проблемы.

Экстернальность, в свою очередь, явно затрудняет процесс самореализации личности сотрудника ОВД, имея статистически значимые связи с эгоцентричностью, конструктивностью, деструктивностью, удовлетворением прошлым, прогнозом будущего и социальными барьерами. Вполне закономерно, что снижение самоконтроля во время служебной деятельности, боязнь брать на себя ответственность, зависимость самореализации от окружающей среды приводят к низкой продуктивности процесса самореализации, к неадекватному выбору тактики и стратегии самовыражения. Данным сотрудникам тяжело адаптироваться к изменениям в служебной деятельности, которая носит для них рутинный характер; они ограничиваются привычными, стереотипными способами самовыражения. Интересно отметить корреляцию экстернальности с удовлетворенностью прошлым и прогнозом будущей самореализации. Сотрудники при слабой самоорганизации анализируют свое самовыражение, но ограничиваются лишь прошлыми заслугами, не оценивают свое нынешнее положение и не ищут возможности найти пути решения своих проблем в будущем.

Социоцентрическая мотивация имеет широкий спектр положительных корреляционных связей с гармоничными компонентами самореализации личности, такими как: креативность, консервативность, конструктивность, удовлетворение настоящим, прогноз будущего, эгоцентрическая мотивация и социальные барьеры. Таким образом, можно констатировать, что стремление сотрудника реализовывать свои способности на благо коллектива является благоприятной почвой успешной самореализации сотрудника, которая приводит к удовлетворенности выбором профессии, своим положением в обществе. О верности наших предположений свидетельствуют корреляционные связи с эгоцентрической мотивацией, которая имеет положительную корреляционную связь с деструктивностью самореализации. Таким образом, ориентировка на достижение личностно значимых целей в определенных условиях может приводить к разочарованию в своих способностях, потере уверенности в себе и как следствие вести к снижению продуктивности процесса самореализации. Это значит, что сотрудник ОВД при выборе стратегии самовыражения должен ориентироваться на коллективное мнение коллег и не стремиться развивать свои способности без его учета.

Также представляет интерес удовлетворенность прошлым, которая имеет положительные связи с социальными и личностными барьерами и отрицательную связь с удовлетворенностью настоящим. Оценка прошлой самореализации характерна лишь в неблагоприятных условиях служебной деятельности и, как правило, вызвана возникающими внешними барьерами наряду со снижением психоэмоциональной устойчивости и удовлетворенности настоящим социальным и профессиональным положением. Это закономерно, поскольку для сотрудников ОВД характерна высокая нагрузка, в условиях которой они оценивают себя по схеме «здесь и сейчас», а анализ своего самовыражения в прошлом может служить негативным предиктором самореализации личности или происходить в условиях, когда сотруднику необходимо пересмотреть стратегию своего поведения.

На следующем этапе исследования, с целью уточнения и конкретизации полученных

выводов, был проведен факторный анализ, представленный в табл. 3.

Таблица 3

Факторная структура составляющих самореализации личности сотрудников

Компоненты	Фактор самореализации	Фактор деструктивности в самореализации	Фактор пессимизма в самореализации
Социально-корпоративные установки	0,862734	0,073852	0,012526
Субъективно-личностные установки	0,037808	0,684773	-0,030276
Активность	0,847030	0,067482	0,009166
Инертность	-0,074063	0,314939	0,033514
Оптимистичность	0,767492	0,011952	-0,003072
Пессимистичность	-0,152353	0,235520	0,506174
Интернальность	0,574257	0,131149	-0,162822
Экстернальность	-0,143775	0,680377	0,104488
Социометрическая мотивация	0,658254	0,175858	0,012290
Эгоцентрическая мотивация	0,290562	0,233007	0,051245
Креативность	0,766816	0,091292	-0,121222
Консервативность	0,104586	0,729901	0,057610
Конструктивность	0,728391	0,088143	0,020738
Деструктивность	-0,075585	0,582576	0,146336
Удовлетворенность прошлым	0,109422	0,074985	0,789578
Удовлетворенность настоящим	0,266596	0,088961	-0,618677
Прогноз будущего	0,252709	0,108227	-0,150878
Социальные барьеры	0,101526	0,140222	0,185984
Личностные барьеры	-0,152952	-0,176458	0,363798

Как можно увидеть из табл. 3, факторный анализ несколько подтвердил выводы, полученные в ходе интерпретации корреляционной матрицы самореализации сотрудников ОВД.

В первый фактор со значимыми весами вошли социально-корпоративные установки: активность, оптимистичность, интернальность, социоцентрическая мотивация, креативность, конструктивность. Таким образом, для сотрудников характерно эффективное самовыражение во время служебной деятельности, которое характеризуется высокой

активностью, возможностью находить нестандартные пути решения, преодоление возникающих преград, высокий самоконтроль и самоорганизация; основой самовыражения являются установки, которые направлены на повышение эффективности деятельности служебного коллектива, улучшение социально-психологического климата в подразделении.

Второй фактор представлен субъективно-личностными установками: экстернальностью, консервативностью, деструктивностью, а именно сдерживающими характеристиками самореализации (стоит заметить, что выраженность этих характеристик невысокая и они не оказывают значимого влияния на общую картину самореализации сотрудников правоохранительной структуры). Но реализация своего потенциала без учета коллективных интересов невозможна в правоохранительной структуре; данная позиция сопряжена с поведенческой и коммуникативной стереотипностью, трудностью в принятии решений и общей неудовлетворенностью процессом самореализации.

Третий фактор представлен пессимистичностью, удовлетворенностью прошлым и неудовлетворенностью настоящим. Как мы отмечали, анализ своих прошлых достижений происходит в неудовлетворительных ситуациях служебной деятельности, что может характеризоваться склонностью к драматизации сложившейся ситуации, повышением апатии, раздражительности и т. д. Данная симптоматика резко снижает удовлетворенность качеством своей жизни, выбором профессии.

На рис. 2 представлены средние значения видов самореализации сотрудников.

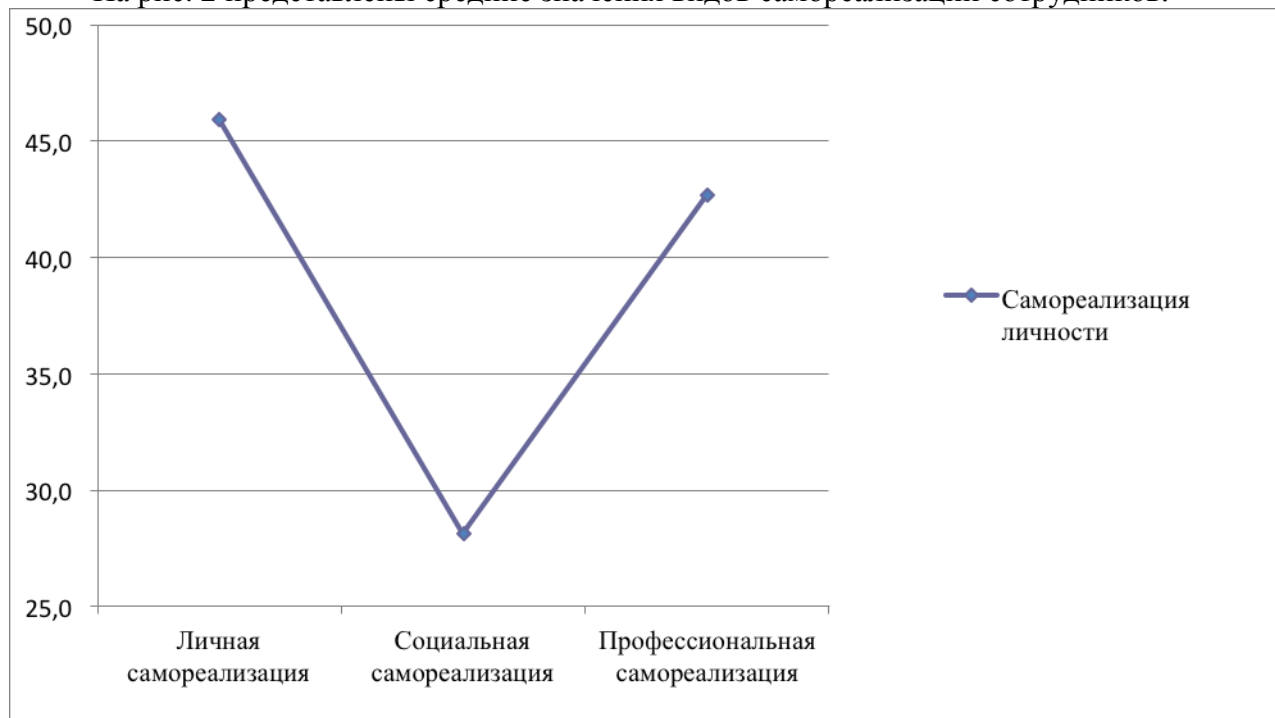

Рис. 2. Выраженность направленности самореализации

Все три вида самореализации находятся на высоком уровне. При этом наблюдается преобладание личной самореализации, второй по значимости является профессиональная самореализация, которая статистически значимо ниже личностной самореализации, но уровень значимости не столь высок ($p \leq 0,452$). Самые низкие значения показывает социальная самореализация. Статистически значимые различия от двух других

вышеописанных видов находятся на очень высоком уровне значимости ($p \leq 0,0001$). Это говорит о том, что для сотрудников характерно постоянство стремлений к личностному совершенству, достижению высоких показателей в личном, профессиональном и духовном развитии, например, в улучшении результатов физической и огневой подготовки. При этом вполне справедливо, что менее всего сотрудники стремятся к общественной деятельности и политической активности. Во многом это обусловлено особенностями профессии — сотрудники подвергаются систематическим провокациям, в которых они должны соблюдать четкий регламент действий, при этом высокая активность в реализации своих способностей просто невозможна. Поэтому действительные области самовыражения, где сотрудники могут проявлять креативность, высокую активность, оптимистичность — личностная и профессиональная.

Для лучшего понимания проявления видов самореализации рассмотрим корреляционные связи видов самореализации с ее структурными компонентами, представленными в табл. 4.

Таблица 4

Корреляции видов самореализации с ее составляющими

Компоненты	Личная самореализация	Социальная самореализация	Профессиональная самореализация
Социально-корпоративные установки	0.696040497	0.635273808	0.683038918
Субъективно-личностные установки	-0.165553547	-0.020656362	-0.013431795
Активность	0.670397632	0.593616079	0.703022829
Инертность	-0.172685077	-0.194871661	-0.089416074
Оптимистичность	0.604949143	0.618494038	0.654872689
Пессимистичность	-0.182768693	-0.247071809	-0.140386779
Интернальность	0.470809524	0.422378382	0.588656888
Экстернальность	-0.246686285	-0.240841181	-0.140074012
Социоцентричность	0.44072706	0.568743679	0.512214824
Эгоцентричность	0.282562884	0.178839896	0.287571919
Креативность	0.637988413	0.620823038	0.718138904
Консервативность	-0.113389415	-0.06728572	0.036952469
Конструктивность	0.590453022	0.59389055	0.639320422
Деструктивность	-0.134191189	-0.24306976	-0.140623854
Удовлетворенность прошлым	-0.029121681	-0.008445088	-0.00982359
Удовлетворенность настоящим	0.217378309	0.161837867	0.362892098
Прогноз будущего	0.223103735	0.165845455	0.320663386
Социальные барьеры	0.052175246	0.041851598	0.158070577
Личностные барьеры	-0.122957233	-0.170216931	-0.131618823

Данные, представленные в табл. 4, несколько дополняют наше видение самореализации личности сотрудников ОВД и не противоречат данным, описанным выше.

Личностный вид самореализации, который наиболее выражен, имеет множество корреляционных связей с гармоничными характеристиками исследуемого нами феномена,

Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И.
Исследование самореализации сотрудников органов
внутренних дел Российской Федерации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 90—105.

Burtsev A.O., Efimkina N.V., Kudinov S.I., Pozin A.I.
Self-realization in Officers of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 90—105.

что свидетельствует о положительной динамике реализации потенциала сотрудника. Интересно отметить положительную корреляцию с эгоцентрической мотивацией и отрицательную с субъективно-личностными установками, которые подтверждают наши представления о том, что реализация личностной самореализации происходит с опорой на коллективные интересы, сотрудники не стремятся выделиться из своего микросоциума. При этом проявления дисгармоничных характеристик самореализации, таких как пессимистичность, инертность, экстернальность, способны снизить эффективность личностного становления сотрудника.

Социальная самореализация имеет схожие корреляционные связи, правда, с некоторым исключением. Во-первых, имеется отрицательная статистически значимая связь с деструктивностью. Ввиду этого социальный вид самореализации (в наибольшей степени, в отличие от остальных) зависит от оценки сотрудником своего Я в процессе самовыражения. Если он начинает осознавать свою некомпетентность, как личностную, так и профессиональную, в наибольшей степени это сказывается именно на общественной деятельности. Если у сотрудника плохо развита коммуникативная сфера или он плохо владеет нормативной базой, которая регламентирует его деятельность, то ему будет труднее взаимодействовать с обществом, выполнять поставленные оперативно-служебные задачи. Во-вторых, социальная самореализация, в отличие от двух других, не имеет корреляционных связей с удовлетворенностью настоящим и прогнозом будущего. Тем самым уровень удовлетворенности сотрудника своей самореализацией в наименьшей степени зависит от успешной реализации своих способностей в общественной жизни, основной акцент в этом случае делается на личностный и профессиональный аспекты.

Профессиональная самореализация, как и личностная, имеет ряд положительных корреляционных связей с гармоничными характеристиками самореализации, такими как: «социально-корпоративные установки, активность, оптимистичность, интернальность, социоцентрическая и эгоцентрическая мотивация, креативность, конструктивность, удовлетворенность настоящим и прогноз будущего» [7]. Однако отсутствует отрицательная корреляция с дисгармоничными характеристиками. Таким образом, проявление инертности, пессимистичности, экстернальности в наименьшей степени влияет на способность к достижению высоких профессионально значимых результатов.

Заключение

Итак, при анализе самореализации личности сотрудников органов внутренних дел мы пришли к ряду выводов. Во-первых, в исследованной группе преобладает не только хорошее представление о своих стремлениях, но и умение их реализовать. Сотрудники рациональны и при этом оптимистичны, умеют распределять собственные ресурсы. Их отличает стремление к личностному росту, профессиональному совершенству и социальному признанию. Во-вторых, имеются некоторые противоречия мотивационной сферы респондентов. У них присутствуют как узколичностные мотивы, обеспечивающие личностное продвижение по службе (финансовая независимость, авторитет, власть), так и социально одобряемые мотивы (внести существенный вклад в общий результат совместной деятельности, улучшить взаимоотношения среди коллег и т. п.). При этом социально одобряемые мотивы существенно выше, на довольно высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,0002$). Ведущую роль все же играют социоцентрические мотивы, при этом эгоцентрические мотивы реализуются социально приемлемым путем, с опорой на

Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И.
Исследование самореализации сотрудников органов
внутренних дел Российской Федерации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 90—105.

Burtsev A.O., Efimkina N.V., Kudinov S.I., Pozin A.I.
Self-realization in Officers of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 90—105.

коллективное мнение. В-третьих, существуют различия в направленности самореализации при проявлении способностей в личностной, социальной или профессиональной сферах, на основе которых и происходит оценка успешности своего самовыражения сотрудниками. Однако нами было отмечено, что самореализация сотрудников ОВД происходит иначе, чем у представителей гражданских профессий, и во многом зависит от уровня профессиональной деформации личности [6]. Исходя из этого, для лучшего понимания феномена самореализации личности сотрудников ОВД необходимо рассматривать ее, учитывая ряд объективных параметров, а именно: стаж службы, возраст, специальное звание, подразделение. Все это, на наш взгляд, имеет большое значение при оценке особенностей самореализации сотрудников правоохранительных органов; на выявление данных особенностей и будут направлены наши дальнейшие исследования.

Литература

1. *Абульханова-Славская К.А.* Развитие личности в процессе жизнедеятельности // Психология формирования и развития личности. М., 1981. С. 19—44.
2. *Аристотель* Сочинения: в 4 т. Т.4. М.: Мысль, 1983. С. 830.
3. *Виноградов М.В., Ульянина О.А.* Основные направления психологической работы с курсантами и слушателями, а также сотрудниками, впервые принятыми на службу, в период профессионального обучения, в образовательных организациях системы МВД России (Часть 1) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 2. С. 1—14. doi:10.17759/psylaw.2019090201
4. *Коростылева Л.А.* Проблемы самореализации личности в системе наук о человеке // Психологические проблемы самореализации личности. СПб., 1997. С. 3—19.
5. *Кудинов С.И., Позин А.И., Белоусова С.С.* Психологические особенности самореализации личности сотрудников органов внутренних дел // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2017. № 1(28). С. 67—72.
6. *Кудинов С.И., Позин А.И., Гаврилушкин С.А.* Специфика самореализации сотрудников органов внутренних дел с разными показателями профессиональной деформации // Человеческий капитал. 2019. № 3(123). С. 143—153.
7. *Кудинов С.И., Владимирова Ю.В.* Роль профессиональной идентичности в самореализации психологов-педагогов // Вестник Российского университета дружбы народов. 2015. № 3. С. 30—38. [Электронный ресурс] URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24307545> (дата обращения: 10.11.2019 г.).
8. *Леонтьев Д.А.* Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М., 1997. С. 156—177.
9. *Маслоу А.* Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 479 с.
10. *Одинцова М.А., Ослон В.Н., Оголь М.П.* Самоактивация как основа развития личностно-профессиональной компетентности специалистов учреждений для детей-сирот [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 1—17. DOI:10.17759/psylaw.2019090401
11. *Панкратова В.В.* Системный подход к изучению самореализации личности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. [Электронный ресурс] URL: <http://www.science-education.ru/111-10295> (дата обращения: 10.11.2019 г.).
12. Психотехнологические методы в управлении сотрудниками оперативных

Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И.
Исследование самореализации сотрудников органов
внутренних дел Российской Федерации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 90—105.

Burtsev A.O., Efimkina N.V., Kudinov S.I., Pozin A.I.
Self-realization in Officers of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 90—105.

подразделений ФПС ГПС МЧС России: Метод. пособие. М: ВНИИПО, 2011. 138 с.
[Электронный ресурс] URL: http://www.vniipo.ru/ufiles/ufiles/metodichka_trening.doc#1 (дата обращения: 10.11.2019 г.).

13. Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс, 1994. 479 с.

14. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: АН СССР. 416 с.

References

1. Abul'khanova-Slavskaya K.A. Razvitie lichnosti v protsesse zhiznedeyatel'nosti / Psikhologiya formirovaniya i razvitiya lichnosti. Moscow, 1981. pp.19-44.
2. Aristotel' Sochineniya: V 4 t. T.4. Moscow: Mysl', 1983. P. 830.
3. Vinogradov M.V., Ul'yanina O.A. Osnovnye napravleniya psikhologicheskoi raboty s kursantami i slushatelyami, a takzhe sotrudnikami, v pervye prinyatymi na sluzhbu, v period professional'nogo obucheniya, v obrazovatel'nykh organizatsiyakh sistemy MVD Rossii (Chast' 1) [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya i pravo, 2019. Vol. 9, no. 2, pp. 1—14. doi:10.17759/psylaw.2019090201.
4. Korostyleva L.A. Problemy samorealizatsii lichnosti v sisteme nauk o cheloveke [Psikhologicheskie problemy samorealizatsii lichnosti]. Saint-Peterburg, 1997, pp. 3-19.
5. Kudinov S.I., Pozin A.I., Belousova S.S. Psikhologicheskie osobennosti samorealizatsii lichnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del [Vektor nauki Toll'yattinskogo gosudarstvenogo universiteta] Seriya: Pedagogika, psikhologiya. 2017, no. 1 (28). pp. 67 — 72.
6. Kudinov S.I., Pozin A.I., Gavrilushkin S.A. Spetsifika samorealizatsii sotrudnikov organov vnutrennikh del s raznymi pokazatelyami professional'noi deformatsii [Chelovecheskii kapital] 2019, no. 3 (123). P. 143 — 153.
7. Kudinov S.I., Vladimirova Yu.V. Rol' professional'noi identichnosti v samorealizatsii psikhologov-pedagogov // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. 2015, no. 3, pp. 30—38. [Elektronnyi resurs] URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24307545> (data obrashcheniya: 10.11.2019 g.).
8. Leont'ev D.A. Samorealizatsiya i sushchnostnye sily cheloveka [Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetsoi psikhologii]. Moscow, 1997. pp. 156-177.
9. Maslou A. Motivatsiya i lichnost'. Saint-Peterburg: Evraziya, 1999. 479 p.
10. Odintsova M.A., Oslon V.N., Ogol' M.P. Samoaktivatsiya kak osnova razvitiya lichnostno-professional'noi kompetentnosti spetsialistov uchrezhdenii dlya detei-sirot [Elektronnyi resurs] // Psikhologiya i pravo, 2019. Vol. 9, no. 4. pp. 1—17. doi:10.17759/psylaw.2019090401.
11. Pankratova V.V. Sistemnyi podkhod k izucheniyu samorealizatsii lichnosti // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. 2013, no. 5. [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.science-education.ru/111-10295> (data obrashcheniya: 10.11.2019 g.).
12. Psikhotekhnologicheskie metody v upravlenii sotrudnikami operativnykh podrazdelenii FPS GPS MChS Rossii: Metod. posobie. Moscow: VNIPO, 2011. 138 p. [Elektronnyi resurs] URL: http://www.vniipo.ru/ufiles/ufiles/metodichka_trening.doc#1 (data obrashcheniya: 10.11.2019 g.).
13. Rodzhers K. Vzglyad na psikhoterapiyu. Stanovlenie cheloveka. Moscow: Progress, 1994. 479 p.
14. Rubinshtein S. L. Problemy obshechi psikhologii. Moscow: AN SSSR. 416 p.

Бурцев А.О., Ефимкина Н.В., Кудинов С.И., Позин А.И.
Исследование самореализации сотрудников органов
внутренних дел Российской Федерации
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 90—105.

Burtsev A.O., Efimkina N.V., Kudinov S.I., Pozin A.I.
Self-realization in Officers of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 90—105.

Информация об авторах

Бурцев Антон Олегович, кандидат психологических наук, начальник отделения по изучению проблем психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра, Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО АУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, e-mail: burcev_anton@bk.ru

Ефимкина Надежда Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6384-4866>, e-mail: e_n_v@inbox.ru

Кудинов Сергей Иванович, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и дифференциальной психологии, Российский университет дружбы народов (ФГАО ВО РУДН), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>, e-mail: rudn.tgu@yandex.ru

Позин Александр Ильич, преподаватель кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (ФГКОУ ВО МосУ МВД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6025-7914>, e-mail: pozuh@bk.ru

Information about the authors

Anton O. Burtsev, PhD in Psychology, head of Department for the study of problems of psychological support of the operational activities of the division for research of problems of industrial management of the research center, Management Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation (FGKOU VO AU of the Ministry of Internal Affairs of Russia), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1279-5720>, email: mtv-psyi@mail.ru, burcev_anton@bk.ru

Nadezhda V. Efimkina, PhD in Psychology, Associate Professor Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of Performance Psychology Moscow University of the MIA of Russia for them.V.J. Kikot (FGKOU VO MosU of the Ministry of Internal Affairs of Russia), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6384-4866>, e-mail: e_n_v@inbox.ru

Sergey I. Kudinov, Doctor of Psychology, Professor, Doctor of Psychology, Professor RUDN Universiti (FSAO VO RUDN), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2117-6975>, e-mail: rudn.tgu@yandex.ru

Alexander I. Pozin, lecturer Department of Legal Psychology, Educational and Scientific Complex of Performance Psychology Moscow University of the MIA of Russia for them.V.J. Kikot (FGKOU VO MosU of the Ministry of Internal Affairs of Russia), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6025-7914>, e-mail: pozuh@bk.ru

Получена 10.06.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 10.06.2020
Accepted 02.02.2021

Изучение социальной фрустрированности, жизнестойкости и психологической безопасности личности сотрудников МВД

Ахмадеева Е.В.

Башкирский государственный университет (ФГБОУ ВО БашГУ), г. Уфа, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>, e-mail: elena-ram@yandex.ru

Галяутдинова С.И.

Башкирский государственный университет (ФГБОУ ВО БашГУ), г. Уфа, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8304-6431>, e-mail: lanagal@bk.ru

В статье излагаются результаты эмпирического исследования, направленного на изучение социальной фрустрированности, жизнестойкости и психологической безопасности личности сотрудников МВД. Мы предполагаем, что сотрудники МВД с низким и высоким уровнем социальной фрустрированности имеют различия в показателях психологической безопасности личности и жизнестойкости. Результаты исследования продемонстрировали наличие различий в показателях социальной фрустрированности в группах испытуемых с высоким и низким уровнем психологической безопасности личности. В ходе корреляционного анализа были выявлены достоверные отрицательные связи между показателем социальной фрустрированности, жизнестойкости и базовыми убеждениями сотрудников МВД. В целом, можно сделать вывод о том, что сотрудники МВД, обладающие высоким уровнем психологической безопасности личности, отличаются пониженной социальной фрустрированностью и повышенной жизнестойкостью. Следовательно, повышенный уровень социальной фрустрированности может снижать жизнестойкость и выступать одной из угроз психологической безопасности личности сотрудников МВД.

Ключевые слова: профессиональная деятельность сотрудников МВД, жизнестойкость, психологическая безопасность личности, критерии безопасности, социальная фрустрированность.

Для цитаты: Ахмадеева Е.В., Галяутдинова С.И. Изучение социальной фрустрированности, жизнестойкости и психологической безопасности личности сотрудников МВД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 106—120. DOI:10.17759/psylaw.2021110109

Ахмадеева Е.В., Галютдинова С.И.
Изучение социальной фрустрированности,
жизнестойкости и психологической безопасности
личности сотрудников МВД
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 106–120.

Akhmadeeva E. V., Galyautdinova S. I.
Social Frustration, Resilience and Psychological Security
of Internal Affairs Officers
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 106–120.

Social Frustration, Resilience and Psychological Security of Internal Affairs Officers

Elena V. Akhmadeeva

Bashkir State University, Ufa, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>, e-mail: elena-ram@yandex.ru

Svetlana I. Galyautdinova

Bashkir State University, Ufa, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8304-6431>, e-mail: lanagal@bk.ru

The article shows the results of an empirical research of the social frustration, resilience and psychological security of internal affairs officers. We suppose that officers with low or high levels of social frustration differ in the values of psychological security of their personalities and their resilience. The study results showed differences in social frustration in groups of subjects with high and low levels of psychological security of personality. Correlation analysis revealed reliable negative relationship between the social frustration, resilience and fundamental convictions of the officers of the Ministry of Internal Affairs. On the whole, one can conclude that officers with high levels of psychological security of personality are notable for lowered social frustration and increased resilience. Therefore, an increased level of social frustration can lower the resilience and pose a threat to the psychological security of personality of internal affairs officers.

Keywords: professional performance of internal affairs officers, resilience, psychological security of personality, security criteria, social frustration.

For citation: Akhmadeeva E. V., Galyautdinova S. I. Social Frustration, Resilience and Psychological Security of Internal Affairs Officers. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 106—120. DOI:10.17759/psylaw. 2021110109 (In Russ.).

Введение

Изучение личности в условиях профессиональной деятельности регулярно привлекает внимание исследователей и представляет научный и практический интерес. Принцип единства сознания, деятельности и личности указывает на то, что профессиональная деятельность как способствует формированию профессионально важных качеств личности, так и приводит к разного рода личностным нарушениям, которые отражаются на поступках сотрудника, стиле его общения, предпочтениях, поведении на службе и в быту. Безусловно, это касается и сотрудников министерства внутренних дел.

Министерство внутренних дел (далее МВД) представляет особую сферу деятельности, направленную на охрану порядка, на соблюдение законов и правовых актов гражданами, на воспитание у граждан правового сознания, предупреждение правонарушений, предоставление условий для соблюдения прав юридических и физических лиц.

О.Е. Лисова пишет: «Вся деятельность МВД представляет собой сложное переплетение человеческих взаимосвязей и отношений. Сотруднику МВД приходится иметь дело с наиболее трудным в социальном отношении контингентом, для которого характерно наличие асоциальных установок, неуправляемость, агрессивность, скрытный характер преступной деятельности, противоборство и враждебное отношение к представителям власти» [9, с. 961].

Систематическое пребывание в условиях негативного социально-психологического взаимодействия в процессе профессиональной деятельности приводит к следующим деформационным проявлениям: пренебрежению нормами права; сформировавшимся стереотипам поведения; переоценке сотрудником своей социальной роли; профессиональному эгоизму, мнению сотрудника об элитарности своей профессии; излишней подозрительности, придирчивости и недоверию; переносу негативного отношения к преступникам на отношение к окружающим лицам вне поля профессиональной деятельности; возникновению стереотипа восприятия людей как объектов профессионального воздействия; повышению порогов восприятия негативной информации и фактов; неудовлетворенности содержанием труда, равнодушию к потерпевшим; бравате служебным положением, властью; ложной уверенности в том, что сотруднику простительны мелкие правонарушения; неоправданному применению профессионального жаргона; негативному отношению к гражданам, обращающимся за помощью; гипертрофии авторитарности, ожесточению и дегуманизации отношений с подчиненными или, наоборот, потере убеждения в важности и полезности своей деятельности; служебной пассивности, чувству неуверенности в себе и разочарованию; стремлению к пассивному отдыху; склонности к необоснованному засекречиванию процесса своей деятельности; оправданию процесса своей деятельности [8].

Хотелось бы также отметить, что специфика профессиональной деятельности сотрудников МВД обусловлена наличием экстремальных ситуаций, повышенной ответственностью, психическими и физическими перегрузками, постоянной напряженностью, тяжелой интеллектуальной работой, принятием ответственных решений в условиях нехватки времени, раннему возникновению профессиональной усталости, приводящей к снижению желания работать в данной сфере, и других особенностей, которые влекут за собой снижение устойчивости личности к неблагоприятным ситуациям, возникновение социальной фрустрированности и представляют угрозу для психологической безопасности личности.

Исследователи определяют социальную фрустрированность как индивидуально-личностную форму проявления социальной фрустрации, возникающую при блокировании реализации личностно значимых потребностей, мотивов и ценностей под влиянием суммарно действующих интерперсональных и интраперсональных факторов, сопровождающуюся высокой неудовлетворенностью личности и снижением ее социальной адаптации [6].

Под социальной фрустрированностью мы будем понимать специфический набор переживаний и отношений, возникающих в ответ на фрустраторы, к которым можно отнести: низкую заработную плату, кризис в экономике страны, волны безработицы, невозможность удовлетворения социальных потребностей, неудовлетворенность уровнем образования, взаимоотношениями с коллегами, с друзьями, отношениями в семье, своим образом жизни в

целом. Автор подчеркивает, что перегрузка действиями социально-фрустрирующих факторов ведет к дезадаптации и снижению качества жизни [4].

Таким образом, социальная фрустрированность появляется как ответная реакция психики на различные фрустраторы.

Для сотрудников МВД характерными фрустраторами, которые могут стать потенциальными угрозами возникновения социальной фрустрации, являются низкая психогигиена, присутствие конфликтов в общении с коллегами, социальная незащищенность, низкая оплата труда, высокие требования, угроза здоровью в выполняемых приказах, разногласия в семье, общее снижение устойчивости к различным жизненным обстоятельствам.

Д.А. Леонтьев, Е.И. Рассказова полагают, что жизнестойкость (*hardiness*) «... демонстрирует уровень способности человека преодолевать стрессовую ситуацию, не теряя при этом внутренний баланс и не понижая успешность деятельности. Она являет собой систему убеждений о самом себе, об окружающем мире, о взаимоотношениях с ним» [10, с. 6].

С.А. Богомаз вместе с коллективом исследователей провел ряд исследований, изучающих жизнестойкость личности, которые позволили составить ее «психологический портрет». Жизнестойкий индивид способен анализировать свою жизнь, доволен прошлой и настоящей жизнью, позитивно воспринимают себя и окружение, в определенной степени может видеть искаженную реальность. При этом человек показывает повышенный уровень активности и целеустремленности, с помощью которых он с заинтересованностью включается в жизненные вопросы, старается владеть ситуацией и следить за своим здоровьем. Для жизнестойкого индивида характерны высокий эмоциональный интеллект и умение адекватно управлять своими и понимать эмоции другого человека. Учеными выявлена взаимосвязь жизнестойкости и гибкости мышления, креативности, повышенной социально-психологической адаптированности и психологического благополучия человека в целом [2, с. 26].

Жизнестойкость личности содержит в себе три относительно автономных компонента: вовлеченность — степень интегрированности субъекта в деятельность; контроль — степень осознанности действий, признание ценности самоконтроля; принятие риска — готовность идти на риск, прогнозирование затрат на достижение цели, убежденность человека в том, что всё то, что с ним случается, способствует его развитию за счет знаний, опыта. Выраженность данных компонентов в жизнестойкости блокирует возникновение внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях благодаря сильному самообладанию. Из этого следует, что жизнестойкая личность не доводит себя до состояния фрустрации, либо находит выход из этого состояния с наименьшими потерями.

Американский автор Сальваторе Мадди сформулировал понятие «жизнестойкости» (*hardiness*), которое является неотъемлемой частью психологической безопасности. В экзистенциальной философии жизнестойкость описана как «свобода быть», т. е. действовать вопреки тревоге, которая всегда сопровождает движение от безопасного, известного прошлого, в небезопасное, неизвестное будущее.

Таким образом, жизнестойкие убеждения, с одной стороны, оказывают влияние на оценку ситуации, а с другой стороны, ведут к активному и успешному преодолению угроз

психологической безопасности личности. Реализация психологической безопасности происходит во время социальных взаимодействий.

В научных исследованиях категория «безопасность» определяется как мобилизатор ресурсов человеческой психики в экстремальных ситуациях, в условиях неопределенности и нестабильности [7, с. 17].

Психологическая безопасность является одним из основных факторов, качество жизни в различных областях.

По мнению М.Г. Рябовой, психологическая безопасность включает в себя: умение управлять своим поведением и контролировать его; устойчивость личности к неблагоприятным стрессорам окружающей действительности; наличие смысложизненных ориентаций и жизненных целей, т. е. способность к регуляции отношений со средой и к саморегуляции при неблагоприятных психических состояниях [13, с. 95].

И.А. Баева пишет о двух формах психологической безопасности: психологической безопасности среды и психологической безопасности личности. При этом выделяются следующие аспекты психологической безопасности:

- как системы межличностных отношений, которые вызывают у участников ощущение принадлежности (референтной значимости среды);

- как состояния образовательной среды, в котором отсутствует психологическое насилие и существует взаимодействие, нацеленное на удовлетворение потребностей в общении личностно-доверительного плана, создающее референтную значимость среды, а также обеспечивающее психическое здоровье всех участников;

- как системы мер, направляемых на предотвращение угроз, создающих препятствия личностному развитию [1].

Л.А. Михайлов считает, что психологическая безопасность личности проявляется в способности индивида к адаптации и его способности к принятию решений в сложной ситуации (когнитивная составляющая). Личность, располагающая достаточной степенью психологической безопасности, воспринимает себя как субъекта, способного противостоять жизненным трудностям, соответственно, смотрит на жизнь оптимистично и позитивно. При низком уровне психологической безопасности человек тратит энергетические и психологические ресурсы не на развитие, а на поддержание напряженного состояния в ожидании негативного воздействия [11].

Механизмы психологической безопасности личности обусловлены поведением человека в различных ситуациях. На наш взгляд, стратегия поведения зависит, во-первых, от субъективного понимания человеком ситуации как опасной или неопасной, во-вторых, от способности адаптироваться к конкретной ситуации и устанавливать причинно-следственную связь между ситуацией и ее последствиями, в-третьих, от жизнестойкости человека, предполагающей быстрое восстановление от негативных эмоциональных переживаний и гибкое поведение в изменяющихся обстоятельствах. Предрасположенность человека к непредвиденным ситуациям, несчастным случаям может объясняться и спецификой когнитивной сферы. К примеру, неспособность осознавать и прогнозировать возникновение и развитие опасных ситуаций, как для себя, так и для окружающих, а также защищаться от их действий может свидетельствовать о низком уровне психологической

безопасности личности [5].

Таким образом, уровень психологической безопасности можно повысить, расширив знания об угрозах психологической безопасности личности и способах их преодоления; сформировав способность позитивно оценивать текущие и будущие жизненные обстоятельства; развить умение избавляться от отчаяния, гнева, накопленного стресса и не доводить себя до аффекта с помощью тренировки навыков саморегуляции, а также выработав оптимальные модели поведения в стрессовых ситуациях.

Американская исследовательница Ронни Янов-Бульман причисляет чувство безопасности к базовым ощущениям человека. Само чувство безопасности при этом основано на трех основных убеждениях, которые в совокупности представляют собой основу, ядро внутреннего мира личности. Это убежденность в том, что добра в мире больше, чем зла, вера в справедливость мироздания и в ценность себя как человека, достойного того, чтобы с ним происходило хорошее (своеобразная иллюзия контроля своей судьбы). Формирование этих базисных убеждений происходит в раннем детстве в контакте со значимыми людьми [3].

Под психологической безопасностью личности мы предлагаем понимать «... специфическую меру стабильности психического состояния человека, во многом определяющую особенности реагирования людей на различные травматические ситуации, с которыми неизбежно сталкивается каждый человек в течение жизни: внешние трудности, болезни, проблемы с начальством, конфликты, изменение условий жизни, смена места работы и т. д.» [7, с. 18].

Мы согласны с исследователями, рассматривающими реализацию потребности в безопасности в качестве сохранения психологической целостности индивида, испытывания ими чувства удовлетворенности настоящим и уверенности в будущем, ощущения защищенности интересов, а психологическую безопасность личности — в связи с мобилизацией ресурсов человеческой психики в трудных жизненных обстоятельствах.

Психологическая безопасность личности переживается как состояние защищенности или незащищенности в конкретной жизненной ситуации и реализуется в среде. На наш взгляд, личность, максимально адаптированная к среде, вступающая с ней в психологически безопасные отношения, имеет больше возможностей на более качественный жизненный уровень.

В нашей работе в роли такой среды выступает профессиональная среда сотрудников МВД.

Цель исследования — изучить проявление социальной фрустрированности, жизнестойкости и психологической безопасности личности у сотрудников МВД. Мы предполагаем, что сотрудники МВД с низким и высоким уровнем социальной фрустрированности имеют различия в показателях психологической безопасности личности и жизнестойкости.

Материалы и методы

Для реализации цели мы использовали методику «Уровень социальной фрустрированности» Л.И. Вассермана; методику «Шкала базисных убеждений» (Р. Янов-Бульман в адаптации М.А. Падуна. А.В. Котельниковой), тест Жизнестойкости С. Мадди (в адаптации Д.А. Леонтьева и Е.И. Рассказовой, модификация Е.Н. Осина).

Статистическая обработка полученных данных проводилась с помощью непараметрического U-критерия Манна—Уитни и коэффициента корреляции Спирмена. Все расчеты проводились с использованием статистического пакета фирмы StatSoft «Statistica10» для Windows 7.

В исследовании принимали участие сотрудники МВД г. Уфы в количестве 50 человек, преимущественно относящиеся к среднему начальствующему составу, со стажем работы свыше 10 лет, средний возраст составил 36 лет.

Результаты

Данные исследования сотрудников МВД по методике «Уровень социальной фрустрированности» показали следующее (рис. 1). У 43% респондентов отмечается повышенный уровень социальной фрустрированности — 3,1 балла (3,0—3,4 балла), 24% испытуемых обладают умеренным уровнем — 2,6 баллов (2,5—2,9 баллов), 17% обследуемых имеют пониженный уровень фрустрированности — 1,7 баллов (1,5—1,9 баллов). В зону неопределенной оценки вошло 12% участников опроса, результаты которых варьировались от 2,0 до 2,3 баллов (2,0—2,4 баллов), и лишь у 4% полностью отсутствует общая фрустрированность.

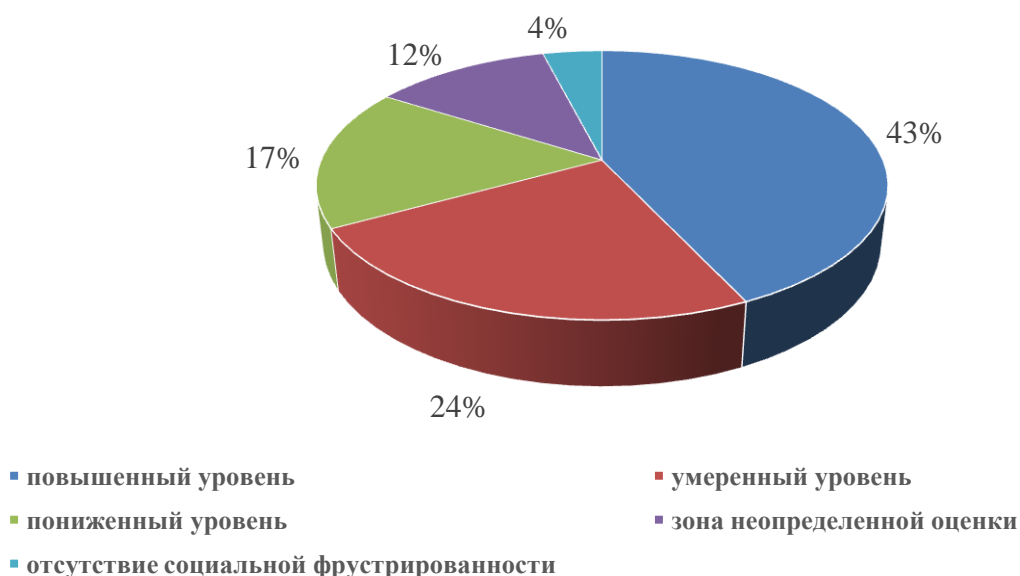

Рис. 1. Распределение сотрудников по уровням социальной фрустрированности

Социальная фрустрированность охватывает пять сфер, которые были выделены экспертами как наиболее значимые для трудоспособного человека. Наибольшее количество испытуемых продемонстрировали показатели неудовлетворенности социальным статусом, куда входят образование, область профессиональной деятельности, уровень профессиональной подготовки, а также в показателях неудовлетворенности своим здоровьем и работоспособностью, что может свидетельствовать о нарушении режима работы и отдыха, недостаточном медицинском контроле сотрудников МВД.

Были и те, которые отметили неудовлетворенность ближайшим социальным окружением: руководством, коллегами. Наименьшая часть участников опроса (7%) указали на неудовлетворенность отношениями внутри семьи. Блок взаимоотношений с родными, в отличие от других областей, включает наибольшее количество испытуемых (53%), которые продемонстрировали удовлетворенность в этой сфере.

Вышеперечисленные показатели могут говорить о том, что участники опроса более удовлетворены своими взаимоотношениями с близкими, чем теми областями социальной жизни, которые касаются физического и психологического здоровья, работоспособности, материального положения, социального статуса, положения в обществе.

У сотрудников МВД общий показатель уровня жизнестойкости составил 77,2 баллов. Этот результат незначительно ниже нормативного, предоставленного в исследовании Д.А. Леонтьева (79,8 баллов), свидетельствует о склонности к внутреннему напряжению в стрессовых ситуациях и инертности в преодолении этой ситуации. При этом обнаружилось следующие средние значения компонентов жизнестойкости: «Вовлеченность» — 33,6 баллов из 36,6 возможных баллов, «Контроль» — 30,1 балл из 27,6 возможных, «Принятие риска» — 13,91 из 15,57 возможных [10]. Наглядно данные представлены на рис. 2.

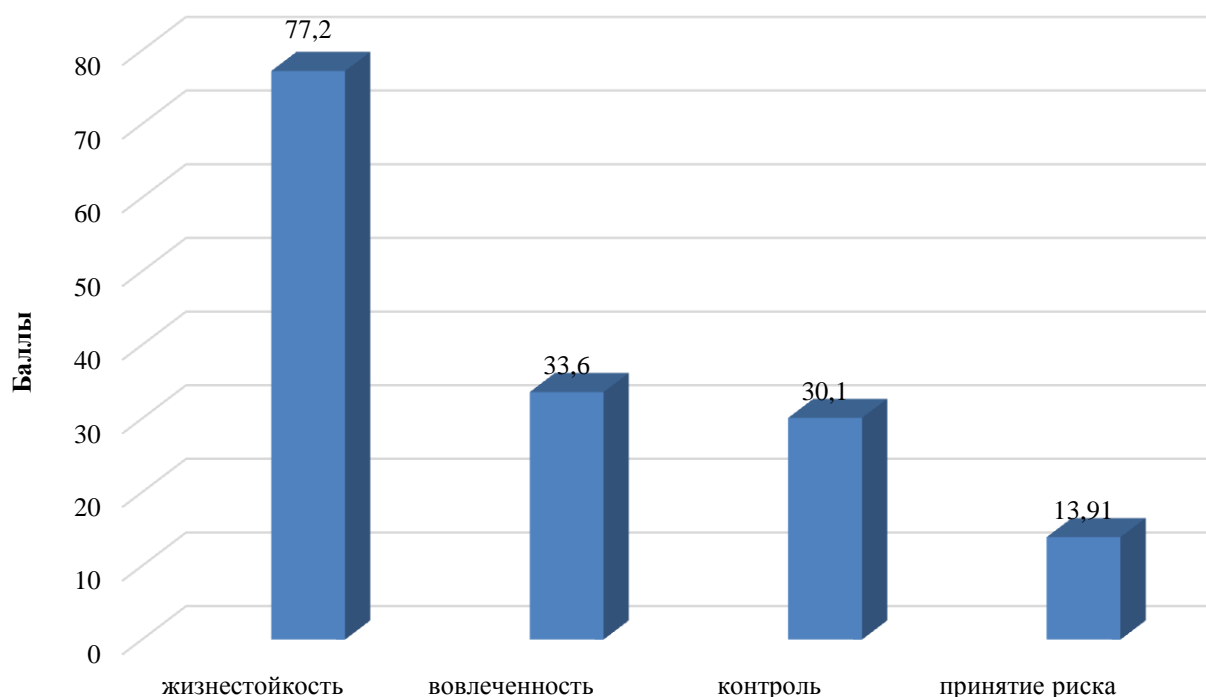

Рис. 2. Жизнестойкость и ее компоненты у сотрудников МВД

Среди компонентов жизнестойкости чуть выше нормативных значений компонент «Контроль», который представляет собой убежденность в том, что борьба позволяет повлиять на результат происходящего, пусть даже это влияние не абсолютно и успех не гарантирован. Человек с сильно развитым компонентом контроля ощущает, что сам

выбирает собственную деятельность, свой путь [10, с. 5].

Можно предположить, что испытуемые контролируют происходящие обстоятельства и уверены в собственных возможностях влиять на результаты происходящего вокруг.

Слегка заниженный компонент «Вовлеченность» свидетельствует о том, что сотрудники МВД, возможно, испытывают эмоциональное выгорание, что отражается на снижении профессионального интереса к деятельности и удовлетворенности от нее.

Результаты исследования психологической безопасности личности по методике «Шкала базовых убеждений» представлены в табл. 1.

Таблица 1

Средние показатели шкалы базовых убеждений у сотрудников МВД

Базовое убеждение	Среднее значение	Уровень
Доброжелательность окружающего мира	21	Низкий
Справедливость окружающего мира	16	Низкий
Ценность и значимость собственного «Я»	36	Высокий
Удача	17	Низкий
Контроль	30	Высокий

Средний уровень психологической безопасности личности у сотрудников МВД составил 130 баллов, что соответствует среднему уровню нормативного значения психологической безопасности личности. Это указывает на веру участников опроса в то, что в целом мир устроен справедливо, но по отношению к ним он не всегда благосклонен. Они достаточно высокого мнения о себе и вполне убеждены в собственной способности управлять и контролировать жизненные события.

По шкале «Доброжелательность окружающего мира» наиболее высокие показатели получены в группе сотрудников с пониженным уровнем социальной фрустрированности (20% респондентов), наиболее низкие показатели продемонстрировали сотрудники группы с повышенным уровнем социальной фрустрированности (46% респондентов), средние показатели выявились у 34% с умеренными показателями социальной фрустрированности.

Наибольшее количество испытуемых имеют низкие показатели по базовым убеждениям «Справедливость мира», «Степень удачи или везения». Данные категории охватывают те убеждения, которые относятся к восприятию мира как несправедливого. Это указывает на убежденность в том, что мир не справедлив, поскольку в большинстве случаев недостойные люди более успешные и получают в жизни то, чего не заслуживают.

Такие результаты могут свидетельствовать о том, что некоторые сотрудники МВД, столкнувшись с социальной несправедливостью, подорвали субъективное чувство психологической безопасности, стали тревожными и уязвимыми к угрожающим воздействиям различного происхождения.

Авторы методики «Шкала базисных убеждений», с помощью которой мы измеряем

Ахмадеева Е.В., Галютдинова С.И.
 Изучение социальной фрустрированности,
 жизнестойкости и психологической безопасности
 личности сотрудников МВД
 Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 106–120.

Akhmadeeva E. V., Galyautdinova S. I.
 Social Frustration, Resilience and Psychological Security
 of Internal Affairs Officers
 Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 106–120.

психологическую безопасность личности, на основе нормального распределения данных по субшкалам теста составили таблицу условно нормативных значений для каждой субшкалы, распределив значения по каждой шкале на «Низкие», «Средние» и «Высокие» [12].

Данные об испытуемых со средним уровнем психологической безопасности мы исключаем из результатов исследования по каждой шкале, нас интересуют только респонденты с низким и высоким уровнем.

Для того чтобы выяснить, различаются ли показатели социальной фрустрированности в группах с низким и высоким уровнем психологической безопасности, мы использовали непараметрический U-критерий Манна—Уитни. Достоверными были выбраны результаты на уровне значимости $p \leq 0,05$.

Мы проанализировали соотношение общей социальной фрустрированности (сумму баллов по шкалам, используя только данные повышенного уровня) и уровня психологической безопасности личности по методике «Шкала базисных убеждений».

Результаты продемонстрированы в табл. 2 и на рис. 3.

Таблица 2

Уровни социальной фрустрированности и показатели психологической безопасности личности

Субшкала базисных убеждений	Повышенный уровень социальной фрустрированности*	Пониженный уровень социальной фрустрированности	p-value
Доброжелательность окружающего мира	3,09	2,66	0,0000
Справедливость	2,9	1,9	0,009
Образ Я	2,4	1,7	0,015
Удача	2,2	2,0	0,0000
Контроль	3,1	2,2	0,0001

Примечание: «*» — средний балл социальной фрустрированности.

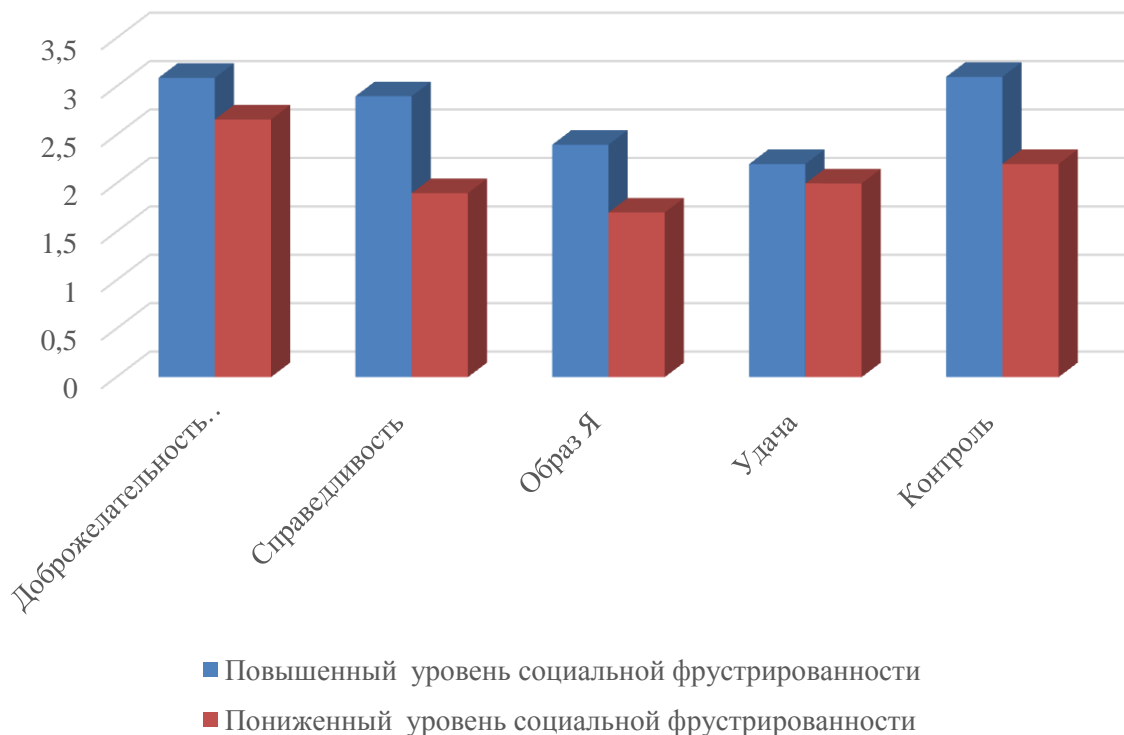

Рис. 3. Уровни социальной фрустрированности и показатели психологической безопасности личности

Анализ значимости различий с использованием критерия Манна—Уитни показал, что для сотрудников МВД с пониженным уровнем социальной фрустрированности характерны позитивные базисные убеждения о ценности и значимости собственного Я и возможностях контролировать происходящие в жизни события.

Результаты исследования свидетельствуют о наличии различий в показателях социальной фрустрированности с высоким и низким уровнем психологической безопасности личности. Испытуемые с высоким уровнем психологической безопасности личности по всем шкалам демонстрируют пониженный уровень социальной фрустрированности и, наоборот, респонденты с повышенным уровнем социальной фрустрированности показывают более низкий результат по методике «Психологическая безопасность личности». При этом следует отметить, что показатель «Удача» зафиксирован как в случае повышенной социальной фрустрированности, так и в случае пониженной социальной фрустрированности на уровне неопределенности (2,0—2,4 баллов).

Это подтверждает нашу гипотезу: сотрудники МВД с низким и высоким уровнем психологической безопасности личности имеют различные показатели социальной фрустрированности и жизнестойкости.

Следовательно, можно предположить, что низкая жизнестойкость становится причиной стрессовых ситуаций, которые в конечном итоге снижают уровень психологической безопасности личности.

Полученные данные были подвергнуты корреляционному анализу, который выполнялся с помощью непараметрического критерия ранговой корреляции Спирмена. В результате были выявлены достоверные корреляционные связи, которые отображены в табл. 3.

Таблица 3

Корреляционные связи между общей социальной фрустрированностью, жизнестойкостью и убеждениями о психологической безопасности личности

Показатели	Общая социальная фрустрированность
Жизнестойкость	- 0,53
Общий уровень психологической безопасности личности	- 0,56
Справедливость мира	- 0,41
Случайность как принцип распределения происходящих событий	- 0,64

Обсуждение результатов

Выявлена отрицательная связь между шкалами «Общая социальная фрустрированность» и «Жизнестойкость» ($r=-0,53$). Данный результат свидетельствует о том, что чем выше показатель социальной фрустрированности, тем ниже жизнестойкость. Мы полагаем, что у сотрудников МВД с увеличением фрустрированности снижаются убеждения относительно собственной способности преодолеть жизненные трудности.

Зафиксирована отрицательная связь между показателями общей социальной фрустрированности и общим уровнем психологической безопасности личности ($r=-0,56$). Это позволяет сделать вывод о том, что чем выше уровень психологической безопасности личности, тем ниже показатель социальной фрустрированности, и, наоборот, чем ниже уровень психологической безопасности личности, тем выше показатель социальной фрустрированности.

Отрицательная корреляция наблюдается между шкалами «Справедливость мира» и «Общая социальная фрустрированность» ($r=-0,41$). Данная связь означает, что неудовлетворенность социальным положением увеличивается при ослаблении убеждения в справедливости, равенстве прав всех людей. Сотрудники МВД сталкиваются с беззаконием, с отсутствием правосудия в делах. Такой опыт приводит к подавленному состоянию, чувству незащищенности, разочарованию обществом, миром.

Шкала «Общая социальная фрустрированность» отрицательно коррелирует со шкалой «Случайность как принцип распределения происходящих событий» ($r=-0,64$). Убежденность в том, что все происходящее в жизни не контролируемо, распределяется случайным образом связана с отсутствием фрустрированности в социальной жизни. Это базовое убеждение состоит в том, что течение нашей жизни во многом определяется случаем и случайность — это принцип распределения происходящих событий. Если сотрудники МВД уверены в

Ахмадеева Е.В., Галяутдинова С.И.
Изучение социальной фрустрированности,
жизнестойкости и психологической безопасности
личности сотрудников МВД
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 106–120.

Akhmadeeva E. V., Galyautdinova S. I.
Social Frustration, Resilience and Psychological Security
of Internal Affairs Officers
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 106–120.

контролируемости своей жизни, в имеющейся власти над событиями своей жизни, то, как показывает корреляционный анализ, они не вполне удовлетворены своим социальным статусом. То есть наличие убеждения, что не всё распределяется случайным образом, стоит рядом с неудовлетворенностью достижениями, положением в социально заданной иерархии.

Выводы

Проведенное исследование показало, что сотрудники МВД, обладающие высоким уровнем психологической безопасности личности, отличаются пониженной социальной фрустрированностью и повышенной жизнестойкостью. Следовательно, повышенный уровень социальной фрустрированности может снижать жизнестойкость и выступать одной из угроз психологической безопасности личности сотрудников МВД.

Как инструмент политической власти по обеспечению внутренней безопасности личности, общества и государства, органы внутренних дел являются разновидностью социальной организации в системе власти, а в структуре правоохранительных органов — центральным звеном обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью.

Учитывая статус сотрудников МВД, сферу и род их деятельности, можно сказать, что от уровня их психологической безопасности будет зависеть безопасность как отдельно взятого гражданина, так и государства в целом.

На наш взгляд, необходимо регулярно проводить с сотрудниками МВД профилактические мероприятия, направленные на обучение эффективным технологиям, повышающим жизнестойкость и формирующим навык сопротивления угрозам психологической безопасности личности.

Литература

1. *Баева И.А.* Психологическая безопасность в образовании: монография. СПб.: СОЮЗ, 2002. 271 с.
2. *Богомаз С.А., Баланев Д.Ю.* Жизнестойкость как компонент инновационного потенциала человека // Сибирский психологический журнал. 2009. С. 23—28.
3. *Богомаз С.А., Гладких А.Г.* Психологическая безопасность личности и ее измерение с помощью шкалы базисных убеждений // «Вестник Томского государственного университета». 2009. № 318. С. 191—194.
4. *Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Беребин М.А.* Методика для психологической диагностики уровня социальной фрустрированности и ее практическое применение: метод. рекомендации. М.: НИПНИ имени Бехтерева, 2004. 28 с.
5. *Галяутдинова С.И., Ахмадеева Е.В.* Личностные особенности и ее психологическая безопасность // Доклады Башкирского университета. 2019. Вып. 4. № 3. С. 254—368.
6. *Джанерьян С.Т., Гвоздева Д.И., Астафьева И.Н.* Особенности социальной фрустрированности личности студентов вуза и работающих молодых людей [Электронный ресурс]. URL: https://publikacia.net/archive/uploads/pages/2015_8_2/43.pdf (дата обращения: 08.07.2019).
7. *Донцов А.И., Зинченко Ю.П., Зотова О.Ю., Перелыгина Е.Б.* Психология безопасности. М.: Юрайт, 2018. 276 с.
8. *Калягин Ю.С., Филонов Л.Б.* Проблемы социальной перцепции в профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов [Электронный ресурс] // Психолого-

Ахмадеева Е.В., Галютдинова С.И.
Изучение социальной фрустрированности,
жизнестойкости и психологической безопасности
личности сотрудников МВД
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 106–120.

Akhmadeeva E. V., Galyautdinova S. I.
Social Frustration, Resilience and Psychological Security
of Internal Affairs Officers
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 106–120.

педагогические исследования. 2011. № 3. URL:
http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n3/47075.shtml (дата обращения: 10.07.2019).

9. Лисова О.Е. Психологические особенности личности сотрудников МВД России, выполняющих различные социально-профессиональные функции // Известия ПГПУ имени В.Г. Белинского. 2011. № 24. С. 960—965.

10. Леонтьев Д.А., Рассказова Е.И. Тест жизнестойкости. М.: Смысл, 2006. 63 с.

11. Михайлов Л.А., Соломин В.П., Маликова Т.В., Шатровой О.В. Психологическая безопасность. М.: Дрофа, 2008. 292 с.

12. Падун М.А., Котельникова А.В. Модификация методики исследования базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульман // Психологический журнал. 2008. Том 29. № 4. С. 98—106.

13. Рябова М.Г. Факторы психологической безопасности личности в экстремальных ситуациях // Вестник Удмуртского университета. 2016. Том 26. Вып. 4. С. 94—99.

14. Тиллих П. Избранное: Мужество быть. М.: «Юрист», 1995. 479 с.

References

1. Baeva I.A. Psikhologicheskaya bezopasnost' v obrazovanii: Monografiya. Saint-Peterburg: Izdatel'stvo «SOYuZ», 2002. 271 p.

2. Bogomaz S.A., Balanev D.Yu. Zhiznestoikost' kak komponent innovatsionnogo potentsiala cheloveka // *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal=Sibir Psychological journal*, 2009, pp. 23-28.

3. Bogomaz S.A., Gladkikh A.G. Psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti i ee izmerenie s pomoshch'yu shkaly bazisnykh ubezhdanii // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta=Tomsk State University Journal*. 2009, no. 318, pp. 191-194.

4. Vasserman L.I., Iovlev B.V., Berebin M.A. Metodika dlya psikhologicheskoi diagnostiki urovnya sotsial'noi frustrirovannosti i ee prakticheskoe primeneniye. Metodicheskie rekomendatsii. NIPNI im. Bekhtereva, 2004. 28 p.

5. Galyautdinova S.I., Akhmadeeva E.V. Lichnostnye osobennosti i ee psikhologicheskaya bezopasnost' // *Doklady Bashkirskogo universiteta=Bashkir State University Reports*, 2019. Vyp. 4, no. 3, pp. 254-368.

6. Dzhaner'yan S.T., Gvozdeva D.I., Astaf'eva I.N. Osobennosti sotsial'noi frustrirovannosti lichnosti studentov vuza i rabotayushchikh molodykh lyudei URL: https://publikacia.net/archive/uploads/pages/2015_8_2/43.pdf.

7. Dontsov A.I., Zinchenko Yu.P., Zotova O.Yu., Perelygina E.B. Psikhologiya bezopasnosti. Moscow: Yurait, 2018. 276 p.

8. Kalyagin Yu.S., Filonov L.B. Problemy sotsial'noi pertseptsii v professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [Elektronnyi resurs] // *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya=Psychological-Educational Studies*. 2011. no. 3. URL: http://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n3/47075.shtml (Accessed: 07.07.2019).

9. Lisova O.E. Psikhologicheskie osobennosti lichnosti sotrudnikov MVD Rossii, vpolnyayushchikh razlichnye sotsial'no-professional'nye funktsii // *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo*, 2011, no. 24, pp. 960-965.

10. Leont'ev D.A., Rasskazova E.I. Test zhiznestoikosti. Moscow: Smysl, 2006. 63 p.

11. Mikhailov L.A., Solomin V.P., Malikova T.V., Shatrovoi O.V. Psikhologicheskaya bezopasnost'. Moscow: «Drofa», 2008. 292 p.

Ахмадеева Е.В., Галяутдинова С.И.
Изучение социальной фрустрированности,
жизнестойкости и психологической безопасности
личности сотрудников МВД
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 106–120.

Akhmadeeva E. V., Galyautdinova S. I.
Social Frustration, Resilience and Psychological Security
of Internal Affairs Officers
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 106–120.

12. Padun M.A., Kotel'nikova A.V. Modifikatsiya metodiki issledovaniya bazisnykh ubezhdenii lichnosti R. Yanoff-Bul'man // *Psikhologicheskii zhurnal=Psychological Journal*, 2008. Т. 29, no. 4, pp. 98—106.
13. Ryabova M.G. Faktory psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti v ekstremal'nykh situatsiyakh // *Vestnik Udmurtskogo universiteta=Udmurt State University Journal*. 2016. Т. 26, vyp. 4, pp. 94–99.
14. Tillikh P. *Izbrannoe: Muzhestvo byt'*. Moscow: «Yurist», 1995. 479 p.

Информация об авторах

Ахмадеева Елена Владимировна, старший преподаватель кафедры общей психологии, Башкирский государственный университет (ФГБОУ ВО БашГУ), г. Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4159-0401>, e-mail: elena-ram@yandex.ru

Галяутдинова Светлана Ишбулдиновна, кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей психологии факультета психологии, Башкирский государственный университет (ФГБОУ ВО БашГУ), г. Уфа, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8304-6431>, e-mail: lanagal@bk.ru

Information about the authors

Elena V. Akhmadeeva, Senior Lecturer, Chair of General Psychology Department of Psychology, Bashkir State University, Ufa, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: ivanov@yandex.ru

Svetlana I. Galyautdinova, Ph.D. in Psychology, associate professor, Head of the Chair of General Psychology Department of Psychology, Bashkir State University, Ufa, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8304-6431>, e-mail: lanagal@bk.ru

Получена 22.04.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 22.04.2020
Accepted 02.02.2021

Ценности, самоидентификация и личностная мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений

Каширский Д.В.

Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ), г. Москва,
Российская Федерация; Алтайский государственный университет (ФГБОУ ВО АлтГУ), г.
Барнаул, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Старосельцева О.В.

Алтайский государственный университет (ФГБОУ ВО АлтГУ), г. Барнаул, Российская
Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

В статье представлены результаты исследования личностных особенностей обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений. Выборку составили 59 мужчин в возрасте 18—60 лет, средний возраст — 33,7 лет. В качестве группы сравнения выступили 54 мужчины с социально нормативным поведением, никогда не привлекавшихся к уголовной ответственности. Используются методика «Ценностный спектр» Д.А. Леонтьева; тест «Кто я» М. Куна—Т. Макпартленда в адаптации Т.В. Румянцевой; метод мотивационной индукции Ж. Нюттена. Установлено, что для лиц, находящихся под следствием по обвинению в совершении особо тяжких преступлений, личностные ценности присвоены на уровне значений и не выступают в качестве действенных регуляторов поведения и деятельности. Данная категория лиц имеет более узкую (ограниченную периодом одного года) временную перспективу, проблемную и неадаптивную самоидентичность, более низкую в сравнении с нормативной группой выраженность нравственных и образовательных потребностей, а также потребностей в творчестве. На первый план у обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений выходит мотивация самосохранения и автономии личности. Результаты исследования могут быть использованы специалистами при осуществлении следственных действий в отношении рассматриваемой категории лиц, как на стадии предварительного следствия, так и в ходе судебного разбирательства, в том числе приниматься во внимание при проведении судебно-психологических экспертиз.

Ключевые слова: криминальная агрессия, особо тяжкие преступления, ценности, самоидентификация, личностная мотивация, временная перспектива.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Ценности, самоидентификация и личностная
мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких
преступлений
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134.

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Values, Self-Identification and Personality Motivation of
Persons Charged with Particularly Serious Crimes
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134.

Для цитаты: *Каширский Д.В., Старосельцева О.В.* Ценности, самоидентификация и личностная мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134. DOI:10.17759/psylaw.2021110110

Values, Self-Identification and Personality Motivation of Persons Charged with Particularly Serious Crimes

Dmitry V. Kashirsky

Russian State Social University, Moscow, Russia,
Altai State University, Barnaul, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Olga V. Staroseltseva

Altai State University, Barnaul, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

The article presents the results of examination of personality specifics in the individuals charged with particularly serious crimes. The sample consisted of 59 men aged 18-60, the average age was 33.7 years. At the same time, 54 men with socially normative behavior and with no criminal record served as a comparison group. We used the following: "Value Spectrum" technique by D.A. Leontyev, "Who am I?" test by M.Kuhn & T. McPartland (adapted by T.V.Rumyantseva), Motivational Induction method by Joseph R. Nuttin. It has been established that in persons who were under investigation on charges of particularly serious crimes the personality values have been appropriated at the nominal level and don't serve as effective control of their behavior or activities. This category of persons are distinguished by the following: a narrowed down time perspective of one year, problem and nonadaptive self-identity, less prominent (as compared to the norm group) moral and educational needs and the need for creativity. Persons charged with particularly serious crimes have psychological self-protection and autonomy as their prevalent motivations. The results of the research can be used by experts in their investigative actions with regard to persons under discussion both at the stage of pre-trial investigation and during judicial proceedings, as well as be taken into account at forensic psychological examinations..

Keywords: criminal aggression, particularly serious crimes, values, self-identification, personality motivation, time perspective.

For citation: Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V. Values, Self-Identification and Personality Motivation of Persons Charged with Particularly Serious Crimes. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134. DOI:10.17759/psylaw. 2021110110 (In Russ.).

Введение

Изменения, происходящие на протяжении последних десятилетий в российском обществе, существенно изменили прежний уклад жизни людей и привели к возникновению как позитивных, так и негативных новообразований. Так, за последнее время наблюдаются рост психогенных стрессовых расстройств у населения, повышение уровня насилия и жестокости в обществе. Известно, что когда страна переживает кардинальные реформы, резкие социально-политические и экономические изменения, уровень агрессивности у людей значительно повышается, а насильственная преступность приобретает удручающую динамику. По оценкам Института психологии РАН (2013 г.), «относительно далеких 80-х мы стали в три раза агрессивнее, во столько же раз грубее и совершенно бесцеремонны... Самым убедительным показателем является статистика убийств. По этому параметру мы почти в четыре раза превосходим США и примерно в десять раз большинство стран Западной Европы» [32].

Конечно, за последние годы преступность изменилась, как в количественном, так и в качественном отношении. Например, по данным МВД России с 2014 по 2018 г. наблюдается снижение количества убийств на территории РФ (см. рис.).

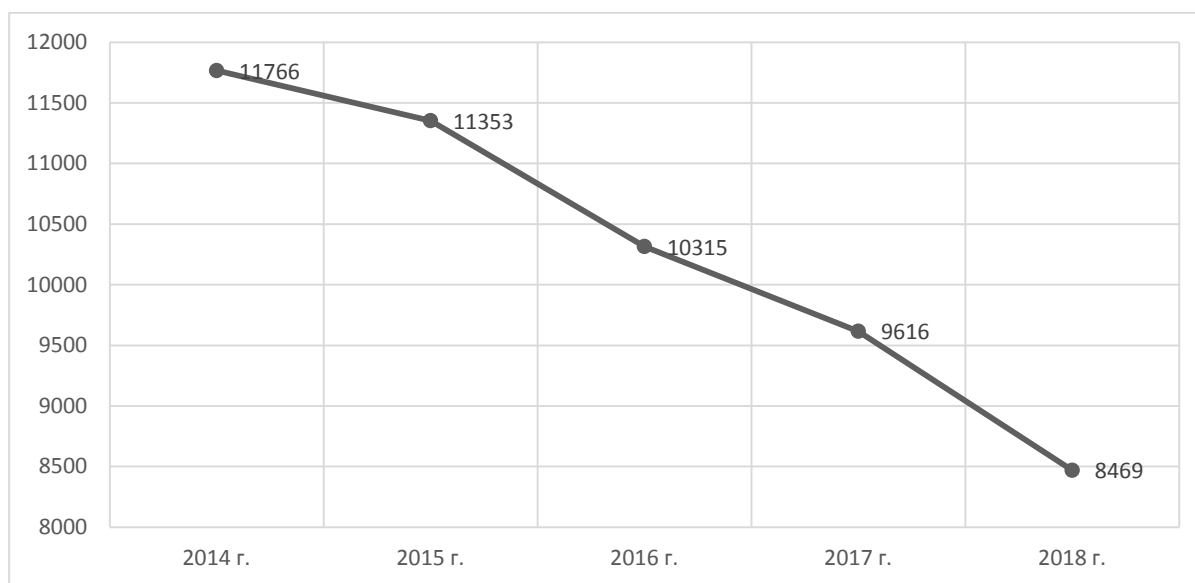

Рис. Динамика убийств в России с 2014 по 2018 г. (ст. 105 УК РФ)

Однако, несмотря на это, проблема насильственной преступности и криминальной агрессии все так же сохраняет свою высокую актуальность, так как имеет первостепенное значение для стабильности общества и счастливой жизни его граждан, вне зависимости от того, о какой стране или каком историческом этапе идет речь, какое количественное или качественное своеобразие она претерпевает. Эти вопросы являются центральными, как для общества, так и для отдельного индивида, поскольку общественный порядок, а также личные права граждан (на жизнь, здоровье, честь, достоинство, неприкосновенность личных границ и др.) — это то, на чем строится правовое государство, что лежит в основе его оптимального

функционирования и развития.

Противоправное поведение рассматривалось в трудах многих отечественных и зарубежных ученых [1; 2; 7; 9; 12; 15; 18; 19; 21; 27; 29 и др.], в работах которых представлены классификации противоправного поведения, подробно описаны его формы и типы, движущие силы и условия формирования. Достаточно детально изучена мотивация законопослушного и антиобщественного поведения. Особое внимание уделено вопросам преступности несовершеннолетних. Собственно криминальная агрессия не раз становилась предметом специального и углубленного изучения в криминологии, социологии, психологии (Ю.М. Антонян, В.В. Гульдан, И.С. Кон, И.А. Кудрявцев, Н.А. Ратинова, Ф.С. Сафуанов и др.). В публикациях представлены различные аспекты криминальной агрессии — феномен, причины, условия формирования, психологический портрет преступника насильственного типа, типология криминальной агрессии, возможные пути ее профилактики и др. При этом практически всеми специалистами отмечается высокая роль личностной детерминации в становлении и развитии противоправного поведения и криминальной агрессии.

Проведенный теоретический анализ показывает, что разные авторы, на разном материале изучая различные группы лиц, отличающиеся между собой формами девиантного, делинквентного, преступного или криминального поведения, в качестве базовых предпосылок той или иной девиации выделяют систему личностных детерминант [2; 16; 28 и др.]. Поэтому, обобщая, можно предположить, что в основе криминальной агрессии и насильственной преступности лежат несформированность ценностно-смысловой регуляции поведения [4—6; 8; 10; 11; 13; 16; 17; 20; 22—24; 31 и др.], отрицательная идентичность [3; 10; 11 и др.], узость временной перспективы [4; 5; 11; 20; 25; 26; 30 и др.], низкая значимость потребности в самореализации [11; 14 и др.], стремление к автономии [13 и др.], неуверенность в себе и собственных силах [22 и др.].

Следует заметить, что, несмотря на свою давнюю историю, личностный подход к проблеме противоправного и криминального поведения в современной психологии реализован, на наш взгляд, далеко не в полном объеме и исследование личностных предпосылок преступного поведения в настоящее время сохраняет высокую значимость и имеет большой прогностический потенциал. Дело в том, что изменяющийся социокультурный контекст вызывает к жизни новые типы криминального поведения и качественно новые потребности, мотивы, смыслы, ценности личности. Исторически изменяются и отношения между внутренним строем личности и спецификой преступной деятельности. По этой причине исследования личностной детерминации преступной активности всегда будут сохранять свою актуальность. Особую значимость эти исследования, на наш взгляд, приобретают, в частности, при изучении лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, нарушающих базовые права и свободы человека.

Программа исследования

Проведенное нами эмпирическое исследование выполнено на базе отделения судебно-психиатрических экспертиз Алтайской краевой клинической психиатрической больницы имени Ю.К. Эрדмана. В исследовании участвовали лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений и направленные на комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу. Выборку составили 59 мужчин в возрасте 18—60 лет, средний возраст — 33,7 лет. Среди них: 42 человека, обвиняемые в совершении особо тяжких

преступлений против жизни и здоровья; 17 человек — против половой неприкосновенности несовершеннолетних. По данным экспертизы 25,4% имеют среднюю стадию алкоголизма, 13,6% — диссоциальное расстройство личности, 15,3% — эмоционально неустойчивое расстройство личности, 25,4% — органическое расстройство личности, 20,3% — признаны психически здоровыми. В соответствии с экспертным решением, 100% подэкспертных были признаны виновными в отношении инкриминированного деяния. В качестве группы сравнения были отобраны 54 мужчины, никогда не привлекавшиеся к уголовной ответственности и характеризующиеся социально нормативным поведением.

Цель исследования — выявить личностные особенности обвиняемых в особо тяжких преступлениях.

В основу исследования положена **гипотеза** о том, что для лиц, обвиняемых в особо тяжких преступлениях, характерны сужение и бедность мотивационной сферы, преобладание мотивации самосохранения и автономии, снижение познавательной и трудовой мотивации. Их отличают также несформированность ценностно-смысловой регуляции деятельности, отрицательная идентичность, сужение временной перспективы, размытость планов на будущее.

В ходе исследования был использован следующий набор **методик**: «Ценностный спектр» (Д.А. Леонтьев), тест «Кто я» (М. Кун, Т. Макпартленд в модификации Т.В. Румянцевой), метод мотивационной индукции (ММИ) (Ж. Нюттен). В качестве методов математико-статистической обработки данных использованы χ^2 -критерий Пирсона, U-критерий Манна—Уитни.

Результаты и их интерпретация

Личностные ценности. Методика «Ценностный спектр» Д.А. Леонтьева показала, что лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений в сравнении с нормативной группой имеют более идеалистические представления о таких ценностях, как «Любовь», «Труд», «Жизнь». Так, ценность «Любовь» находящиеся под следствием обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений оценивали как более целостную ($\chi^2=13,58$; $p\leq 0,0001$), легкую ($\chi^2=3,44$; $p\leq 0,06$), уникальную ($\chi^2=3,44$; $p\leq 0,06$), простую ($\chi^2=4,77$; $p\leq 0,03$), самодостаточную ($\chi^2=5,28$; $p\leq 0,02$), справедливую ($\chi^2=9,54$; $p\leq 0,002$), упорядоченную ($\chi^2=6,77$; $p\leq 0,009$), завершённую ($\chi^2=8,34$; $p\leq 0,004$). Для ценностной категории «Жизнь» чаще выбирались такие характеристики, как «единство противоположностей» ($\chi^2=11,41$; $p\leq 0,001$), «истина» ($\chi^2=12,84$; $p\leq 0,0001$), «жизненность» ($\chi^2=7,11$, $p\leq 0,008$), «простота» ($\chi^2=7,82$, $p\leq 0,005$), «справедливость» ($\chi^2=5,87$; $p\leq 0,02$), «завершённость» ($\chi^2=6,23$; $p\leq 0,01$). Ценностная категория «Труд» была охарактеризована следующими особенностями: «осмысленность» ($\chi^2=3,53$; $p\leq 0,06$), «целостность» ($\chi^2=7,13$; $p\leq 0,008$), «игра» ($\chi^2=3,86$; $p\leq 0,05$), «полнота» ($\chi^2=13,58$; $p\leq 0,0001$), «истина» ($\chi^2=13,57$; $p\leq 0,0001$), «уникальность» ($\chi^2=19,8$; $p\leq 0,0001$), «самодостаточность» ($\chi^2=11,41$; $p\leq 0,001$), «совершенство» ($\chi^2=4,14$; $p\leq 0,04$). Такие весьма идеализированные представления можно объяснить тем, что ценности любви, жизни и труда для обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений являются, скорее, только известными, т. е. присутствующими в их сознании со своей внешней, «назывной» стороны. Поэтому данные ценности не выступают для рассматриваемой категории людей в качестве действенных регуляторов их поведения и деятельности.

Различия между сравниваемыми выборками установлены и в отношении таких

ценностных категорий, как «Смерть» и «Будущее». Так, лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлениях, для характеристики понятия «Смерть» чаще выбирали следующие описания: «единство противоположностей» ($\chi^2=3,86$; $p\leq 0,05$), «полнота» ($\chi^2=3,86$; $p\leq 0,05$), «простота» ($\chi^2=5,28$; $p\leq 0,02$), «необходимость» ($\chi^2=3,86$; $p\leq 0,05$). Показательно, что «Смерть» как оцениваемая категория получила в группе обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений значимо больше положительных характеристик, чем в выборке с социально нормативным поведением. Смерть для лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений, представляется более понятной, менее пугающей, чем суд и длительный срок лишения свободы. «Будущее» для обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений выступало как лишенное целостности ($\chi^2=3,38$; $p\leq 0,06$) и легкости ($\chi^2=5,79$; $p\leq 0,06$). В данной группе оно оценивается не столь оптимистично, чем в нормативной.

Личностная идентичность. По данным методики «Кто я» (М. Кун—Т. Макпартленд, модификация Т.В. Кудрявцевой), обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений в сравнении с нормативной группой значимо реже использовали для самоописания индивидуальные характеристики Я ($U=126$; $p\leq 0,0017$), а также характеристики, описывающие коммуникативное ($U=140$; $p\leq 0,036$), физическое ($U=120$; $p\leq 0,001$), деятельное ($U=70$; $p\leq 0,001$) и рефлексивное ($U=121$; $p\leq 0,024$) Я, используя для оценки себя при этом множество социальных ролей («студент», «прохожий», «избиратель», «член семьи», «россиянин»). Полученный результат указывает, что обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений в сравнении с нормативной группой менее уверены в себе, в большей степени испытывают опасения в связи с самораскрытием, характеризуются большей выраженностью защитного поведения. Такую позицию, несомненно, усиливает их теперешний статус людей, находящихся под следствием в ситуации стресса и неопределенности (ожидания судебного решения).

Следует обратить внимание на то, что внешние (социальные) характеристики идентичности использовались в самоописании представителями обеих сравниваемых групп. Однако само содержание приписываемых себе социальных ролей в двух выборках было различным. Лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, описывали себя в большей мере с помощью семейных («муж», «сын», «внук» и т. д.), а также этнорегиональных («русский», «татарин» и т. д.) характеристик. Скорее всего, это может быть обусловлено желанием испытуемых примкнуть к какой-либо значимой для них группе (семья или нация). Такая принадлежность может давать, хоть и мнимое, чувство защищенности, которое необходимо, в частности, в стрессовой, психотравмирующей для личности ситуации следствия, помещения под стражу, ожидания суда, нахождения на судебной психолого-психиатрической экспертизе.

Наряду с этим, лица, обвиняющиеся в совершении особо тяжких преступлений, значимо реже в ответе на вопрос «Кто я?» использовали учебно-профессиональные («слесарь», «рабочий», «ученик» и т. д.) характеристики ($U=140$; $p\leq 0,036$). Такой результат объясняется тем, что испытуемые, находящиеся под следствием и обвиняемые в преступлениях против личности, как правило, имели незаконченное среднее или среднее образование (59%), т. е. не обучались ранее какой-либо специальности вообще, в отличие от испытуемых группы с просоциальным поведением, в которой 67% испытуемых имели средне-специальное образование и 25% — высшее. Наряду с этим, лица, находящиеся под следствием, не имели

постоянной работы (37%), либо зарабатывали на жизнь эпизодическим выполнением неквалифицированного труда (34%), в отличие от испытуемых, составивших нормативную выборку, имевших постоянное место работы в 67% случаев.

По данным исследования, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений реже, чем законопослушные испытуемые, использовали в самоописании глаголы ($U=169$; $p\leq 0,048$). Полученный результат может говорить о том, что для данной категории лиц наблюдается значимое снижение активности, самостоятельности, более низкие уверенность в себе и уровень самооффективности в сравнении с нормативной выборкой.

Исследование показало также, что лица, находящиеся под стражей и обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, реже применяли к себе как положительные ($U=133$; $p\leq 0,027$), так и отрицательные ($U=136$; $p\leq 0,027$) идентификационные характеристики, в сравнении с группой с просоциальным поведением. Полученный результат может выступать признаком неадаптивного состояния идентичности участников экспертизы, что находит выражение в импульсивности, непостоянстве, тревожности, депрессивности, ранимости, робости, неуверенности в своих силах, скрытности. В самоописаниях этих людей преобладали нейтральные ответы. Вероятно, это связано с проблемами в самораскрытии и повышенной настороженности лиц данной категории, что особенно проявляется в ситуации следствия.

Испытуемые, составившие нормативную выборку, в своих самоописаниях, напротив, чаще использовали характеристики, относящиеся к коммуникативному, физическому, деятельному и рефлексивному Я. Их самоописания были более дифференцированными и разнообразными, они содержали характеристику себя как субъекта общения («хожу в гости, люблю общаться с людьми», «умею выслушать людей» и др.), включали описания своей внешности и физических данных («сильный», «приятный», «привлекательный»), самооценку знаний, умений, навыков, способностей и достижений («хорошо плаваю», «умный», «работоспособный», «знаю английский» и др.).

Показательно, что лица, обвиняемые в совершении особо тяжких правонарушений, при работе с тестом М. Куна—Т. Макпартленда чаще давали ответы из категории «Проблемная идентичность» («я — ничто», «не знаю, кто я», «не могу ответить на этот вопрос» и др.) ($U=187$; $p\leq 0,063$). Полученные результаты вновь подтверждают тезис о том, что характерными чертами данной группы испытуемых являются значительные трудности в самоописании, самораскрытии, оценке качеств собственной личности, негативное отношение к собственной персоне.

Временная локализация мотивации. С помощью метода мотивационной индукции Ж. Нюттена могут быть получены две категории данных. Первая дает представление о временной локализации мотивации, вторая — о содержательных аспектах мотивации.

Результаты исследования временной локализации мотивации позволяют сделать вывод о том, что лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, значимо реже располагали мотивационные объекты в отдаленных временных периодах: открытое настоящее ($U=96$; $p\leq 0,002$), взрослая жизнь ($U=109$; $p\leq 0,005$), старость ($U=152$; $p\leq 0,015$), прошлое ($U=95$; $p\leq 0,001$), — а также в периодах, непосредственно близких к настоящему моменту: месяц ($U=140$; $p\leq 0,003$), день ($U=160$; $p\leq 0,013$), текущий момент времени ($U=120$; $p\leq 0,001$). Для лиц, находящихся под следствием, наиболее характерна более узкая и ситуативная временная ориентация, ограничивающаяся периодом одного года ($U=91$;

$p \leq 0,001$).

Содержательные аспекты личностной мотивации. Вторая категория данных, полученная при использовании методы мотивационной индукции Ж Нюттена, дает представление о содержании личностной мотивации. По данным исследования, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений статистически значимо чаще, чем группа с просоциальным поведением, демонстрировали проявление мотивации самосохранения ($U=136$; $p \leq 0,031$) и автономии ($U=126$; $p \leq 0,004$). Участники экспертизы демонстрировали стремление оставаться психологически независимыми и испытывали нежелание оказаться в психологической зависимости от других людей.

Кроме того, лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, реже давали ответы из категорий «Способности» ($U=72$; $p \leq 0,001$), «Профессиональная самореализация» ($U=180$; $p \leq 0,048$), «Активность и работа» ($U=150$; $p \leq 0,067$), «Профессиональная деятельность» ($U=120$; $p \leq 0,001$), «Познавательная мотивация» ($U=115$; $p \leq 0,001$). Полученные результаты вполне согласуются с данными, полученными нами ранее при анализе методики «Кто я» М. Куна—Т. Макпартленда. Обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений в сравнении с нормативной группой в меньшей степени стремятся к самореализации, к развитию своих способностей, получению знаний, умений, навыков, построению профессиональной карьеры.

По данным исследования, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений в меньшей степени склонны отказываться от использования такого копинг-ресурса, как социальная поддержка. В сравнении с нормативной группой они значимо реже давали ответы из категорий «Реципрокная мотивация» ($U=125$; $p \leq 0,007$) и «Цели для других» ($U=124$; $p \leq 0,007$). Полученный результат означает, что испытуемые, находящиеся под следствием по делам об особо тяжких преступлениях, не ожидают, что другие люди вступят с ними в контакт и не высказывают желаний, чтобы окружающие поступали подобным образом. Более привычным для них является держаться независимо и обособленно от других людей, не впуская окружающих в свое личное пространство и не дорожа привязанностями. Подобный отказ от социальной поддержки обычно негативно сказывается на социальной адаптации таких лиц и создает напряженность в отношениях с другими людьми.

Лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, как правило, не давали ответов из категорий «Обладание» ($U=103$, $p \leq 0,001$) и «Отдых» ($U=53$, $p \leq 0,001$). По нашему мнению, это связано с актуальной ситуацией нахождения под стражей и судебным следствием, в которой реализация мотивации обладания чем-либо и отдыха резко ограничена, что приводит к снижению ее актуальности. На первый план в таких условиях выходят мотивация автономии и самосохранения.

Еще одной отличительной чертой обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений при заполнении бланка теста ММИ Ж. Нюттена является большее, чем у законопослушных респондентов, количество пропусков ответа ($U=124$; $p \leq 0,007$) и неклассифицируемых ответов («ничего», «не знаю») ($U=119$; $p \leq 0,007$). В данном случае можно говорить о проблемной идентичности, сложности понимания собственной личности, своих желаний и стремлений у лиц, обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений.

Выводы

1. Лица, обвиняемые в совершении особо тяжких преступлений, имеют идеализированные представления о таких понятиях, как «Любовь», «Труд», «Жизнь». Эти

ценности для данной категории людей являются, скорее, только известными, т. е. не участвующими в регуляции поведения и деятельности. Соответствующие представления присутствуют в сознании испытуемых на уровне объективных значений, но не обеспечены субъективными смыслами, не совмещены с эмоциями, т. е. пристрастным отношением субъекта.

2. Образ будущего для обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений характеризуется отсутствием целостности и легкости. При этом понятие «Смерть» представляется для данной категории людей более понятным, менее пугающим, чем суд и длительный срок заключения.

3. Лица, находящиеся под следствием в связи с обвинением в совершении особо тяжких преступлений, имеют более узкую временную перспективу, ограниченную периодом одного года. Отдаленные жизненные периоды будущего, а также временные точки, расположенные в непосредственной близости к настоящему моменту времени («здесь и сейчас»), в меньшей степени представлены в сознании данной категории людей.

4. Личностную идентичность обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений можно охарактеризовать как проблемную и неадаптивную. Данная категория людей чаще испытывают проблемы с самораскрытием, их самоописания менее дифференцированы и разнообразны, содержат нейтральные, формальные характеристики.

5. У обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений менее выражены нравственные и образовательные потребности, а также стремление к творчеству. Их характеризует низкое стремление к профессиональной самореализации, к развитию своих способностей, получению знаний, умений и навыков, построению профессиональной карьеры.

6. На первый план у обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений выходит мотивация психологического самосохранения и психологической автономии. Эти люди не уверены в себе, характеризуются наличием опасений в связи с самораскрытием, выраженной тенденцией к самозащите.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование показало, что обвиняемых в совершении особо тяжких преступлений отличают весьма суженная и бедная потребностно-смысловая сфера, преобладание мотивации самосохранения и автономии, снижение значимости познавательной и трудовой мотивации, низкая выраженность нравственных и познавательных потребностей, а также потребностей в творчестве. Они характеризуются несформированностью ценностно-смысловой регуляции деятельности, проблемной и неадекватной самоидентичностью, сужением временной перспективы личности, размытостью планов на будущее.

Выявленные личностные особенности могут быть учтены при осуществлении следственных действий в отношении данной категории лиц, как на этапе предварительного расследования, так и в ходе судебного следствия, в том числе при проведении судебно-психологической экспертизы.

Литература

1. Айхорн А. Трудный подросток. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 295 с.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Ценности, самоидентификация и личностная
мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких
преступлений
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134.

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Values, Self-Identification and Personality Motivation of
Persons Charged with Particularly Serious Crimes
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134.

2. Антонян Ю.М., Гульдан В.В. Криминальная патопсихология. М.: Наука, 1991. 248 с.
3. Белобородов А.Г. Образ права как смысловой уровень правового сознания и его особенности у преступников: автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 1999. 24 с.
4. Бочкарева Г.Г. Психологическая характеристика мотивационной сферы подростков-правонарушителей // Изучение мотивации поведения детей и подростков / Под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благоннадежной. М.: Педагогика, 1972. С. 259—350.
5. Васильева Ю.А. Особенности смысловой сферы личности при нарушениях социальной регуляции поведения // Психологический журнал. 1997. Том 18. № 2. С. 58—78.
6. Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии. М.: Юр. Норма: Инфра-М, 2017. 640 с.
7. Ениколопов С.Н., Забрянский Г.И., Цымбал Е.И., Якутова М.А. Правонарушающее поведение несовершеннолетних: описание, объяснение, противодействие. М.: Новая юстиция, 2005. 208 с.
8. Здравомыслов А.Г., Ядов В.А. Отношение к труду и ценностные ориентации личности // Социология в СССР. Том 2. М.: Мысль, 1965. С. 189—208.
9. Калашикова А.С., Василенко Т.Г. Особенности проявления проагрессивных и ингибирующих агрессию структур у лиц, совершивших агрессивные правонарушения [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. № 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63789.shtml> (дата обращения: 13.03.2019).
10. Каширский Д.В. Психология личностных ценностей: автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2014. 58 с.
11. Каширский Д.В. Субъективные ценности подростков с делинквентным поведением // Психологические исследования. 2013. Том 6. № 32. С. 8. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 12.03.2019).
12. Ковалев В.В. Психиатрия детского возраста. М.: Медицина, 1979. 608 с.
13. Коньшева Л.П. Личность и ситуация как детерминанты агрессивно-насильственных преступлений // Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование / Под ред. А.В. Ратинова и др. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 112—141.
14. Котова Э.П. Индивидуально-психологические особенности лиц, совершивших агрессивно-насильственные преступления // Насилие, агрессия, жестокость: криминально-психологическое исследование / Под ред. А.В. Ратинова и др. М.: ВНИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1990. С. 57—75.
15. Криминальная мотивация / Ю.М. Антонян, В.В. Гульдан, В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунеев и др.; отв. ред.: В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1986. 304 с.
16. Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. М.: Юридическая литература, 1968. 175 с.
17. Кудрявцев В.Н. Социально-психологические аспекты антиобщественного поведения // Вопросы философии. 1974. № 1. С. 106—107.
18. Кудрявцев И.А., Сафуанов Д.С., Васильева Ю.А. Особенности регуляции деятельности психопатических личностей смысловыми (мотивационными) установками // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. 1985. № 12. С. 1837—1842.
19. Куттер П. Современный психоанализ. СПб.: Б.С.К., 1997. 351 с.
20. Леонтьев Д.А. Структурная организация смысловой сферы личности: дисс. ... канд. психол. наук. М., 1987. 249 с.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Ценности, самоидентификация и личностная
мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких
преступлений
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134.

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Values, Self-Identification and Personality Motivation of
Persons Charged with Particularly Serious Crimes
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134.

21. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. СПб.: Речь, 2010. 256 с.
22. Лунеев В.В. Мотивация преступного поведения. М.: Наука, 1991. 383 с.
23. Михайлова О.Ю., Целиковский С.Б. Сексуальная агрессия: норма и социальная патология. М.: КРЕДО, 2008. 200 с.
24. Морозин В.Г. Ценностно-потребностная сфера личности. Томск: Из-во ТГПУ, 2003. 357 с.
25. Ошевский Д.С., Назарова Н.Г. Смысловая сфера несовершеннолетних осужденных [Электронный ресурс] // Психология и право. 2016. Том 6. № 4. С. 58—71. <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n4/84505.shtml> (дата обращения: 13.03.2019). DOI:10.17759/psylaw.2016060407
26. Разин М.В. Психологические ловушки контркультуры // Современные тенденции молодежной социализации: наблюдения, оценки, суждения / Под ред. А.Г. Быстрицкого, М.Ю. Рощина. М.: Российский открытый университет, 1992. С. 61—74.
27. Сафуанов Ф.С., Вакэ Е.В. Определение мотивации преступного поведения несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2009. N 5(7). URL:<http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/227-safuanov7.html> (дата обращения: 15.03.2019).
28. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
29. Собкин В.С., Абросимова З.Б., Адамчук Д.В., Баранова Е.В. Подросток: нормы, риски, девиации. М.: Центр социологии образования РАО, 2005. 359 с.
30. Фельдштейн, Д.И. Психология развивающейся личности: избранные психологические труды. М.: Институт практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1996. 512 с.
31. Федоров Л.В. Ценностные ориентации личности и их формирование // Вестник Ленинградского университета: Экономика. Философия. Право. 1971. № 5. С. 70—75.
32. Юревич А.В. Сейчас взорвусь [Электронный ресурс] // Российская газета. 2013. № 278 (6254). URL: <https://rg.ru/2013/12/10/portret.html> (дата обращения: 17.03.2019).

References

1. Ajhorn A. Trudnyj podrostok [Difficult teenager]. Moscow: JeKSMO-Press, 2001. 295 p.
2. Antonjan Ju.M., Gul'dan V.V. Kriminal'naja patopsihologija [Criminal pathopsychology]. Moscow: Nauka, 1991. 248 p.
3. Beloborodov A.G. Obraz prava kak smyslovoj uroven' pravovogo soznaniya i ego osobennosti u prestupnikov: Avtoref. dis.... kand. psihol. nauk. [The Image of law as a semantic level of legal consciousness and its features in criminals. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow, 1999. 24 p.
4. Bochkareva G.G. Psihologicheskaja karakteristika motivacionnoj sfery podrostkov — pravonarushitelej [Psychological characteristics of motivational sphere of juvenile delinquents]. In Bozhovich L.I. (eds.) Izuchenie motivacii povedenija detej i podrostkov [Study of motivation of behavior of children and adolescents]. Moscow: Pedagogika, 1972. pp .259-350.
5. Vasil'eva Ju.A. Osobennosti smyslovoj sfery lichnosti pri narushenijah social'noj reguljaccii povedenija [Features of the semantic sphere of the individual in violations of social regulation of behavior]. Psihol. Zhurnal [Psychological journal], 1997, T.18. no. 2, pp. 58-78.
6. Enikeev M.I. Juridicheskaja psihologija. S osnovami obshhej i social'noj psihologii [Legal psychology. With the basics of general and social psychology.]. Moscow: Jur. Norma: Infra-M, 2017, 640 p.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Ценности, самоидентификация и личностная
мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких
преступлений
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134.

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Values, Self-Identification and Personality Motivation of
Persons Charged with Particularly Serious Crimes
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134.

7. Enikolopov S.N., Zabryanskiy G.I., Cymbal E.I., Jakutova M.A. Pravonarushajushhee povedenie nesovershennoletnih: opisanie, ob#jasnenie, protivodejstvie [Delinquent behavior of minors: description, explanation, counteraction]. Moscow: Novaja justiciya, 2005. 208 p.
8. Zdravomyslov A.G., Jadov V.A. Otnoshenie k trudu i cennostnye orientacii lichnosti [Attitude to work and value orientations of the individual]. Sociologija v SSSR [Sociology in the USSR], T. 2. Moscow: Mysl', 1965, pp.189-208.
9. Kalashnikova A.S., Vasilenko T.G. Osobennosti projavlenija proagressivnyh i ingibirujushhih agressiju struktur u lic, sovershivshih agressivnye pravonarushenija [Elektronnyi resurs] [Features of the manifestation of progressive and aggression-inhibiting structures in persons who have committed aggressive offenses. Psihologija i parvo [Psychology and law]. 2013. no. 3. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n3/63789.shtml> (Accessed: 13.03.2019).
10. Kashirskij D.V. Psihologija lichnostnyh cennostej: Avtoref. diss. ... d-ra psihol. nauk. [Psychology of personal values. Dr. Sci. (Psychology) diss.]. Moscow, 2014. 58 p.
11. Kashirskij D.V. Subektivnye cennosti podrostkov s delinkventnym povedeniem [Elektronnyi resurs] [Subjective values of adolescents with delinquent behavior]. Psihologicheskie issledovanija [Psychological research], 2013, T. 6. no. 32. pp. 8. URL: <http://psystudy.ru> (Accessed: 12.03.2019).
12. Kovalev V.V. Psihiatrija detskogo vozrasta [Child psychiatry]. Moscow: Medicina, 1979. 608 p.
13. Konysheva L.P. Lichnost' i situacija kak determinanty agressivno-nasil'stvennyh prestuplenij [Personality and situation as determinants of aggressive-violent crimes]. In Ratinova A.V. (eds.) Nasilie, agressija, zhestokost': kriminal'no-psihologicheskoe issledovanie [Violence, aggression, cruelty: a criminal psychological study]. Moscow: VNII problem ukreplenija zakonnosti i pravoporjadka, 1990. pp. 112 - 141.
14. Kotova Je.P. Individual'no-psihologicheskie osobennosti lic, sovershivshih agressivno-nasil'stvennye prestuplenija [Individual psychological characteristics of persons who have committed aggressive and violent crimes]. In Ratinova A.V. (eds.) Nasilie, agressija, zhestokost': kriminal'no-psihologicheskoe issledovanie [Violence, aggression, cruelty: a criminal psychological study]. Moscow: VNII problem ukreplenija zakonnosti i pravoporjadka, 1990. pp. 57 - 75.
15. Kriminal'naja motivacija [Criminal motivation]. Ju.M. Antonjan, V.V. Gul'dan, V.N. Kudrjavcev, V.V. Luneev i dr. In Kudrjavcev V.N. (ed.). Moscow: Nauka, 1986. 304 p.
16. Kudrjavcev V.N. Prichinnost' v kriminologii [Causality in criminology]. Moscow: Juridicheskaja literatura, 1968. 175 p.
17. Kudrjavcev V.N. Social'no-psihologicheskie aspekty antiobshhestvennogo povedenija [Socio-psychological aspects of antisocial behavior]. Voprosy filosofii [Question of philosophy], 1974, no. 1, pp. 106-107.
18. Kudrjavcev I.A., Safuanov D.S., Vasil'eva Ju.A. Osobennosti reguljarii dejatel'nosti psihopaticheskikh lichnostej smyslovymi (motivacionnymi) ustanovkami [Features of the regulation of the activity of psychopathic personalities by semantic (motivational) attitudes]. Zhurnal nevropatologii i psihiatrii im. S.S. Korsakova [Journal of neuropathology and psychiatry. S.S. Korsakov], 1985, no. 12, pp. 1837-1842.
19. Kutter P. Sovremennyj psihoanaliz [Modern psychoanalysis]. Saint-Petersburg: B.S.K., 1997. 351 p.

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Ценности, самоидентификация и личностная
мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких
преступлений
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134.

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Values, Self-Identification and Personality Motivation of
Persons Charged with Particularly Serious Crimes
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134.

20. Leont'ev D.A. Strukturnaja organizacija smyslovoj sfery lichnosti. Diss. kand. psikhol. nauk. [Structural organization of the semantic sphere of personality. Ph. D. (Psychology) Thesis]. Moscow., 1987. 249 p.
21. Lichko A.E. Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov [Psychopathy and character abnormalities in adolescents]. Saint-Petersburg: Rech', 2010. 256 p.
22. Luneev V.V. Motivacija prestupnogo povedenija [Motivation of criminal behavior]. Moscow: Nauka, 1991. 383 p.
23. Mihajlova O.Ju., Celikovskij S.B. Seksual'naja agressija: norma i social'naja patologija [Sexual aggression: norm and social pathology]. Moscow.: Publ. «KREDO», 2008. 200 p.
24. Morogin V.G. Cennostno-potrebnostnaja sfera lichnosti [Value-need sphere of personality]. Tomsk: Publ. TGPU, 2003. 357 p.
25. Oshevskij D.S., Nazarova N.G. Smyslovaja sfera nesovershennoletnih osuzhdennyh [Elektronnyi resurs] [The semantic field of juvenile offenders]. Psihologija i pravo [Psychology and law], 2016, T.6, no. 4, pp. 58-71. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2016/n4/84505.shtml> (Accessed: 13.03.2019). doi:10.17759/psylaw.2016060407
26. Razin M.V. Psihologicheskie lovushki kontrkultury [The psychological traps of the counterculture]. In Bystrickogo A.G. (eds.) Sovremennye tendencii molodezhnoj socializacii: nabljudenija, ocenki, suzhdenija [Modern trends of youth socialization: observations, assessments, judgments]. Moscow: Rossijskij otkrytyj universitet, 1992, pp. 61-74.
27. Safuanov F.S., Vaskje E.V. Opredelenie motivacii prestupnogo povedenija nesovershennoletnih v ugovolnom sudoproizvodstve [Elektronnyi resurs] [Determination of the motivation for the criminal behavior of minors in criminal proceedings]. Psihologicheskie issledovanija: jelektron. nauch. Zhurn [Psychological research: electron. science. journal.], 2009. no. 5(7). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n5-7/227-safuanov7.html> (Accessed: 15.03.2019).
28. Safuanov F.S. Psihologija kriminal'noj agressii [Psychology of criminal aggression]. Moscow: Smysl, 2003. 300 p.
29. Sobkin V.S., Abrosimova Z.B., Adamchuk D.V., Baranova E.V. Podrostok: normy, riski, deviacii [Teenager: norms, risks, deviations]. Moscow: Centr sociologii obrazovanija RAO, 2005. 359 p.
30. Fel'dshtejn, D.I. Psihologija razvivajushhejsja lichnosti: izbrannye psihologicheskie Trudy [Психология развивающейся личности: избранные психологические труды.]. Moscow: Institut prakticheskoy psihologii; Voronezh: MODJeK, 1996. 512 p.
31. Fedorov L.V. Cennostnye orientacii lichnosti i ih formirovanie [Value orientations of personality and their formation]. Vestnik Leningradskogo universiteta: Jekonomika. Filosofija. Pravo. [Bulletin of the Leningrad University: Economics. Philosophy. Right], 1971, no. 5, pp. 70-75.
32. Jurevich A.V. Sejchas vzorvus' [Elektronnyi resurs] [I'm going to explode]. Rossijskaja gazeta [Russian newspaper], 2013, no. 278 (6254). URL: <https://rg.ru/2013/12/10/portret.html> (Accessed: 17.03.2019).

Каширский Д.В., Старосельцева О.В.
Ценности, самоидентификация и личностная
мотивация обвиняемых в совершении особо тяжких
преступлений
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 121—134.

Kashirsky D.V., Staroseltseva O.V.
Values, Self-Identification and Personality Motivation of
Persons Charged with Particularly Serious Crimes
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 121—134.

Информация об авторах

Каширский Дмитрий Валерьевич, доктор психологических наук, профессор факультета психологии, Российский государственный социальный университет (ФГБОУ ВО РГСУ), г. Москва, Российская Федерация; профессор юридического института, Алтайский государственный университет (ФГБОУ ВО АлтГУ), г. Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Старосельцева Ольга Владимировна, доцент кафедры клинической психологии, Институт психологии, Алтайский государственный университет (ФГБОУ ВО АлтГУ); медицинский психолог, отделение стационарных судебно-психиатрических экспертиз лиц, находящихся под стражей, Алтайская краевая клиническая психиатрическая больница имени Ю.К. Эрדмана, г. Барнаул, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

Information about the authors

Dmitry V. Kashirsky, Sc.D. in Psychology, Professor, Department of Psychology, Russian State Social University, Moscow, Russia; professor of Law Institute, Altai State University, Barnaul, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8251-2653>, e-mail: psymath@mail.ru

Olga V. Staroseltseva, Associate Professor, Department of Clinical Psychology, Institute of Psychology, Altai State University, Barnaul, Russia; Clinical Psychologist, Office Stationery is Judicial-psychiatric Examinations of Persons in Custody, Altai Regional Clinical Psychiatric Hospital named after Y.K. Erdmann, Barnaul, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4860-8712>, e-mail: kuznetsova_olga.1988@mail.ru

Получена 12.04.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 12.04.2020
Accepted 02.02.2021

Правосознание подростков поколения центиниалов: прогностическая оценка

Бойкина Е.Э.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Чернов В.А.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-https://orcid.org/0000-0002-5189-6455>, e-mail: che_va93@mail.ru

Подростковый возраст — сензитивный период для формирования основ правосознания на пути к становлению правовой культуры взрослого человека. В статье анализируются прогностические риски становления правосознания человека в перспективе на ближайшие 10-20 лет с использованием подхода современных теорий поколенческих когорт. С целью «детальной прорисовки» прогнозируемого образа взрослого человека 2030-2040 гг. представлены результаты одиннадцати исследований (центиниалы, айдженеры, хоумлендеры, цифровые аборигены и др.). Сопоставляются спорные характеристики представителей данных поколений, имеющие потенциал воздействия на процесс становления правосознания: понятие авторитета, новые формы коммуникации и обучения, гедонизм, мультизадачность, горизонт планирования, семейные ценности и др. Ряд характеристик современного поколения сопоставляется с основополагающими элементами структурно-функциональной модели правосознания (Ратинов А.Р.), в частности, с точки зрения ряда систем: когнитивной, регулятивной и оценивания. Приводится критическая оценка постулатов теорий поколений, анализируются общие тенденции взаимодействия поколений под углом зрения правовой социализации.

Ключевые слова: правосознание, прогностическая оценка, центиниалы, айдженеры, цифровые аборигены, хоумлендеры, подростки.

Для цитаты: Бойкина Е.Э., Чернов В.А. Правосознание подростков поколения центиниалов: прогностическая оценка [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 135—149. DOI:10.17759/psylaw.2021110111.

Legal Conscience of Teens from the Centennials Generation: a Prognostic Assessment

Ekaterina E. Boykina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Vasily A. Chernov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-https://orcid.org/0000-0002-5189-6455>, e-mail: che_va93@mail.ru

Adolescence is a sensitive period for setting the groundwork of one's legal conscience on the way to the legal culture of an adult. The article analyses the projected risks for shaping the legal conscience of people for the next 10-20 years using the approach of the modern theories of generational cohorts. For the purpose of "detailed portrayal" of the anticipated image of an adult from the 2030-2040 this article contains the results of 11 studies (on centennials, iGeners, homelanders, digital natives etc.). The disputable traits of the typical representatives of these generations (that can potentially have impact on the formation process of their legal conscience) are compared: the idea of authority, the new forms of communication and education, hedonism, multitasking, planning horizon, family values etc. A number of features of the modern generation are compared with the fundamental elements of the structural and functional model of legal conscience (Ratinov A.P), particularly from the viewpoint of some systems: cognitive, regulative and evaluation. The postulates of the generation theories are critically assessed. We also analyse the general tendencies for the interaction of generations from the perspective of legal socializing.

Keywords: legal conscience, prognostic assessment, centennials, iGeners, digital natives, homelanders, adolescents.

For citation: Boykina E.E., Chernov V.A. Legal Conscience of Teens from the Centennials Generation: a Prognostic Assessment. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 135—149. DOI:10.17759/psylaw. 2021110111 (In Russ. Abstr. In Engl.).

Введение

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики РФ, за последние пять лет наметился спад подростково-молодежной преступности [20]. При этом, однако, в поле зрения юриспруденции, психологии, социологии и педагогики стали все чаще появляться такие явления антисоциального поведения, с проявлениями которых российское общество ранее не сталкивалось. Если еще два десятилетия назад, говоря о преступности среди несовершеннолетних, специалисты оперировали сугубо юридическими понятиями: «хулиганство», «кража», «разбой» и др. В последние две декады этого столетия в российской науке и практике (как в юриспруденции, так и в психологии) значительно вырос интерес к изучению буллинга (и кибербуллинга в частности), троллинга, скулшутинга, авитального

стиля поведения (зацепинг, руфинг, паркур и др.), серийных самоубийств несовершеннолетних, опосредованных действиями интернет-сообществ («Синий кит», «Тихий дом» и др.), механизмов радикализации/экстремизации несовершеннолетних и молодежи в сети Интернет (например, дело Варвары Карауловой). Иными словами, можно утверждать, что преступность в подростково-молодежной среде, хоть и снизила свои количественные показатели, но приобрела новые формы реализации и новое пространство для действия — виртуальное пространство.

С учетом вышесказанного, возникает масса вопросов футуристического характера: какое общество ждет нас через пару десятилетий, когда современные дети, подростки и молодежь станут основной когортой, формирующей население нашей страны? Вопрос: будет ли это правовое общество с преобладанием правомерного или неправомерного поведения, учитывая нынешнюю тенденцию в формировании паттернов правосознания? В поиске прогнозов мы остановились на рассмотрении такого понятия как «правосознание подростка».

Правосознание и подростковый возраст

Не будет преувеличением сказать, что диада «правосознание — подростки» является основой правового общества страны в будущем: «правосознание» опосредует построение правового поведения индивидуальных и коллективных субъектов, а подростковый возраст — этап переоценки старых норм, отказа от установок и представлений, полученных в детстве (часто условных и фрагментарных), выработки собственных ценностей и аттитюдов, накопления теоретических знаний о праве, получения первого правового опыта, и, как итог, повторной интериоризации и систематизации первичной правовой социализации [14]. Именно в подростковом возрасте, по мнению Ратинова А.Р. и Ефремовой Г.Х., формируется более или менее устойчивая ценностно-нормативная модель поведения («правовая концепция»), развивающаяся и укрепляющаяся в течение всей жизни [8].

Правосознание в подростковом возрасте имеет ряд особенностей. Эти особенности обуславливаются двумя группами причин — внутренними факторами (диспозицией) и внешними условиями (ситуацией). Внутренними факторами являются индивидуально-психологические и личностные особенности ребенка подросткового возраста, а также так называемые особенности «переходного возраста» (стремление подростка к независимости и автономности, его потребность быть и считаться взрослым, несформированные устойчивые нравственные позиции, ценностные установки, подверженность влиянию группы и др.). Внешними условиями являются, в первую очередь, — влияние агентов правовой социализации, которые привносят представления о правилах, нормах, ценностях (как общепринятых, так и искаженных), границах допустимого в процесс развития подростка. Кроме того, к внешним условиям относятся общественно-экономические изменения в социуме, появление новых систем ценностей, идеологий [15].

Начиная в нашей статье анализ понятия «правосознание», важно сказать, что данный феномен изучался и изучается с позиции различных наук и дисциплин: философии, юриспруденции, социологии, культурологи и психологии.

В психологической науке множество ученых посвятили свои труды изучению и анализу правосознания. Некоторые исследователи предпринимали попытки описать правосознание, как целостный феномен, а его развитие —, как системный процесс.

Среди наиболее проработанных и известных концепций можно выделить работы следующих ученых:

- Тапп Дж., Левина Ф. и их «интеракционную когнитивную модель правового рассуждения»;
- Щегорцева В.А., который рассматривал правосознание как целостное состояние, имеющее взаимосвязанные структурные элементы (взгляды, представления, чувства и т. п.), при том, что один из них занимает доминирующую позицию;
- Баранова П.П., который писал, что правосознание — это система, которая обладает рядом свойств (цели, структура, подсистемы, изменчивость, ресурсы, относительная изолированность, способность самостоятельно функционировать и т. д.) [9].

Однако, при всем множестве различных взглядов и концептов правосознания, одной из самых полноценных и проработанных, на наш взгляд, является авторская концепция Ратинова А.Р. — структурно-функциональная модель правосознания.

Изучая правосознание, Ратинов А.Р. опирался на одну из основных идей отечественной психологии — «о единстве сознания и деятельности». На ее основе он выделил у правосознания (как у системы) три основополагающих элемента.

- Когнитивная система — сторона правосознания, включающая в себя правовые знания, категории и теоретические понятия правосознания.
- Система оценивания — оценочное отношение человека к праву, включающее в себя оценки, критерии оценивания, мнения по отношению к правовому поведению людей и правоприменению.
- Регулятивная система — волевая структура личности и методы саморегуляции, сочетающиеся с социальными установками, относящимися к правовой системе [19].

Конгруэнтный симбиоз означенных выше систем находит свое отражение и в работах Шиханцова Г.Г., описывающего процесс формирования подросткового правосознания через процесс правовой социализации. Саму правовую социализацию автор описывает как несколько взаимосвязанных процессов:

1. Усвоение человеком правовых знаний, законов и требований общества, которые определяют меру возможного и должного поведения человека.
2. Овладение человеком социальными навыками, необходимыми для жизни в обществе.
3. Осознание человеком своих прав и понимание выстраивания взаимоотношений между ним и правовыми институтами. [23].

Процесс правовой социализации начинается с раннего детства. Он идет последовательно, согласно этапам психического развития и этапам социализации личности. Разные исследователи (Андрианов М.С., Зубок Ю.А. Чернобродов Е.Р.) пишут, что именно в подростковом возрасте процесс правовой социализации становится систематическим и зарождается правовая культура конкретного человека. В своих трудах авторы опираются на идею о том, что правосознание, являющееся основой для формирования правовой культуры, основывается на психических образованиях: развитые воля и самоконтроль, способность к рефлексии своей деятельности, ответственность, коммуникативная активность и т. п. И именно они являются новообразованиями в подростковом возрасте. Кроме того, у подростка возрастает потребность исследовать социум, найти свое место в нем, понять, как взаимодействуют люди и как обозначить свою позицию. К началу подросткового возраста, как сходятся во мнении представители возрастной и юридической психологии, данный процесс (познание правовых норм и отношений) носит уже осмысленный характер, в

отличие от предыдущих возрастных периодов, когда нормы усваивались через внушение и подражание [см. по: 1, 10].

Подводя итог данного весьма беглого экскурса в теоретические основы правосознания человека, мы с большой долей уверенности можем констатировать тот факт, что подростковый возраст — это именно та бифуркационная точка на пути становления правосознания человека, которая определяет, собственно, его дальнейший вектор развития в данном направлении.

Правосознание сквозь призму современных теорий поколенческих когорт

Прогнозирование, как процесс познания будущего на основе осознанного мыслительного поиска, всегда носит вероятностный характер и обладает нестабильностью результата. Оставляя данное мнение вне нашей научной дискуссии, в данной статье мы понимаем прогнозирование не только как свойство субъекта, которое заключается в опережающем отражении действительности [3], но, скорее, в качестве оценки рисков развития.

Потребность в анализе и прогнозировании становления правосознания у сегодняшних несовершеннолетних родилась у нас из ряда практических наблюдений при работе с данной возрастной группой. В предисловии к своей книге «Миллениалы: как меняется российское общество» Радаев В.В. именно так описывает тот момент, который побудил его к анализу поколения, рожденного с 1982 по 2000 г.: «Тема поколений родилась из простого искреннего непонимания. ... новое поколение воспринималось как Другое, не хорошее или плохое, а именно как Другое, не вполне понятное» [18, стр. 7]. Солидализируясь в данном ощущении со словами Радаева В.В., мы предпримем прогностический анализ правосознания несовершеннолетних через призму ряда теорий поколенческих когорт, не умаляя и не опровергая при этом выводы классиков возрастной психологии Выготского Л.С., Эриксона Э., Эльконина Д.Б. и др.

В основе нашего анализа — ряд работ отечественных и зарубежных авторов (психологов, социологов, педагогов и специалистов иных областей) (табл. 1).

Таблица 1

Анализируемые теории поколений (современное молодое поколение)

Автор теории, исследования, анализа	Название поколения	Нижние границы поколения (рожденные...)	Возраст на момент 2021 г. (самый старший)
1	2	3	4
Билл Дж.	«Поколение Z»	после 1995 г.	26
Гаврилова А.В.	«Новое поколение Z» (постинновационные)	с 2000 по 2015 г.	21
Левада Ю.А.	«Поколение Z» («поколение Путина»)	после 2000 г.	21
Онлайн-ресурс «МЕЛ»	Современный российский подросток	после 2000 г.	21
Пренски М.	«Цифровые аборигены»	в конце XX —	25 —30

Автор теории, исследования, анализа	Название поколения	Нижние границы поколения (рожденные...)	Возраст на момент 2021 г. (самый старший)
		начале XXI в.	
Проект «Rugenerations»	«Хоумлендеры» («поколение Z», центиниалы)	с 2004 по 2023 г.	17
Симиллер К., Грейс М.	«Поколение Z»	с 1995 по 2010 г.	26
Твенге Дж.М. (Твендж Дж.М.)	Айдженеры («iGen»)	с 1995 по 2012 г.	26
Штраусс В., Хоув Н.	«Поколение Z»	с 2003 по 2023 г.	18
«Validata» (по заказу Сбербанка)	«Поколение Z» (центиниалы)	в конце XX — начале XXI в.	21
Pew Research Center	«Поколение Z»	после 1997 г.	24

Большая часть анализируемых теорий имеют ряд общих элементов, которые позволяют выдвинуть предположение о некоем единстве их теоретических предпосылок, но облеченных в разные формы. Так, основными, на наш взгляд, общими характеристиками данных теорий являются: подход, основная переменная, опосредующая изменения между поколениями, и прогностичность самой теории.

Подход (исключение — работы «Левада-Центра»). На этапе своего становления (Мангейм К.) данные теории развивались под эгидой политического подхода, в рамках которого поколение понималось как реальная группа, формирующаяся «исключительно в противостоянии власти и существующему политическому строю» (Инглхарт Р., Эдмундс Дж., Тернер Б.С., Левада Ю.А. и др.) [анализируется по: 18, с. 17, 18]. Изменение геополитической обстановки в мире за последние три декады лет привело к децентрализации данного политико-ориентированного подхода и выдвинуло на первый план теории, разрабатываемые в рамках культурно-исторического подхода.

Основная переменная, опосредующая изменения между поколениями. Наиболее метко, по нашему мнению, описывает данную характеристику Пренски М.: «Можно даже назвать это "сингулярностью" — событием, которое меняет вещи настолько фундаментально, что нет абсолютно никакого пути назад» [25, с. 1]. Для данных теорий такой переменной стал процесс тотальной цифровизации и виртуализации.

Прогностичность теорий. Выделяя данный критерий, мы, главным образом, опирались на результаты исследования «мифов» о поколении «Z» Богачевой Н.В. и Сивак Е.В. [4]. Авторы указывают на ряд факторов, которые объективно препятствуют процессу формирования однозначных данных о поколениях современной молодежи. Во-первых, «... границы поколения включают несколько возрастных стадий (см. табл. 1, столбец 3), характеризующихся разной ведущей деятельностью (Эльконин Д.Б), психологическими новообразованиями, кризисам (Выготский Л.С.) и идентичностью (Эриксон Э.), что создает дополнительные трудности для анализа их, поколений, возможной психологической специфики» [4, с. 8]. Во-вторых, центиниалы/айдженеры/хоумлендеры еще находятся в

процессе взросления, их развитие еще продолжается. В этой связи давать однозначную оценку психологическим особенностям данной поколенческой когорты пока преждевременно, а любые актуальные выводы о том, «... какими будут их предпочтения, привычки, когнитивные возможности и нравственные ориентиры в зрелом возрасте» [там же, с. 10], имеют право на существование только в поле прогнозов и предварительных оценок.

В виду того, что предмет нашего анализа — это, прежде всего, правосознание несовершеннолетних и молодежи (на момент 2021 г), наиболее целесообразным форматом исследования мы считаем разделение характеристик «центиниалов» на основе базовых элементов правосознания, по Ратинову А.Р.: когнитивная система, система оценивания и регулятивная система. Это позволит нам увидеть прогностический/потенциальный «портрет» правосознания взрослого человека 2030—2040 гг. В виду того, что при описании рассматриваемой нами поколенческой когорты (центиниалы, айдженеры, хоумлендеры и т. д) в подавляющем большинстве случаев используется социальный, а не политический подход, выделить те или иные особенности поколения, относящиеся исключительно к области его правосознания, было весьма затруднительно. Не претендуя на истину в последней инстанции, в итоге мы постарались максимально близко кластеризовать те или иные характеристики анализируемого поколения к семантическому ядру системы.

- Когнитивная система:

- восприятие себя более индивидуалистичными, разобщенными, самостоятельными, открытыми переменам, устремленными в будущее, склонными к риску, своевольными и не доверяющими власти и авторитетам (анализ культурно-ценностного дифференциала) [7];

- тенденция к восприятию в визуальной, более абстрактной и краткой форме [12];

- апология семейных ценностей, отсутствие гендерного равенства [7].

- Система оценивания:

- либеральны в социальном плане [26];

- идут за теми, кто общается на «их языке»: просто, доступно, через соцсети, кто сам молод [5];

- восприятие мира с позиций глобальных угроз (терроризм/экстремизм, изменение климата) [26];

- отсутствие абсолютных авторитетов [12];

- отсутствие поддержки идеалов прошлого (они им неинтересны, плохо понятны или вовсе не знакомы) [5];

- неприятие или даже противопоставление ценностей молодежи ценностям старших поколений, однако, при этом ориентация на взаимодействие, доминирование альтероцентрической направленности в общении [7];

- не самая протестно-настроенная группа населения, в целом лояльны к власти, более толерантны в этнических и гендерных вопросах, чем другие поколения [5].

- Регулятивная система:

- использование механизмов горизонтальной мобилизации с опорой на новые формы сетевой коммуникации и не связанные с вертикалями власти и партийным представительством [18];

- психологические риски: склонность к депрессиям, суицидальному поведению [21];

- инфантилизм (не спешат и, главное, не имеют желаний взрослеть) [21];

- соблюдение правил (но ожидание того же и от других); не заинтересованы в политике; настроены изменить общество [26];

- меньшая склонность к риску и «бунту» [26].

Для более «детальной прорисовки» образа взрослого человека 2030—2040 гг., приведем также описание современного молодого человека (подростка) в том виде, как его представляют авторы ряда теорий.

Американский психолог Твендж Дж.М. (в разных вариантах перевода Твенге Дж.М.) называет современное поколение «айдженерами» («I-Gens», англ.), поскольку в качестве основной переменной, опосредовавшей возникновение данного поколения, она считает вхождение айфонов в жизнь молодых людей (I — «I-Phone», «Gen» — Generation (поколение), англ.). В отличие от более старших американцев, айдженеры, согласно исследованию Твендж Дж.М. (выборка 11 млн. респондентов), более спокойны: у них зафиксирован более низкий уровень употребления алкоголя, меньшая склонность к ранним сексуальным связям, более низкий процент ранних беременностей и участия в ДТП, снижение количества убийств. При этом ученый констатирует рост инфантилизации данного поколения: айдженеры не хотят брать ответственность за себя, за создание семьи, предпочитают проживание с родителями, не спешат получать лицензию на вождение и др.

Пренски М., специалист в области новых технологий образования, метафорично называет поколение, рожденное на рубеже XX—XXI вв, «цифровыми аборигенами» (digital natives, англ.; по смыслу, скорее, «цифровые коренные жители»), которые противопоставляются более старшим поколениям — «цифровым иммигрантам». Смысл метафоры в приложении к факту глобальной цифровизации и виртуализации: «цифровым иммигрантам» приходится осваивать новый язык уже во взрослом возрасте, а молодое поколение «цифровых аборигенов» уже родилось в данной «языковой» (читай — цифровой) среде. По мнению Пренски М., опирающегося на исследования Перри Б.Д. (Колледж медицины, Бейлор, США), условия взросления описываемого им поколения опосредовали изменения в работе мозга [25, с. 1]. В результате мозг «цифрового аборигена» работает на высокой скорости, обладает значительной интерактивностью (необходим немедленный отклик) по этой причине «цифровые аборигены» хорошо играют в игры, но плохо осваивают книги, у них развита способность к «гипертекстовому мышлению» (предпочтение параллельной переработки данных последовательной). Пренски М. считает, что влияние цифровизации/дигитализации и опосредованные ими изменения в работе головного мозга повлияли на формирование как минимум одной из высших психических функций человека, — мышления: процесс отражения и познания существенных связей и отношений предметов и явлений объективного мира «цифровых аборигенов» все больше довлеет к пространственному. Иными словами, современные дети, подростки и молодежь все больше воспринимают, ассоциируют и выстраивают свои суждения, более активно используя зрительно-пространственные навыки, анализируют окружающую действительность при помощи когнитивных карт, а само мышление приобретает все больше индуктивный характер, когда познание отталкивается от наблюдения, а не от знаний. В данной теории в контексте правосознания вышеупомянутые данные интересны нам с позиции анализа формирования новых каналов коммуникации с социумом и новых форм взаимодействия в рамках таких каналов. В данном случае, с высокой долей уверенности можно предполагать, что речь идет о новых ситуационных факторах, которые в состоянии не только «построить» новые связи между человеком и агентом правовой социализации, но и разрушить старые, уже устоявшиеся.

Как и Пренски М., исследование Validata (по заказу Сбербанка) поддерживает концепцию поколения, рожденного «с кнопкой на пальце». Представленное им «сообщество внутренних

коммуникаторов» рисует нам следующий портрет представителя «Поколения Z»: он воспринимает только краткую и наглядную информацию, у него минимальный горизонт планирования, в его жизни доминирует онлайн-реальность, его отличает установка на гедонизм, поиск своего пути и самосовершенствование [12].

По версии Билла Дж., представители «Поколения Z» более приспособлены к мультизадачности (мультиаскеры): предпочитают не задерживать свое внимание на объекте познания, поскольку объем информации требует быстрой обработки и более частого обновления; зависимы от гаджетов [24].

Основываясь даже на кратком варианте анализа теорий поколений, без сомнения, можно увидеть ряд условий, которые могут оказать значительное влияние на процесс и, соответственно, конечный итог формирования правосознания центиниалов. Так, мы видим, что налицо изменения в ряде диспозиционных условий: многие авторы утверждают, что нынешнее поколение отличает высокая склонность к инфантилизму, что идет вразрез с такими возрастными новообразованиями, например, подросткового возраста, как стремление к независимости и автономности, потребность быть и считаться взрослым. Представители теорий поколений рисуют образ современного Питера Пена, который не хочет становиться взрослым: быть самостоятельным, ответственным за себя и окружающих. Сюда, пожалуй, в качестве дополнительной характеристики можно было бы добавить и мнение теоретиков о всеобщем гедонизме центиниалов: их потребности в развлечениях [6]. В данном отношении справедливо отметить, что еще Эриксон Э. говорил о том, что по мере роста технического прогресса будет увеличиваться и период взросления ребенка. Так что, скорее всего, наше общество просто «наконец» достигло такой точки развития, в которой начался «тектонический сдвиг» возрастных особенностей.

Гораздо труднее на современном этапе давать прогноз другой такой диспозиционной характеристике, как несформированность нравственной позиции, ценностных установок. В данном отношении наличествуют разнополярные мнения, начиная, например, от апологии семейных ценностей [12] до неприятия института семьи в его классическом понимании и гендерной толерантности, унисекса [6]. Однако почти все теории в той или иной форме говорят об отсутствии у центиниалов принятия идеалов прошлых поколений, что, соответственно, ставит вопрос о том, на каких эзот-идеалах будет «надстраиваться» конструкция правосознания гражданина России через 10 лет?

Немного по-другому, чем, скажем, их родителями, воспринимается центиниалами и такое понятие, как «авторитет»: во-первых, авторитетов прошлого для несовершеннолетних и молодежи либо не существует, либо они не так значимы, как для их родителей [5], да и сами взрослые абсолютными авторитетами для них уже не являются [12]; а во-вторых, симбиоз таких характеристик, как: «кураторы собственной идентичности», «обучение посредством You Tube» (и других соцсетей) [там же], «крайнее разнообразие и неустойчивость интересов», «некритичное отношение к информации» [6], «увеличение доли экранного времени» [21] и «предпочтение виртуального общения по принципу «лицом-к-лицу» (через такие платформы, как, например, Skype, Face-Time, Snap Chat), а не посредством обмена текстом (электронная почта, смс и др. — как это, например, делали миллениалы)» [26] — приводят, по нашей оценке, к тому, что понятие «авторитет» у центиниалов скорее подменяется другим понятием, более близким к слову «наставник», от которого представитель поколения Z может взять (в том числе и через соцсети) что-то для себя (будь

то гедонистические устремления или потребность в самообразовании) и выстроить при этом не разностатусные, а партнерские отношения [там же].

На данный момент нами пока не были обнаружены фундаментальные работы, исследующие в рамках теорий поколений такие психические образования, как развитая воля и самоконтроль. Однако ряд авторов постулируют в своих теориях наличие статистически значимых поколенческих различий в способности к рефлексии своей деятельности, ответственности, и, например, коммуникативной активности. Так, по мнению Пренски М., «цифровые аборигены» обладают сниженной способностью к рефлексии и критическому мышлению. Об ответственности, в контексте описания центиниалов как инфантильного поколения, мы писали выше. В плане коммуникативной активности подавляющее большинство теоретиков отмечают наметившийся перевес в сторону активизации общения в виртуальной среде, что в итоге порождает ряд предпочитаемых форм общения: обмен визуальными образами приходит на смену обмену текстовым сообщениям [6; 21; 25], активно используется форма «отложенного общения» (например, общение посредством обмена записями аудиофайлов в What's Up без привязки к немедленному отклику) [21]. В отношении коммуникативной активности айдженеров Твендж Дж.М. пишет о возникновении новой фобии — FOMO (fear of missing out, англ.) — страха выпасть из процесса общения, пропустить что-то из процесса общения значимого социума (в первоначальном переводе — синдром отложенной выгоды). Именно эта фобия, по мнению ученого, опосредует рост «экранного времени» айдженеров и рост коммуникативной активности в виртуальном мире.

Полагаем, что даже с футуристической точки зрения очертить более или менее четкий абрис правосознания центиниала через 10-20 лет будет очень сложно. И прежде всего потому, что при сравнении данных теорий мы находим ряд несоответствий, а, порой, и противоречий. Наиболее подробно данные расхождения внутри самих теорий описали — «развенчали мифы» — в своем исследовании Богачева Н.В. и Сивак Е.В. [4], которые не нашли научно обоснованных (по мнению данных авторов) оснований для ряда «особенностей» (например, снижение критичности мышления, совершенство владения современными информационными технологиями), обнаружили противоречия в характеристиках (например, Validata говорит о гедонизме центиниалов [12], а on-line-ресурс МЕЛ — об умеренности, возводимой в ранг достоинств [6]), оценили «особенность» как присущую данному возрасту в целом (установка на успех, индивидуальность) или как всеобщий тренд развития во всех поколениях (частые депрессии, тревожность, многозадачность).

Резюмируя вышесказанное, согласимся с мнением о том, что пока рано «писать окончательный портрет» правосознания сегодняшних центиниалов, поскольку их развитие еще продолжается. Практическая значимость предпринятого анализа, скорее, лежит в области оценки прогнозируемых рисков, учитывающих хоть и противоречивые, подвергаемые сомнению постулаты современных теорий поколенческих когорт, но поразному возвещающие нам о том, что на развитие и становление данного поколения (или же просто возрастной группы «дети-подростки-молодежь») оказывает влияние фактор (переменная), которого в предыдущих поколениях еще не было — глобальная дигитализация.

В данном случае надо смотреть не на частности, а на тенденцию в целом. И главное здесь

то, что уже сейчас мы, выражаясь терминологией Пренски М., «цифровые иммигранты» — читай, «агенты правовой социализации подростков и молодежи», — должны осознать, что каналы и способы социального взаимодействия изменились и продолжают меняться. В данном случае нам, как писал Пренски М., надо постараться нивелировать наш акцент «цифровых иммигрантов», чтобы новое поколение «цифровых аборигенов» вообще смогло нас услышать.

Литература

1. Андрианов М.С. Психологические механизмы и периодизация процесса правовой социализации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2013. Том 3. № 1. С. 1-7. URL: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58284.shtml> (дата обращения: 05.02.2020).
2. Арцинова В.В., Кузнецова Н.В. Становление правосознания в картине мира подростков // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета. 2014. № 11. С. 20-27
3. Бехтер А.А. Прогнозирование в работе психолога: возможности диагностики и развития: учеб.-метод. пособие / А.А. Бехтер; Министерство образования и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет». Хабаровск: Изд-во ТОГУ-, 2017. - 71 с.
4. Богачева, Н.В., Сивак, Е.В. Мифы о «поколении Z». - М.: НИУ ВШЭ. 2019. - 56 с.
5. Волков Д. Поколение терпимых и независимых [Электронный ресурс] / Сайт «Левада Центр» 20.06.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/06/20/pokolenie-terpimyh-i-nezavisimyh/> (дата обращения: 8.05.2020).
6. Все по тегу Поколение Z [Электронный ресурс] / Сайт «Mel.fm». URL: <https://mel.fm/pokoleniye-z> (дата обращения: 10.05.2020).
7. Гаврилова А.В. Социально-психологические особенности ментальности «нового поколения» [Электронный ресурс] / Вестник удмуртского университета. 2016. Т. 26. № 2. С. 58-63. URL: <http://journals.udsu.ru/philosophy-psychology-pedagogy/article/view/2734> (дата обращения: 12.05.2020).
8. Глисков А.А., Садовский М.Г. Феномен правосознания подростка [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 1998. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-pravosoznaniya-podrostka> (дата обращения: 03.05.2020).
9. Гулевич О.А., Голынчик Е.О. Правосознание и правовая социализация: аналитический обзор / О.А. Гулевич, Е.О. Голынчик. - М.: Ин-т психологии имени Л.С. Выготского РГГУ, 2003. -270 с.
10. Дворянчиков Н.В., Савкина И.А. Исследование особенностей правосознания несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2011. Том 3. № 1. URL: https://psyjournals.ru/psyedu_ru/2011/n1/39933.shtml (дата обращения: 15.06.2020).
11. Иванченко В.А., Козлова Ю.А. Дефекты правовой социализации личности и способы их профилактики в подростковом возрасте // Сегменты социально-педагогической сферы: монография: в 2 т. Ч. 3. Т. 1 / Под. ред. Е.Н. Белоус, М.А. Ерофеевой. -Коломна: Государственный социально-гуманитарный университет, 2015. С. 179-193
12. Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи [Электронный ресурс]. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml> (дата обращения: 08.05.2020).

13. Красник В.С., Евстафеева Е.А. Психолого-правовой подход к изучению структуры правосознания // Вестник ЧелГУ. 2013. № 5 (296). С. 20-25.
14. Лидак Л.В. Формирование правового сознания подростков: методология и феноменология // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 4 (68). С. 238-242.
15. Орлова О.А. Правосознание современных подростков // Амурский вестник. 2017. № 2. С. 84-89.
16. Осипов М.Ю. Основные факторы, влияющие на правосознание и правомерное поведение // Юридические записки. 2013. № 1. С. 9-16.
17. Панченко Т.С. Возрастные особенности как фактор формирования правосознания личности // Гуманитарный вектор. Серия: «Педагогика. Психология». 2014. № 1 (37), С. 143-148.
18. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». -М.: Изд. дом «Высшей школы экономики», 2019. -224 с.
19. Ратинов А.Р. Избранные труды / Сост. М.В. Кроз, Н.А. Ратинова; предисловие О.Д. Ситковская; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М. 2016. 212 с.
20. Россия в цифрах. 2020: Крат. стат. сб./Росстат. -М., 2020. -550 с.
21. Твенге Дж.М. Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно не готовым ко взрослой жизни и что это значит для всех остальных / Пер. с англ. А. Толмачев.- М.: РипполКлассик-, 2019. - 406 с.
22. Чернобродов Е.Р. Психологические аспекты правосознания подростков // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 3 (67), С. 181-184.
23. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: учебник для вузов / Г.Г. Шиханцов. 2-е - изд. -М.: Зерцало-М, 2006. -272 с.
24. Beall G. 8 Key Differences between Gen Z and Millennials [Электронный ресурс]. URL: https://www.huffpost.com/entry/8-key-differences-between_b_12814200 (дата обращения: 8.05.2020).
25. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 [Электронный ресурс] // On the Horizon. 2001. Vol. 9. Issue 5. P. 1-6. DOI: 10.1108/10748120110424816
26. Seemiller C., Grace M. Generation Z: Educating and Engaging in the Next Generation of Students [Электронный ресурс] // About Campus. 2017. Vol. 22. Iss. 3. P. 21-26. DOI: 10.1002/ABC.21293

References

1. Andrianov M.S. Psihologicheskie mekhanizmy i periodizaciya processa pravovoj socializacii [Elektronnyj resurs] [Psychological mechanisms and periodization of legal socialization process] *Psihologiya i pravo [Psychology and Law]*. 2013, no. 3 (1), pp. 1-7. Available at: <https://psyjournals.ru/psyandlaw/2013/n1/58284.shtml> (Accessed 05.02.2020) (In Russ., Abstr. in Engl.).
2. Arshchinova V.V., Kuznecova N.V., Stanovlenie pravosoznaniya v kartine mira podrostkov [Elektronnyj resurs] [Formation of the legal consciousness at teens picture of the world] *Social'no-psihologicheskie problemy mental'nosti / mentaliteta [Socio-psychological problems of mentality / mentality]*, 2014, no. 11, pp. 20-27 (In Russ.)
3. Bekhter A.A. Prognozirovanie v rabote psihologa: vozmozhnosti diagnostiki i razvitiya:

uchebno-metodicheskoe posobie [Forecasting in the work of a psychologist: the possibilities of diagnosis and development: an educational and methodological guide] A.A. Bekhter. (ed.). Habarovsk: TOGU, 2017. 71 p. (In Russ.)

4. Bogacheva N.V., Sivak E.V. Mify o «pokolenii Z» [Myths about «Generation Z»] (ed.). Moscow: NIU VSHE [HSE University]. 2019, 56 p. (In Russ.)

5. Volkov D. Pokolenie terpimyh i nezavisimyh [Elektronnyj resurs] [A generation of tolerant and independent people] Available at: <https://www.levada.ru/2017/06/20/pokolenie-terpimyh-i-nezavisimyh/> (Accessed 08.05.2020) (In Russ.)

6. Vse po temu Pokolenie Z [Elektronnyj resurs] [All by the Generation Z tag] Sajt «Mel.fm» [«Mel.fm» site] URL: <https://mel.fm/pokoleniye-z> (Accessed 05.02.2020) (In Russ.)

7. Gavrilova A.V. Social'no-psihologicheskie osobennosti mental'nosti «novogo pokoleniya» [Elektronnyj resurs] [Socio-psychological features of the «new generation» mentality] *Vestnik udmurtskogo universiteta [Bulletin of the Udmurt University]*. 2016, Vol. 26, Iss. 2, pp. 58-63. URL: <http://journals.udsu.ru/philosophy-psychology-pedagogy/article/view/2734> (Accessed 12.05.2020) (In Russ., Abstr. in Engl.)

8. Gliskov A.A., Sadovskij M.G. Fenomen pravosoznaniya podroostka [Elektronnyj resurs] [The phenomenon of legal awareness of a teenager] *Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah [Psychopedagogy in law enforcement agencies]*. 1998, no. 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-pravosoznaniya-podroostka> (Accessed: 03.05.2020) (In Russ.)

9. Gulevich O.A., Golynchik E.O. Pravosoznanie i pravovaya socializaciya. Analiticheskij obzor [Legal consciousness and legal socialization. Analytical review]. Moscow: In-t psihologii im. L.S. Vygotskogo RGGU Publ. 2003, 270 p. (In Russ.)

10. Dvoryanchikov N.V., Savkina I.A. Issledovanie osobennostej pravosoznaniya nesovershennoletnih [Elektronnyj resurs] Study of the Features of Legal Conscience of Minors with Deviant Behavior. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*. 2011, Vol. 3, no. 1 (In Russ., abstr. in Engl.)

11. Ivanchenko V.A., Kozlova YU.A. Defekty pravovoj socializacii lichnosti i sposoby ih profilaktiki v podroostkovom vozraste [Defects of legal socialization of the individual and ways of their prevention in adolescence] *Segmenty social'no-pedagogicheskoy sfery: monografiya: v.2 t. CH.3. T.1 [Segments of the socio-pedagogical sphere: monograph: in 2 vol. P. 3. Vol. 1]* in E.N. Belous, M.A. Erofeeva (ed.) Kolomna: Gosudarstvennyj social'no-gumanitarnyj universitet [State Social and Humanitarian University]. 2015, pp. 179-193 (In Russ.)

12. Issledovanie Sberbanka: 30 faktov o sovremennoj molodezhi [Elektronnyj resurs] [The study of Sberbank: 30 facts about today's youth] URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml> (Accessed: 08.05.2020) (In Russ.)

13. Krasnik V.S., Evstafeeva E.A. Psihologo-pravovoj podhod k izucheniyu struktury pravosoznaniya [Psychological and legal approach to the study of the structure of legal consciousness] *Vestnik CHelGU [bulletin of the Chelyabinsk State University]*. 2013, no. 5 (296), pp. 20-25. (In Russ.)

14. Lidak L.V. Formirovanie pravovogo soznaniya podroostkov: metodologiya i fenomenologiya [Formation of legal consciousness of adolescents: methodology and phenomenology] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2015, no. 4 (68), pp. 238-242 (In Russ.)

15. Orlova O.A. Pravosoznanie sovremennyh podroostkov [Legal consciousness of modern

teenagers] *Amurskij vestnik [Amur Herald]*. 2017, no. 2, pp. 84-89 (In Russ.)

16. Osipov M.YU. Osnovnye faktory, vliyayushchie na pravosoznanie i pravomernoe povedenie [The main factors that affect the sense of justice and good behavior] *YUridicheskie zapiski [Legal notes]*. 2013, no. 1, pp. 9-16 (In Russ.)

17. Panchenko T.S. Vozrastnye osobennosti kak faktor formirovaniya pravosoznaniya lichnosti [Age-related features as a factor in the formation of the legal consciousness of the individual] *Gumanitarnyj vektor. Seriya: Pedagogika, psihologiya [Humanitarian vector. Series: Pedagogy, psychology]*. 2014, no.1 (37), pp. 143-148 (In Russ.)

18. Radaev V.V. Millenialy: Kak menyaetsya rossijskoe obshchestvo [Millennials: How Russian society is changing]. Moscow: Publ. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2019, 224 p. (In Russ.)

19. Ratinov A.R. Izbrannye trudy [Selected works] in M.V. Kroz, N.A. Ratinova (ed.); O.D. Sitkovskaya (introduction);. Moscow: Publ. Akad. Gen. prokuratury Ros. Federacii, 2016, 212 p. (In Russ.)

20. Rossiya v cifrah. 2020: Krat. stat. sb. [Russia in numbers. 2020: A brief statistical compendium] Rosstat [Federal state statistics service]. Moscow, 2020, 550 p. (In Russ.)

21. Twenge J.M. Pokolenie I. Pochemu pokolenie Interneta utratilo buntarskij duh, stalo bolee tolerantnym, menee schastlivym i absolyutno ne gotovym ko vzrosloj zhizni i chto eto znachit dlya vsekh ostal'nyh: per. s angl. Tolmachyov A. [iGen. Why Today`s Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy — and Completely Unprepared for Adulthood]. Moscow: RIPOL klassik, 2019, 406 p. (In Russ.)

22. Chernobrodov E.R. Psihologicheskie aspekty pravosoznaniya podrostkov [Psychological aspects of legal consciousness of adolescents] *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*. 2015, no. 3 (67), pp. 181-184 (In Russ.)

23. Shihancov G.G. Yuridicheskaya psihologiya: uchebnik dlya vuzov [Legal psychology]. Moscow: Zercalo-M, 2006. 272 p. (In Russ.)

24. Beall G. 8 Key Differences between Gen Z and Millennials [Elektronnyj resurs] URL: https://www.huffpost.com/entry/8-key-differences-between_b_12814200 (Accessed: 12.05.2020) (In Engl.)

25. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants Part 1. *On the Horizon*, 2001. Vol. 9. Issue 5. pp. 1 - 6. doi: 10.1108/10748120110424816_(In Engl.)

26. Seemiller C., Grace M. Generation Z: Educating and Engaging in the Next Generation of Students. *About Campus*, 2017. Vol. 22. Iss. 3. pp. 21-26. doi: 10.1002/ABC.21293 (In Engl.)

Информация об авторах

Бойкина Екатерина Эдуардовна, аспирант кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Чернов Василий Алексеевич, аспирант кафедры юридической психологии и права факультета юридической психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-https://orcid.org/0000-0002-5189-6455>, e-mail: che_va93@mail.ru

Бойкина Е.Э., Чернов В.А.
Правосознание подростков поколения центинаалов:
прогностическая оценка
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 135—149.

Boykina E.E., Chernov V.A.
Legal Conscience of Teens from the Centennials
Generation: a Prognostic Assessment
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 135—149.

Information about the authors

Ekaterina E. Boykina, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2707-3969>, e-mail: katarinatapfer@gmail.com

Vasiliy A. Chernov, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-https://orcid.org/0000-0002-5189-6455>, e-mail:
che_va93@mail.ru

Получена 01.10.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 01.10.2020
Accepted 02.02.2021

Использование конфессионально-педагогических форм работы с несовершеннолетними в воспитании патриотизма и профилактике экстремизма

Никитская Е.А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-3187-6534, e-mail: katamax@yandex.ru

Очень опасной разновидностью экстремизма является религиозный экстремизм. Осознание данного феномена — сложная методологическая задача, так как явление это многоликое, динамично меняющееся и не поддающееся привычному научно-аналитическому исследованию. Переход радикалов к методам индивидуальной пропаганды, внедрение в информационное пространство, в том числе через сеть Интернет, позволяет им действовать, обходя законы Российской Федерации. Маскируясь под маской религиозных проповедников, экстремисты чувствуют себя комфортно на поле идеологической борьбы. Сегодня уже следует говорить не об отдельных случаях вербовки несовершеннолетних в ряды радикалов, а о распространении идей религиозного экстремизма среди подростков и молодежи. На основе анализа актуальной криминогенной обстановки в подростково-юношеской среде, а также в связи с необходимостью осмысления серьезных изменений в гражданско-патриотическом сознании современных представителей подрастающих поколений в статье предлагаются к рассмотрению некоторые конфессионально-педагогические формы работы с несовершеннолетними в качестве методов патриотического воспитания и профилактики экстремизма.

Ключевые слова: религия, воспитание, экстремизм, патриотизм, девиантное поведение, несовершеннолетние, профилактика.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта №20-013-00247.

Для цитаты: *Никитская Е.А.* Использование конфессионально-педагогических форм работы с несовершеннолетними в воспитании патриотизма и профилактике экстремизма [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 150—162. DOI:10.17759/psylaw.2021110112

Никитская Е.А.

Использование конфессионально-педагогических форм работы с несовершеннолетними в воспитании патриотизма и профилактике экстремизма

Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 150—162.

Nikitskaya C. A.

Use of Confessional-Pedagogical Forms of Work with Minors in the Upbringing of Patriotism and Prevention of Extremism

Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 150—162.

Use of Confessional-Pedagogical Forms of Work with Minors in the Upbringing of Patriotism and Prevention of Extremism

Catherine A. Nikitskaya

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3187-6534, e-mail: katamax@yandex.ru

Religious extremism is a very dangerous form of extremism. Awareness of this phenomenon is a complex methodological task, as the phenomenon is multifaceted, dynamically changing and not amenable to the usual scientific and analytical research. The transition of radicals to the methods of individual propaganda, introduction into the information space, including through the Internet allows them to act, bypassing the laws of the Russian Federation. Masquerading as religious preachers, extremists feel comfortable on the field of ideological struggle. Today we should not talk about individual cases of underage recruitment into the ranks of the radicals, and the dissemination of ideas of religious extremism among young people and adolescents. Based on the analysis of the actual crime situation in the teenage and youth environment, as well as in connection with the necessity of understanding major changes in the civil-Patriotic consciousness of the modern representatives of the younger generations are offered in this article to the consideration of some religious and educational forms of work with minors as methods of Patriotic education and prevention of extremism.

Keywords: religion, education, extremism, patriotism, deviant behavior, juvenile, prevention.

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00247

For citation: Nikitskaya C.A. Use of Confessional-Pedagogical Forms of Work with Minors in the Upbringing of Patriotism and Prevention of Extremism. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 150—162. DOI:10.17759/psylaw. 2021110112 (In Russ.).

Введение

Патриотическое воспитание подрастающих поколений, являясь одним из важнейших оснований функционирования любого общества, всегда рассматривалось в трудах философов, педагогов, психологов, социологов. Влияние декларируемых религиозных ценностей на общество представлены в исследованиях В.В. Бойко, Ю.В. Бондаренко, И.М. Бочаровой, В.И. Гараджи, Ю.Б. Козловой, А.П. Гагаева и др. Духовно-нравственное становление и развитие личности рассматривается в исследованиях Б.Г. Бобылева, С.Ю. Дивногорцевой, архимандрита Зиновия (А.А. Корзинкина), Н.В. Маслова и других. Несмотря на заинтересованность исследователей в изучении влияния религиозных факторов на социализацию человека, остается малоизученным большой пласт проблем, касающихся развития человека в специфических условиях влияния социальных и социально-

педагогических факторов, содержащих религиозный компонент. По мнению доктора политических наук и эксперта комиссии Общественной палаты Российской Федерации М.Ю. Зеленкова, «...сегодня ни одна партия или общественное движение не пользуется таким вниманием молодежи и подростков, как религия...» [2].

Описание исследования

В связи с этим возникает необходимость в точном инструменте измерения той опасности, которую могут нести для подрастающего поколения вновь создаваемые и/или действующие религиозных организаций. Первые опыты по созданию методик по измерению тоталитаризма и его составляющих были осуществлены в 1975 г. А. Бидерманом, затем в 1979 г. И. Боневец предложил оценку культовой опасности, с целью разделения религиозных культов на несущие опасность и безопасные [19; 20]. Наиболее общеизвестной в мировом научном сообществе методикой на сегодняшний день является «Шкала группового психологического насилия», разработанная М. Лангоуни. Данная методика была представлена в 1996 г. на ежегодной конференции Американской психологической ассоциации. Очень важным аспектом методики ШГПН является то, что она направлена на измерение психологического насилия [22]. Вместе с тем анализ данного опыта позволил современным исследователям предложить новую методику, которая измеряет выраженность составляющих тоталитарности религиозной группы. Опросник «Социальное вмешательство и контроль» (СВК), разработанный В. Елкинсом, позволяет диагностировать степень выраженности пяти составляющих тоталитарности религиозных групп. Согласно полученным экспериментальным данным, оценку могут осуществлять как бывшие, так и действующие члены групп. Использование именно этой методики во многом может способствовать предупреждению вовлечения несовершеннолетних в тоталитарные и/или экстремистские организации религиозного толка [1].

Вопрос о тесной связи патриотического воспитания подрастающего поколения и религиозной составляющей педагогического процесса всегда вызывал интерес со стороны исследователей различных отраслей гуманитарного знания — от философских, культурологических и антропологических до историко-этнографических, социально-педагогических и социально-психологических, юридических и политических. Справедливым является и мнение зарубежных исследователей по данной проблеме: «...предположение о том, что мы живем в секуляризованном мире, ошибочно. Мир сегодня, с некоторыми исключениями, столь же яростно религиозен, как и всегда... доказательством этому служат статистические данные и результаты социологических исследований...» [21].

Сегодня многие граждане России всерьез заинтересованы проблемой пересмотра подходов и принципов в воспитании и образовании, поскольку находятся в качественно изменившихся условиях жизни. Так, современная российская семья часто ориентирована на приобретение материальных благ, а не на нравственное воспитание подрастающего поколения. Социально-политические перемены в российском обществе обострили не только духовно-нравственную, но и, как следствие, криминогенную обстановку. Наблюдается рост преступности несовершеннолетних. Согласно законодательству Российской Федерации, понятие «несовершеннолетний» несет демографическую характеристику лица определенного возраста. Несовершеннолетний — «лицо, не достигшее возраста восемнадцати лет» [17].

Несовершеннолетний правонарушитель (преступник) — лицо моложе 18 лет, обвиняемый в совершении преступления, которое ведет за собой административное или уголовное

наказание. Статистические данные показывают, что по итогам 2019 г. в России при общем снижении подростковой преступности на 2,7% (с 31,9 до 31,1 тыс.) число особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними, увеличилось на 15,2% (с 1,28 до 1,5 тыс.). Удельный вес указанных преступлений составил 3,8% (в 2018 г. — 3,4%). Исследователи в области педагогики и психологии девиантного поведения констатируют резкое изменение ценностных ориентаций подростков — от этических, гуманистических в сторону материальных. Исследователи также обращают особое внимание на рассмотрение представлений подростков о значимых социальных категориях: родители, одноклассники, учителя, полицейские и чиновники. Специфика социально-перцептивного образа родителей, прежде всего матери, является индикатором психологического благополучия несовершеннолетнего. [10]. Не вызывает сомнения, что среди психологически благополучных подростков процент правонарушений значительно меньше относительно категории несовершеннолетних, имеющих те или иные психологические проблемы.

Проводимая работа по профилактике правонарушений несовершеннолетних в целом дает положительные результаты, однако при анализе статистических данных в ряде стран можно увидеть обратную, негативную ситуацию. В качестве причин, влияющих на усиливающиеся негативные тенденции в молодежной среде, можно выделить алкоголизацию и наркотизацию несовершеннолетних, а также рост числа несовершеннолетних, освобождаемых от уголовной ответственности и наказания по различным основаниям (например, ст. 76 Уголовного кодекса Российской Федерации «Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим» или ст. 90 «Применение принудительных мер воспитательного воздействия» и др.). Как показывает практика, применение подобных статей далеко не всегда благоприятно влияет на последующее социальное поведение подростков. На последнее в том числе указывают статистические данные в части того, что большинство несовершеннолетних, совершающих преступление сегодня в России, уже ранее имели опыт преступной деятельности. Из этого можно сделать вывод о том, что применение ряд статей Уголовного кодекса Российской Федерации дает низкий результат по социализации несовершеннолетних. Кроме этого, для того чтобы меры воспитательного воздействия были эффективны, необходимо совершенствовать профилактическую работу всех субъектов, ее осуществляющих. И.В. Ульянова рассматривает профилактику как «... целенаправленную и согласованную педагогическую деятельность учителя, классного руководителя, педагога-психолога, социального педагога, привлекаемых к ней специалистов медицинских и правоохранительных учреждений, включающая устойчивый комплекс взаимодополняющих видов деятельности» [13, с. 272]. Ю.А. Простакишиной в модель профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних внесен и обоснован компонент — «системная и целенаправленная работа с обучающимися на личностном уровне с привлечением всех субъектов профилактики» [9, с. 279]. В таком понимании синхронны большинство специалистов, так или иначе связанных с рассматриваемой проблематикой. При этом в рамках личностно-ориентированного подхода в работе с несовершеннолетними специалистами определяются следующие критерии эффективности профилактической работы: гуманистическая система воспитания в образовательной организации; вживание в воспитательное пространство нравственной и правовой составляющей с учетом возрастных, половых и индивидуальных особенностей несовершеннолетних; гуманистические парадигмы в микросоциуме несовершеннолетних (семья, двор, соседи, группа сверстников); реализация

комплексных профилактических, коррекционно-развивающих, просветительских мер в работе с семьей и личностью несовершеннолетнего и др. [14, с. 74; 23]

Еще одной актуальной проблемой, на которую следует обратить внимание на современном этапе развития российского общества — это значительное возрастание риска распространения экстремистской и террористической идеологии в молодежной среде [18].

Среди базовых документов, нацеленных на решение проблемы профилактики идеологии терроризма и экстремизма в Российской Федерации, можно выделить следующие:

- Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2016—2020 годы»;
- Концепция противодействия терроризму в РФ;
- Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года;
- Стратегия государственной национальной политики РФ на период до 2025 года и др.

Благодаря решительным действиям руководства страны, органов федеральной службы безопасности и министерства внутренних дел практически все неоваххабитские и салафитские структуры, обосновавшиеся в России в 1990-е гг., развалились. Их деятельность на территории Российской Федерации запрещена. Но судя по развернувшейся в интернет-пространстве пропаганде, часть из них, обновив названия (ДАИШ, Джабхат Фатих аш-Шам, Хизб ут-Тахрир, Ат Такфир валь-Хиджра), продолжают действовать в подполье и вовлекать в свои сети в том числе молодежь. Так, согласно исследованиям О.С. Павловой, 80% молодежи попадают в ДАИШ через Интернет [11].

Экстремизм — деятельность общественных и религиозных объединений, либо иных организаций, либо реакций средств массовой информации, либо физических лиц по планированию, организации, подготовке и совершению действий, направленных на: насильственное изменение основ конституционного строя; нарушение целостности РФ; подрыв безопасности РФ; захват или присвоение властных полномочий» [16].

В «Концепции общественной безопасности в Российской Федерации» (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) «... экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности страны, дестабилизацию ее внутривластной и социальной ситуации» определяется как угроза для развития страны и ее национальной безопасности [4]. Экстремизм является одним из основных источников угроз общественной безопасности в Российской Федерации, будучи явлением, влекущим за собой серьезные последствия и для личности, и для общества, и для государства в целом. Очень опасной, распространяющейся и прогрессирующей разновидностью экстремизма является религиозный экстремизм. Под религиозным экстремизмом понимают нетерпимость по отношению к инакомыслящим представителям той же или другой религии. Осознание данного феномена — сложная методологическая задача, так как явление это многоликое, динамично меняющееся и не поддающееся привычному научно-аналитическому исследованию. При этом наиболее уязвимой социальной группой для распространения экстремизма социологами и специалистами психолого-педагогической сферы признается поколение несовершеннолетних граждан РФ. Специалисты в области социологии, педагогики и психологии выделяют следующие методы распространения идей религиозного экстремизма среди несовершеннолетних: размещение пропагандистских материалов в социальных сетях; внедрение в интернет-сообщества; индивидуальная переписка

(пропаганда); повышение уровня организованности и управляемости транснациональными экстремистскими организациями; создание международных сетевых блоков; расширение арсенала форм агитационной деятельности среди молодежи и подростков.

Социологами, психологами и педагогами признается факт снижения возможностей для самореализации подрастающего поколения и включения молодежи в общественные процессы. Данная проблема носит комплексный и системный характер и проявляется в негативной оценке молодежью своих возможностей в самореализации, профессиональной реализации; в росте безразличия к социальной действительности; в ухудшении психологического и социального здоровья; в негативном воздействии социальных сетей (Twitter, Facebook и др.). Среди несовершеннолетних усиливаются такие негативные качества личности, как: равнодушие, нигилизм, тревожность, эгоизм, отсутствие желания конструктивно проводить свой досуг, вялость, безразличие к общественным процессам, страх самостоятельной взрослой жизни, социальное иждивенчество. Данные качества влияют и на трансформацию гражданско-патриотического сознания подрастающего поколения, вследствие чего проявляются идеологическая неустойчивость, стремление к радикальным способам жизнедеятельности, склонность к деструктивным формам социального протеста. Как считают специалисты, основными причинами вовлечения несовершеннолетних в религиозные экстремистские организации являются: желание выделиться, быть интересной личностью; религиозные убеждения; желание самоутвердиться в новой среде; желание привлечь к себе внимание; следование моде; возможность почувствовать себя членом «тайного общества»; вызов обществу, вызов своей семье — форма протеста. По мнению А.Д. Тихоновой, «... в связи с искажением картины окружающей реальности, возникающей под воздействием социальных сетей, у молодежи возникает чувство неопределенности в современном мире, молодежь не всегда умеет конструктивно использовать свободное время, чем и норовят воспользоваться пропагандисты экстремистских идей» [12].

Экстремистские идеи проникают в подростковые группы не столько с низким уровнем культуры, сколько с культурой разорванной, деформированной, нецелостной. В таких группах подростки легко принимают идеологию насилия. Здесь особенно важна работа с родителями, которые должны научиться контролировать: с кем общается подросток; как проводит досуг; какие смотрит передачи; на каких сайтах бывает; чем увлекается; какие книги читает.

Проведя анализ современных исследований в области профилактики идей экстремизма, в том числе религиозного, можно выделить следующие современные социально-педагогические технологии.

Метатехнологии (региональный или муниципальный уровень): разработка планов мероприятий по пресечению возможных экстремистских проявлений; проведение массовых детских, молодежных, спортивных, культурных и других мероприятий регионального (муниципального) масштаба.

Макротехнологии (социально-педагогический уровень): разработка и реализация мер по предупреждению криминальных действий; обеспечение контроля за лицами, склонными к экстремизму; выявление в сети Интернет экстремистских материалов.

Модульно-локальные технологии (методический уровень): модули социально-воспитательного процесса (проведение рейдов в местах массового отдыха и скопления

несовершеннолетних; организация и проведение семинаров, воркшопов мастер-классов с представителями сферы культуры, образования, правоохранительных органов).

Микротехнологии (контактно-личностный уровень): индивидуальное взаимодействие с конкретными лицами (проведение занятий, бесед, психологических тренингов по профилактике экстремизма; вовлечение в социально-культурную деятельность; проведение мероприятий в учреждениях культуры и образовательных учреждениях).

На этом фоне деятельность ряда социальных институтов, в том числе конфессиональных, имеющих исторический опыт духовно-нравственного, в частности, патриотического воспитания, становится весьма актуальной и востребованной. Вопросы идеологического порядка, смысла существования «здесь и сейчас», «там и потом» для молодого человека могут быть соотнесенными с религией. В связи с этим, в современных реалиях образовательного процесса в образовательных учреждениях все чаще встречается так называемый религиозный компонент, который не без успеха используется в том числе как средство профилактики экстремизма. Анализ содержания деятельности образовательных учреждений по направлениям профилактики экстремизма и патриотического воспитания несовершеннолетних с использованием религиозных компонентов позволил выделить основные из них:

- привлечение в качестве преподавателей и учителей священнослужителей;
- организация и проведение конфессионально ориентированных конференций, семинаров, круглых столов;
- включение в планы значимых мероприятий и жизнедеятельность учебного заведения религиозных обрядов (молебн на начало учебного года, освящение памятников, праздничный молебен и др.);
- наличие в учебном плане специализированных дисциплин («Культурно-религиозное наследие России», «Православие и мир», «Церковь как социальный институт и институт воспитания», «Современные нетрадиционные религиозные движения и культы» и др.);
- организация научно-исследовательской и проектной деятельности в рамках написания научных работ, научных проектов по соответствующим тематическим направлениям (например, «Религия против террора», «Религиозное воспитание как основа профилактики экстремизма в подростковом возрасте», «Социально-педагогический потенциал Православной Церкви», и др.);
- организация тематических экскурсий в храмы, мечети и др.;
- привлечение обучающихся к волонтерской социальной деятельности в религиозных учреждениях.

Как показывает опыт педагогической работы, патриотическое воспитание является одним из важных направлений в воспитании подростка с девиантным поведением, т. е. подростка с неадекватной самооценкой, сниженным нравственным контролем, импульсивностью, готовностью к девиантным действиям, своеобразием иерархии ценностей, не придающего большого значения самостоятельности, творчеству, саморазвитию, для которого семья не входит в перечень социально значимых социальных институтов. При этом у 70% таких детей отмечается повышенная потребность в справедливости. Очевидно, для таких ребят необходимы особые методы, средства и, что очень важно, формы патриотического воспитания. Очевидно, что педагогу будет очень сложно через монотонную лекцию в актовом зале донести до подростков с условными сроками значение подвига Осляби и

Пересвета, особенно если сам педагог читал об этом только из учебников истории и никогда не посещал Куликово поле, Троице Сергиеву Лавру, не общался с монахами и священниками.

Подростки с девиантным поведением в большей степени, чем их ровесники, подвержены разрушению системы ценностных ориентиров и особенно тех структур, которые ответственны за патриотизм. На этом фоне возможно формирование экстремизма как крайней формы девиантного поведения. Помочь сохранить, развить или даже создать систему позитивных ценностных установок вполне может конфессиональная составляющая патриотического воспитания, которая реализуется через использование религиозных форм и методов воспитания. Но здесь важно понимать, что соприкосновение с религией для подростка, переживающего кризис, не всегда должно быть и может (в условиях среды, в которой растет подросток с девиантным поведением) сопряжено с походом в Церковь. В.В. Зеньковский предостерегает родителей от распространенных ошибок: «...И как бывает опасно, а порой даже губительно для религиозной жизни подростка, когда в период сложной душевной работы, период тревожных исканий мятущейся души, родители думают не о том, чтобы войти в эту внутреннюю драму души, а заставляют идти в Церковь. Ничего, кроме лицемерия, недоброй враждебности к религиозной жизни, не дают такие меры» [3, с. 169]. Поэтому основная задача взрослых — грамотно использовать различные религиозные методы и формы для патриотического воспитания.

Методы конфессионального воспитания обладают некоторыми особенностями, хотя большинство из них и имеют сходство с методами воспитания, известными общей педагогике. По свидетельству исследователя Э.А. Чурсиной, привычные для светской педагогики, методы в своем общем виде действительны и для конфессиональной педагогики, но в конкретно-практическом плане имеют специфическое наполнение [15, с. 105]. Исследуя вопрос о традициях отечественной педагогики в историко-культурном контексте, предлагается рассматривать методы конфессионального воспитания в контексте общепризнанной в светской педагогике классификации методов воспитания (по критерию направленности) и объединить их в три группы: 1) методы формирования сознания личности (взглядов, убеждений, идеалов); 2) методы организации деятельности и формирования опыта поведения; 3) методы стимулирования поведения и деятельности [15].

В процессе включения религиозных компонентов в профилактику экстремизма и патриотического воспитания, как правило, используются различные формы — урочная система, семинары, лекции, беседы, клубная работа для различных групп верующих, праздничные мероприятия, экскурсии и т. д., знакомые для социальной педагогики в целом, однако приобретающие при этом сакральный смысл, наполняясь специфическим для религиозного воспитания содержанием [6, с. 241—242].

По данным исследования выборки подростков с девиантным поведением (агрессивностью, склонностью к саморазрушающему поведению и зависимостям), видно, что в ряд сложных жизненных ситуаций таких подростков, помимо общих подростковых трудностей, нередко входят криминальные ситуации; в межличностных отношениях часто наблюдается повышенный уровень конфликтности. В связи с этим перечисленные группы методов, конечно, не могут не иметь свое специфическое наполнение.

Если же говорить о личности педагога или человека его заменяющего (например, священника, приглашенного для проведения беседы с подростками), то здесь также следует

говорить об особенностях. Очень полезным для подростков, по мнению педагогов, является взаимодействие со священниками, имеющими опыт службы в армии и владеющими специфическими навыками. Сухое, монотонное, нравоучительное повествование, не подкрепленное живыми примерами и «включенностью» в предмет разговора, вызовет не только негативную реакцию на личность взрослого, но что, наверное, самое печальное, может отвлечь подростков от необходимости актуализации дальнейшего саморазвития.

Применение метода убеждения, а также методов относящихся к третьей группе (таких, как требование) при работе с подростками с девиантным поведением эффективно при создании атмосферы доверия и принятия. Это связано, прежде всего, с некоторыми социально-психологическими особенностями подростков, часто проявляемых ими в поведении и личностной позиции: неадекватная самооценка; сниженный нравственный контроль, который определяется влечениями и желаниями, импульсивностью, готовностью к девиантным действиям; своеобразие иерархии ценностей, в которой не передается большого значения самостоятельности, творчеству, саморазвитию; а также заниженная ценность семьи как социального института. Следует также подчеркнуть: каждый из таких подростков, как правило, длительное время находился в постоянной ситуации неуспешности, статусе «белой вороны», поэтому у большинства из них уже сложился определенный стереотип поведения, соответствующий полученному «ярлыку». Вместе с тем важно помнить, что подростковый возраст, в принципе, «...это пора достижений, стремительного наращивания знаний, умений, становление нравственности и открытия “Я”, обретение новой социальной позиции» [5, с. 7].

По результатам изучения внутрисемейных отношений несовершеннолетних детей с девиантным поведением, исследователями выявляются следующие характерные особенности: тревожность, конфликтность в семье, холодность, пренебрежение, враждебность; примеры правонарушений и преступлений среди родителей и близких родственников; недостаточные психолого-педагогические знания у родителей о возрастных особенностях детей и подростков; непоследовательные стратегии в воспитании, в том числе и на фоне употребления ПАВ; пассивная социальная и личностная позиция родителей. В такой семейной обстановке несовершеннолетние достаточно часто не могут адекватно воспринимать методы воспитания, в связи с чем эти методы становятся малоэффективными, контрпродуктивными или деструктивными.

Наиболее разнообразными и эффективными методами в вопросах патриотического воспитания с конфессиональной составляющей являются методы упражнения и усиления воли, так как связаны с непосредственным участием подростков. Несовершеннолетние сами становятся субъектами деятельности, активными участниками и видят результат своего труда. Реализация данных методов при работе с подростками осуществляется через следующие формы: волонтерская деятельность в храмах; участие в общественном движении «Волонтеры Победы»; участие в акции «Бессмертный полк» (в том числе через увековечивание памяти родственников, которые идентифицировали себя как верующие, увековечивание подвигов священников в Великой Отечественной войне и т. д.); работа с Советами ветеранов; участие в творческих патриотических конкурсах с работами, в которых отражены религиозные ценности; совместные мероприятия с обучающимися воскресных школ (возложение цветов, литературные вечера, дискуссии, посещения ветеранов и участников боевых действий в госпиталях) [7, с. 188—191]. В результате использования такого рода педагогических форм и методов формируются качества личности, отражающие

убеждения и мировоззрение человека, проявляющиеся также и в его поведении.

Заключение

Таким образом, для успешной организации работы по профилактике экстремизма и процесса патриотического воспитания несовершеннолетних с девиантным поведением специалистам следует сочетать в едином комплексе различные формы и методы педагогической работы, в том числе и их конфессиональную составляющую [8, с. 15—24]. Как показывает практика, приведенные выше религиозные компоненты работы с несовершеннолетними могут позволить решать задачи, способствующие минимизации вовлечения молодежи в контркультурные и экстремистские организации, сокращению количества преступлений и правонарушений среди несовершеннолетних. Представляется, что организация образовательного процесса с учетом необходимости усвоения молодежью просоциальных ценностных ориентаций и в целом конструктивной идеологии является залогом успеха в противостоянии идеологии экстремизма и воспитании патриотизма. Понимание этого позволяет в том числе актуализировать и стабилизировать позитивную историческую память, основывающуюся во многом на религиозном и этнокультурном аспектах, попутно содействуя формированию психологически устойчивой образованной личности с патриотическими установками. Последнее обстоятельство является особенно важным, поскольку в вопросе изучения профилактики экстремизма и его различных форм проявления среди основных причин вовлечения подростков в экстремистские организации и принятие экстремистской идеологии учеными описываются именно психологические факторы: одиночество, кризисные ситуации, психологические травмы, потребность в значимости для окружающих, суицидальные наклонности, потребность в структурированности жизненного пространства и пр. Данные факторы могут быть существенно нивелированы при грамотном использовании социально-педагогического потенциала этнокультурных и религиозных социальных институтов и тех применимых для сферы образования компонентов, которыми они обладают. Инклюзию принято характеризовать как конструкцию системы образования, которая признает разнообразие обучающихся в общих группах и принимает ответственность за каждого члена группы [10]. Современная концепция инклюзии на первое место ставит задачу адаптации общества к особенностям составляющих его индивидов.

Литература

1. *Елкин В.* Разработка опросника «Социальное вмешательство и контроль (СВК)» для исследования статических составляющих тоталитарности в религиозных группах // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 146—165. DOI:10.17759/sps.2018090315
2. *Зеленков М.Ю.* Основы теории национальной безопасности: учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2015. 295 с.
3. *Зеньковский В.В.* Проблемы воспитания в свете христианской антропологии. М.: Изд-во Свято-Владим. братства, 1993. 222 с.
4. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 [Электронный ресурс] // Консультант Плюс: справочно-правовая система. Электрон. поисковая прогр. [Б. м.], 1997—2016. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/(дата обращения:

23.02.2019).

5. Леванова Е.А. Развитие психопластики личности // Педагогическое образование и наука. 2016. № 3. С. 7—11.

6. Мудрик А.В. Социальная психология воспитания. М.: Изд-во МПСУ, 2017. 440 с.

7. Никитский М.В., Никитская Е.А. Праздник Рождества Христова и его педагогический потенциал в нравственном воспитании молодежи // Православный ученый в современном мире: духовно-нравственная культура в системе образования. Сборник научных статей VII Международной научно-практической конференции. Воронеж: ИСТОКИ, 2018. С. 188—191.

8. Никитский М.В., Никитская Е.А. Формы и средства религиозного (православного) воспитания в реалиях современной социально-педагогической практики. // Вестник ПСТГУ, Серия 4: Педагогика. Психология. 2014. № 1(32). С. 15—24.

9. Простакишина Ю.А. Смыслоразнозначные ориентации несовершеннолетних, склонных к совершению правонарушений // Перспективы науки и образования. 2018. № 3(33). С. 278—281.

10. Реан А.А., Коновалов И.А. Социально-перцептивный образ различных социальных групп в сознании подростков // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 2. С. 60—80. DOI:10.17759/sps.2018090205

11. Религии и радикализм в постсекулярном мире / Под ред. Е.И. Филипповой и Ж. Радвани. М.: ИЭА РАН, Горячая линия-Телеком, 2017. 326 с. С. 153—171.

12. Тихонова А.Д. Социальные медиа и молодежь: риск радикализации [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 4. С. 55—64. DOI:10.17759/psylaw.2018080406

13. Ульянова И.В., Попова Т.А., Евсеева И.Г. Социально-психолого-педагогическое сопровождение подростков с рискованным поведением в условиях смыслоразнозначной воспитательной системы школы [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 5. 272 с. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=25393> (дата обращения: 30.03.2020).

14. Ульянова И.В. Профилактика делинквентного поведения несовершеннолетних в образовательных организациях // Социосфера. 2014. № 3. С. 72—76.

15. Чурсина Э.А. Православное воспитание как духовная традиция отечественной педагогики: дисс. ... канд. пед. наук. Елец, 2001. 150 с.

16. Федеральный закон "О противодействии экстремистской деятельности" от 25.07.2002 N 114-ФЗ (с изменениями и дополнениями от: 8 декабря 2020 г.) <https://base.garant.ru/12127578/>

17. Федеральный закон «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24.06.1999 № 120-ФЗ (ред. от 03.07.2016) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/.html (дата обращения: 30.03.2020).

18. Яхьяев М.Я., Исаева Э.Г., Сутаева А.Р. Социально-психологические аспекты противодействия терроризму в мультикультурном пространстве // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 2. С. 46—59. DOI:10.17759/sps.2018090204

19. Biderman's Chart of Coercion in Amnesty International report on Torture. London, Gerald Duckworth & Co, 1975. P. 53

20. *Bonewits I.*, The Advanced Bonewits' Cult Danger Evaluation Frame [Электронный ресурс]. URL: <https://neopagan.net/ABCDEF.html> (дата обращения: 30.03.2020).
21. *The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics* // Berger P. Grand Rapids, Mich. Erdmans Publishing, 1999.
22. *Chambers W.V. Ph.D.; Langone M.D. Ph.D.; Malinoski P.M.* The Group Psychological Abuse Scale. Presented to Division 36 (Psychology of Religion), American Psychological Association Annual Meeting, Toronto, Canada August, 12, 1996.
23. *Salakhova V.B., Shulga T.I., Erofeeva M.A., Ulyanova I.V., Malkina O.B., Klimova E.M., Evenko S.L.* Dynamics of the value-motivation sphere under the influence of socio-psychological correction in a person prone to deviant behavior *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 2018. Vol. 8. № 12. P. 32—45.

References

1. Elkins V. Razrabotka oprosnika «Sotsial'noe vmeshatel'stvo i kontrol' (SVK)» dlya issledovaniya staticheskikh sostavlyayushchikh totalitarnosti v religioznykh gruppakh // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*. 2018. Tom 9, no. 3, pp. 146—165. doi:10.17759/sps.2018090315
2. Zelenkov M.Yu. *Osnovy teorii natsional'noi bezopasnosti: uchebnik dlya studentov vuzov*. Moscow: YuNITI-DANA, 2015. 295 p.
3. Zen'kovskii V.V. *Problemy vospitaniya v svete khristianskoi antropologii*. Moscow: Izd-vo Svyato-Vladim. bratstva, 1993. 222 p.
4. Kontseptsiya obshchestvennoi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda [Elektronnyi resurs]: ukaz Prezidenta RF ot 12 maya 2009 g. № 537 [Elektronnyi resurs] // Konsul'tant Plyus: spravочно-pravovaya sistema. Elektron. poiskovaya progr. [B. m.], 1997—2016. www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154602/(data obrashcheniya: 23.02.2019).
5. Levanova E.A. Razvitiye psikhoplastiki lichnosti. // *Pedagogicheskoe obrazovanie i nauka*, 2016, no. 3, pp.7-11.
6. Mudrik A.V. *Sotsial'naya psikhologiya vospitaniya*. Moscow: Izd-vo MPSU, 2017.440 p.
7. Nikitskii M.V., Nikitskaya E.A. Prazdnik Rozhdestva Khristova i ego pedagogicheskii potentsial v нравstvennom vospitanii molodezhi // *Sbornik nauchnykh statei VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Pravoslavnyi uchenyi v sovremennom mire: dukhovno-nravstvennaya kul'tura v sisteme obrazovaniya»*. Voronezh: ISTOKI, 2018. pp.188-191.
8. Nikitskii M.V., Nikitskaya E.A. Formy i sredstva religioznogo (pravoslavnogo) vospitaniya v realiyakh sovremennoi sotsial'no-pedagogicheskoi praktiki. // *Vestnik PSTGU, Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*, 2014, no. 1 (32), pp.15-24.
9. Prostakishina Yu.A. Smyslozhiznennye orientatsii nesovershennoletnikh, sklonnykh k soversheniyu pravonarushenii // *Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 2018, no. 3(33), pp.278-281.
10. Rean A.A., Konovalov I.A. Sotsial'no-pertseptivnyi obraz razlichnykh sotsial'nykh grupp v soznanii podrostkov // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2018, Tom 9, no. 2, pp. 60—80. doi:10.17759/sps.2018090205
11. *Religii i radikalizm v postsekulyarnom mire / Pod red. E.I. Filippovoi i Zh. Radvani*. - M.: IEA RAN, Goryachaya liniya-Telekom, 2017, pp.153-171.
12. Tikhonova A.D. Sotsial'nye media i molodezh': risk radikalizatsii [Elektronnyi resurs] // *Psikhologiya i pravo*, 2018. Tom 8, no. 4, pp. 55—64. doi:10.17759/psylaw.2018080406.

13. Ul'yanova I.V., Popova T.A., Evseeva I.G. Sotsial'no-psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie podrostkov s riskovannym povedeniem v usloviyakh smyslozhiznennoorientatsionnoi vospitatel'noi sistemy shkoly // *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2016. no. 5, 272 p. URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=25393> (data obrashcheniya 30.03.2020)
14. Ul'yanova I.V. Profilaktika delinkventnogo povedeniya nesovershennoletnikh v obrazovatel'nykh organizatsiyakh. *Sotsiosfera*. 2014, no. 3, pp. 72-76.
15. Chursina E.A. Pravoslavnoe vospitanie kak dukhovnaya traditsiya otechestvennoi pedagogiki. diss. ... kand.ped.nauk. Elets, 2001. 150 p.
16. Federal'nyi zakon "O protivodeistvii ekstremistskoi deyatel'nosti" ot 25.07.2002 N 114-FZ (s izmeneniyami i dopolneniyami ot: 8 dekabrya 2020 g.) <https://base.garant.ru/12127578/>
17. Federal'nyi zakon «Ob osnovakh sistemy profilaktiki beznadzornosti i pravonarushenii nesovershennoletnikh» ot 24.06.1999 № 120-FZ (red. ot 03.07.2016) [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23509/.html (data obrashcheniya: 30.03.2020)
18. Yakh'yaev M.Ya., Isaeva E.G., Sutaeva A.R. Sotsial'no-psikhologicheskie aspekty protivodeistviya terrorizmu v mul'tikul'turnom prostranstve // *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, 2018. Tom 9, no. 2, pp. 46—59. doi:10.17759/sps.2018090204
19. Biderman's Chart of Coercion in Amnesty International report on Torture. London, Gerald Duckworth & Co. 1975. P. 53
20. Bonewits I., The Advanced Bonewits' Cult Danger Evaluation Frame [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://neopagan.net/ABCDEF.html>] (дата обращения: 30.03.2020)
21. The Desecularization of the World. Resurgent Religion and World Politics// Berger P. Grand Rapids, Mich. Erdmans Publishing, 1999.
22. Chambers W.V. Ph.D.; Langone, M.D. Ph.D.; Malinoski, P.M. The Group Psychological Abuse Scale. Presented to Division 36 (Psychology of Religion), American Psychological Association Annual Meeting, Toronto, Canada August, 12, 1996.
23. Salakhova V.B., Shulga T.I., Erofeeva M.A., Ulyanova I.V., Malkina O.B., Klimova E.M., Evenko S.L. Dynamics of the value-motivation sphere under the influence of socio-psychological correction in a person prone to deviant behavior *Modern Journal of Language Teaching Methods*, 2018. T. 8, no. 12, pp. 32-45.

Информация об авторах

Никитская Екатерина Александровна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности, Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-3187-6534, e-mail: katamax@yandex.ru

Information about the authors

Catherine A. Nikitskaya, PhD in in Pedagogy, associate Professor, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: 0000-0003-3187-6534, e-mail: katamax@yandex.ru

Получена 30.05.2020

Принята в печать 02.02.2021

Received 30.05.2020

Accepted 02.02.2021

Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория

Малько А.В.

Поволжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Саратов, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>, e-mail: alex25-58@mail.ru

Субочев В.В.

ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3536-4707>, e-mail: vvsuchochev@mail.ru

В статье предпринимается попытка обоснования и введения в научный оборот категории «политико-правовое манипулирование», которая позволит выйти на новый уровень исследования тесно коррелирующих психологических, политических и правовых средств, воздействующих на общественное сознание.

Отстаивается точка зрения, согласно которой исследуемая категория создает своеобразный методологический трамплин в исследовании двух важнейших аспектов масштабного процесса политико-правового воздействия на общественные процессы: а) юридических механизмов, средств, приемов и техники реализации политических манипуляций; б) воздействия политической конъюнктуры на само право, на правотворческие, правореализационные и правоинтерпретационные процессы в государствах.

Политико-правовое манипулирование рассматривается как одна из форм психологического воздействия на общественные отношения, в которой синтезируются психологические, политические и правовые средства.

В статье подробно исследуются природа, сущность и признаки политико-правового манипулирования, его основные цели и задачи, а также тот набор средств, который и придает специфику именно данной разновидности манипулирования.

Ключевые слова: манипулирование, политико-правовое манипулирование, политические процессы, политическое средство, правовое средство, психологическое воздействие, психологический феномен, правовое регулирование, правовая политика, международные отношения; международное право.

Малько А.В., Субочев В.В.
Политико-правовое манипулирование как
психологический феномен и научная категория
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 163—180.

Malko A. V., Subochev V. V.
Political and legal Manipulation as a Psychological
Phenomenon and a Scientific Category
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 163—180.

Для цитаты: Малько А.В., Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как психологический феномен и научная категория [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 163—180. DOI:10.17759/psylaw. 2021110113

Political and legal Manipulation as a Psychological Phenomenon and a Scientific Category

Alexander V. Malko

Volga Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice", Saratov, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>, e-mail: alex25-58@mail.ru

Vitaly V. Subochev

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3536-4707>, e-mail: vvsubochev@mail.ru

The article attempts to justify and introduce the scientific term of "political and legal manipulation" that will make it possible to reach a new level of discussion of closely coupled psychological, political and legal means influencing the public consciousness.

It is maintained that the term under discussion offers a kind of a methodological stepping stone in the research of the two most important aspects of a far-reaching process of political and legal influence on social processes: a) legal mechanisms, tools, tricks and techniques of carrying out certain political manipulations; b) the impact of political expediency on the law itself, on the processes of lawmaking, implementation and interpretation of law within nations of the world.

Political and legal manipulation is viewed as a form of psychological impact on the social relations combining psychological, political and legal means.

The article studies in detail the nature, essence and indicators of political and legal manipulation, its main goals and objectives, as well as the selection of tools that lends such a specific character to this kind of manipulation.

Keywords: manipulation, political and legal manipulation, political processes, political tool, legal means, psychological impact, psychological phenomenon, legal governance, legal policy, international relations, international law.

For citation: Malko A. V., Subochev V. V. Political and legal Manipulation as a Psychological Phenomenon and a Scientific Category. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 163—180. DOI:10.17759/psylaw. 2021110113 (In Russ.).

Введение

Современный этап развития государств и государственности как таковой уже невозможно представить без огромного арсенала политико-правовых средств и инструментов, которые используются как для оптимизации управляющего воздействия на общественные процессы

внутри страны, так и для успешного позиционирования и отстаивания ключевых национальных интересов на международной арене. В условиях сложившихся геополитических реалий все острее становятся дискуссии о том, что же делает государство эффективным, состоятельным [1] и как измерить, а главное, повысить данные показатели.

Вполне очевидной стала неразрывная связь политических и правовых (юридических) инструментов, используемых публичной властью для реализации как стратегических, так и тактических целей общественного развития. Публичная политическая власть реализуется при помощи права, юридических средств и механизмов, в то время как принимаемые властными органами правовые нормы не могут не ориентироваться и все чаще увязываются с политическими обстоятельствами, обусловившими или, по крайней мере, сопутствующими их принятию. Искусственное разделение политического и правового регулирования в масштабах государственного управления — это оторванное от реалий, устаревшее представление о «политическом» и «правовом» как самостоятельных сферах общественной жизни.

В этой связи, вполне очевидно, актуализируется необходимость продолжения исследования категории «правовая политика». Следует понимать, что «... каждой категории — свое время. В XXI веке активно формируется категория правовой политики, отражающая собой многогранную реальность: процессы оптимизации права, пути правового развития общества, способы полноценного выстраивания его правовой системы и т. д. Категория «правовая политика» начинает формироваться, по сути, только тогда, когда возникает жизненная необходимость в явлении «правовая политика», в соответствующей системной, последовательной и научно обоснованной деятельности в сфере правового регулирования, когда право начинает высоко цениться и с ним связывают возможность усовершенствования государства — доведения его до уровня правового государства» [7].

Если на протяжении многих веков ученые увлеченно исследовали то, как сделать политику правовой [12; 8; 9], как «связать» государство и сам процесс управления правом, то сегодняшнее состояние политической и правовой науки свидетельствует уже о смещении акцента в сторону повышения эффективности использования юридических средств в государственном (политическом) управлении и оптимизации политического воздействия при помощи соответствующего юридического инструментария. Тот же факт, что политическая власть сегодня неразрывно связана с юридическими механизмами ее завоевания, удержания и реализации, никем, по большому счету, не оспаривается.

Постановка проблемы

Повышение эффективности современного государственного управления, укрепление позиций государств на международной арене, успешное ведение информационных войн и разработка механизмов противостояния нежелательной пропаганде требуют практически ежедневного совершенствования именно политико-правового инструментария, находящегося в распоряжении современных государств. Процессы либерализации и демократизации моделей государственного развития и управления, проходящие на фоне глобализации и жесточайшей международной конкуренции, борьбы за новые рынки сбыта, природные, энергетические и информационные ресурсы, с очевидностью требуют и новых методов и способов воздействия на политико-правовое сознание и общественные процессы. В сфере действия политико-правового инструментария оказались чувства и настроения людей, их потребности, переживания, мотивы, способы восприятия окружающих реалий и осознания действительности, образование и даже наука [5; 6].

Сказанное обусловило тот очевидный факт, что манипулирование, осуществляемое в самых разных формах, стало неотъемлемым элементом и ресурсом политико-правового воздействия на общественные отношения, средством достижения целей в глобальной политике и международных отношениях. Отрицать все возрастающую роль манипулятивного воздействия на общественные процессы со стороны субъектов государственного управления и международной политики — значит игнорировать реалии и не замечать очевидного.

Вместе с тем, если психологические, финансовые, экономические и политические манипуляции стали предметом исследования большого количества специалистов и получили должную, адекватную сегодняшним реалиям разработку, то **правовые** средства и механизмы манипулятивного воздействия на общественные процессы остаются вне традиционных рамок научных исследований и дискуссий, что приводит не только к явным диспропорциям в ракурсе научных исследований природы, видов и форм манипуляций, но и существенно обедняет исследование потенциала государственного управления, самого права и его роли в развитии современного общества. Более того, каким бы глубоким не был бы анализ манипуляций в политической сфере, он, по нашему убеждению, всегда будет недостаточно полным и объективным вне корреляции с правовыми инструментами манипулятивного воздействия.

Всестороннее исследование политических средств воздействия на общественные процессы не может осуществляться вне анализа того огромного массива масштабных управленческих решений, которые принимаются именно в правовой форме (законы и подзаконные акты, указы, распоряжения, уставы и учредительные документы, международные соглашения и договоры, пакты, соглашения, конвенции, протоколы и т. д.).

Парадоксально, но акцент на правовых механизмах осуществления политических манипуляций не делается даже и тогда, когда в научных исследованиях данные юридические средства, по большому счету, и затрагиваются. Сложившаяся научная традиция не стимулирует исследователей сместить акцент на описание именно тех юридических инструментов, которые и повышают эффективность политических манипуляций, и тем самым существенно обогатить свой анализ.

Сказанное, по нашему мнению, объясняется, в том числе, отсутствием «сотрудничества» между юристами, политологами и психологами в исследовании такой важнейшей формы политико-правового воздействия на общественное сознание, как манипулирование. Полагаем, что введение в научный оборот такой категории, как «политико-правовое манипулирование», данный пробел восполнит и позволит всесторонне изучить следующие две стороны масштабного процесса политико-правового воздействия на общественные процессы:

- юридические механизмы, инструменты, средства, приемы и технику реализации политических манипуляций;
- воздействие политической конъюнктуры на само право, на правотворческие, правореализационные и правоинтерпретационные процессы в государствах, протекающие, что уже давно очевидно, далеко не изолированно от политической воли субъектов управленческого процесса.

Необходимость в обобщающей категории «политико-правовое манипулирование» назрела уже достаточно давно и отрицать тот факт, что право и юридический инструментарий также могут выступать и в качестве средства манипулирования и одновременно его объекта, —

значит не видеть за деревьями леса.

Природа и понятие политико-правового манипулирования

Безусловно, манипуляции в различных сферах — политической, юридической, финансовой, экономической, в сферах интернет-технологий, лингвистического программирования и т. д. — имеют общие черты, присущие манипуляции в целом как комплексной и собирательной категории. Вместе с тем далее в статье мы попытаемся обосновать, что именно политико-правовое манипулирование — это тот органический синтез, который позволяет вне искусственного разделения всесторонне изучить политические и правовые реалии в процессе управляющего воздействия публичной власти на общественные отношения. Правовые акты — важнейшая форма реализации, воплощения в действительность политических решений. Политические же решения не могут не трансформировать тот юридико-правовой инструментарий, которым и располагает публичная власть.

Обращаясь непосредственно к содержанию категории «политико-правовое манипулирование», отметим, что сам термин «манипуляция» имеет ярко выраженный психологический контекст и трактуется как одно из древнейших средств достижения целей человеческой деятельности [10], как стремление изменить восприятие или поведение других людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики [17].

Е.Л. Доценко под манипуляцией предлагает понимать вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у другого человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями [2]. Автор предлагает и иные трактовки (интерпретации) манипуляции, понимая под ней также вид психологического воздействия, при котором мастерство манипулятора используется для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент; вид психологического воздействия, направленного на неявное побуждение другого к совершению определенных манипулятором действий [2]. Все из предложенных ученым трактовок объединяют следующие признаки манипуляции: психологическое воздействие как родовой признак; отношение к манипулятору как к средству достижения собственных целей и получения собственного, одностороннего выигрыша; скрытый характер воздействия и использование психологических приемов, позволяющих играть на слабостях объекта манипуляции.

Т.А. ван Дейк также подчеркивает, что психологическое воздействие присуще любой из форм манипуляции, которая и представляет собой разновидность коммуникативной практики и практики взаимодействия (communicative and interactional practice), при которой манипулятор осуществляет контроль над другими людьми, как правило, против их воли и вопреки их интересам [21]. Т.А. ван Дейк рассматривает манипуляцию через призму злоупотребления властью (abuse of power), при которой оказывается незаконное воздействие посредством дискурса — манипуляторы заставляют других людей верить во что-либо или делать то, что на самом деле выгодно лишь манипулятору и не совпадает с интересами самих манипулируемых. Тем не менее, автор полагает, что манипуляцию как форму неправомерного воздействия (illegitimate influence) на поведение людей следует отличать от правомерного убеждения (legitimate persuasion). Ключевое отличие между двумя обозначенными формами воздействия заключается в том, что в последнем случае собеседник свободен в выборе своих убеждений и поступков в зависимости от того, согласен ли он с

демонстрируемой аргументацией или нет. В случае же с манипулированием собеседникам отводится лишь пассивная роль — они жертвы манипуляции и не способны понять истинных намерений манипулятора или осознать реальные последствия навязываемых убеждений или действий [21]. Особенно часто данная ситуация может иметь место в случае недостатка специальных познаний в какой-либо области у объекта манипуляции, позволяющих ему противостоять оказываемому воздействию [29]. Вместе с тем Т.А. ван Дейк признает, что граница между неправомерной манипуляцией и правоммерным убеждением весьма размыта. Так, некоторыми объектами можно манипулировать при помощи той информации, которая не сможет достичь аналогичного результата с другими, либо же одни и те же объекты могут быть в принципе более или менее подвержены манипуляции в зависимости от различных обстоятельств, настроения, мировоззрения и других факторов [21].

В любом случае, манипулятивные технологии неразрывно связаны с циркулированием информации в обществе, направленностью и спецификой образовательных процессов [18; 5; 3] и во многом зависят от социальной среды или социокультурного поля, в рамках которого осуществляется воздействие на конкретную личность, социальную группу или общество в целом.

Подходы к различным видам манипуляций в большинстве своем опираются на упомянутые выше основополагающие критерии манипуляции, которые вполне вписываются в кантовскую формулу высшего принципа нравственности: «... поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [4]. Использование объекта информационного воздействия как средства в достижении определенных целей субъекта воздействия и есть основополагающий критерий манипуляции, который, в свою очередь, предопределяет другие признаки рассматриваемого явления — скрытый характер воздействия, психологическую обработку адресата информации, оптимальные обстоятельства способ и время подачи информации и т. д.

Наряду с психологическим воздействием, другим «родовым», обобщающим критерием манипуляций выступает язык или речь как основное средство воздействия на предполагаемые объекты. В отмеченной связи следует солидаризироваться с позицией Т.А. ван Дейка, заключающейся в том, что своеобразная триада манипуляции (которую автор обозначает как «triangulation framework») представляет собой неразрывную связь между дискурсом (discourse), восприятием или когнитивной деятельностью (cognition) и обществом (society) [22]. Другими словами, манипулятивное воздействие осуществляется на сознание людей (cognition) при помощи текстуального и речевого воздействия (discourse) в обществе взаимодействующих между собой индивидов (society), пользующихся властью и ею же злоупотребляющих [22].

Манипуляциям в политическом дискурсе СМИ, фразеологическим манипуляциям и эффективному речевому воздействию на аудиторию также посвящено немало научных исследований [24; 20; 26; 27]. Различные специалисты вполне убедительно обосновывают позицию, согласно которой язык и речь выполняют две важнейшие, в рамках нашего контекста исследования, функции: мыслеформирующую функцию и функцию формирования реальности. Язык, обладая целым набором лексических ограничений и правил, задает определенные рамки мышлению и, будучи своеобразной призмой, через которую человек воспринимает мир, формирует реальность посредством многочисленных и, зачастую доведенных до автоматизма, когнитивных операций [37]. Манипулятивные технологии в

данной сфере нацелены, прежде всего, на уже сформированные у человека стереотипы мышления, поведенческие установки, мировоззрение, систему ценностей, предубеждения и т. д. В результате подобного воздействия, сознательная и во многом подсознательная интерпретация полученной информации инициирует такие некритические мыслительные процессы [27], которые и приводят к желательному для манипулятора поведению в силу действия перлокутивного эффекта.

Таким образом, три основополагающих составляющих манипулятивного воздействия любого вида — дискурс, когнитивная деятельность и коммуникация в рамках определенного социокультурного поля — и определяют использование манипуляций в самых разных сферах общественных отношений с использованием многообразных изощренных технологий.

Одним из самых распространенных видов манипуляции является политическая манипуляция или манипуляция в политической сфере, которая зачастую определяется как скрытое управление политическим сознанием или поведением людей с целью принудить их действовать (или бездействовать) вопреки собственным интересам [19; 11]. Основная стратегическая цель политического манипулирования — получение, удержание и сохранение власти, что позволяет некоторым общественным деятелям утверждать, что политическая деятельность сама по себе и есть уже определенное манипулирование. В любом случае, манипулирование в различных формах присуще политической деятельности с древнейших времен и далеко не беспочвенны точки зрения, которые пытаются обосновать то, что сами манипуляции бывают необходимыми и полезными [14].

Вместе с тем основная задача политического манипулирования — это все-таки не принуждение определенных групп людей или индивидов действовать вопреки собственным интересам, но вести себя в соответствии с волей и желанием субъекта управления ради реализации его целей.

Политическая деятельность и политическое манипулирование, несмотря на разнообразные технологические приемы и средства, всегда происходят в рамках определенного правового поля, очерченного законодательством конкретного государства либо международным правом. Если речь идет не просто о манипуляции как таковой, ее психологических, лингвистических, пропагандистских и т. д. приемах и способах, а именно о манипуляции политической, связанной с определенными формами институционализации и объективации политической деятельности, то правовой контекст данного феномена сразу же становится очевиден.

Он может проявить себя в достаточно глобальных вопросах, связанных, например, с тем, может ли, демократическое правительство (*democratic government*) манипулировать интересами людей без потери своей легитимности (*democratic legitimacy*) [25] и в чем же преимущества мажоритарного управления, если психологические особенности поведения большинства и отсутствие необходимой компетенции или же просто эрудиции у масс априори не приводят к доминированию более разумных и взвешенных концепций? Как найти законный компромисс между неэтичным манипулированием в демократическом обществе и неизбежностью катастрофических последствий в случае отсутствия управления мнением большинства в объективно востребованном для государства и самого же общества сценарии развития?

Помимо сказанного, упомянутый выше правовой контекст еще более зримо присутствует в законодательном регламентировании практически любых политических процессов и

технологий, начиная от организации и проведения выборов, использования избирательных приемов и процедур, способов ведения предвыборной агитации, взаимодействия с электоратом, парламентских дискуссий и заканчивая формированием коалиций, союзов, организаций, стратегии и тактики международных отношений, заключением и реализацией международных соглашений и т. д.

Безусловно, категория «политическое манипулирование» не только имеет право на существование, но и отражает саму специфику политического и управленческого процесса практически любого масштаба. Вместе с тем, во многих случаях именно категория «политико-правовое манипулирование» будет более объективно отражать те же самые политические процессы, увязывая происходящее с правовым полем, с той регламентацией самой сути политической деятельности, вне рамок которой политика заканчивается, а начинается откровенный хаос и анархия вне зависимости от формы правления или типа политического режима.

Таким образом, под политико-правовым манипулированием мы предлагаем понимать способ воздействия на общественные отношения политическими и правовыми средствами, представляющий собой стремление изменить восприятие или поведение людей при помощи скрытой, обманной или насильственной тактики или стратегии.

Признаки политико-правового манипулирования

Предлагаем выделять следующие признаки политико-правового манипулирования.

1. Политико-правовое манипулирование — это форма психологического воздействия на общественные отношения с использованием политических и/или правовых (политико-правовых) средств, технологий и инструментов. Недооценка психологических аспектов управленческих процессов, определенных когнитивных искажений, равно как и дисфункциональных склонностей различных категорий участников общественных отношений [2] не позволяет эффективно манипулировать сознанием и интересами граждан, отдельных социальных групп и общества в целом.
2. Объекты политико-правового манипулирования используют его субъектов лишь как средство достижения собственных политических или правовых целей, даже если результат манипуляционного воздействия, при определенном стечении обстоятельств, может совпадать с истинными интересами и потребностями манипулируемых.
3. Политико-правовое манипулирование носит скрытый, неявный характер. При этом объекты манипуляций не осознают (либо не полностью осознают) как сам факт манипуляции, так и/либо направление, результат, конечную цель манипуляции. Вместе с тем прямой обман или откровенная ложь манипулированием не являются.

Насильственная же тактика или стратегия, упомянутая в определении политико-правовой манипуляции и используемая ее субъектами, также предполагает оставление объектов манипуляции в неведении относительно истинных целей и замыслов субъектов манипуляции, даже если изменение настроений и ожиданий в обществе, самих способов регулирования отношений в какой-либо сфере опирается на использование таких юридических средств, как ужесточение наказаний, распространение запретов, использование иных императивных методов воздействия, что и понимается под насильственной тактикой и стратегией. Помимо сказанного, насильственная тактика предполагает навязывание определенных шаблонов поведения, стереотипов, социальных мифов и т. д.

4. Политико-правовое манипулирование активно использует настроения и ожидания населения (манипулируемых субъектов), его потребности и запросы для избрания тактики

манипулятивного воздействия, его стратегии и тех средств, которые оптимально впишутся в структуру общественных отношений, сложившуюся в конкретной сфере.

5. Политико-правовое манипулирование осуществляется преимущественно органами/структурами либо отдельными субъектами публичной власти, наделенными административно-распорядительными, правотворческими, правоприменительными или иными властными полномочиями.

6. Политико-правовое манипулирование — это правомерная деятельность, несмотря на то, что, зачастую, поведение субъекта манипулирования нельзя назвать этичным и соответствующим моральным критериям, принятым в данный момент в обществе.

Формальная правомерность политико-правового манипулирования вновь придает актуальность вопросам о соотношении права и морали, права и справедливости, права и целесообразности [23]. Вновь актуализируется дискуссия о «правовом законе», о том, может ли быть закон или иной нормативно-правовой акт, принятый с соблюдением всех установленных критериев, признан неправовым и, если все-таки может, то какова должна быть судьба этого нормативно-правового акта и последствия для тех, кто его нарушает. Можно ли нарушать неправовым закон и кто уполномочен вынести вердикт о неправомерном характере закона?

Данные вопросы, несмотря на свой философский характер и длительную историю обсуждения, являются далеко не риторическими. Но, тем не менее, даже злоупотребление правом, в каких бы интересах оно ни совершалось, не является формой противоправного поведения, влекущей за собой наказание или какую-либо иную юридическую ответственность.

В силу сказанного, несмотря на обманную, скрытую и, в определенных случаях, насильственную тактику и стратегию, политико-правовое манипулирование не нарушает действующее законодательство и вписывается в то правовое поле, границами которого и очерчена деятельность субъектов манипуляции.

Противоправная же активность — это не политико-правовое манипулирование, а преступление либо проступок, за совершение которого предусмотрена юридическая ответственность в соответствии с действующим законодательством.

Сказанное позволяет сформулировать некоторые выводы.

1. Политико-правовое манипулирование не имеет ничего общего с правонарушением и ответственность за его осуществление может быть лишь политической или моральной, проявляющейся в различных формах общественного либо политического воздействия на субъект манипуляции или в его определенных репутационных рисках.

2. Политико-правовое манипулирование, несмотря на использование обманной и скрытой тактики, прямым обманом не является. Политико-правовое манипулирование тоньше, дипломатичнее, изощреннее, нежели обман или откровенная ложь (в которой, кстати, в отличие от манипуляций, легко уличить).

К примеру, на вопрос о том, какая дорога ведет в Петербург, субъект манипуляции ответит либо правильно, либо убедит объект манипуляции свернуть на Москву, красноречиво продемонстрировав преимущества как самого пути, так и города в целом (если это то, что и пытается добиться субъект манипуляции). В итоге, объект манипуляции сворачивает в сторону Москвы, несмотря на свои первоначальные интересы и прочие резонные и, главное, объективные доводы в пользу Петербурга. В итоге, даже осознав через некоторое время, что он стал жертвой манипуляции, объект манипуляции никого винить в

этом не сможет — его не обманули (ведь два направления ему были указаны правильно) и не принуждали к выбору (ведь, в конечном итоге, решение принимал он сам). Вместе с тем технологии, которыми пользовался субъект манипуляции, изначально заинтересованный в том, чтобы сбить объект манипуляции с избранного им пути, были, безусловно, скрытными и обманными — объект манипуляции удовлетворил не свой интерес, а интерес субъекта манипуляции (не подозревая этого), в то время как последний изначально четко осознавал как свои интересы, так и истинные намерения объекта манипуляции.

3. Политико-правовое манипулирование трансформирует и деформирует реальную, объективную картину политико-правовых процессов, подменяет интересы объектов манипуляций интересами субъектов манипуляций, что может привести к достаточно серьезным общественным диспропорциям. В данном контексте политико-правовое манипулирование даже опаснее, нежели насилие. Жертва насилия осознает реальность и то, что она подверглась грубому и незаконному (неправовому) воздействию со стороны агрессора, оставаясь либо при своих убеждениях, либо осознанно трансформируя их в безвыходной ситуации. Жертвы или объекты политико-правового манипулирования «подвоха» не замечают. Им кажется, что они действуют, исходя из своих интересов или интересов своих близких, находясь на самом деле под воздействием манипулятивных технологий — не видя «врага» и не замечая своих же ошибок.

В отмеченной связи можно обратить внимание на весьма показательный пример использования в манипулятивных целях страдающей синдромом Аспергера пятнадцатилетней шведской «эко-активистки» Греты Тунберг, которая, равно как и ее так называемые «последователи», искренне верит в справедливость своих лозунгов и в то, что она не является марионеткой в руках влиятельных лоббистов. Как иронично подмечается в российской прессе, «Грета утверждает, что всего добилась сама, став "иконой" борьбы за экологию. Но недоверчивые взрослые полагают иначе, пофамильно назвав тех, кто лепил из Тунберг "гуру апокалипсиса"» [15]. Раскрутка эко-активистки стала набирать обороты, и вот уже «... лютеранская церковь в шведском Мальмё объявила о духовной связи больного подростка с Иисусом, а мать Греты сообщила о наличии у нее сверхспособностей. Чего, правда, не замечали в ней прежде одноклассники. Всего за год из нездорового шведского подростка-вегана инвесторы слепили не банальную экоактивистку, а "пророка", способного увлечь за собой сверстников» [15].

Субъекты манипуляции добились поставленных целей, подменив реальную картину мира у подростка и его последователей, тем самым заставив их искренне верить в необходимость совершаемых действий и в полную самостоятельность и оригинальность предпринимаемых действий.

4. Противостоять политико-правовым манипуляциям намного сложнее, чем манипуляциям иных видов в силу, как правило, высокого статуса субъектов данных манипуляций, которыми могут выступать, и зачастую выступают, государства, высшие должностные лица и органы государственной власти, местного самоуправления, структуры гражданского общества и т. д.

Вновь мы наблюдаем теснейший синтез политических, правовых, равно как и психологических, средств манипулятивного воздействия, что и позволяет вести речь о политико-правовом манипулировании как *психологическом феномене* и особой научной категории.

Цели, задачи и средства политико-правового манипулирования

Целью политико-правового манипулирования является удовлетворение интересов субъектов публичной власти (субъектов манипулятивного воздействия), заключающихся в завоевании, удержании и реализации политической власти за счет и в ущерб интересам иных участников общественных отношений, выступающих объектами манипуляций.

К основным задачам политико-правового манипулирования предлагаем относить следующие:

- создать нужную атмосферу или психологический климат в обществе;
- сформировать или изменить восприятие или отношение в обществе к определенным субъектам, фактам, процессам и т. д.;
- обеспечить контроль или облегчить управление какими-либо процессами;
- защитить сложившуюся систему ценностей, идеологию, ход событий, конкретных субъектов и т. д.;
- установить доминирование в какой-либо сфере;
- сформировать нужные отношения с объектами манипуляции или же получить от них требуемую информацию;
- донести конкретную информацию до собеседников, обеспечить внедрение в сознание определенной идеологии, концепции и т. д.

К средствам данного вида манипулирования относится самый широкий спектр политико-правовых, а также *психологических инструментов*, начиная от информационного и пропагандистского воздействия, политических заявлений, решений и заканчивая сугубо юридическими средствами [6].

К юридическим средствам политико-правового воздействия считаем целесообразным отнести:

- нормативно-правовые акты, издаваемые любыми компетентными органами — субъектами публичной власти;
- правореализационные акты, среди которых особое место занимают акты применения права. Именно правоприменительная деятельность, реализуемая властными субъектами, позволяет координировать общественные отношения в нужном объекту манипуляции русле без использования особых информационных и материальных ресурсов в силу действия субординационных процессов, присущих вертикали власти;
- акты толкования права, среди которых в первую очередь следует выделять акты официального, профессионального и научного толкования права. В отмеченном контексте следует согласиться с точкой зрения, высказанной еще в 1946 г. Д. Брирли, что в процессе своего толкования тексты даже конституций преобразуются до такой степени, которую и представить бы себе не смог кто-либо, читающий текст основного закона в момент его принятия [18].

Особое место среди юридических средств, широко используемых при осуществлении политико-правовых манипуляций, принадлежит юридическим стимулам (субъективные права, льготы, поощрения, премии, дозволения, привилегии, иммунитеты и т. д.) и ограничениям (юридические обязанности, запреты, штрафы, ответственность и т. д.), умелое сочетание которых образует эффективные механизмы правового регулирования или даже правовые режимы, благоприятствующие удовлетворению интересов субъектов манипуляций.

Политико-правовое манипулирование как метод анализа

Рассмотрим некоторые примеры политико-правовых манипуляций, которые вряд ли можно всесторонне проанализировать через призму исключительно политического или же

лишь правового манипулирования.

Масштабный процесс приватизации в России, который начался, по сути, в момент закрепления данного понятия в Законе РСФСР от 24.12.1990 г. № 443-1 «О собственности в РСФСР» проходил под лозунгом обеспечения надлежащих условий для построения и функционирования эффективной рыночной экономики, создания класса частных собственников, бережно и эффективно управляющими переданными им объектами государственной собственности. Создание «цивилизованной экономики», «эффективных рыночных механизмов», «думающих частных собственников», «эффективных собственников» — это лишь часть тех броских фраз, которыми изобиловало информационное пространство России, особенно в период 1990—2000 гг. В обществе активно создавался позитивный имидж предпринятых «смелых» и «давно назревших» реформ, которые были обеспечены весьма значительным массивом нормативно-правовых актов, отвечающих «духу» процесса приватизации.

Вместе с тем историко-правовой анализ процесса приватизации и откровенные интервью ее организаторов говорят о том, что не столько процесс создания «эффективных частных собственников» являлся первоочередной задачей предпринятых реформ, но «более масштабная» задача — борьба с коммунизмом и влиянием коммунистической партии. А.Б. Чубайс, непосредственно руководивший процессом приватизации, прямо говорит о том, что «... приватизация — это была священная война против коммунистов. А на войне ни денег, ни жертвы не считают» [3]. Он также подчеркивает, что «... приватизация в России до 1997 года вообще не была экономическим процессом. Она решала совершенно другого масштаба задачи, что мало кто понимал тогда, а уж тем более на Западе. Она решала главную задачу — остановить коммунизм» [3].

Данный пример позволяет нам говорить о политико-правовом манипулировании в чистом виде. Масштабные цели государственного управления реализовывались при помощи как политических, так и разнообразных юридических средств (правотворческих, правоприменительных и правоинтерпретационных), оставляя большинство участников процесса в неведении относительно истинного замысла организаторов процесса приватизации — заставить «коммунистов» играть по правилам, навязываемым «либералами».

Убежден, что детальный анализ манипулирования в рамках процесса приватизации возможен лишь через призму использования политико-правовых инструментов в их неразрывном единстве. Методологическим трамплином подобного исследования и призвана выступить категория «политико-правовое манипулирование».

Полагаем, что именно через призму политико-правового манипулирования необходимо исследовать процессы трансформации современных международных отношений, динамику роли и функций международных организаций и институтов, тенденции развития международного права в целом.

Законы и иные нормативно-правовые акты сегодня все чаще рассматриваются как средства переустройства общества или социальной инженерии (social engineering) [16], а основным достижением международного права, по справедливому мнению целого ряда исследователей, является легализация и легитимизация процесса небывалой экспансии международных организаций, чья деятельность зачастую нивелирует понятие государственного суверенитета [13; 20] и создает лишь иллюзию обладания им для значительного количества стран современного мира [28].

Создавая видимость борьбы за права человека и повышение ключевых показателей качества жизни, влиятельные международные организации устанавливают практически полный контроль над целыми государствами, а гуманитарные интервенции и вовсе прикрывают прямые военные операции, осуществляемые под эгидой ООН в обход решений его ключевого органа — Совета Безопасности [28: 33].

Заключение

Обозначенные выше и многие другие процессы, которые на наших глазах видоизменяют геополитическую картину мира и заставляют по-новому оценивать политико-правовые и социально-экономические реалии, актуализируют исследование такой категории, как политико-правовое манипулирование.

Политико-правовое манипулирование необходимо рассматривать, в том числе, и как одну из форм *психологического воздействия* на общественные процессы, в которой синтезируются психологические, политические и правовые средства, актуализируя информационно-психологический аспект действия как правовых, так и политических норм в обществе [17].

Призма политико-правового манипулирования позволяет объективно оценить сущность и спрогнозировать последствия самых разных политических процессов — от международных до внутригосударственных — и оптимизировать те механизмы, которые смогут минимизировать негативные результаты навязываемых установок или шаблонов поведения.

Политико-правовое манипулирование нельзя оценивать однозначно. Это данность и объективная реальность современных управленческих процессов практически любого масштаба. Политико-правовое манипулирование порождено самим обществом и общественные же процессы и деформирует, исходя из доминирующих потребностей, интересов и запросов.

Права и свободы человека являются высшей ценностью. Политико-правовое манипулирование и ставит их во главу угла, оптимизируя и постоянно совершенствуя свои механизмы и технологии.

Литература

1. Ахременко А.С., Горельский И.Е., Мельвиль А.Ю. Как и зачем измерять и сравнивать государственную состоятельность разных стран мира? Теоретико-методологические основания [Электронный ресурс] // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 8—23. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>. (дата обращения: 10.06.2020).
2. Борисова С.Е. Управленческие функции и их моделирование в ходе социально-психологического тренинга с руководителями подразделений Госавтоинспекции [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 18—32. URL: <http://dx.doi:10.17759/psylaw.2019090402>. (дата обращения: 10.06.2020).
3. Бочавер А.А., Докука С.В., Сивак Е.В., Смирнов И.Б. Использование социальных сетей в интернете и депрессивная симптоматика у подростков [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2019. Том 8. № 3. С. 1—18. URL: <http://dx.doi:10.17759/cpse.2019080301>. (дата обращения: 10.06.2020).
4. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, Издательство МГУ, 1997. 344 с.
5. Ермолаева М.В., Исаев Е.И., Лубовский Д.В. Развитие личностных качеств студентов в ходе обучения в магистратуре [Электронный ресурс] // Психологическая наука и

- образование. 2020. Том 25. № 2. С. 33—43. URL: <http://dx.doi.org/10.17759/pse.2020250203>. (дата обращения: 10.06.2020).
6. *Зонова Т.В., Джаннотти А.* Россия и Запад: противоречивый диалог [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО-Университета. 2020. № 13(1). С. 23—38. URL: <http://dx.doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-23-38>. (дата обращения: 10.06.2020).
7. Интервью А.Б. Чубайса. URL: <http://www.pravda-tv.ru/2010/08/23/4364/chubajs-o-celyax-privatizacii>. (дата обращения: 10.06.2020).
8. *Кант И.* Критика практического разума. Спб.: Наука, 1995. 528 с.
9. *Касаткин П.И., Антюхова Е.А.* Диалектика традиций и новаторства в отечественной диссертационной культуре [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2 (65). С. 27—46. URL: <http://dx.doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-27-46>. (дата обращения: 10.06.2020).
10. *Касаткин П.И., Ивкина Н.В.* Культурная и образовательная составляющие «мягкой силы» ЕС [Электронный ресурс] // Сравнительная политика. 2018. № 1. С. 26—36. URL: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-26-36>
11. *Малько А.В.* Теория правовой политики. М.: Юрлитинформ, 2012. 384 с.
12. *Муромцев С.А.* Определение и основное разделение права. М.: Тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1879. 250 с.
13. *Петражицкий Л.И.* Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1908. 271 с.
14. *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Манипуляция как пограничное состояние человека // Альманах современной науки и образования. 2014. № 11(89) С. 109—116.
15. *Пугачев В.П., Соловьев А.И.* Введение в политологию. М.: Кнорус, 2017. 520 с.
16. *Радбрух Г.* Философия права. М.: Междунар. отношения, 2004. 240 с.
17. *Столяренко А.М., Сердюк Н.В., Вахнина В.В., Боева О.М., Грищенко Л.Л.* Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 4. С. 75—89. URL: <http://dx.doi.org/10.17759/psylaw.2019090406>. (дата обращения: 10.06.2020).
18. *Толстых Н.Н., Тер-Аванесова Н.В., Черняк Н.А.* Социальные представления о школе и учении в разных группах участников образовательного процесса [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2019. Том 24. № 6. С. 5—15. URL: <http://dx.doi.org/10.17759/pse.2019240601>. (дата обращения: 10.06.2020).
19. *Субочев В.В.* Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 2. С. 13—21.
20. *Субочев В.В.* The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World [Электронный ресурс] // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 12(4). С. 266—275. URL: <http://dx.doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-266-275>
21. *Цуладзе А.* Политические манипуляции или покорение толпы. М.: Книжный дом «Университет», 1999. 144 с.
22. *Шестаков Е.* Заколдованная Грета // Российская газета. 2019. 2 октября.
23. *Astorino S.J.* The Impact of Sociological Jurisprudence on International Law in the Inner War Period: The American Experience // *Duquesne Law Review*. 1996. № 34. P. 277—280.
24. *Braiker H.B.* Who's Pulling Your Strings? How to Break the Cycle of Manipulation. McGraw-Hill Prof Med/Tech, 2004. 256 p.

25. *Brierly J.L.* The Covenant and the Charter. *British Yearbook of International Law*. 23rd Year of Issue. Oxford University Press, 1946. P. 83—95.
26. *Cabrejas-Penuelas A.B.* Manipulation as an Ideological Tool in the Political Genre of Parliamentary Discourses [Электронный ресурс] // *Pragmatics*. 2017. 27(2). P. 207—234. URL: <http://dx.doi.org/10.1075/prag.27.2.02cab>. (дата обращения: 10.06.2020).
27. *Cohn N.* Your Brain on Comics: A Cognitive Model of Visual Narrative Comprehension [Электронный ресурс] // *Topics in Cognitive Science*. 2019. 1. P. 17—26. URL: <http://dx.doi.org/10.1111/tops.12421>. (дата обращения: 10.06.2020).
28. *Dijk T.A.* Discourse and Manipulation // *Discourse and Society*. 2006. 17(2). P. 359—383.
29. *Dijk T.A.* Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity. // *Methods of Critical Discourse Analysis*. Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2001. P. 95—120.
30. *Ibragimov I.D., Sangadzhiev B.V., Kashurnikov S.N., Sharonov I.A., Krokhina, J.A.* Machiavellianism and Manipulation: From Social Philosophy to Social Psychology [Электронный ресурс] // *XLinguae*. 2018. 11(2). P. 404—419. URL: <http://dx.doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.33>. (дата обращения: 10.06.2020).
31. *Kolmogorova A.V., Gornostaeva Yu.A.* Media Coverage of Current Political Situation in Ukraine: Discourse Analysis [Электронный ресурс] // *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.* 2016. 12(1). P. 89—96. URL: <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0031>. (дата обращения: 10.06.2020).
32. *Paulo N., Bublitz C.* Pow(d)er to the People? Voter Manipulation, Legitimacy, and the Relevance of Moral Psychology for Democratic Theory [Электронный ресурс] // *Neuroethics*. 2019. 12(1). P. 55—71. URL: <http://dx.doi.org/10.1007/s12152-016-9266-7>. (дата обращения: 10.06.2020).
33. *Perisic P.* Intervention by Invitation — When Can Consent from a Host State Justify Foreign Military Intervention? [Электронный ресурс] // *Russian Law Journal*. 2019. 7(4). P. 4—29. URL: <http://dx.doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-4-4-29>. (дата обращения: 10.06.2020).
34. *Petrova M.V.* Strategies and tactics of verbal countermanipulation [Электронный ресурс] // *XLinguae*. 2018. 11(3). P. 185—196. URL: <http://dx.doi.org/10.18355/XL.2018.11.03.18> (дата обращения: 10.06.2020).
35. *Schotter E.R., Leininger M., von der Malsburg T.* When your mind skips what your eyes fixate: How forced fixations lead to comprehension illusions in reading [Электронный ресурс] // *Psychonomic Bulletin and Review*. 2018. 25(5). P. 1884—1890. URL: <http://dx.doi.org/10.3758/s13423-017-1356-y> (дата обращения: 10.06.2020).
36. *Sinclair G.F.* To Reform the World: International Organizations and the Making of Modern States. Oxford: Oxford University Press, 2017. 368 p.
37. *Ubozhenko I. V.* Cognitive Political Discourse Analysis: Creative Translation Teaching Case [Электронный ресурс] // *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 2020 13(3). P. 363—374. URL: <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0566>
38. *Wodak R.* And Where is the Lebanon? A Socio-Psycholinguistic Investigation of Comprehension and Intelligibility of News // *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*. 1987. № 7(4). P. 377—410.

References

1. Akhremenko A.S., Gorelskiy I.E., Melville A.Yu. How and Why Should We Measure and Compare State Capacity of Different Countries? An Experiment with Empirical Research. *Polis*.

- Political Studies*, 2019, no. 2, pp. 8-23. Available at: <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.02>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
2. Borisova S.E. Management Functions and Their Modeling Within a Socio-Psychological Training with the Traffic Police Department Heads [Elektronnyi resurs]. *Psychology and Law*, 2019. Vol. 9, no. 4. pp. 18—32. Available at: <https://dx.doi.org/10.17759/psylaw.2019090402>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  3. Bochaver A.A., Dokuka S., Sivak E.V., Smirnov I.B. Internet Use and Depressive Symptoms in Adolescents: a Review [Elektronnyi resurs]. *Clinical Psychology and Special Education*, 2019. Vol. 8, no. 3, pp. 1—18. Available at: <https://dx.doi.org/10.17759/cpse.2019080301>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  4. Dotsenko E.L. Psihologiya manipulatsii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita.[Psychology of manipulation: phenomena, technique and protection]. Moscow: Moscow State University Publ, 1997. 344 p. (In Russ.).
  5. Ermolaeva M.V., Isaev E.I., Lubovsky D.V. Personality Trait Development in Psychology Students During the Graduate Year. *Psychological Science and Education*, 2020. Vol. 25, no. 2, pp. 33—43. Available at: <http://dx.doi.org/10.17759/pse.2020250203>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  6. Zonova T.V., Giannotti A. Russia and the West: Contradictory Dialogue. *MGIMO Review of International Relations*, 2020, no. 13 (1), pp. 23-38. Available at: <http://dx.doi.org/10.24833/2071-8160-2020-1-70-23-38> (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  7. Interv'yu A.B. Chubajsa. [Interview of A.B. Chubais]. Available at: <http://www.pravda-tv.ru/2010/08/23/4364/chubajs-o-celyax-privatizacii>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  8. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma. [Critique of Practical Reason]. Petersburg: Nauka Publ., 1995. 528 p. (In Russ.).
  9. Kasatkin P.I., Antyukhova E.A. Tradition and Innovation Dialectics in Russian Dissertation Culture. *MGIMO Review of International Relations*, 2019, no. 2. pp. 27-46. Available at: <http://dx.doi.org/10.24833/2071-8160-2019-2-65-27-46> (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  10. Kasatkin P.I., Ivkina N.V. Cultural and Educational Dimensions of EU Soft Power. *Comparative Politics*. 2018, no. 1. pp. 26-36. Available at: <http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-1-26-36>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).
  11. Malko A.V. Teoriya pravovoj politiki [The Theory of Legal Policy]. Moscow, Urlitinform Publ., 2012. 384 p. (In Russ.).
  12. Muromtsev S.A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava [The Definition and Major Division of Law]. Moscow: Mamontov A.I. & Co Publ., 1979. 250 p. (In Russ.).
  13. Petrazitskiy L.I. Vvedenie v izuchenie prava i npravstvennosti. Osnovy emocional'noj psihologii [Prolegomenon of of Law and Ethics. The Basics of Emotional Psychology]. S.-Petersburg: Yu. N. Erlikh Publ., 1908. 271 p. (In Russ.).
  14. Pugatskii M.V. Manipulation as Border State of Man. *Anthology of Modern Science and Education*, 2014, no. 11 (89), pp. 109-116. (In Russ.).
  15. Pugachev V.P., Soloviev A.I. Vvedenie v politologiyu [Introduction to Political Science]. Moscow: Knorus Publ., 2017. 520 p. (In Russ.).
  16. Radbruch G. Filosofiya prava. [Philosophy of Law]. Moscow: International Relations Publ., 2004. 240 p. (In Russ.).
  17. Stolyarenko A.M., Serdyuk N.V., Vakhnina V.V., Boeva O.M. Psychological Aspects of Destructive Information-Psychological Influence [Elektronnyi resurs]. *Psychology and Law*, 2019.

Vol. 9, no. 4. pp. 75—89. Available at: <http://dx.doi:10.17759/psylaw.2019090406>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).

18. Tolstykh N.N., Ter-Avanesova N.V., Chernyak N.A. Social Representations About School and Learning in Different Groups of Participants of the Educational Process. *Psychological Science and Education*, 2019. Vol. 24, no. 6. pp. 5—15. Available at: <http://dx.doi:10.17759/pse.2019240601>. (Accessed 10.06.2020). (In Russ.).

19. Subochev V.V. Dissolution of Sovereignty: Theoretical Approach to Political and Legal Environment. *Legal Policy and Legal Life*, 2016, no. 2. pp. 13-21. (In Russ.).

20. Subochev V.V. The Illusion of Sovereignty or State-Making Devices of The Globalizing World. *MGIMO Review of International Relations*, 2019, no. 12(4), pp. 266-275. Available at: <http://dx.doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-266-275>. (Accessed 10.06.2020).

21. Tsuladze A. Politicheskie manipulyacii ili pokorenie tolpy [Political Manipulation or Crowd Subjugation]. Moscow: University Publ., 1999. 144 p. (In Russ.).

22. Shestakov E. Zakoldovannaya Greta [Enchanted Greta]. *Rossijskaya gazeta*, 2019, October, 2.

23. Astorino S.J. The Impact of Sociological Jurisprudence on International Law in the Inner War Period: The American Experience. *Duquesne Law Review*, 1996, no. 36, pp. 277- 280.

24. Braiker H.B. Who's Pulling Your Strings? How to Break the Cycle of Manipulation. McGraw-Hill Prof Med/Tech., 2004. 256 p.

25. Brierly J.L. The Covenant and the Charter. *British Yearbook of International Law*. 23rd Year of Issue. Oxford University Press, 1946. pp. 83-95.

26. Cabrejas-Penuelas A.B. Manipulation as an Ideological Tool in the Political Genre of Parliamentary Discourses. *Pragmatics*, 2017, no. 27 (2), pp. 207-234. Available at: <http://dx.doi.org/10.1075/prag.27.2.02cab>. (Accessed 10.06.2020).

27. Cohn N. Your Brain on Comics: A Cognitive Model of Visual Narrative Comprehension. *Topics in Cognitive Science*, 2019, no. 1. pp. 17-26. Available at: <http://dx.doi.org/10.1111/tops.12421>. (Accessed 10.06.2020).

28. Dijk T.A. Discourse and Manipulation. *Discourse and Society*, 2006, no. 17 (2), pp. 359-383.

29. Dijk T.A. Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity. *Methods of Critical Discourse Analysis*. Ed. by R. Wodak, M. Meyer. London: Sage, 2001. pp. 95—120.

30. Ibragimov I.D., Sangadzhiev B.V., Kashurnikov S.N., Sharonov I.A., Krokhina, J.A. Machiavellianism and Manipulation: From Social Philosophy to Social Psychology. *XLinguae*, 2018, no. 11 (2), pp. 404-419. Available at: <http://dx.doi.org/10.18355/XL.2018.11.02.33> (Accessed 10.06.2020).

31. Kolmogorova A.V., Gornostaeva Yu.A. Media Coverage of Current Political Situation in Ukraine: Discourse Analysis. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2016, no. 12 (1), pp. 89-96. Available at: <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0031>. (Accessed 10.06.2020).

32. Paulo N., Bublitz C. Pow(d)er to the People? Voter Manipulation, Legitimacy, and the Relevance of Moral Psychology for Democratic Theory. *Neuroethics*, 2019, no. 12 (1), pp. 55-71. Available at: <http://dx.doi.org/10.1007/s12152-016-9266-7>. (Accessed 10.06.2020).

33. Perisic P. Intervention by Invitation — When Can Consent from a Host State Justify Foreign Military Intervention? *Russian Law Journal*, 2019, no. 7(4), pp. 4-29. Available at: <http://dx.doi.org/10.17589/2309-8678-2019-7-4-4-29>. (Accessed 10.06.2020).

34. Petrova M.V. Strategies and tactics of verbal countermanipulation. *XLinguae*, 2018, no. 11 (3), pp. 185-196. Available at: <http://dx.doi.org/10.18355/XL.2018.11.03.18> (Accessed 10.06.2019).

Малько А.В., Субочев В.В.
Политико-правовое манипулирование как
психологический феномен и научная категория
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 163—180.

Malko A. V., Subochev V. V.
Political and legal Manipulation as a Psychological
Phenomenon and a Scientific Category
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 163—180.

35. Schotter E.R., Leinenger M., von der Malsburg T. When your mind skips what your eyes fixate: How forced fixations lead to comprehension illusions in reading. *Psychonomic Bulletin and Review*, 2018, no. 25 (5), pp. 1884-1890. Available at: <http://dx.doi.org/10.3758/s13423-017-1356-y>. (Accessed 10.06.2020).
36. Sinclair G.F. *To Reform the World: International Organizations and the Making of Modern States*. Oxford: Oxford University Press, 2017. 368 p.
37. Ubozhenko I. V. Cognitive Political Discourse Analysis: Creative Translation Teaching Case. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 2020, no. 13(3), pp. 363—374. Available at: <http://dx.doi.org/10.17516/1997-1370-0566>. (Accessed 10.06.2020).
38. Wodak R. And Where is the Lebanon? A Socio-Psycholinguistic Investigation of Comprehension and Intelligibility of News. *Interdisciplinary Journal for the Study of Discourse*, 1987, no. 7(4), pp. 377-410.

Информация об авторах

Малько Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Поволжский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», г. Саратов, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>, e-mail: alex25-58@mail.ru

Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры правовых основ управления, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации» (МГИМО МИД России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3536-4707>, e-mail: vvsuchochev@mail.ru

Information about the authors

Alexander V. Malko, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honoured Science Worker of the Russian Federation, Professor of the Department of State and Legal Disciplines, Volga Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice", Saratov, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3204-9696>, e-mail: alex25-58@mail.ru

Vitaly V. Subochev, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of Department of Legal Foundations of Administration, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University), Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3536-4707>, e-mail: vvsuchochev@mail.ru

Получена 25.05.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 25.05.2020
Accepted 02.02.2021

Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III)

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Бовина И.Б.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Тихонова А.Д.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>, e-mail: anastasia.dolphin@yandex.ru

Радикализм и экстремизм имеют чрезвычайно серьезные последствия для жизни человека, угрожают существованию человечества. В фокусе внимания в настоящей работе находится проблема дерадикализации. Теория неопределенности-идентичности описывает психологический механизм, по которому происходит трансформация неопределенности в экстремизм, по которому человек, испытывающий чувство неопределенности, особенно если это чувство острое по своей выраженности и переживается продолжительное время, стремится не только в высоко энтитативные, но в экстремистские группы. Если в рамках этой теории отсутствует описание механизма дерадикализации, то в рамках теории неопределенности-идентичности можно усмотреть условия, при которых индивид, испытывая чувство неопределенности, все же не стремится стать членом групп с экстремистскими и радикальными взглядами. Анализ этих препятствий на пути индивида, испытывающего чувство неопределенности, и посвящено основное внимание в настоящей работе. Кроме того, обсуждается потенциал модели смены социальной идентичности, сформулированной на примере социальной идентичности потребителей психоактивных веществ. Логика смены социальной идентичности учитывает групповую природу террористической деятельности, а также тот факт, что именно идентичность подталкивает человека к действию.

Бовин Б.Г., Бовина И.Б., Тихонова А.Д.
Радикализация: социально-психологический взгляд
(Часть III)
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 181—194.

Bovin B.G., Bovin B.G., Tikhonova A.D.
Radicalisation: A Social Psychological Perspective
(Part III)
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 181—194.

Ключевые слова: дерадикализация, неопределенность, социальная идентичность, групповые нормы, смена идентичности.

Финансирование. Бовина И.Б. выполняла теоретико-аналитическое исследование проблемы радикализации при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта «Экспансия (Конкурс на соискание финансовой поддержки для подготовки и опубликования научных обзорных статей)» — № 19-113-50280.

Для цитаты: Бовин Б.Г., Бовина И.Б., Тихонова А.Д. Радикализация: социально-психологический взгляд (Часть III) [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 181—194. DOI:10.17759/psylaw. 2021110114

Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part III)

Boris G. Bovin

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Inna B. Bovina

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia,
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Anastasiya D. Tikhonova

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>, e-mail: anastasia.dolphin@yandex.ru

Radicalism and extremism have extremely serious consequences for human life and threaten the existence of humanity. The problem of deradicalisation is in the focus of our attention in this paper. The theory of uncertainty-identity describes the psychological mechanism by which the transformation of uncertainty into extremism occurs, by which a person experiencing a feeling of uncertainty, especially if this feeling is acute in its severity and is experienced for a long time, then the person tends not only to highly entitative, but to extremist groups. If this theory does not describe the mechanism of deradicalisation, then the conditions under which an individual, experiencing a feeling of uncertainty, still does not seek to become a member of groups with extremist and radical beliefs. This paper focuses on the analysis of these obstacles in the way towards extremism and radicalism. In addition, the potential of the social identity model of recovery formulated on the example of the social identity of addicts is discussed.

Keywords: deradicalisation, uncertainty, social identity, group norms, identity change.

Funding. Bovina I. B. performed theoretical and analytical research on the problem of radicalization with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) in the framework of the scientific project «Expansion (Competition for financial support for the preparation and publication of scientific review articles)» - № 19-113-50280.

For citation: Bovin B.G., Bovin B.G., Tikhonova A.D. Radicalisation: A Social Psychological Perspective (Part III). *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 181—194. DOI:10.17759/psylaw. 2021110114 (In Russ.).

Введение

Радикализм и экстремизм имеют самые серьезные последствия для жизни человека, представляют угрозу существованию человечества. В заключительной, третьей, части нашего теоретико-аналитического исследования в фокусе внимания будет находиться проблема дерадикализации.

Стоит сразу оговориться, что по проблеме радикализации имеется значительное количество самых различных текстов (теоретического или эмпирического толка, принадлежащих перу не только представителей отраслей психологии, но целому ряду различных дисциплин — будь то правовые и политические науки, социология, культурная антропология и пр.). Серьезная часть текстов относится к категории так называемой «серой литературы», которая едва ли рассматривается в систематических обзорах по проблеме. Аналогичным образом обстоит дело и с проблемой дерадикализации, кроме того, этот процесс попал в фокус внимания исследователей позже [9; 19; 27]. Дискуссия о том, что такое дерадикализация, масштабна, как и в случае понятий «терроризм» и «радикализация». Исследователи соотносят категорию дерадикализации с рядом других понятий, например, таких как «деиндоктринация», «прекращение террористической деятельности» (авторы не нашли более точного способа определить *disengagement*). Кроме того, предпринимается попытка поставить в один ряд с дерадикализацией такие процессы, как реабилитация, диалог, реинтеграция и ресоциализация [5; 9; 11; 19; 27], что, соответственно, определяет основополагающий механизм, по которому происходит прекращение участия в террористической деятельности, а также структуры, на которые необходимо оказывать воздействие, приводящее, в конечном счете, к дерадикализации индивида [5; 9; 11; 19; 27].

В литературе, с одной стороны, можно выделить ряд теоретических моделей, в которых объясняется как процесс радикализации, так и процесс дерадикализации — в частности, модели Б. Досжа, А. Круглянки, К. Маккалей [4; 21; 22]. С другой стороны, предпринимаются попытки рассмотреть процесс дерадикализации через призму имеющихся объяснительных моделей, в рамках которых исследуются проблемы банд, социального движения, процесса выхода из ролей (алкоголиков, курильщиков, наркоманов и пр.) [5; 11]. И если использование идеи с выходом из группы — будь то банда или социальное движение — обладает серьезным потенциалом для объяснения того, как человек перестает выполнять террористическую деятельность, то логика выхода из роли иная, ибо из фокуса внимания упускается то, что террористическая деятельность осуществляется группой. Другое дело, если рассматривать смену социальной идентичности в случае алкоголиков или наркоманов, но к этому вопросу мы вернемся позже.

В целом, апеллируя к идее М. Элшины, проблема дерадикализации является «территорией,

не обозначенной на карте» [5], ибо требуются теоретический анализ проблемы, а также проверка концептуальных построений в экспериментальных исследованиях. Очевидно, что существует своего рода зазор между имеющимся теоретическим знанием и запросами практики, ибо со времени 11 сентября 2001 года проблема дерадикализации стала чрезвычайно актуальной. При всем этом в различных странах действуют превентивные программы по дерадикализации [10].

В самом общем виде обозначим три подхода, на которых базируются программы по дерадикализации, направленные на тех, кто принял участие в террористической деятельности: 1) нацеленный на изменение поведения (не затрагивающий при этом причин поведения — убеждения, которые приводят к террористической деятельности, ибо этот пласт является *частной сферой*, воздействие направлено на симптом. Такая стратегия, с опорой на анализ М. Гидера [10], практикуется, в частности, в США, Великобритании, Австралии); 2) нацеленный на изменение убеждений (по сути, радикализация здесь рассматривается как индоктринация, тогда задача дерадикализации — в изменении убеждений, которые ему были навязаны. М. Гидер отмечает, что такой подход практикуется, например, в России, Турции и Саудовской Аравии); 3) смешанный (объединяющий и воздействие на поведение, и воздействие на убеждения — практикуется, в частности, в Италии, Испании, Финляндии).

Представляется возможным говорить о различных целевых группах, на которые направлено воздействие профилактических программ: с одной стороны, это осужденные за участие в террористической и экстремистской деятельности, с другой — уязвимые индивиды (чаще всего представители молодежной среды, не совершившие террористических действий, но в отношении которых у правоохранительных органов имеется информация определенного рода, указывающая на процесс их радикализации или на их уязвимость) [5]. Очевидно, что стратегии воздействия в каждом случае разнятся: в первом случае, как отмечает М. Элшини, стратегия преследует цель, которую можно выразить фразой: «Мы собираемся сделать тебя хорошим» [5, р. 2], а во втором случае логика воздействия такова: «Мы здесь, чтобы ты не стал плохим» [5, р. 2].

Проблема дерадикализации: в поисках новой социальной идентичности... Ставя перед собой иные первостепенные задачи, а также будучи ограниченными рамками статьи, мы воспользуемся одним из определений, согласно которому дерадикализация — это процесс, противоположный по своему содержанию процессу радикализации [21]. Если радикализация связывается с трансформациями, происходящими с человеком, в результате которых человек вовлекается в террористическую деятельность, то дерадикализация — с тем, как индивид перестает исполнять эту деятельность и меняет свои убеждения (отказываясь от идеи насилия и экстремизма [21]). При этом, как отмечалось в первой части нашего аналитического обзора, мы исходим из того, что террористическая деятельность осуществляется группой, отсюда прекращение террористической деятельности, по сути, означает смену социальной идентичности, ибо именно идентичность является тем самым механизмом, который подталкивает к действию [17]. И здесь, как отмечается в западной литературе, возникают проблемы этического толка, ибо встает вопрос о добровольности подобного изменения [5; 23]. Хотя, как уже звучало на высоком политическом уровне (в Великобритании), возвращающиеся из Ирака и Сирии британские боевики должны будут

подвергнуты программам по дерадикализации для того, «чтобы обратить вспять их извращенную промывку мозгов» [5, р. 1]. Если рассматривать вовлечение в террористическую деятельность как результат процесса радикализации, то, в соответствии с идеями теории неопределенности-идентичности, индивид не ищет группу с определенными убеждениями, оправдывающими насилие, но он ищет группу, идентификация с которой позволит снизить чувство неопределенности за счет четких прототипов, предписывающих мысли, чувства и действия, что позволяет сделать мир более предсказуемым. Такие группы, как отмечает М. Хогг, позволяют разрешить так называемый «парадокс постмодернизма», когда обретая свободу, человек страдает от неопределенности, мучаясь вопросами: что делать? Кем быть? Что думать? Как следствие, он стремится к определенности, что и делает привлекательными идеологические системы убеждений [15], которые дают простые ответы на вопросы, предписывают направление мыслей, чувств и действий [13; 14].

В рамках теории неопределенности-идентичности М. Хогга [1; 13; 14; 15] не предлагается объяснительной схемы, в соответствии с которой индивид перестает идентифицироваться с группами с радикальными и экстремистскими взглядами, однако в этой модели отмечается, что идентификация с группой, характеризующейся высокой энтитативностью [3] и разделяющей радикальные и экстремальные идеи, не происходит автоматически. Существуют определенные условия, в которых индивид, даже испытывая чувство неопределенности, не будет стремиться стать членом группы с экстремистскими и радикальными взглядами. Другими словами, существуют своего рода барьеры на пути в группу с радикальными, экстремальными убеждениями и действиями; рассмотрим их здесь.

Групповая идентичность снижает чувство неопределенности за счет предписывания того, как думать, чувствовать и действовать — той информации, которая соответствует прототипу. Это положение теории неопределенности-идентичности было проанализировано в первой части нашего теоретико-аналитического исследования. Однако, с точки зрения М. Хогга, одного только прототипа еще мало, ибо «... люди должны чувствовать свое воплощение прототипа» [16, р. 594], что валидизирует их принадлежность к группе; они должны чувствовать, что приняты группой как настоящие члены. Как результат, для тех, кто испытывает чувство неопределенности, но ценит разнообразие и индивидуальную автономию, едва ли группы с экстремистскими и радикальными взглядами будут привлекательными; несмотря на то, что они обладают четкими границами, внутренней однородностью, иерархической структурой, общностью судьбы [3], группы имеют специфический прототип: ясный, предписывающий, согласованный. Кроме того, директивное лидерство и идеологическая система убеждений — все то, что требуется для снижения неопределенности [15]. Однако факт подавления инакомыслия в группах такого рода (ибо оно порождает сомнения и неопределенность [1]) вступает в противоречие с ожиданиями индивидов, испытывающих чувство неопределенности. Хотя это противоядие не является решающим, поскольку, как подчеркивает М. Хогг, если индивиды попадают в ситуацию острой, непрекращающейся, продолжительной неопределенности, то умеренно тоталитарные группы все же могут быть для них привлекательны, ибо способствуют снижению этого неприятного чувства, которого человек пытается избежать [15; 17]. Тоталитарные группы, кроме неприятия инакомыслия, разнообразия (ибо это ставит под сомнения групповые нормы, ясность и простоту группового прототипа), имеют достаточно

жесткие правила, ритуалы инициации для вхождения в группу. Предназначение суровых правил в том, чтобы обеспечить сильную идентификацию с группой у тех, кто преодолевает правила инициации [16]. В силу того, что валидизация социальной идентичности является ключевым моментом для снижения неопределенности, эта трудность попадания в группу и может быть своего рода барьером, который предотвратит попадание в группу с экстремистскими и радикальными взглядами. Индивид в состоянии неопределенности будет искать другие группы — более доступные, а может быть, как отмечает М. Хогг, отдаст предпочтение группам, которые воспринимаются как высоко энтитативные, но не разделяют при этом экстремистских взглядов [15]. Эмпирические факты, полученные на материале изучения братств, говорят в пользу идеи М. Хогга [17]. Сходная линия наблюдается и в случае исследования по проблеме присоединения к бандам [7; 29]: человеку в ситуации неопределенности необходимо видеть другие варианты привлекательных групп, которые должны выглядеть как высоко энтитативные, обеспечивающие более высокий статус, дающие ощущение *братства*, власть и защиту [29]; но при этом группа не должна быть занята антисоциальной деятельностью, как в случае бандитских группировок. Развивая эту мысль, заметим, что те, кто имеет ряд социальных идентичностей, т. е. принадлежит к различным группам, в меньшей степени склонен к экстремизму, чем те, кто определяет себя в терминах одной единственной, монолитной идентичности, которая насыщает Я-концепцию индивида [17; 18].

Чувство неопределенности может быть снижено не только путем идентификации с высоко энтитативными группами, но и с помощью таких механизмов, как перекатегоризация и игрупповая проекция. Если принять во внимание тот факт, что социальный мир организован с помощью различных иерархических категорий, где категории одного уровня принадлежат категориям более высокого уровня, соответственно, для снижения чувства неопределенности люди могут использовать категории различных уровней путем перекатегоризации или проецирования атрибутов подгруппы на более высокий уровень; действенность этих процессов была показана в экспериментальных исследованиях [20].

Чувство неопределенности может проистекать из маргинального положения относительно группового прототипа, т. е. люди испытывают неопределенность, проистекающую из их группового положения. Тогда в группе возможен раскол. Редкий случай, когда существующая группа не столкнулась бы на какой-то стадии своего развития с расколом, большинство же групп, как отмечает Ф. Сани, были свидетелями раскола, появились из отделившейся части или объединились с подгруппой, отделившейся от другой группы [25; 26]. Последствия группового раскола могут быть самыми различными: с одной стороны, маргинальная подгруппа — по отношению к прототипу группы с экстремистскими или радикальными взглядами — может искать другую групповую принадлежность, которая позволит им снизить неопределенность. С другой стороны, возможно, что маргинальная подгруппа рассматривает свое положение как не дающее ей права голоса; при этом члены этой подгруппы считают, что изменяются групповые нормы, а вместе с ней и социальная идентичность [6]. Как следствие, маргинальная подгруппа может направить группу в более нормативное русло. Оба варианта дают шансы для более благоприятного исхода — если не для всей группы, то хотя бы для части ее членов. По сути, речь здесь идет о влиянии меньшинства [24], которое инициирует дивергентное мышление, ведет к изменениям, к

инновациям. Как отмечает М. Хогг [6, р. 25]: «... влияние меньшинства проходит тонкую грань между изменением, отклонением и провоцирует такие большие перемены, что группа раскалывается». Теория влияния меньшинства представляет собой серьезную традицию в социальной психологии, и это направление может быть продуктивным в контексте снижения чувства неопределенности. Отсюда следует, что маргинальное положение имеет и другие грани, чем то опасное, о котором говорилось в первой части обзора. Маргинальное — по отношению к прототипу группы — положение является не только триггером радикальных действий в пользу группы (так как это дает шанс на изменение положения и снижение неопределенности, вызванной маргинальным положением), что было показано в экспериментальных исследованиях [8], такое положение оказывается своего рода преимуществом, позволяющим выйти из группы с радикальными убеждениями и действиями.

Если использовать эту идею в контексте проблемы дерадикализации, то можно усмотреть определенный потенциал в случае тех, кто для преодоления чувства неопределенности ищет высоко этнитативные группы и вступает в эти группы, но пока еще не совершил никаких действий. Кроме того, через призму этой логики становится понятным, как действовать в тюрьмах в отношении тех, кто отбывает наказание в первый раз, испытывая острое чувство неопределенности в отношении себя, своего положения в мире, своего будущего. Заключение этой категории не имеют криминального окружения, от которого могут получить поддержку, защиту; «пенитенциарный стресс», с которым они сталкиваются, только усиливает стремление к снижению чувства неопределенности путем идентификации с высоко этнитативной группой. И группы отбывающих наказание за участие в террористической и экстремистской деятельности воспринимаются как высоко этнитативные группы, зачастую с директивным лидером.

В случае же дерадикализации тех, кто осужден за участие в экстремистской и террористической деятельности, обратимся к подходу социальной идентичности в целом.

Как уже отмечалось, в наши задачи в настоящей работе едва ли входит разработка профилактической программы по дерадикализации (хотя предлагаемый здесь анализ дает серьезные основания для формулирования рекомендаций профилактического толка), преимущественное внимание направлено на понимание того, по каким механизмам может происходить смена идентичности в случае процесса дерадикализации, что и определяет цель нашего теоретико-аналитического исследования.

С нашей точки зрения, схема, которая через призму подхода социальной идентичности объясняет, как происходит смена идентичности в случае человека с наркотической зависимостью, заслуживает самого пристального внимания [2; 12]. Остановимся на этой схеме подробнее. С точки зрения А. Хаслама [12], путь от возникновения зависимости до избавления от нее — это пусть смены социальной идентичности.

В целом, путь до начала зависимости и до преодоления А. Хаслам предлагает рассматривать следующим образом: 1) на этапе, предшествующем возникновению зависимости, можно рассматривать два варианта событий: человек обладает позитивными социальными идентичностями или он пребывает в ситуации социальной изоляции; 2) период жизненных трансформаций, в который он попадает, ведет к тому, что в первом случае эти позитивные идентичности утрачиваются, а во втором — он приобретает идентичность

потребителя; так или иначе, проблемой оказывается зависимость; 3) в период пребывания в терапевтическом сообществе в обоих случаях формируется идентичность, связанная с излечением от зависимости; 4) после прекращения терапевтического воздействия в рамках сообщества индивид или имеет обновленные позитивные идентичности, или обретает некоторые желаемые идентичности [12].

Смена идентичности опирается на метод терапевтического сообщества, механизм действия которого заключается в том, чтобы разрушить старые элементы идентичности, переструктурировать элементы новых социальной и персональной идентичностей в процессе лечения, а также дальнейшее развитие идентичности вне рамок лечения в реальном мире [12]. В процессе пребывания в терапевтическом сообществе формируется так называемая *переходная идентичность* по пути от *идентичности потребителя* к *чистой идентичности* «не-потребителя».

Суть терапевтической интервенции заключается в том, чтобы индивид осуществил переход от идентичности «потребителя» к идентичности «преодолевшего» зависимость. Ближайшее социальное окружение включено в процесс смены социальной идентичности.

Траектория изменения социальной идентичности в случае зависимости с необходимостью опирается на разнообразные формы социального влияния, необходимого для смены групповых норм. Опираясь на метод картографирования социальной идентичности, представляется возможным выявить групповые сети, в которые включен человек, и определить влияние нормы потребления психоактивных вещей на него [12]. Карта социальной идентичности является не только визуализацией тех групп, которые влияют в период жизненных изменений (время потребления психоактивных веществ и время пребывания в терапевтическом сообществе), но и способом обнаружения потенциала для развития новых социальных идентичностей, связанных с принадлежностью к новым категориям, которые не связаны с потреблением психоактивных веществ и являются, в то же самое время, значимыми для индивида. Ключевым здесь является потенциал принадлежности ко многим социальным категориям, обеспечивающим совместимые друг с другом позитивные социальные идентичности; как следствие — большой объем психологических ресурсов (поддержки, влияния и пр.), необходимых для жизнедеятельности [12]. Карта социальной идентичности дает возможность проследить совместимость или несовместимость социальных идентичностей (самый простой пример несовместимости между позитивной идентичностью, полученной от группы друзей, где групповой нормой является употребление психоактивных веществ, и позитивной идентичностью, связанной с семьей, где действуют иные групповые нормы). В случае если позитивная социальная идентичность оказывается под угрозой и границы группы воспринимаются как проницаемые, индивиду доступна стратегия персональной мобильности [28].

С точки зрения модели выздоровления, базирующейся на социальной идентичности, процесс изменения идентичности в случае потребления психоактивных веществ происходит путем изменения в балансе социальных идентичностей [2; 12]. Если изначально центральной является социальная идентичность, происходящая от принадлежности к группе потребителей психоактивных веществ, то смена идентичности приводит к тому, что социальные идентичности, происходящие в результате членства в группах, где нормы не предусматривают употребление психоактивных веществ, становятся смыслоопределяющими

для человека. Другими словами, смена идентичности сопровождается вовлеченностью в коммуникацию с членами различных групп, ибо идентификация с группой имеет большие последствия для человека, чем только чувство принадлежности: человек действует в соответствии с ценностями и нормами этой группы; члены группы оказывают влияние друг на друга; чем больше человек идентифицирует себя с группой, тем в большей степени он воспринимает себя как похожего на других членов группы (своего рода взаимозаменяемость членов группы), в большей степени он переживает свою связь с другими членами группы. В социальной идентичности человек черпает смысл, цель и ценность своего существования. То, насколько человек определяет себя в терминах социальной идентичности, будет для него связываться с чувством эффективности и власти [12]. Влияние, которое оказывают другие, — и есть процесс трансляции новых норм. Крайне важно, чтобы в процессе смены идентичности, как и предлагает модель выздоровления, основанная на социальной идентичности [2], вместо чувства потери социальной идентичности (которое происходит в отношении группы потребителей) человек переживал обретение новой социальной идентичности (не-потребителя) [12].

Представленная здесь логика смены идентичности на примере потребителя психоактивных веществ задает общие контуры процесса изменения социальной идентичности в случае дерадикализации, а именно: траектория процесса задается социальной идентификацией, групповыми нормами и социальным влиянием. Очевидно, что простой перенос стратегии действий едва ли возможен в случае дерадикализации, но траектория процесса смены идентичности — принципиально та же.

Заключение. Итак, в третьей части нашего теоретико-аналитического исследования в фокусе внимания находилась проблема дерадикализации. В логике, заданной в первой части нашей работы, мы обратились к подходу социальной идентичности в целом и к теории неопределенности-идентичности, в частности, для того чтобы выявить механизмы, стоящие за процессом дерадикализации.

Теория неопределенности-идентичности описывает психологический механизм, по которому происходит трансформация неопределенности в экстремизм [15; 17], по которому человек, испытывающий чувство неопределенности, особенно если это чувство острое по своей выраженности и переживается продолжительное время, стремится не только в высоко энтитативные, но в экстремистские группы, характеризующиеся сочетанием следующих атрибутов: гомогенность установок и ценностей; ригидность норм, обычаев и традиций; ортодоксальные и идеологические системы убеждений; наличие четких границ, охраняемых членами группы; нетерпимость к инакомыслию; наличие ригидной и иерархической структуры группы в сочетании с сильным авторитарным лидерство; этноцентризм и коллективный нарциссизм [18]. В отличие от моделей Б. Досжа, А. Круглянски, К. Маккалея [4; 21 22] в теории неопределенности-идентичности не затрагивается вопрос дерадикализации, т. е. речь не идет о том, по какому механизму индивид перестает идентифицироваться с группами с радикальными и экстремистскими взглядами, отходит от тоталитарных групп и перестает выполнять деятельность от имени этих групп (т. е. экстремистскую или террористическую деятельность). Тем не менее, в теории неопределенности-идентичности говорится о том, что идентификация с высоко энтитативной группой, разделяющей радикальные и экстремальные идеи для снижения неприятного

чувства неопределенности, не происходит автоматически. Другими словами, существуют условия, в которых индивид, испытывая чувство неопределенности, все же не стремится стать членом групп с экстремистскими и радикальными взглядами. Это своего рода препятствия на пути индивида, испытывающего чувство неопределенности: среди этих препятствий: предпочтения в пользу разнообразия и индивидуальной автономности; недостаток ресурсов для преодоления суровых процедур инициации для попадания в группу с радикальными взглядами; определение себя в терминах различных социальных категорий, а не в терминах единой и монолитной идентичности, определяющей Я-концепцию [15; 16; 17]. Чувство неопределенности может снижаться не только путем идентификации с высоко энтитативными группами, но и за счет перекатегоризации или ингрупповой проекция [20]. Маргинальность по отношению к групповому прототипу может вести к выходу из группы [6].

Модель смены социальной идентичности на примере наркотической зависимости, предлагаемая А. Хасламом, может быть продуктивна и в случае дерадикализации. В отличие от смены роли, о которой говорится в литературе [5], смена социальной идентичности учитывает групповую природу террористической деятельности, а также тот факт, что именно идентичность подталкивает человека к действию. Траектория процесса дерадикализации задается социальной идентификацией, групповыми нормами и социальным влиянием.

Таким образом, предпринятое в настоящей работе теоретико-аналитическое исследование демонстрирует серьезный потенциал подхода социальной идентичности для объяснения того, как человек покидает группу с радикальными и экстремистскими убеждениями и соответствующей деятельностью. Однако разработка модели дерадикализации пока является задачей будущего, успешная профилактическая программа может основываться только на эмпирических фактах (полученных в ходе многократной экспериментальной проверки теоретической модели). Вся сложность и драматичность актуальной ситуации заключается в том, что такого рода программы чрезвычайно необходимы сейчас, от них зависит безопасность и благополучие современного общества.

Литература

1. *Beladavi S., Hogg M.A.* Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In: S.R.Thye, E.J.Lawler (eds.). *Advances in Group Processes*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019. P. 61—77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
2. *Best D., Beckwith M., Haslam C., Haslam S. A., Jetten J., Mawson E., Lubman D.* Overcoming alcohol and other drug addiction as a process of social identity transition: the social identity model of recovery (SIMOR) // *Addiction Research and Theory*. 2015. Vol. 24. P. 111—123
3. *Campbell D.* Common Fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of persons as social entities // *Behavioral Science*. 1958. Vol. 3. P. 14—25.
4. *Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R.* Terrorism, radicalization, and de-radicalization // *Current Opinion in Psychology*. 2016. Vol. 11. P. 79—84.
5. *Elshimi M.S.* Introduction. In: M.S. Elshimi (ed.). *De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion*. Abington: Routledge, 2017. P. 1—19.
6. *Gaffney A.M., Rast III D.E., Hogg M.A.* Uncertainty and Influence: The Advantages (and Disadvantages) of Being Atypical // *Journal of Social Issues*. 2018. Vol. 74. P. 20—35. DOI: 10.1111/josi.12254

7. Goldman L., Giles H., Hogg M.A. Going to extremes: Social identity and communication processes associated with gang membership // *Group Processes and Intergroup relations*. 2014. Vol. 17. P. 813—832. DOI:10.1177/1368430214524289
8. Goldman L., Hogg M.A. Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance // *Journal of Applied Social Psychology*. 2016. Vol. 46. P. 544—553. DOI:10.1111/jasp.12382
9. Grip L., Kotajoki J. Deradicalisation, disengagement, rehabilitation and reintegration of violent extremists in conflict-affected contexts: a systematic literature review // *Conflict, Security and Development*. 2019. Vol. 19. P. 371—402. DOI:10.1080/14678802.2019.1626577
10. Guidère M. Atlas du terrorisme islamiste: d'Al-Qaida à Daech. Paris: Editions Autrement, 2017. 95 p.
11. Harris K. J. Leaving ideological social groups behind: A Grounded theory of psychological disengagement. Doctoral Thesis: Edith Cowan University. 2015 [Электронный ресурс]. <https://ro.ecu.edu.au/theses/1587> (дата обращения: 18.01.2020).
12. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. The new psychology of health. London: Routledge, 2018. 490 p.
13. Hogg M.A. From uncertainty to extremism: social categorisation and identity process // *Current Direction in Psychological Science*. 2014. Vol. 23. P. 338—342.
14. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In P. A.M. Van Lange, A.W. Kruglanski, & E.T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Sage Publications Ltd, 2012. P. 62—80. DOI:10.4135/9781446249222.n29
15. Hogg M.A. Uncertainty-identity theory. In: M.P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press, 2007. Vol. 39. P. 69—126.
16. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioral consequences of identity uncertainty // *Revista de Psicologia Social*. 2015. Vol. 30. P. 586—613. DOI:10.1080/02134748.2015.1065090
17. Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In: M.A. Hogg, D.L. Blaylock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012. P. 19—35.
18. Hogg M.A., Wagoner J.A. Uncertainty-identity theory. In: K. Young Yun (ed.). *The International Encyclopedia of Intercultural Communication*. New York: John Wiley & Sons, 2017. P. 1—9. DOI:10.1002/9781118783665.ieicc0177
19. Horgan J. Deradicalization or Disengagement? A Process in Need of Clarity and a Counterterrorism Initiative in Need of Evaluation // *Perspective on Terrorism*. 2008. Vol. 2. P. 3—8.
20. Jung J., Hogg M.A., Choi H.-S. Recategorization and ingroup projection: Two processes of identity uncertainty reduction // *Journal of Theoretical Social Psychology*. 2019. Vol. 3. P. 97—114. DOI:10.1002/jts5.37
21. Kruglanski A. W., Gelfand M., Bélanger J. J., Shaveland A., Hettiarachchi M., Gunaratna R. The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism // *Political Psychology*. 2014. Vol. 35. P. 69—93. DOI: 10.1111/pops.12163
22. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization // *Terrorism and Political Violence*. 2020. DOI: 10.1080/09546553.2020.1763964

23. *Moliner P.* Radicalisation, déradicalisation... Que savons-nous au juste? // The conversation. 2.06.2017 [Электронный ресурс] <https://theconversation.com/radicalisation-deradicalisation-que-savons-nous-au-juste-78495> (дата обращения: 18.02.2020).
24. *Moscovici S.* Psychologie des minorités actives. Paris: Presses Universitaires de France, 1979. 275 p.
25. *Sani F.* When Subgroups Secede: Extending and Refining the Social Psychological Model of Schism in Groups // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2005. Vol. 31. P. 1074—1086. DOI:10.1177/0146167204274092
26. *Sani F., Todman J.* Should we stay or should we go? A social psychological model of schisms in groups // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 2002. Vol. 28. P. 1647—1655. DOI:10.1177/014616702237646
27. *Syafiq M.* Deradicalisation and Disengagement from Terrorism and Threat to Identity: An Analysis of Former Jihadist Prisoners' Accounts // *Psychology and Developing Societies*. 2019. Vol. 31. P. 227—251. DOI:10.1177/0971333619863169
28. *Tajfel H., Turner J.C.* An integrative theory of intergroup conflict. In: W. G. Austin, S. Worchel (eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979. P. 33—47.
29. *Woo D.J., Giles H., Hogg M.A., Goldman L.* A social psychology of gangs: An intergroup communication perspective. In: S. H. Decker, D. C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs*. New York: Wiley-Blackwell, 2015. P. 136—156.

References

1. *Beladavi S., Hogg M.A.* Social categorisation and identity process in uncertainty management: the role of intragroup communication. In: S.R.Thye, E.J.Lawler (eds.). *Advances in Group Processes*. Bingley: Emerald Publishing Limited, 2019, pp. 61-77. DOI:10.1108/S0882-614520190000036006
2. *Best D., Beckwith M., Haslam C., Haslam S. A., Jetten J., Mawson E., Lubman D.* Overcoming alcohol and other drug addiction as a process of social identity transition: the social identity model of recovery (SIMOR). *Addiction Research and Theory*, 2015. Vol. 24, pp.111-123
3. *Campbell D.* Common Fate, similarity, and other indices of the status of aggregates of persons as social entities. *Behavioral Science*, 1958. Vol. 3, pp.14-25.
4. *Doosje B., Moghaddam F.M., Kruglanski A.W., de Wolf A., Mann L., Feddes A.R.* Terrorism, radicalization, and de-radicalization. *Current Opinion in Psychology*, 2016. Vol.11, pp. 79-84.
5. *Elshimi M.S.* Introduction. In: M.S. Elshimi (ed.). *De-Radicalisation in the UK Prevent Strategy: Security, Identity and Religion*. Abington: Routledge, 2017, pp.1-19
6. *Gaffney A.M., Rast III D.E., Hogg M.A.* Uncertainty and Influence: The Advantages (and Disadvantages) of Being Atypical. *Journal of Social Issues*, 2018. Vol.74, pp.20-35. DOI: 10.1111/josi.12254
7. *Goldman L., Giles H., Hogg M.A.* Going to extremes: Social identity and communication processes associated with gang membership. *Group Processes and Intergroup relations*, 2014. Vol.17, pp.813-832. DOI:10.1177/1368430214524289
8. *Goldman L., Hogg M.A.* Going to extremes for one's group: the role of prototypicality and group acceptance. *Journal of Applied Social Psychology*, 2016. Vol. 46, pp.544-553. DOI:10.1111/jasp.12382.

9. Grip L., Kotajoki J. Deradicalisation, disengagement, rehabilitation and reintegration of violent extremists in conflict-affected contexts: a systematic literature review. *Conflict, Security and Development*, 2019. Vol.19, pp.371-402. DOI:10.1080/14678802.2019.1626577
10. Guidère M. *Atlas du terrorisme islamiste: d'Al-Qaida à Daech*. Paris: Editions Autrement, 2017. 95 p.
11. Harris K. J. *Leaving ideological social groups behind: A Grounded theory of psychological disengagement*. Doctoral Thesis: Edith Cowan University. 2015. <https://ro.ecu.edu.au/theses/1587> (Accessed: 18.01.2020).
12. Haslam C., Jetten J., Cruwys T., Dingle G., Haslam S.A. *The new psychology of health*. London: Routledge, 2018. 490 p.
13. Hogg M.A. From uncertainty to extremism: social categorisation and identity process. *Current direction in psychological science*, 2014. Vol.23, pp.338-342.
14. Hogg M. A. Uncertainty-identity theory. In P. A. M. Van Lange, A. W. Kruglanski, & E. T. Higgins (eds.). *Handbook of theories of social psychology*. Sage Publications Ltd, 2012, pp.62-80. DOI:10.4135/9781446249222.n29
15. Hogg M. A. Uncertainty-identity theory. In: M. P. Zanna (ed.). *Advances in experimental social psychology*. San Diego, CA: Academic Press, 2007. Vol. 39, pp. 69-126.
16. Hogg M.A. To belong or not to belong: some self-conceptual and behavioral consequences of identity uncertainty. *Revista de Psicologia Social*, 2015. Vol.30, pp.586-613. DOI:10.1080/02134748.2015.1065090
17. Hogg M.A. Self-uncertainty, social identity and the solace of extremism. In: M.A.Hogg, D.L.Blalock (eds.). *Extremism and psychology of uncertainty*. Oxford: Wiley-Blackwell, 2012, pp.19-35.
18. Hogg M.A., Wagoner J.A. Uncertainty-identity theory. In: K. Young Yun (ed.). *The International Encyclopedia of Intercultural Communication*. New York: John Wiley & Sons, 2017, pp.1-9. DOI:10.1002/9781118783665.ieicc0177
19. Horgan J. Deradicalization or Disengagement? A Process in Need of Clarity and a Counterterrorism Initiative in Need of Evaluation. *Perspective on terrorism*, 2008. Vol.2, pp.3-8.
20. Jung J., Hogg M.A., Choi H.-S. Recategorization and ingroup projection: Two processes of identity uncertainty reduction. *Journal of Theoretical Social Psychology*, 2019. Vol.3, pp. 97—114. DOI:10.1002/jts5.37
21. Kruglanski A. W., Gelfand M., Bélanger J. J., Shaveland A., Hettiarachchi M., Gunaratna R. The psychology of radicalization and deradicalization: How significance quest impacts violent extremism. *Political Psychology*, 2014. Vol.35, pp. 69 —93. DOI: 10.1111/pops.12163
22. McCauley C. The ABC model: Commentary from the Perspective of the Two Pyramids Model of Radicalization. *Terrorism and Political Violence*, 2020. DOI: 10.1080/09546553.2020.1763964
23. Moliner P. Radicalisation, déradicalisation... Que savons-nous au juste? *The conversation*. 2.06.2017 <https://theconversation.com/radicalisation-deradicalisation-que-savons-nous-au-juste-78495> (Accessed: 18.02.2020).
24. Moscovici S. *Psychologie des minorités actives*. 1979. Paris: Presses Universitaires de France. 275 p.
25. Sani F. When Subgroups Secede: Extending and Refining the Social Psychological Model of Schism in Groups. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2005. Vol.31, pp.1074—1086.

DOI:10.1177/0146167204274092

26. Sani F., Todman J. Should we stay or should we go? A social psychological model of schisms in groups. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2002. Vol. 28, pp.1647—1655. DOI:/10.1177/014616702237646

27. Syafiq M. Deradicalisation and Disengagement from Terrorism and Threat to Identity: An Analysis of Former Jihadist Prisoners' Accounts. *Psychology and Developing Societies*, 2019. Vol. 31, pp. 227—251. DOI:10.1177/0971333619863169

28. Tajfel H., Turner J. C. An integrative theory of intergroup conflict. In: W. G. Austin, S. Worchel (eds.). *The social psychology of intergroup relations*. Monterey, CA: Brooks/Cole, 1979, pp.33-47.

29. Woo D. J., Giles H., Hogg M. A., Goldman L. A social psychology of gangs: An intergroup communication perspective. In: S. H. Decker, D. C. Pyrooz (eds.). *Handbook of gangs*. New York: Wiley-Blackwell, 2015, pp.136-156.

Информация об авторах

Бовин Борис Георгиевич, кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (ФКУ НИИ ФСИН России), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Бовина Инна Борисовна, доктор психологических наук, профессор кафедры клинической и судебной психологии, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Тихонова Анастасия Дмитриевна, магистр психологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>, e-mail: anastasia.dolphin@yandex.ru

Information about the authors

Boris G. Bovin, PhD in Psychology, Associate Professor, Leading researcher, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9255-7372>, e-mail: bovinbg@yandex.ru

Inna B. Bovina, PhD in Psychology, Research Director, Associate Professor, Department of Clinical and Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9497-6199>, e-mail: innabovina@yandex.ru

Anastasiya D. Tikhonova, MA in Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0030-2119>, e-mail: anastasia.dolphin@yandex.ru

Получена 01.09.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 01.09.2020
Accepted 02.02.2021

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ | INTERDISCIPLINARY STUDIES

Психологические аспекты проектирования обучения сотрудников правоохранительных органов с учетом их субъектной позиции

Ходякова Н.В.

Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»),
г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4340-0744>, e-mail: hodyakova@yandex.ru

Митин А.И.

Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО
МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9202-2087>, e-mail: mitin_ai@mail.ru

Ульянина О.А

Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»),
Российская академия образования (ФГБУ РАО), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

В статье с позиций компетентностного и личностного подходов обосновывается необходимость изучения субъектных позиций сотрудников правоохранительных органов и учета этих позиций в проектировании обучения. Приводится авторская типологизация субъектных позиций. Обсуждаются психолого-педагогические риски дезадаптации в процессе профессионально-личностного развития в среде, требующие особого психологического и педагогического сопровождения. Приводятся результаты исследования, выявляющие средние и абсолютные соотношения количественного состава групп обучающихся в Академии управления МВД России, которые отнесены к четырем выделенным субъектным позициям. В исследование приняли участие 422 респондента. Метод исследования — анкетный опрос. Проверка полученных данных с помощью построения таблицы сопряженности и критерия χ^2 Пирсона подтвердила гипотезу о взаимосвязи субъектной позиции обучающегося и требуемой ему ролью преподавателя. Выделенные позиции обучающихся и роли преподавателей в целом имеют взаимно согласованный характер (на уровне значимости $0,01 \leq r \leq 0,76$). На основе теоретического анализа и полученных эмпирических данных сформулированы методологические регулятивы проектирования систем ведомственного обучения.

Ходякова Н.В., Митин А.И., Ульянина О.А.
Психологические аспекты проектирования обучения
сотрудников правоохранительных органов с учетом их
субъектной позиции
Психология и право. 2021. Том 1. № 1. С. 195—209.

Khodyakova N. V., Mitin A. I., Ulyanina O. A.
Psychological Aspects of Designing the Education
Process of Law Enforcement Personnel with their
Subjective Position in Mind
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1,
pp. 195—209.

Ключевые слова: обучение, проектирование обучения, сотрудники правоохранительных органов, субъектная позиция.

Для цитаты: Ходякова Н.В., Митин А.И., Ульянина О.А. Психологические аспекты проектирования обучения сотрудников правоохранительных органов с учетом их субъектной позиции // Психология и право. 2021. Том 1. № 1. С. 195—209. DOI: 10.17759/psylaw.2021110115

Psychological Aspects of Designing the Education Process of Law Enforcement Personnel with their Subjective Position in Mind

Natalia V. Khodyakova

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4340-0744>, e-mail: hodyakova@yandex.ru

Alexander I. Mitin

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9202-2087>, e-mail: mitin_ai@mail.ru

Olga A. Ulyanina

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Russian Academy of Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

The article justifies the necessity for studying and taking into account the subjective positions of law enforcement officers in designing their education. This is accomplished using skill- and personality-based approaches. The author's typology of such subjective positions is given. Psychological and educational risks of maladjustment in the process of professional and personal development are discussed along with the special psychological and educational counselling that are needed to handle them. The results of research are given, revealing average and absolute proportions of groups of students of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia who were mapped to the four subjective positions that have been singled out. 422 respondents took part in the research, which was questionnaire based. Checking the obtained data with the contingency table and Pearson's chi-squared test confirmed the hypothesis of a relationship between the student's subjective position and the lecturer's role he/she needs. On the whole, the singled out learners' positions and the lecturers' roles are mutually correlated (at a 0.01 significance level $0,21 \leq r \leq 0,76$). Basing on the theoretical analysis and the empirical data obtained we formulated methodological principles for designing of departmental education systems.

Keywords: education, designing of education process, law enforcement personnel, subjective position.

For citation: Khodyakova N.V., Mitin A.I., Ulyanina O.A. Psychological Aspects of Designing the Education Process of Law Enforcement Personnel with their Subjective Position in Mind. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 195–209. DOI: 10.17759/psylaw.2021110115 (In Russ.).

Введение

Современные требования общества и государства к сотрудникам правоохранительных органов обусловлены существующими криминальными вызовами и угрозами, ориентируют правоохранителей на опережающую активность в противодействии преступности и, в силу этого, предполагают их непрерывный профессионально-личностный рост, постоянное повышение уровня компетентности и общей культуры [16]. Однако традиционная дидактика, предписывающая педагогическим работникам передачу обучающимся заранее определенного объема знаний, умений и навыков, на сегодняшний день не может обеспечить достижение цели подготовки для правоохранительных органов компетентных специалистов, не только обладающих функциональной грамотностью в профессии, но и проявляющих позицию субъектов своего непрерывного образования и профессионального развития [1; 7; 10; 13].

Позиция человека — это система его взаимосвязанных отношений к себе и окружающей среде. Реализуя свою активность в профессиональной среде, выступая субъектом профессиональной деятельности и общения, сотрудник проявляет определенную субъектную позицию. Как показано в наших исследованиях [11; 17; 18], смена субъектной позиции выступает критерием поступательного личностного развития человека:

1) «реципиент» — позиция субъекта адаптации и рецепции, некритично воспринимающего профессиональную среду, действующие в ней нормы и правила, исполняющего профессиональные действия по заданному образцу;

2) «деятель» — позиция субъекта самостоятельной деятельности в профессиональной среде, свободно избирающего виды и средства достижения поставленных целей;

3) «коммуникатор» — позиция субъекта диалога с профессиональной средой и субъекта рефлексии, осуществляющего поиск личностных смыслов и ценностных ориентиров в профессии и их предъявление своему профессиональному окружению;

4) «новатор» — позиция субъекта инновационных изменений в профессиональной среде и субъекта саморазвития, реализующего свои смыслы и ценности в творческой профессиональной деятельности и саморегуляции.

Каждому из обсуждаемых типов субъектной позиции соответствуют необходимые для развития сотрудника ОВД условия социокультурной (профессиональной) среды и психологические механизмы [19; 20]. Так, «реципиенту» требуются условия новизны, системности и дозированной поступающей информации, предъявления ему актуальных требований, правил, норм поведения и деятельности в данной среде, реализации парной коммуникации с педагогическим субъектом и соответствующей педагогической оценки активности сотрудника, обеспечения психологической безопасности и эмоциональной привлекательности среды [14]. Обучающемуся, находящемуся в этой позиции, развитие

обеспечивают психологические механизмы восприятия средовой информации и воспроизведения заданных в среде образцов.

Сотрудник, находящийся в позиции «деятеля» и уже овладевший опытом адаптации в профессиональной среде, ощущает потребность испытать себя, свои силы в ходе самостоятельной деятельности в среде. Он структурирует профессиональную среду, выделяет в ней значимые для себя субъекты и объекты, самостоятельно определяет цели профессиональной деятельности и свободно избирает средства их достижения, нуждается в сравнительной оценке с другими субъектами профессиональной деятельности, обеспечении в среде условий соревновательности. Механизмом развития в этой позиции выступает свободный выбор в среде.

«Коммуникатору», овладевшему разнообразным опытом профессиональной деятельности требуются условия для ее рефлексии, т. е. осмысления того, что им движет в профессиональной среде, каковы его личностные смыслы и базовые ценности в профессии, каковы его профессиональные планы и перспективы, а также условия для обсуждения этих вопросов в референтной для него группе. Для развития сотрудника-«коммуникатора» профессиональная среда должна предоставить ему возможность заявить о своих рефлексивных представлениях и сравнить их с социокультурными образцами. Механизмами развития «коммуникатора» становятся рефлексия и диалог в среде. Особую роль приобретает социально-групповая оценка ценностно-смыслового самовыражения сотрудника в референтной для него коммуникации.

«Новатор», у которого уже сформирована определенная система убеждений, испытывает необходимость в самоутверждении, максимальной творческой свободе, устранении барьеров для креативного мышления, минимизации внешнего контроля и руководства. Реализуя инновационные преобразования в профессиональной среде, он закономерно изменяется сам, на основе самооценки корректирует свои взгляды и представления. Ведущие механизмы развития личности в этой позиции — творчество и саморегуляция. Субъектная позиция «новатора» является обобщенным критерием проявления качеств личностной зрелости сотрудника в данной среде и требует качественной трансформации или замены профессиональной среды.

Сотрудники правоохранительных органов регулярно обучаются в рамках ведомственного непрерывного образования. В эти периоды их профессиональной средой становится среда образовательная, к которой в полной мере применимы названные выше требования.

К сожалению, изучение субъектной позиции обучающегося в образовательном процессе, подбор адекватных средовых условий для его постоянного профессионально-личностного развития пока не стало нормой для проектировщиков образовательных систем, при этом оно является одним из резервов повышения качества ведомственного образования [2; 12; 15].

Особенно актуальным проектирование обучения с учетом субъектной позиции обучающихся представляется для действующих сотрудников правоохранительных органов — взрослых людей, специалистов с жизненным и профессиональным опытом, имеющих определенные ожидания и потребности относительно процесса и результатов своего образования.

Методика исследования

С целью выявления преобладающих субъектных позиций сотрудников

правоохранительных органов нами в 2018 и 2019 гг. было проведено эмпирическое исследование (анкетирование), в котором приняли участие 422 сотрудника, проходивших обучение в Академии управления МВД России по различным направлениям подготовки в магистратуре (в очной и заочной формах), подготовки научно-педагогических кадров (в очной и заочной формах) и по программам повышения квалификации на Высших академических курсах.

Каждому из респондентов было задано пять вопросов, на которые можно было ответить, выбрав только один из пяти вариантов ответов: первые четыре ответа соответствовали четырем типам субъектной позиции сотрудника, пятый вариант предусматривал неучтенный автором анкеты возможный вариант и предлагался для заполнения в открытой форме. Сразу оговоримся, что из заполненных по пятому варианту девяти анкет семь семантически повторяли один из четырех предложенных вариантов, а две анкеты были испорчены и не были включены в общую выборку.

Первые три вопроса анкеты были ориентированы на выяснение отношения респондентов к дидактической триаде, лежащей в основе любого образовательного проекта: цель, содержание и методы обучения. Четвертый вопрос определял подходящую для обучающегося роль педагога в образовательном процессе: «профессионал», «тьютор», «модератор» или «фасилитатор». Пятый вопрос выявлял осознаваемую обучающимся его субъектную позицию.

Результаты исследования

Анализируя ответы по совокупности всех пяти вопросов, необходимо отметить, что более чем третья часть респондентов (среднее значение — 37,16%) давала ответы, соответствующие позиции «коммуникатор». При этом осознавали себя в субъектной позиции «коммуникатора» более 43% опрошенных. Позиция «реципиент» по совокупности ответов могла быть отнесена к чуть менее трети опрашиваемых (среднее значение — 32,09%). Осмысление своей позиции как «реципиента» произошло у респондентов, которые составили около 28%. Ответы, характерные для позиции «деятель», избрала почти пятая часть анкетированных (среднее значение — 19,58%). Выбор для себя позиции «деятель» осуществили около 18% анкетированных. Ответы, соответствующие позиции «новатор», были даны более чем десятой частью респондентов (среднее значение — 11,19%), а осознание своей позиции как «новатора» произошло у 9% опрошенных. Результаты анкетирования приведены в табл. 1.

Таблица 1

Распределение респондентов по типам субъектных позиций

Варианты ответов	Количество ответив- ших (человек)	Количество ответив- ших (%)
Для Вас главной целью обучения в Академии является:		
а) получение новых знаний для успешной адаптации к условиям предстоящей профессиональной деятельности	80	18,96%
б) приобретение умений и навыков, практического опыта успешной самостоятельной деятельности в избранной профессии	173	41%

Ходякова Н.В., Митин А.И, Ульянина О.А.
 Психологические аспекты проектирования обучения
 сотрудников правоохранительных органов с учетом их
 субъектной позиции
 Психология и право. 2021. Том 1. № 1. С. 195—209.

Khodyakova N. V., Mitin A. I., Ulyanina O. A.
 Psychological Aspects of Designing the Education
 Process of Law Enforcement Personnel with their
 Subjective Position in Mind
 Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1,
 pp. 195—209.

в) конструктивное общение с коллегами и преподавателями, обмен мнениями по проблемным вопросам профессиональной деятельности	126	29,86%
г) определение собственной стратегии и тактики профессиональной деятельности, готовность к инновационным изменениям в профессиональной среде	43	10,19%
Какое содержание обучения Вы считаете наиболее значимым:		
а) изучение актуальных источников информации по учебным вопросам, формирование системных знаний по всем разделам образовательной программы	158	37,44%
б) изучение вариативных источников учебной информации; свободный выбор учебных предметов, видов учебной деятельности, учебных задач	42	9,95%
в) проблемный контекст изучаемого материала, представление дискуссионных точек зрения по учебным вопросам	191	45,26%
г) исследовательская деятельность, выполнение креативных учебно-профессиональных проектов	31	7,35%
Какая методика обучения для Вас более предпочтительна:		
а) традиционная, когда преподаватель доходчиво излагает учебный материал, обучающиеся его воспринимают, понимают, запоминают и воспроизводят; по итогам обучения педагог оценивает успешность каждого	147	34,83%
б) вариативная, при которой преподаватель предлагает на выбор различные виды учебной деятельности и способы их осуществления, несколько уровней сложности учебных задач, а обучающийся самостоятельно реализует выбор, пробует свои силы в освоении различных учебных действий, сравнивает свои результаты с результатами других обучающихся на основе критериев объективной оценки	54	12,80%
в) диалогическая, когда преподаватель организует межличностное взаимодействие, следит за соблюдением правил общения и сотрудничества, а обучающиеся в процессе коммуникации выражают свою позицию, взаимно обогащают знания и опыт друг друга, при этом оценка их действий формируется на основе социокультурных норм и мнения группы	165	39,10%
г) продуктивная, когда преподаватель создает благоприятные условия для творческой деятельности обучающихся: выявления и самостоятельной формулировки проблем в данной предметной области, разработки инновационных предложений по их решению, проверки практической реализуемости выдвинутых инноваций, самооценки и самокоррекции	56	13,27%
Какой тип профессионального поведения и деятельности преподавателя Вам более всего импонирует:		
а) «профессионал» — отлично знающий свой предмет и задающий образец выполнения соответствующей предметной деятельности, способный внятно и доступно объяснить сложные вопросы, справедливо оценивающий результаты обучения	172	40,76%
б) «тьютор» — широко эрудированный, владеющий различными технологиями деятельности, умеющий эффективно организовать учебные игры, конкурсы и соревнования, предоставляющий в обучении максимальную свободу выбора и готовый проконсультировать обучающихся в ходе формирования их «индивидуального образовательного маршрута»	67	15,88%
в) «модератор» — педагог высокого уровня культуры, обладающий способностью к взаимопониманию, умеющий сформулировать актуальную проблему и эффективно организовать ее обсуждение в группе, способный преодолеть психологические барьеры в общении и обеспечить психологическую безопасность каждому из участников коммуникации	117	27,73%
г) «фасилитатор» — педагог, обладающий открытостью и широтой мышления, демонстрирующий в своей деятельности гибкость и адаптивность, готовый	66	15,64%

ответить на особые образовательные запросы и потребности обучающихся, поддерживающий в обучающихся их творческую индивидуальность, задающий образец профессионально-личностного саморазвития		
Какая из условно выделенных ролей обучающихся Вам наиболее близка:		
а) «реципиент» — субъект, активно воспринимающий учебную информацию и требования педагогов, добывающийся их полного понимания, стремящийся сформировать у себя четкую систему представлений по изучаемым предметам, добросовестно выполняющий все задания, нормы и правила учебной деятельности	120	28,44%
б) «деятель» — субъект самостоятельной учебной предметно-практической деятельности, заинтересованный в своей объективной успешности, способный к выделению в образовательной среде значимых для себя учебных дисциплин и преподавателей, готовый к участию в учебных играх, конкурсах и соревнованиях, познающий и развивающий свои индивидуальные способности и возможности	77	18,25%
в) «коммуникатор» — субъект учебного общения и совместной деятельности, формирующий и представляющий окружающим свою собственную профессиональную позицию, готовый к ценностно-смысловому диалогу по проблемам служебной деятельности, толерантно воспринимающий точки зрения оппонентов, внимательный к оценке своих действий со стороны других участников учебного взаимодействия	185	43,84%
г) «новатор» — субъект, имеющий собственные представления о должной профессиональной и учебной деятельности, готовый к реализации на практике своих идей и предложений, осознающий и преодолевающий психологические риски и сопротивление среды, утверждающийся в своей правоте или самостоятельно корректирующий свои модельные представления	40	9,48%

Полученные данные свидетельствуют о том, что сотрудники правоохранительных органов в обучении выбирают для себя разные приоритеты, что требует дифференцированного подхода к ним и соответствующего проектирования образовательной среды, в которой каждая из выделенных групп обучающихся найдет подходящие условия для своего профессионально-личностного развития [6]. Кроме того, особого внимания со стороны проектировщиков образовательного процесса заслуживает наиболее многочисленная группа «коммуникатор»: при отборе содержания обучения ей необходимо обеспечить проблемный контекст изучаемого материала, приоритетными методами обучения этой группы должны стать дискуссия и диалог. В проектировании образовательной среды для группы «реципиент» важно содержание обучения выстроить в систематизированном виде, а в качестве методов обучения избрать традиционные объяснительно-наглядные и репродуктивные методы. Для группы «деятель» образовательная среда должна в части содержания обучения предоставить возможность пользоваться альтернативными источниками учебной информации, а в части методов обеспечить вариативность и избирательность средств учебной деятельности. Несмотря на немногочисленность группы «новатор», ей также требуются специфические условия образовательной среды: возможности самостоятельного выбора содержания обучения и процессуальные возможности для творческой деятельности [3].

Заметим, что проектирование образовательной среды, предусматривающей условия для профессионально-личностного развития [4] представителей всех выделенных групп

обучающихся, предполагает реализацию преподавателем нескольких профессиональных репертуаров:

- носителя и «транслятора» современных профессиональных знаний (роль педагога «профессионал» оказалась наиболее значимой для более чем 40% опрошенных);
- тьютора, владеющего многими технологиями профессиональной деятельности и способного им обучить других (педагогическую роль «тьютор» предпочли более 15% анкетированных);
- организатора продуктивного сотрудничества и ценностно-смыслового общения (педагогическую роль «модератор» выбрали в качестве предпочтительной более 27% респондентов);
- творческой индивидуальности, находящейся в непрерывном профессионально-личностном развитии (роль «фасилитатор» для педагога выбрали около 9% опрошенных).

Анализ результатов исследования

Проведенный нами корреляционный анализ полученных в опросе данных показал следующие прямые связи между позицией обучающегося и предпочитаемой им ролью преподавателя:

- обучающийся «реципиент» выбирает преподавателя в роли «профессионал» (коэффициент корреляции $r=0,76$);
- обучающийся «деятель» выбирает преподавателя в роли «тьютор» (коэффициент корреляции $r=0,21$);
- обучающийся «коммуникатор» выбирает преподавателя в роли «модератор» (коэффициент корреляции $r=0,58$);
- обучающийся «новатор» выбирает преподавателя в роли «фасилитатор» (коэффициент корреляции $r=0,51$).

Как видим, на уровне значимости 0,01 в первом случае имеет место сильная связь, что, вероятно, объясняется привычным распределением функций между преподавателем и обучающимся в традиционном обучении. В третьем и четвертом случаях связь умеренная, но вместе с тем выраженная, что говорит о согласованности выбора обучающимися своей позиции и роли преподавателя. Во втором случае связь чуть слабее, что возможно объясняется двумя обстоятельствами: во-первых, некоторой недооценкой консультационно-организаторской функции преподавателя-тьютора и переоценкой своей независимости в ситуациях самостоятельно детерминируемой учебной деятельности и, во-вторых, стремлением взаимодействовать с преподавателем в более перспективной для себя позиции. Кроме того, выявлена сильная обратная связь между позицией обучающегося «коммуникатор» и ролью преподавателя «профессионал» (коэффициент корреляции $r=-0,73$). С учетом того, что группа обучающихся с позицией «коммуникатор» — самая многочисленная, данный результат представляется значимым и свидетельствует, на наш взгляд, о категорическом неприятии представителями этой группы традиционной роли преподавателя, ограниченной объяснением нового материала и требованием воспроизведения усвоенного.

Проверка полученных данных с помощью построения таблицы сопряженности и критерия χ^2 Пирсона подтвердила гипотезу о взаимосвязи субъектной позиции обучающегося и

требуемой ему ролью преподавателя. При этом наиболее сильные связи также выявлены в парах «реципиент—профессионал» и «коммуникатор—модератор».

Образовательная среда, по сути, выступает «местом встречи» двух личностей — педагога и обучающегося, каждый из которых является субъектом своей собственной позиции и соответствующей активности в этой среде. Обучающийся воспринимает, структурирует образовательную среду, адаптируется к ней, экспериментирует со средой, анализирует производимые в среде действия, вступает со средой в диалог, предъявляет ей свою субъектную позицию, самоутверждается в среде. Педагог изучает позиции обучающихся, проектирует для каждой группы развивающие условия среды, в том числе продумывает свои педагогические действия, анализирует эффективность созданных условий, при необходимости корректирует среду и свою деятельность, тем самым развивает свое профессиональное мышление [3].

Обсуждаемая модель образовательного процесса позволяет реально осуществлять субъект-субъектное взаимодействие участников обучения по поводу общего объекта — образовательной среды, хотя и не гарантирует стопроцентный развивающий эффект. Личностно-развивающий образовательный процесс всегда носит вероятностный характер, так как является субъекто-зависимым [5]. В нем возможны не только затруднения при переходе обучающегося от одной субъектной позиции к другой, но и ситуации дезадаптации.

В связи с этим проектирование образовательного процесса как среды профессионально-личностного развития сотрудников правоохранительных органов предусматривает и преодоление возможных психолого-педагогических рисков посредством педагогической поддержки [8]. К таким рискам нами отнесены: для группы «реципиент» — стрессогенность среды, наличие в ней «информационных шумов», порождающих деструкцию когнитивного опыта и негативные эмоциональные переживания; для группы «деятель» — объективная неуспешность деятельности, приводящая к потере мотивации; для группы «коммуникатор» — конфликтность общения в среде, вызывающая изоляцию; для группы «новатор» — дискредитация субъектной позиции, порождающая внутриличностный кризис [9]. Данные психолого-педагогические риски и соответствующие им средства педагогической поддержки обучающихся отражены в табл. 2.

Таблица 2.

Психолого-педагогические риски дезадаптации и их преодоление

Субъектная позиция	Средовые риски	Проявления дезадаптации	Средства психолого-педагогической поддержки
«Реципиент»	Стрессогенность образовательной среды, наличие в ней «информационных шумов»	Деструкция когнитивного опыта, негативные эмоциональные переживания	Обеспечение целостности и позитивности восприятия обучающегося
«Деятель»	Объективная неуспешность учебной деятельности	Отсутствие мотивации учебной деятельности	Обеспечение индивидуального режима обучения
«Коммуникатор»	Конфликтность учебного общения	Изоляция в образовательной	Обеспечение в среде герменевтического референтного общения

		среде	
«Новатор»	Дискредитация субъектной позиции	Внутриличностный кризис	Обеспечение психологической помощи в сохранении личностной целостности

Основные выводы

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что в основе проектирования профессионально- и личностно-развивающего обучения сотрудников правоохранительных органов должны лежать следующие методологические регулятивы:

- обучение должно интерпретироваться как процесс субъектного взаимодействия обучающихся и преподавателей с образовательной средой как объектом их профессионально-личностной активности;
- каждому обучающемуся соответствует свой тип активности в образовательной среде, выражаемый его субъектной позицией;
- полный цикл профессионально-личностного развития в образовательной среде состоит в восхождении обучающегося от позиции воспринимающего информацию адаптирующегося индивида к позиции субъекта инновационных преобразований в среде;
- смена субъектных позиций обучающегося требует смены условий развивающей образовательной среды;
- выделенные позиции обучающихся и роли преподавателей в целом имеют взаимно согласованный характер (на уровне значимости $0,01 \leq r \leq 0,76$), при этом наибольшая по своему количественному составу группа обучающихся в позиции «коммуникатор» категорически не приемлет ограничение педагогической деятельности традиционными функциями трансляции учебного материала и организации его воспроизведения;
- профессионально-личностное развитие обучающегося может сопровождаться рисками его дезадаптации в образовательной среде и нуждается в психолого-педагогической поддержке со стороны педагога.

Литература

1. Бурцев А.О. Психологические аспекты совершенствования профессионального развития управленческих кадров (на примере Министерства внутренних дел Российской Федерации) // Прикладная юридическая психология. 2017. № 3. Том 40. С. 69—75.
2. Воронин А.Н., Кубрак Т.А. Концептуализация феномена субъектности сетевого сообщества с использованием метода обоснованной теории [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 3. С. 4—14. DOI: <https://doi.org/10.17759/expsy.2020130301>
3. Дубинин А.В., Боровицкий А.М., Наумов П.Ю. Формирование профессиональной успешности будущего офицера в образовательной среде военной образовательной организации как психолого-педагогическая проблема // Педагогический журнал. 2020. Том 10. № 1—1. С. 89—95.
4. Карпинский К.В., Гижук Т.В., Кисельникова Н.В. Функциональная оптимальность личностного смысла профессии [Электронный ресурс] // Экспериментальная психология. 2020. Том 13. № 1. С. 171—183. DOI: <https://doi.org/10.17759/expsy.2020130113>

Ходякова Н.В., Митин А.И., Ульянина О.А.
Психологические аспекты проектирования обучения
сотрудников правоохранительных органов с учетом их
субъектной позиции
Психология и право. 2021. Том 1. № 1. С. 195—209.

Khodyakova N. V., Mitin A. I., Ulyanina O. A.
Psychological Aspects of Designing the Education
Process of Law Enforcement Personnel with their
Subjective Position in Mind
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1,
pp. 195—209.

5. Ковальчук И.А., Сочивко Д.В. Специфические системообразующие свойства интеллектуально-личностного потенциала сотрудников ФСИН России на начальном этапе служебной деятельности [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 2. С. 127—143. DOI:10.17759/psyedu.2020120208
6. Кочнев А.О., Николаев В.В., Ермилов В.В. Конструирование методов обучения при проектировании занятий в условиях современного образования // Вестник Российской международной академии туризма. 2020. № 1. С. 115—117.
7. Кравцов О.Г., Балашова В.А., Цветков В.Л. Особенности социального позиционирования оперативных сотрудников полиции [Электронный ресурс] // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2018. № 4(75). С. 60—64. DOI: 10.24411/1999-6241-2018-14011
8. Кунавцев Т.С. Педагогическая поддержка в проектировании личностно-ориентированной образовательной среды // Сибирский педагогический журнал. 2020. № 3. С. 38—46.
9. Пестова С.С. Акмеологический подход к изучению профессиональной мотивации молодых сотрудников органов внутренних дел // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2019. № 4. С. 98—108.
10. Сердюк Н.В., Семченко А.С. Система подготовки кадров в органах внутренних дел российской федерации // Прикладная психология и педагогика. 2020. Том 5. № 1. С. 205—220.
11. Склярченко И.С., Ходякова Н.В. Организация групповой учебной деятельности как проектирование личностно развивающей образовательной среды // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 249—255.
12. Столярченко А.М., Сердюк Н.В., Склярченко И.С., Вахнина В.В., Литвин Д.В., Ульянина О.А., Мальцева Т.В. Личностно-развивающая среда непрерывного образования сотрудников органов внутренних дел: коллективная монография / Под ред. Н.В. Павличенко, Н.В. Ходяковой. Волгоград: Бланк, 2018. 232 с.
13. Третьякова В.С. Теоретико-методологический анализ проблемы профессионального становления и развития личности на этапе профессиональной подготовки // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2020. Том 12. № 1 (47). С. 61—70.
14. Ульянина О.А. Психологические аспекты создание практико-ориентированной среды в образовательных организациях МВД России // Образование и наука. 2018. Том 20. № 10. С. 121—139.
15. Ульянина О.А. Создание практико-ориентированной образовательной среды в образовательных организациях МВД России как необходимое условие формирования компетентных специалистов // Сборник научных трудов Международной конференции «Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы» (30—31 мая 2017 г.). М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2017. С. 207—211.
16. Ульянина О.А., Леви М.В., Теплова О.А. Экспериментальное исследование формирования личностной компетентности сотрудников ОВД [Электронный ресурс] // Психология и право. 2020. Том 10. № 2. С. 179—200. <https://doi.org/10.17759/psylaw>
17. Ходякова Н.В. Ситуационно-средовой подход к проектированию личностно

Ходякова Н.В., Митин А.И., Ульянина О.А.
Психологические аспекты проектирования обучения
сотрудников правоохранительных органов с учетом их
субъектной позиции
Психология и право. 2021. Том 1. № 1. С. 195—209.

Khodyakova N. V., Mitin A. I., Ulyanina O. A.
Psychological Aspects of Designing the Education
Process of Law Enforcement Personnel with their
Subjective Position in Mind
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1,
pp. 195—209.

развивающих образовательных систем: дисс. ... д-ра. пед. наук. Волгоград, 2013. 465 с.

18. Ходякова Н.В. Ситуационно-средовой подход к проектированию содержания обучения и воспитания сотрудников полиции // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2020. № 4(90). С. 213—219.

19. Ходякова Н.В., Митин А.И. Учебный ситуационный центр как образовательная среда подготовки компетентных управленческих кадров // Прикладная психология и педагогика. 2020. Т. 5. № 4. С. 167—180.

20. Ходякова Н.В., Митин А.И. Учет психологических механизмов развития личности в проектировании образовательной среды [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование. 2017. Т. 22. № 4. С. 101—109. doi: 10.17759/pse.2017220414

References

1. Burtsev A.O. Psikhologicheskie aspekty sovershenstvovaniya professional'nogo razvitiya upravlencheskikh kadrov (na primere ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii) [Psychological aspects of improving the professional development of managerial personnel (on the example of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation)]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya* [Applied legal psychology], 2017. Vol. 40, no. 3, pp. 69—75. (In Russ.).
2. Voronin A.N., Kubrak T.A. Kontseptualizatsiya fenomena sub"ektnosti setevogo soobshchestva s ispol'zovaniem metoda obosnovannoi teorii [Conceptualization of the phenomenon of subjectivity of the network community using the method of grounded theory]. *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology], 2020. Vol. 13, no. 3, pp. 4—14. DOI: <https://doi.org/10.17759/expsy.2020130301>. (In Russ.; abstr. in Engl.).
3. Dubinin A.V., Borovitskii A.M., Naumov P.Yu. Formirovanie professional'noi uspeshnosti budushchego ofitsera v obrazovatel'noi srede voennoi obrazovatel'noi organizatsii kak psikhologo-pedagogicheskaya problema [Formation of professional success of a future officer in the educational environment of a military educational organization as a psychological and pedagogical problem]. *Pedagogicheskii zhurnal* [Pedagogical Journal], 2020. Vol. 10, no. 1—1, pp. 89—95. (In Russ.).
4. Karpinskii K.V., Gizhuk T.V., Kisel'nikova N.V. Funktsional'naya optimal'nost' lichnostnogo smysla professii [Functional optimality of the personal meaning of the profession]. *Eksperimental'naya psikhologiya* [Experimental Psychology], 2020. Vol. 13, no. 1, pp. 171—183. DOI: <https://doi.org/10.17759/expsy.2020130113>. (In Russ.; abstr. in Engl.).
5. Koval'chuk I.A., Sochivko D.V. Spetsificheskie sistemoobrazuyushchie svoystva intellektual'no-lichnostnogo potentsiala sotrudnikov FSIN Rossii na nachal'nom etape sluzhebnoi deyatel'nosti [Specific system-forming properties of the intellectual and personal potential of employees of the Federal Penitentiary Service of Russia at the initial stage of official activity]. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya* [Psychological and pedagogical research], 2020. Vol. 12, no. 2, pp. 127—143. DOI: [10.17759/psyedu.2020120208](https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120208). (In Russ.; abstr. in Engl.).
6. Kochnev A.O., Nikolaev V.V., Ermilov V.V. Konstruirovaniye metodov obucheniya pri proektirovaniy zanyatii v usloviyakh sovremennogo obrazovaniya [Construction of teaching methods in the design of classes in the conditions of modern education]. *Vestnik RMAT* [Bulletin of the Russian International Academy of Tourism], 2020, no. 1, pp. 115—117. (In Russ.).
7. Kravtsov O.G., Balashova V.A., Tsvetkov V.L. Osobennosti sotsial'nogo pozitsionirovaniya

Ходякова Н.В., Митин А.И., Ульянина О.А.
Психологические аспекты проектирования обучения
сотрудников правоохранительных органов с учетом их
субъектной позиции
Психология и право. 2021. Том 1. № 1. С. 195—209.

Khodyakova N. V., Mitin A. I., Ulyanina O. A.
Psychological Aspects of Designing the Education
Process of Law Enforcement Personnel with their
Subjective Position in Mind
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1,
pp. 195—209.

operativnykh sotrudnikov politsii [Features of social positioning of operational police officers]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogy in law enforcement agencies], 2018, no. 4(75), pp. 60—64. DOI: 10. 24411/1999-6241-2018-14011. (In Russ.).

8. Kupavtsev T.S. Pedagogicheskaya podderzhka v proektirovanii lichnostno-orientirovannoi obrazovatel'noi sredy [Pedagogical support in the design of a personality-oriented educational environment]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal], 2020, no. 3, pp. 38—46. (In Russ.).

9. Pestova S.S. Akmeologicheskii podkhod k izucheniyu professional'noi motivatsii molodykh sotrudnikov organov vnutrennikh del [Acmeological approach to the study of professional motivation of young employees of internal affairs bodies]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], 2019, no. 4, pp. 98—108. (In Russ.).

10. Serdyuk N.V., Semchenko A.S. Sistema podgotovki kadrov v organakh vnutrennikh del rossiiskoi federatsii [The system of personnel training in the internal affairs bodies of the Russian Federation]. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika* [Applied Psychology and Pedagogy], 2020. Vol. 5, no. 1, pp. 205—220. (In Russ.).

11. Sklyarenko I.S., Khodyakova N.V. Organizatsiya gruppovoi uchebnoi deyatel'nosti kak proektirovanie lichnostno razvivayushchei obrazovatel'noi sredy [Organization of group learning activities as the design of a personality-developing educational environment]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia] Center as an educational environment for training competent managerial personnel], 2019, no. 1, pp. 249—255. (In Russ.).

12. Stolyarenko A.M., Serdyuk N.V., Sklyarenko I.S., Vakhnina V.V., Litvin D.V., Ul'yanina O.A., Mal'tseva T.V. Lichnostno-razvivayushchaya sreda nepreryvnogo obrazovaniya sotrudnikov organov vnutrennikh del: kollektivnaya monografiya [Personal-developing environment of continuous education of employees of internal affairs bodies]. N.V. Pavlichenko, N.V. Khodyakovoi (ed.). Volgograd: Blank Publ., 2018. 232 p. (In Russ.).

13. Tret'yakova V.S. Teoretiko-metodologicheskii analiz problemy professional'nogo stanovleniya i razvitiya lichnosti na etape professional'noi podgotovki [Theoretical and methodological analysis of the problem of professional formation and personal development at the stage of professional training]. *Sovremennaya vysshaya shkola: innovatsionnyi aspekt* [Modern higher education: an innovative aspect], 2020. Vol. 12, no. 1 (47), pp. 61—70. (In Russ.).

14. Ul'yanina O.A. Psikhologicheskie aspekty sozdanie praktiko-orientirovannoi sredy v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii [Psychological aspects of creating a practice-oriented environment in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science], 2018. Vol. 20, no. 10, pp. 121—139. (In Russ.; abstr. in Engl.).

15. Ul'yanina O.A. Sozdanie praktiko-orientirovannoi obrazovatel'noi sredy v obrazovatel'nykh organizatsiyakh MVD Rossii kak neobkhodimoe uslovie formirovaniya kompetentnykh spetsialistov [Creating a practice-oriented educational environment in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a necessary condition for the formation of competent specialists]. *Sbornik nauchnykh trudov Mezhdunarodnoi konferentsii «Professional'noe obrazovanie sotrudnikov organov vnutrennikh del. Pedagogika i psikhologiya sluzhebnoi*

Ходякова Н.В., Митин А.И., Ульянина О.А.
Психологические аспекты проектирования обучения
сотрудников правоохранительных органов с учетом их
субъектной позиции
Психология и право. 2021. Том 1. № 1. С. 195—209.

Khodyakova N. V., Mitin A. I., Ulyanina O. A.
Psychological Aspects of Designing the Education
Process of Law Enforcement Personnel with their
Subjective Position in Mind
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1,
pp. 195—209.

deyatelnosti: sostoyanie i perspektivy» (30—31 maya 2017) [Collection of scientific papers of the International Conference " Professional Education of employees of internal Affairs bodies. Pedagogy and Psychology of professional activity: State and prospects" (May 30-31, 2017)]. Moscow: Moskovskii universitet MVD Rossii imeni V.Ya. Kikotya Publ., 2017. pp. 207—211. (In Russ.).

16. Ul'yanina O.A., Levi M.V., Teplova O.A. Eksperimental'noe issledovanie formirovaniya lichnostnoi kompetentnosti sotrudnikov OVD [Experimental study of the formation of personal competence of police officers]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2020. Vol. 10, no. 2, pp. 179—200. <https://doi.org/10.17759/psylaw>. (In Russ.; abstr. in Engl.).

17. Khodyakova N.V. Situatsionno-sredovoi podkhod k proektirovaniyu lichnostno razvivayushchikh obrazovatel'nykh system. Diss. dokt. ped. nauk. [Situational and environmental approach to the design of personal development educational systems. Dr. Sci. (Pedagogy) diss.]. Volgograd, 2013. 465 p. (In Russ.).

18. Khodyakova N.V. Situatsionno-sredovoi podkhod k proektirovaniyu sodержaniya obucheniya i vospitaniya sotrudnikov politzii [Situational and environmental approach to designing the content of training and education of police officers]. *Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 4 (90), pp. 213—219. (In Russ.).

19. Khodyakova N.V., Mitin A.I. Uchebnyi situatsionnyi tsentr kak obrazovatel'naya sreda podgotovki kompetentnykh upravlencheskikh kadrov [Educational situational Center as an educational environment for training competent managerial personnel]. *Prikladnaya psikhologiya i pedagogika* [Applied Psychology and Pedagogy], 2020. Vol. 5, no. 4, pp. 167—180. (In Russ.).

20. Khodyakova N.V., Mitin A.I. Uchet psikhologicheskikh mekhanizmov razvitiya lichnosti v proektirovanii obrazovatel'noi sredy [Accounting for psychological mechanisms of personality development in the design of the educational environment]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological science and Education], 2017. Vol. 22, no. 4, pp. 101—109. doi: 10.17759/pse.2017220414. (In Russ.; abstr. in Engl.).

Информация об авторах

Ходякова Наталья Владимировна, доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами, Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4340-0744>, e-mail: hodyakova@yandex.ru

Митин Александр Иванович, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры прикладной информатики и мультимедийных технологий, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9202-2087>, e-mail: mitin_ai@mail.ru

Ходякова Н.В., Митин А.И., Ульянина О.А.
Психологические аспекты проектирования обучения
сотрудников правоохранительных органов с учетом их
субъектной позиции
Психология и право. 2021. Том 1. № 1. С. 195—209.

Khodyakova N. V., Mitin A. I., Ulyanina O. A.
Psychological Aspects of Designing the Education
Process of Law Enforcement Personnel with their
Subjective Position in Mind
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1,
pp. 195—209.

Ульянина Ольга Александровна, доктор психологических наук, профессор РАО, руководитель Федерального ресурсного центра психологической службы в системе образования, Российская академия образования (ФГБУ РАО); главный научный сотрудник научно-исследовательского центра, Академия управления МВД России (ФГКОУ ВО «Академия управления МВД России»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

Information about the authors

Natalia V. Khodyakova, PhD in Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: hodyakova@yandex.ru

Alexander I. Mitin, PhD in Psychology, Leading Research Associate, Center of Applied Psychological Studies, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9202-2087>, e-mail: mitin_ai@mail.ru

Olga A. Ulyanina, PhD in Psychology, Professor RAE, Head of the Federal Resource Center for Psychological Service in the Education System, Russian Academy of Education, Chief Researcher of the Research Center, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9300-4825>, e-mail: lelia34@mail.ru

Получена 15.12.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 15.12.2020
Accepted 02.02.2021

**ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: COVID-19 |
LEGAL PSYCHOLOGY IN RESPONSE TO THE CHALLENGES OF OUR TIME: COVID-19**

**Субъективная оценка россиянами
личной психологической и правовой безопасности
в условиях пандемии**

Тузова О.Н.

Мурманский арктический государственный университет (ФГБОУ ВО МАГУ), г. Мурманск,
Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1906-8702>, e-mail: olg.tuzova@yandex.ru

Степанова Д.Н.

Пензенский государственный университет (ФГБОУ ВО ПГУ), г. Пенза, Российская
Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2491-6649>, e-mail: stepdasha.91@mail.ru

Целью исследования стало выявление субъективной оценки личностью своей психологической и правовой безопасности в условиях пандемии. Мы предположили, что субъективная оценка гражданами личной психологической и правовой безопасности детерминирована такими социально-психологическими факторами, как возраст, пол, социальный статус. Для достижения цели была разработана анкета, позволяющая определить уровень психологической и правовой безопасности личности на основе субъективных оценок граждан. В исследовании приняли участие 740 человек в возрасте от 10 до 80 лет. Из них 278 респондентов — мужского пола и 462 респондентов — женского пола. Было установлено, что большинство дают среднюю оценку собственной психологической безопасности (47,3%), высоко оценивают правовую защищенность (42,4%) и проявляют готовность нести личную ответственность за собственную безопасность (47,9%) в условиях пандемии. Субъективная оценка личной психологической и правовой безопасности в условиях пандемии связана с половой принадлежностью ($p \leq 0,01$), возрастом ($p \leq 0,01$) и социальным статусом респондентов ($p \leq 0,01$). Результаты исследования являются базой для разработки программ психологической и правовой помощи уязвимым категориям граждан.

Ключевые слова: безопасность, личная правовая безопасность, личная психологическая безопасность, пандемия, самоизоляция.

Для цитаты: Тузова О.Н., Степанова Д.Н. Субъективная оценка россиянами личной психологической и правовой безопасности в условиях пандемии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 210—222. DOI:10.17759/psylaw.2021110116

Russians' Subjective Assessment of their Personal

Psychological and Legal Safety During the COVID-19 Pandemic

Olga N. Tuzova

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1906-8702>, e-mail: olg.tuzova@yandex.ru

Darya N. Stepanova

Penza State University, Penza, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2491-6649>, e-mail: stepdasha.91@mail.ru

The study aimed to reveal how individuals assess and view their psychological and legal safety in the time of the pandemic. We assumed that the way Russian citizens assess their personal psychological and legal safety is determined by social and psychological factors such as their age, gender, social standing. In order to achieve this objective we prepared a questionnaire. 740 individuals (278 males and 462 females between the ages of 10 and 80) took part in the study. It has been established that the majority of the respondents assess their own psychological safety as average (47.3%) and their legal safety as high (42.4%) and are ready to assume upon themselves the responsibility for their own security in the pandemic (47.9%). The subjective evaluation of one's personal psychological and legal safety involves one's gender ($p \leq 0.01$), age ($p \leq 0.01$) and social status ($p \leq 0.01$). The results of the research form the basis for the design of programs for psychological and legal assistance to the vulnerable categories of citizens.

Keywords: safety, personal legal safety, personal psychological safety, pandemic, self-isolation.

For citation: Tuzova O.N., Stepanova D. N. Psychological and Legal Safety During the COVID-19 Pandemic. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 210—222. DOI: 10.17759/psylaw. 2021110116 (In Russ.).

Введение

В ситуации пандемии человек оказался перед угрозой его здоровью и жизни. В первую очередь в данной ситуации фрустрируется базовая потребность личности — потребность в безопасности. Несмотря на то, что у современного человека уже сформированы некоторые адаптивные способности к условиям неопределенности, ситуация пандемии накрыла неожиданно. Фрустрирована безопасность различного уровня: физическая, психологическая, экономическая, национальная и т. д. Степень фрустрации еще не известна. Вопрос в том, как человек будет справляться с последствиями этого социально-психологического цунами. По нашему мнению, решение данной проблемы, в первую очередь, связано с изучением субъективных оценок гражданами собственной психологической и правовой безопасности, с оценкой проживания обществом ситуации фрустрации.

Категория «безопасность личности» широко используется в юридической науке, однако в Конституции Российской Федерации не закреплены понятия «безопасность личности» или «личная безопасность». Личная безопасность тесно связана с защитой прав и свобод

гражданина. М.М. Микулина выделяет три основных подхода к взаимоотношениям категорий «личная безопасность» и «правовая защита»: либеральный, этатистский, социальный [8].

Представляется, что при этом личная безопасность является частью национальной безопасности и непосредственно влияет на достижение устойчивой степени безопасности общества и государства [1]. С конституционной точки зрения сформировалось несколько подходов к пониманию личной безопасности. Одни авторы выделяют право на личную безопасность, которое является неотъемлемым правом человека и должно быть закреплено в Конституции Российской Федерации [7]. Другие рассматривают право на безопасность личности как составную часть права на жизнь или считают безопасность составной частью нескольких других прав личности [4]. В литературе встречается точка зрения, согласно которой личная безопасность — это законный интерес личности [10].

В рамках данного исследования мы придерживаемся подхода, предложенного Т.Б. Тюриной, согласно которому «правовая безопасность личности представляет собой состояние защищенности жизненно важных ее интересов от внешних и внутренних угроз в сфере правовых отношений» [17]. Представляется, что данная точка зрения охватывает наиболее широкий круг общественных отношений, связанных с обеспечением правовой безопасности граждан.

Следует отметить, что в период пандемии нормы законодательства различных отраслей права претерпевают серьезные изменения, которые влияют, с одной стороны, на правовую безопасность личности, а с другой — на уровень правосознания всего общества. Данный процесс характеризуется высокой скоростью, а также повышением роли регионального нормотворчества [3]. При этом, как верно отмечает, Е.Г. Багреева меняется сама концепция взаимодействия в рамках отношений «гражданин—государство» [2].

Несмотря на широкий интерес к проблемам психологической и правовой безопасности личности, открытыми остаются вопросы субъективной оценки личностью своей безопасности. По мнению И.И. Пацакула, не представлены работы, исследующие построение типологий личностей, сходным образом переживающих угрозы [11]. При этом, как справедливо отмечает О.Ю. Зотова, «... безопасность в современной повседневной жизни стала одной из самых дефицитных благ существования, которая во многом зависит от усилий власти, специальных служб и действий людей» [5].

Как уже говорилось выше, пандемию можно охарактеризовать как экстремальную ситуацию, связанную с угрозой жизни, здоровью, возможным материальным и психологическим ущербом. Вызывают интерес работы, в которых изучаются особенности восприятия COVID-19, переживания неопределенности при эпидемии, оценка пандемии россиянами [9; 12; 14]. Как отмечают ряд авторов, ситуации, в которых нарастают ощущение и осознание потенциальной угрозы, чувство незащищенности, относятся к ситуациям психологической опасности [7; 10].

Мы разделяем позицию Н.Ф. Петровой [13] относительно понимания психологической безопасности личности. Считаем, что, действительно, психологическая безопасность проявляется в способности личности сохранять устойчивость в среде с определенными параметрами, в том числе и с психотравмирующими воздействиями, в сопротивляемости деструктивным внутренним и внешним воздействиям.

Необходимо добавить, что введенный режим самоизоляции может выступать

самостоятельным фактором, усиливающим ощущение личной небезопасности [16]. В частности, в наших исследованиях, проводимых на пограничных заставах, было установлено, что изоляция выступает мощным стресс-фактором для человека [15].

Весьма важным для данного исследования выступает научное мнение О.Ю. Зотовой, которая утверждает, что психологические основы безопасности личности, скорее, находятся в представлениях людей о своей безопасности, нежели отражают реальное положение дел [5]. На первый план по значимости выходит субъективное отношение личности к происходящему. В этой связи для обеспечения стабилизации ситуации в целом существует необходимость мониторинга психологической и правовой безопасности граждан.

Программа исследования

Исследование проводилось на базе ФГБОУ ВО «Мурманский арктический государственный университет» и ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет» на второй неделе введения в Российской Федерации режима самоизоляции. География исследования включает северо-западные, центральные, северо-кавказские регионы. В исследовании приняли участие 740 человек в возрасте от 10 до 80 лет. Из них 278 респондентов — мужского пола и 462 — респондента женского пола. Выборку составили респонденты с различным социальным статусом на момент исследования: 49% респондентов учатся дистанционно; 8,6% работают дистанционно; 19,4% ходят на работу; 7,1% не работают из-за закрытия организации в связи с введением режима самоизоляции, но с сохранением зарплаты; 7,1% — на пенсии; 6,5% потеряли работу в связи с введением режима самоизоляции; 1,3% — домохозяйки; 0,7% — безработные.

Целью данного исследования стало выявление субъективной оценки россиянами личной психологической и правовой безопасности в условиях пандемии. Было выдвинуто предположение, что субъективная оценка гражданами личной психологической и правовой безопасности в условиях пандемии детерминирована такими социально-психологическими факторами, как пол, возраст, социальный статус.

Исследовательские вопросы.

1. Какова субъективная оценка личной безопасности в условиях пандемии?
2. Каков уровень личной правовой безопасности граждан в оценках респондентов?
3. Какова степень личной ответственности граждан РФ в обеспечении личной безопасности в условиях пандемии?

Для решения поставленных задач была разработана анкета, включающая 10 вопросов открытого и закрытого типов. Вопросы анкеты направлены на выявление:

- 1) субъективной оценки психологической безопасности (вопросы № 1, 6, 10);
- 2) субъективной оценки правовой безопасности (вопросы № 2, 5, 7, 8);
- 3) ответственности за личную безопасность (вопросы № 3, 4, 6, 9).

В анкете респондентам предлагалось указать пол, возраст, а также социальный статус на момент самоизоляции (работаете ли вы удаленно / ходите на работу / не работаете из-за закрытия организации (но с сохранением зарплаты) / потеряли работу, в связи с самоизоляцией / находитесь на пенсии / учитесь дистанционно) (табл. 1).

Таблица 1

Анкета «Моя личная безопасность в условиях пандемии»

№	Вопросы	Ответы	
		Да	Нет
1	Чувствуете ли вы себя безопасно в нынешних условиях пандемии?	Да	Нет
2	Знакомы ли вы с правовыми механизмами защиты личной безопасности?	Да	Нет
3.	Готовы ли вы соблюдать правила личной безопасности в условиях пандемии (например, соблюдать карантин, не выходить из дома, носить маску и пр.)?	Да	Нет
4	Нужны ли вам правовые средства защиты личной безопасности в условиях пандемии?	Да	Нет
5	Следует ли усилить правовую защиту личности от «несознательных» граждан?	Да	Нет
6	В нынешних условиях объявленной пандемии вы можете позаботиться о себе самостоятельно, вы не нуждаетесь в руководстве или содействии извне	Да	Нет
7	Известны ли вам нормативно-правовые акты, устанавливающие режим самоизоляции в регионе, котором вы проживаете?	Да	Нет
8	Как вы считаете, меры административной ответственности (штрафы за нарушение режима самоизоляции и т. п.) могут повлиять на вашу личную безопасность?	Да	Нет
9	Что, по вашему мнению, является более эффективным средством в обеспечении личной безопасности в условиях пандемии? (напишите свой ответ)		
10.	Оцените свою безопасность в нынешних условиях по 10-балльной шкале (1 балл — низкая безопасность, 10 баллов — высокая)		

Сочетание ответов по указанным шкалам позволило нам определить уровни субъективных оценок психологической и правовой безопасности. Достоверность различий между сформированными группами по половой принадлежности, возрасту, социальному статусу была подтверждена с помощью χ^2 -критерия Фишера.

Результаты

Анализ результатов производился от общей оценки уровней психологической и правовой безопасности респондентов к детальному рассмотрению полученных данных.

Результаты общего анализа анкетирования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты анкетирования, направленного на выявление уровня субъективной оценки россиянами личной психологической и правовой безопасности в условиях пандемии (%)

Субъективные оценки	Уровни субъективного оценивания		
	Высокий	Средний	Низкий
Личной психологической безопасности	29,7	47,3	23

Личной правовой безопасности	42,4	33,2	24,4
Личной ответственности за безопасность	47,9	47,9	4,2

Обобщенный анализ полученных данных свидетельствует о преобладании среднего уровня личной психологической безопасности и высокого уровня личной правовой защищенности. Преобладающая часть населения на момент исследования не ощутила в полной мере реально существующих угроз, связанных с пандемией. Большинство респондентов еще не столкнулись с угрозой реального заражения. У многих опрошиваемых еще не было среди близких и знакомых заболевших, что делало существование пандемии для них виртуальной опасностью. В качестве эффективных средств защиты респонденты чаще всего указывали на необходимость соблюдать режим самоизоляции, применять маски и гигиенические средства. Для понимания картины происходящего был произведен сравнительный анализ субъективных оценок личной психологической и правовой безопасности между различными категориями граждан.

В частности, для выявления взаимосвязи субъективных оценок психологической и правовой безопасности с полом, возрастом и социальным статусом были сформированы группы по данным основаниям.

Сравнительный анализ результатов по субъективным оценкам психологической безопасности у мужчин и женщин представлен в табл. 3.

Таблица 3

Сравнительный анализ уровней субъективной оценки личной психологической безопасности у мужчин и женщин (%)

Респонденты	Уровни субъективной оценки личной психологической безопасности		
	Высокий	Средний	Низкий
Мужчины	40,3	40,3	19,4
Женщины	29,3	40	30,7

Полученные данные позволяют констатировать, что уровень субъективных оценок у мужчин выше, чем у женщин (фэмп.=1,8; $p \leq 0,05$). Анализ ответов на вопрос «Чувствуете ли вы себя в безопасности в условиях пандемии?» показал, что мужчины чаще дают положительный ответ на вопрос о своей безопасности в условиях пандемии (фэмп.=2,79; $p \leq 0,01$). Выявлены незначительные расхождения в оценках личной безопасности у мужчин и женщин, которые дали отрицательный ответ на вопрос о личной безопасности. Средний балл по оценке личной безопасности у мужчин, признавших, что данная ситуация для них небезопасна, составил 5,3 балла, а у женщин — 4,7. Наличие различий в оценках психологической безопасности у мужчин и женщин, по нашему мнению, с одной стороны, может быть связано с наличием стереотипного поведения: мужчины склонны демонстрировать маскулинное поведение (уверенность, силу, бесстрашие), а женщины — феминное (беззащитность, слабость). С другой стороны, женщины, действительно, могут быть более чувствительны и восприимчивы к социальным процессам, их в большей степени

волнует тема пандемии, поскольку часто женщина несет ответственность не только за свое здоровье, но и за здоровье всех членов своей семьи (детей, мужа, родителей).

Достоверно значимых различий в уровне субъективных оценок личной правовой безопасности у мужчин и женщин не выявлено.

Следующим шагом стало сравнение субъективных оценок в зависимости от возраста респондентов (табл. 4)

Таблица 4

Сравнительный анализ субъективных оценок личной психологической безопасности респондентов различных возрастов (%)

Группы респондентов по возрастам (лет)	Уровни субъективной оценки психологической безопасности		
	Высокий	Средний	Низкий
10—20	34,4	47,1	18,5
21—40	32,4	44,1	23,5
41—60	34,5	31,6	33,9
61—80	23,7	26,3	50

Был обнаружен интересный факт: группы респондентов значительно различаются по низкому уровню субъективных оценок психологической безопасности. Из таблицы видно, как увеличивается оценка небезопасности в условиях пандемии от младшего возраста к старшему. Возрастная группа от 61 до 80 чаще давала ответы о своей уязвимости в нынешних условиях. Данный факт, вполне объясним с позиций возрастной психологии. Как известно, в поздний период жизни снижается уровень уверенности в себе и фон настроения, ухудшается самочувствие, что влияет на изменения в восприятии окружающей действительности («Раньше трава была зеленее...» как один из общеупотребимых маркеров изменения восприятия в пожилом и старческом возрастах). Молодежь в большей степени чувствует в себе силы для совладания с различного рода трудностями. Также психологическая безопасность в условиях пандемии связана со здоровьем, которое наибольшую ценность приобретает в зрелом возрасте. К сожалению, в нашем обществе отсутствует культура заботы о своем здоровье и внимание ему начинает уделяться лишь с его утратой. Поэтому молодежь может более легкомысленно относиться к своему здоровью, а следовательно, не чувствовать угроз пандемии и высоко оценивать свою психологическую безопасность. Многие пожилые люди указывали на свою экономическую уязвимость. На вопрос «Что, по вашему мнению, является более эффективным средством в обеспечении личной безопасности в условиях пандемии?» отвечали: «пособия». И в этом случае можно наблюдать снижение оптимизма у людей более зрелого возраста.

Также была установлена зависимость уровня субъективных оценок личной правовой безопасности от возрастной группы (табл. 5)

Таблица 5

Сравнительный анализ субъективных оценок личной правовой безопасности респондентов различных возрастов (%)

Группы респондентов по возрастам (лет)	Уровни субъективной оценки правовой безопасности		
	Высокий	Средний	Низкий

10—20	45,7	26,3	28
21—40	50,8	19,4	29,8
41—60	55,2	14	30,8
61—80	36,8	13,2	50

Правовой безопасности не хватает людям от 61 до 80 лет. Как установлено, это самая уязвимая категория граждан (50%). Пожилые люди чаще других возрастных групп указывали на необходимость усиления правовой защиты от «несознательных» граждан, на необходимость введения санкций для нарушителей режима самоизоляции. Поскольку не хватает внутренних ресурсов, пожилые люди нуждаются в защите извне. Следует отметить, что пожилые люди являются законопослушными гражданами и сами строго соблюдают предписанные нормы поведения.

Еще одним важным аспектом в анализе полученных данных явился социальный статус респондентов на момент режима самоизоляции. Как известно, данный факт лишил возможности заработка многих граждан, например, занимающихся бизнесом, что не могло не сказаться на субъективной оценке как психологической, так и правовой безопасности (табл. 6).

Таблица 6

Сравнительный анализ субъективных оценок личной психологической безопасности респондентов с различным социальным статусом (%)

Группы респондентов с различным социальным статусом	Уровни субъективной оценки психологической безопасности		
	Высокий	Средний	Низкий
Учащиеся (дистанционно)	36,4	46	17,6
Работающие (дистанционно)	42,2	43,8	14
Работающие (в обычном режиме)	29,9	36,1	34
Не работающие из-за самоизоляции, но с сохранением зарплаты	47,2	35,9	16,9
Потерявшие работу из-за закрытия организации в связи с самоизоляцией	20,8	22,9	56,3
Пенсионеры	18,9	22,6	58,5
Домохозяйки	40	40	20
Безработные	0	40	60

Как видно из таблицы, наиболее уверенно чувствуют себя респонденты, которые не работают в связи с режимом самоизоляции, но с сохранением заработной платы. Многие респонденты из этой социальной группы отмечали, что воспринимают данную ситуацию как дополнительную возможность отдохнуть. Средний уровень своей психологической безопасности в большей степени был отмечен учащимися и работающими людьми. Для большинства из тех, кто учится и работает, несмотря на то, что они согласны с режимом самоизоляции, создается напряжение при решении вопросов, связанных с учебой или работой. Обучающиеся отмечали, что учиться дистанционно гораздо тяжелее, чем ходить на лекции, много приходится делать самостоятельно. Работающие дистанционно указывали на то, что возникали сложности с организацией рабочего места дома, самодисциплиной, отсутствием привычки работать дома. Респонденты, которые продолжают ходить на работу, чувствуют себя более уязвимыми перед угрозой заражения. Для группы домохозяек, с их

слов, ничего особенно не изменилось в их жизнедеятельности. Наиболее уязвимыми категориями граждан являются пенсионеры, люди, потерявшие работу из-за закрытия организации в связи с самоизоляцией, и безработные.

Сравнивая данные группы по уровню их субъективной оценки личной правовой безопасности было установлено, что между ними существуют различия (табл. 7).

Таблица 7

Сравнительный анализ субъективных оценок правовой безопасности респондентов с различным социальным статусом (%)

Группы респондентов с различным социальным статусом	Уровни субъективной оценки правовой безопасности		
	Высокий	Средний	Низкий
Учащиеся (дистанционно)	46	29,7	24,3
Работающие (дистанционно)	45,2	43,8	11
Работающие (в обычном режиме)	26	34	40
Не работающие из-за самоизоляции, но с сохранением зарплаты	49,2	34,9	15,9
Потерявшие работу из-за закрытия организации в связи с самоизоляцией	15,8	20,9	63,3
Пенсионеры	18,9	22,6	58,5
Домохозяйки	40	40	20
Безработные	0	40	60

Необходимо отметить, что существует взаимосвязь между оценкой психологической безопасности и оценкой правовой безопасности. Группы респондентов, работающих в обычном режиме, потерявших работу, пенсионеров, безработных в наименьшей степени чувствуют свою правовую защищенность, что коррелирует с показателями субъективных оценок психологической безопасности.

Выводы

Полученные результаты позволяют сделать ряд выводов. Субъективные оценки личной психологической безопасности граждан во время второй недели режима самоизоляции находились на среднем уровне. Установлена взаимосвязь между уровнем личной психологической безопасности и такими социально-психологическими факторами, как пол, возраст и социальный статус. Уровень личной правовой безопасности оценивался респондентами высоко. Однако выявлены категории граждан, которые испытывают недостаток в правовой защищенности. К ним относятся пожилые люди в возрасте от 61 до 80 лет, а также граждане, потерявшие работу в связи с введением режима самоизоляции.

Результаты данного исследования послужат основой дальнейшего эмпирического анализа психоэмоционального состояния личности в условиях пандемии, будет осуществлен анализ динамики психологической и правовой безопасности по субъективным оценкам граждан. Кроме этого, дальнейшего осмысления требует вопрос изменения уровня правосознания общества в условиях пандемии и режима самоизоляции. Полученные результаты важно учитывать при организации профилактических противопандемических мероприятий в дальнейшем.

По нашему глубокому убеждению, обеспечение психологической и правовой безопасности граждан Российской Федерации должно стать приоритетной задачей

Тузова О.Н., Степанова Д.Н.
Субъективная оценка россиянами личной
психологической и правовой безопасности в условиях
пандемии
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 210—222.

Tuzova O.N., Stepanova D. N.
Psychological and Legal Safety During
the COVID-19 Pandemic
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 210—222.

государства, поскольку безопасность каждой личности является ресурсом стабильности общества в целом.

Литература

1. Азутин А.В., Гошуляк В.В., Синцов Г.В. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и идеология Российского уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Том 11. № 4. С. 817—823. doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).817-823
2. Багреева Е.Г. Гражданин — государство: уроки COVID-19 // Образование и право. 2020. № 5. С. 14—18.
3. Варламова Н.В. Локдаун как способ реагирования на пандемию COVID-19: анализ в контексте Европейской конвенции о защите прав человека // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3(87). С. 15—25.
4. Воробьев Д.С. Право человека на безопасность: сущность и проблемы реализации // Общество и право. 2010. № 4. С. 52—55.
5. Зотова О.Ю. Современные отечественные концепции психологии безопасности // Человеческий капитал. 2016. № 4 (88). С. 133-134.
6. Каменская Е.Н. Психологические особенности реагирования человека в ЧС и психологическая безопасность личности // Инновационные подходы к решению проблем Сендайской рамочной программы по снижению риска бедствий на 2015—2030 годы. Сборник материалов международной научно-практической конференции (Казань, 19—20 октября 2018 г.). Казань: Казанский государственный технический университет имени А.Н. Туполева, 2018. С. 392—394.
7. Матяш Н.В., Павлова Т.А. Устойчивость личности к негативному психологическому воздействию как проблема психологической безопасности личности // Организационные и психолого-педагогические проблемы безопасности личности и социальной среды. Материалы Международной научно-практической конференции (Брянск, 25—26 апреля 2018 г.). Брянск: Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, 2018. С. 63—69.
8. Микулина М.М. От безопасности до личной безопасности физического лица // Актуальные проблемы современной науки. 2013 № 4(72). С. 37—40.
9. Одинцова М.А., Радчикова Н.П., Степанова Л.В. Оценка пандемии COVID-19 россиянами с разным уровнем жизнестойкости // Российский психологический журнал. 2020. Том 17. № 3. С. 76—88.
10. Пантелеев В.Ю. Безопасность в системе законных интересов личности: правовая природа и механизмы обеспечения // Проблемы права. 2013. № 5(43). С. 35—40.
11. Пацакула И.И. Угрозы психологической безопасности личности в ситуации социально-экономических изменений среды // Экономика региона: новые вызовы. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции (Калуга, 07—08 декабря 2016 г.). Калуга: ООО «ТРП», 2016. С. 270—274.
12. Первичко Е.И., Митина О.В., Степанова О.Б., Конюховская Ю.Е., Дорохов Е.А. Восприятие COVID-19 населением России в условиях пандемии 2020 года // Клиническая и специальная психология. 2020. Том 9. № 2. С. 119—146.
13. Петрова Н.Ф. Генезис проблемы психологической безопасности личности в

Тузова О.Н., Степанова Д.Н.
Субъективная оценка россиянами личной
психологической и правовой безопасности в условиях
пандемии
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 210—222.

Tuzova O.N., Stepanova D. N.
Psychological and Legal Safety During
the COVID-19 Pandemic
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 210—222.

зарубежных психологических теориях и концепциях // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 2(57). С. 280—282.

14. Скотникова И.Г., Егорова П.И., Огаркова Ю.Л., Жиганов Л.С. Психологические особенности переживания неопределенности при эпидемии COVID-19 // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Том 13. № 2(18). С. 245—268.

15. Тузова О.Н. Зависимость успешности адаптации к деятельности в особых условиях от социально-психологических характеристик личности военнослужащих: автореф. дисс. ...канд. психол. наук. Самара, 2006. 22 с.

16. Тузова О.Н. Режим самоизоляции в условиях пандемии как глобальный социальный эксперимент // Социальные риски в современном обществе: материалы Всероссийской научно-практической онлайн-конференции с международным участием (г. Мурманск, 3—4 декабря 2020 г. ФГБОУ ВО МАГУ) [Электронный ресурс] / Научн. ред. Г.В. Жигунова. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2020. 338 с. DOI: 10.12731/978-5-907208-38-4

17. Тюрина Т.Б. Правовая безопасность личности в современном российском государстве: автореф. дисс. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 24 с.

References

1. Agutin A.V., Goshulyak V.V., Sintsov G.V. The National Security Strategy of the Russian Federation and the Ideology of Russian Criminal Legal Proceedings. [Elektronnyi resurs]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal [Russian Journal of Criminology]*, 2017. Vol. 11, no. 4, pp. 817-823. doi: 10.17150/2500-4255.2017.11(4).817-823 (In Russ., abstr. in Engl.).
2. Bagreeva E.G. Grazhdanin — gosudarstvo: uroki COVID-19 [Citizen - State: Lessons COVID-19]. *Obrazovanie i pravo [Education and law]*, 2020, no.5, pp.14-18 (In Russ., abstr. in Engl.).
3. Varlamova N.V. Lokdaun kak sposob reagirovaniia na pandemiiu COVID-19: analiz v kontekste Evropeiskoi konventsii o zashchite prav cheloveka [Lockdown as a Way to Respond to the Pandemic COVID-19: Analysis in the Context of the European Convention for the Protection of Human Rights]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]*, 2020, no. 3 (87), pp. 15-25 (In Russ., abstr. in Engl.).
4. Vorob'ev D.S. Pravo cheloveka na bezopasnost': sushchnost' i problemy realizatsii [The human right to security: the essence and problems of implementation]. *Obshchestvo i pravo [Society and Law]*. 2010, no. 4, pp. 52—55. (In Russ., abstr. in Engl.).
5. Zotova O.Yu. Sovremennye otechestvennye kontseptsii psikhologii bezopasnosti [Contemporary domestic conceptions of security psychology]. *Chelovecheskii kapital [Human capital]*. 2016, no. 4 (88), pp. 133-134. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Kamenskaya E.N. Psikhologicheskie osobennosti reagirovaniya cheloveka v ChS i psikhologicheskaya bezopasnost' lichnosti [Psychological characteristics of human response in emergency situations and psychological security of the person]. *Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Innovatsionnye podkhody k resheniyu problem «Sendaiskoi ramochnoi programmy po snizheniyu riska bedstvii na 2015-2030 gody» (Kazan', 19-20 oktyabrya 2018 g.)*. [Compilation of materials of the international scientific and practical conference "Innovative approaches to solving problems" of the Sendai Framework Program for Disaster Risk Reduction for 2015-2030"]. Kazan: Kazanskii gosudarstvennyi

Тузова О.Н., Степанова Д.Н.
Субъективная оценка россиянами личной
психологической и правовой безопасности в условиях
пандемии
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 210—222.

Tuzova O.N., Stepanova D. N.
Psychological and Legal Safety During
the COVID-19 Pandemic
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 210—222.

tekhnikeskii universitet im. A.N. Tupoleva Publ., 2018, pp. 392-394

7. Matyash N.V., Pavlova T.A. Ustoichivost' lichnosti k negativnomu psikhologicheskomu vozdeistviyu kak problema psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti [Personality Resistance to Negative Psychological Effects as a Problem of Psychological Personality Security]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Organizatsionnye i psikhologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti lichnosti i sotsial'noi sredy»* (Bryansk, 25-26 aprelya 2018 g.). [Materials of the International Scientific and Practical Conference "Organizational and Psychological and Pedagogical Problems of Personal Security and the Social Environment"]. Bryansk: Bryanskii gosudarstvennyi universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo Publ., 2018, pp. 63-69.

8. Mikulina M.M. Ot bezopasnosti do lichnoi bezopasnosti fizicheskogo litsa [From security to personal security of an individual]. *Aktual'nye problemy sovremennoi nauki [Actual problems of modern science]*. 2013, no. 4 (72), pp. 37-40. (In Russ., abstr. in Engl.).

9. Odintsova M.A., Radchikova N.P., Stepanova L.V. Otsenka pandemii COVID-19 rossiianami s raznym urovnem zhiznesteikosti [Pandemic Assessment COVID-19 Russians with Different Levels of Resilience]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal [Russian psychological journal]*. 2020. Vol. 17, no. 3, pp. 76-88. (In Russ., abstr. in Engl.).

10. Panteleev V.Yu. Bezopasnost' v sisteme zakonnykh interesov lichnosti: pravovaya priroda i mekhanizmy obespecheniya [Security in the system of legitimate interests of a person: the legal nature and mechanisms of ensuring]. *Problemy prava [Problems of law]*. 2013, no. 5 (43), pp. 35-40. (In Russ., abstr. in Engl.).

11. Patsakula I.I. Ugrozy psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti v situatsii sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii sredy [Threats to the psychological security of the individual in the situation of socio-economic changes in the environment]. *Sbornik nauchnykh statei po materialam mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Ekonomika regiona: novye vyzovy»* (Kaluga, 07-08 dekabrya 2016 g.). [Collection of scientific articles on the materials of the international scientific and practical conference "Economics of the region: new challenges"]. Kaluga: OOO "TRP" Publ., 2016, pp. 270-274.

12. Pervichko E.I., Mitina O.V., Stepanova O.B., Koniukhovskaia Iu.E., Dorokhov E.A. Vospriatie COVID-19 naseleniem Rossii v usloviakh pandemii 2020 goda [Perception of COVID-19 by the Russian Population in the Context of the 2020 Pandemic]. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya [Clinical and Special Psychology]*. 2020. Vol. 9, no. 2, pp. 119-146 (In Russ., abstr. in Engl.).

13. Petrova N.F. Genezis problemy psikhologicheskoi bezopasnosti lichnosti v zarubezhnykh psikhologicheskikh teoriyakh i kontseptsiyakh [The genesis of the problem of psychological safety of a person in foreign psychological theories and concepts]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [The World of Science, Culture, Education]*. 2016, no. 2 (57), pp. 280-282. (In Russ., abstr. in Engl.).

14. Skotnikova I.G., Egorova P.I., Ogarkova Iu.L., Zhiganov L.S. Psikhologicheskie osobennosti perezhivaniia neopredelennosti pri epidemii COVID-19 [Psychological Features of Experiencing Uncertainty in an Epidemic COVID-19.] *Institut psikhologii Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologii [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]*. 2020. Vol. 13, no. 2 (18), pp. 245-268 (In Russ., abstr. in Engl.).

15. Tuzova O.N. Zavisimost' uspekhov adaptatsii k deyatelnosti v osobykh usloviyakh ot sotsial'no-psikhologicheskikh kharakteristik lichnosti voennosluzhashchikh: Avtoref. dis. kand. psikhol. nauk. [The dependence of the success of adaptation to activities in special conditions on the

Тузова О.Н., Степанова Д.Н.
Субъективная оценка россиянами личной
психологической и правовой безопасности в условиях
пандемии
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 210—222.

Tuzova O.N., Stepanova D. N.
Psychological and Legal Safety During
the COVID-19 Pandemic
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 210—222.

socio-psychological characteristics of the personality of military personnel Ph. D. (Psychology) Thesis]. Samara, 2006. 22 p.

16. Tuzova O.N. Rezhim samoizoliatsii v usloviakh pandemii kak global'nyi sotsial'nyi eksperiment [The Regime of Self-isolation in Pandemic Conditions as a Global Social Experiment]. *Sotsial'nye riski v sovremennom obshchestve: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi onlain-konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Sotsial'nye riski v sovremennom obshchestve», g. Murmansk, 3-4 dekabria 2020 g., FGBOU VO MAGU [Social Risks in Modern Society: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Online Conference with International Participation "Social Risks in Modern Society," Murmansk, December 3-4, 2020, FSBOU VO MAGU]. [Elektronnyi resurs] Krasnoiarsk, Nauchno-innovatsionnyi tsentr Publ., 2020, 338 p. doi: 10.12731/978-5-907208-38-4*

17. Tyurina T.B. Pravovaya bezopasnost' lichnosti v sovremennom rossiiskom gosudarstve: Avtoref. dis. kand. jurid. nauk. [Legal security of the person in the modern Russian state Ph. D. (Law) Thesis]. Saratov, 2005. 24 p.

Информация об авторах

Тузова Ольга Николаевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, Мурманский арктический государственный университет (ФГБОУ ВО МАГУ), г. Мурманск, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1906-8702>, e-mail: olg.tuzova@yandex.ru

Степанова Дарья Николаевна, старший преподаватель, Пензенский государственный университет (ФГБОУ ВО ПГУ), г. Пенза, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2491-6649>, e-mail: stepdasha.91@mail.ru

Information about the authors

Olga N. Tuzova, PhD in Psychology, Associate Professor of Chair of Psychology, Psychological and Pedagogical Institute, Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1906-8702>, olg.tuzova@yandex.ru

Daria N. Stepanova, Senior lector of Chair Private and Public Law, Department of Law, Penza State University, Penza, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2491-6649>, stepdasha.91@mail.ru

Получена 16.07.2020
Принята в печать 02.02.2021

Received 16.17.2020
Accepted 02.02.2021

**ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОСТИ: COVID-19 |
LEGAL PSYCHOLOGY IN RESPONSE TO THE CHALLENGES OF OUR TIME: COVID-19**

Готовность работающего населения к соблюдению правовых ограничений и запретов в период пандемии

Коропец О.А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
(ФГАОУ ВО УрФУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID <https://orcid.org/0000-0002-7449-3325>, e-mail: okor78@mail.ru

Чудиновских М.В.

Уральский государственный экономический университет (ФГБОУ ВО УрГЭУ), г.
Екатеринбург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1720-0258>, e-mail: chud-marina@mail.ru

В условиях пандемии коронавируса большинство стран мира пошло на введение запретов и ограничений. Эффективность этих мер, благополучие и безопасность населения во многом зависят от готовности их соблюдать. В статье представлены результаты исследования, проведенного на территории Российской Федерации в первую неделю самоизоляции (30 марта—1 апреля 2020 г.) В онлайн-опросе приняли участие 269 респондентов: 186 женщин и 83 мужчины в возрасте от 18 до 70 лет, группа экономически активного населения — занятые. Цель исследования — выявление факторов, влияющих на готовность работающего населения к соблюдению правовых запретов и ограничений в условиях начального периода пандемии COVID-19. Авторами выдвинута и подтверждена гипотеза о том, что на готовность работающего населения к соблюдению запретов и ограничений в период пандемии влияет индивидуальное восприятие работниками величины риска заражения во время выполнения профессиональных обязанностей и угроза потери дохода и работы. Исследование позволило выявить зависимость индивидуальной готовности к соблюдению запретов и ограничений от того, насколько правомерно ведут себя работодатели.

Ключевые слова: глобальный социальный риск, готовность, благополучие, запреты, ограничения, пандемия, психологическая безопасность.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-010-00952.

Для цитаты: Коропец О.А., Чудиновских М.В. Готовность работающего населения к соблюдению правовых ограничений и запретов в период пандемии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 223—237. DOI:10.17759/psylaw.2021110117

Preparedness of Working Population to Adhere to Legal Constraints and Prohibitions during the COVID-19 Pandemic

Olga A. Koropets

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7449-3325>, e-mail: okor78@mail.ru

Marina V. Chudinovskikh

Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1720-0258>, e-mail: chud-marina@mail.ru

In the pandemic times the majority of countries of the world resorted to introduction of prohibitions and constraints. The efficiency of these steps, the public well-being and safety largely depend on the willingness of people to observe them. The article presents the results of the research conducted throughout the territory of the Russian Federation during the first week of the lockdown (announced starting March 30 2020). 269 economically active (employed) respondents (186 women and 83 men aged 18-70) participated in an online survey. The study aimed at establishing the factors affecting the preparedness of the working population to observe the legal restrictions and prohibitions imposed during the initial stage of the COVID-19 pandemic. The authors put forward and confirmed a hypothesis that the preparedness of the working population to comply with the prohibitions and limitations introduced in the pandemic is influenced by the perceived severity of the risk of getting infected during the performance of their professional duties and by the risk of loss of income. The study revealed the correlation between one's individual preparedness to respect the prohibitions and constraints on the one side and the rightful behavior of employers on the other.

Keywords: global social risk, preparedness, well-being, prohibitions, limitations, pandemic, psychological security.

Funding: The reported study was funded by RFBR, project number 20-010-00952.

For citation: Koropets O.A., Chudinovskikh M.V. Readiness of the working population to obey restrictions and prohibitions during the pandemic *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 223—237. DOI:10.17759/psylaw.2021110117 (In Russ.).

Введение

В 2020 г. человечество столкнулось с угрозой пандемии. Распространение новой коронавирусной инфекции COVID-2019 заставило многие страны мира принимать быстрые и беспрецедентные меры, устанавливающие запреты и ограничения. Президент Российской Федерации 25 марта 2020 г. подписал указ, в соответствии с которым в период с 30 марта по 3 апреля были объявлены нерабочие дни с сохранением заработной платы [10]. В дальнейшем период так называемых «федеральных» нерабочих дней был продлен до 12 мая 2020 г., затем полномочия по установлению и снятию запретов были делегированы на

региональные власти. Перечень введенных ограничений и запретов касался введения режима самоизоляции, приостановления деятельности многих организаций, ограничений передвижения и т. д. [11]. Все предпринятые меры направлены на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия и безопасности населения. Введение в короткий срок столь значительных запретов и ограничений определяет актуальность исследований вопросов о готовности населения к их соблюдению в различные периоды распространения вирусной инфекции.

А.В. Малько отмечает, что «дозволение, запрет и позитивное обязывание — три кита, на которых базируется регулятивная мощь права...» [4, с. 56]. В современных условиях обеспечение безопасности граждан, их защита от опасных последствий осуществляется не только с помощью дозволений и позитивного обязывания, но также и с помощью запретов и ограничений. Запрет — это возложение на лиц обязанности воздерживаться от совершения определенных действий. По мнению И.М. Приходько, «... правовое ограничение следует определить как правовое средство, направленное на удержание субъекта права в определенных рамках с целью упорядочения общественных отношений путем обеспечения интересов контрсубъекта» [5, с. 6]. Вопрос о соотношении запретов и ограничений является дискуссионным. Высказывается точка зрения о том, что ограничение представляет собой лишь форму запрета [2]. Ряд исследователей относит ограничения к особому способу правового регулирования. Правовые запреты и ограничения предлагается рассматривать как необходимый элемент обеспечения безопасности. Нарушение установленных правил, ограничений и запретов является основанием для привлечения к мерам юридической ответственности. Любые запрет и ограничение оказывают существенное влияние на психологическое состояние личности и дальнейшее поведение. Правовое ограничение, «... являясь противоположной стороной правового стимулирования, характеризуется как негативный внешний фактор» [3, с. 239]. Каждый человек вынужден делать выбор — соблюдать эти запреты или нет. Соблюдение запретов и ограничений составляет основу правомерного поведения. Нарушение запретов и ограничений, в свою очередь, представляет собой модель противоправного поведения. Выбор правомерного или противоправного поведения, на наш взгляд, во многом зависит от психологической готовности индивида к соблюдению запретов и ограничений. Деформация правосознания часто имеет под собой психологическое основание [7]. Стивен Тейлор в своей книге «Психология пандемий» отмечает, что недостаточно внимания уделяется психологическим факторам, которые влияют на распространение пандемической инфекции. В то время как именно психологические факторы играют одну из основных ролей в несоблюдении населением программ вакцинации и гигиены [18]. С точки зрения правовой психологии, важно изучать психологические детерминанты правомерного и противоправного поведения в период пандемии. Тезис В.В. Сорокина свидетельствует о том, что «... возможности права в регулировании общественных отношений гораздо глубже, чем считается в рамках позитивистской юриспруденции — право способно оказывать воздействие на внутренний мир человека» [6, с. 11].

До недавнего времени существовало достаточно ограниченное количество опубликованных эмпирических работ, касающихся психологических и поведенческих реакций населения во время эпидемий, вызванных вирусными инфекциями. В некоторых из них установлено, что беспокойство может быть либо посредником, либо препятствием для

содействия принятию мер предосторожности [15], а более высокий уровень восприятия возможности тяжело заболеть и большая вера в эффективность рекомендуемого поведения для защиты от заболевания являются важными предикторами поведения [13]. Очередной этап интереса научной общественности разных стран мира к изучению психологических факторов как предикторов поведения во время эпидемий связан с масштабным распространением нового штамма коронавируса [12; 14 17]. Ученые из Китая первыми изучили психологический статус и изменения поведения населения во время распространения COVID-19 после введения правительством в январе 2020 г. «обязательных» требований относительно определенного поведения. Несоблюдение этих требований считалось нарушением закона. В результате большинство респондентов следовали определенному поведению, которое соответствовало требованиям властей. Исследователи делают вывод, что поддержание умеренной тревоги у населения может повысить осведомленность о профилактике заболевания и снизить количество инфицируемых [16]. В одном из первых исследований, проведенном на территории Российской Федерации, доказана согласованность тревоги относительно различных аспектов коронавируса: люди, которые испытывали тревогу из-за пандемии, проявляли склонность к тревоге относительно возможности потери дохода в период пандемии [8]. Пандемия относится к категории глобальных социальных рисков, наряду с несостоятельностью городского планирования, продовольственным и водным кризисом, вынужденной миграцией и социальной нестабильностью [19]. Пандемия как глобальный социальный риск представляет собой угрозу не только для здоровья, но и для благополучия и психологической безопасности населения. Утрата привычной системы социальной защиты, по мнению И.А. Басовой, негативным образом сказывается на психологической безопасности человека через снижение психологического ресурса сопротивляемости негативным воздействиям среды [1]. С точки зрения человеческого фактора, психологическая безопасность может рассматриваться как «... повышение уровня индивидуальной защищенности человека путем формирования механизмов организации более безопасного поведения» [9]. Каждый человек может сам стремиться к повышению уровня своей защищенности, предпринимая необходимые меры по обеспечению безопасности. В период повышенной готовности к пандемии на психологическую безопасность работающего населения оказывают негативное воздействие сразу два фактора: угроза заражения и угроза потери дохода. Поскольку потребность в безопасности является естественной потребностью людей, восприятие обеих угроз и их соотношение будут, по нашему мнению, детерминировать формирование готовности к соблюдению правовых норм и ограничений в период пандемии коронавируса COVID-19. Изучение факторов, влияющих на соблюдение установленных властями запретов и ограничений в начальный период распространения инфекции, важно как для предотвращения дальнейшего распространения COVID-19, так и в случае возникновения риска других эпидемий.

Программа исследования

Исследование проводилось в первую неделю режима самоизоляции в РФ в период с 30 марта по 3 апреля в г. Екатеринбурге. В качестве метода исследования использовался онлайн опрос, проведенный при помощи сервиса Google Forms. Данный метод исследования оптимален для периода самоизоляции, что подтверждено исследованиями в разных странах

во время пандемии. Респонденты отбирались методом снежного кома. Ссылка на анкету была сначала разослана членам семей сотрудников университета и студентам, затем этим респондентам было предложено переслать ссылку другим членам семьи, друзьям и коллегам. Всего было получено 286 заполненных форм, 17 некорректно заполненных форм были исключены из исследования. В итоге выборка составила 269 человек, из них — 186 женщин (69,1%) и 83 мужчины (30,9%). Возраст — от 18 до 70 лет: 18—24 года (12,6%); 25—29 (12,6%); 30—39 (26%); 40—49 (31,6%); 50—59 (12%); 60 лет и старше (5,2%). Группа экономически активного населения — занятые, работающие в следующих сферах: образование — 25,8%; розничная торговля, услуги, общественное питание — 18,1%; органы государственной власти — 14,5%; производство — 13%; транспорт и связь — 9%; здравоохранение — 5,2%; финансы — 4,8%; культура — 4,8%; занятые в других видах экономической деятельности — 4,8%. В выборку вошли как лица, продолжающие работать даже в период «федеральных нерабочих дней» (в том числе дистанционно из дома — 43,7%, на своих привычных рабочих местах — 50,4%), так и лица не имеющие возможность продолжать выполнение своих профессиональных обязанностей в силу специфики деятельности, либо введенных возрастных ограничений (5,9%).

Первая часть анкеты включала вопросы, отвечая на которые респонденты по пятибалльной шкале Лайкерта (от 1 — «совершенно не согласен» до 5 — «полностью согласен») должны были выразить степень согласия с утверждениями относительно:

- опасений из-за снижения уровня заработка (дохода) при пандемии COVID-19;
- опасений из-за возможности потерять работу из-за пандемии COVID-19;
- опасений из-за возможности заразиться коронавирусом COVID-19 во время выполнения профессиональных обязанностей;
- готовности выполнять требования по режиму самоизоляции и карантину;
- оценки принятия работодателем необходимых мер для защиты сотрудников в условиях пандемии COVID-19.

Вторая часть анкеты была направлена на сбор общей социодемографической информации, включая пол, возраст, профессиональную сферу. Также в этой части анкеты содержались вопросы относительно изменений условий труда в период пандемии. В конце анкеты был помещен открытый нарративный вопрос «Как на Ваш взгляд можно повысить благополучие и безопасность работников в условиях COVID-19?».

Обработка данных проводилась при помощи пакета «Анализ данных» в MS Excel (регрессия и t-критерий Стьюдента).

Гипотеза исследования: мы предполагаем, что на готовность работающего населения к соблюдению запретов и ограничений в период пандемии влияет индивидуальное восприятие работниками величины риска заражения во время выполнения профессиональных обязанностей и угроза потери дохода и/или работы, в связи с чем особую значимость приобретают профилактические и экономические меры, используемые работодателями для защиты и обеспечения психологической безопасности своих сотрудников.

Цель исследования — выявить факторы, влияющие на готовность работающего населения к соблюдению правовых запретов и ограничений в условиях начального периода пандемии Covid-19.

Результаты исследования

Результаты исследования показали, что существуют определенные различия между

мужчинами и женщинами по степени готовности к соблюдению режима самоизоляции и восприятия психологической безопасности окружающей среды в условиях пандемии. Статистическая значимость различий подтверждена при помощи t-критерия Стьюдента для несвязных выборок (табл. 1). Так, женщины в большей степени испытывают опасения относительно экономических последствий пандемии для их дохода ($p \leq 0,01$), сильнее боятся потерять работу ($p \leq 0,05$), в большей степени готовы выполнять требования по режиму самоизоляции и карантину ($p \leq 0,05$), а также лучше оценивают действия работодателя относительно защиты сотрудников ($p \leq 0,05$). Статистически значимых различий относительно опасения заразиться COVID 19 во время выполнения профессиональных обязанностей, а также оценки степени выполнения работодателем обязательств по выплате заработной платы между мужчинами и женщинами не выявлено.

Таблица 1

Статистическая значимость различий между мужчинами и женщинами по основным показателям анкеты

Показатель	Среднее (женщины)	Отклонение от среднего (женщины)	Среднее (мужчины)	Отклонение от среднего (мужчины)	Эмпирическое значение t ($t_{эмп}$)
Угроза снижения дохода	3,83	- 0,55	3,29	-0,07	3,1**
Угроза потери работы	2,74	0,36	2,35	- 0,05	2*
Угроза заражения на работе	3,29	0,06	3,57	- 0,31	1,4
Готовность выполнять требования по самоизоляции	4,67	- 0,62	4,43	0,31	2*
Действия работодателя по защите сотрудников	3,88	- 0,68	3,48	0,16	2,2*
Выплата заработной платы	4,19	0,66	4,06	0,02	0,7

Примечание: «**» — $p \leq 0,01$; «*» — $p \leq 0,05$.

Рассмотрим, полученные результаты более подробно. Выявлено, что 40,1% респондентов испытывают сильную степень беспокойства по поводу того, что экономические последствия пандемии поставят под угрозу их доход, 10,4% не испытывают переживаний по поводу дохода. С вероятностью 99% установлено, что значение уровня опасения за сохранность заработка (дохода) по генеральной совокупности попадет в интервал от 3,5 до 3,8. Анализ средних значений социодемографических групп экономически активного населения показал,

что наибольшее беспокойство испытывают женщины в возрасте 30—39 лет, а также работающие женщины старшей возрастной группы. Меньше всего опасаются за свой доход мужчины в возрасте 25—29 лет (рис. 1).

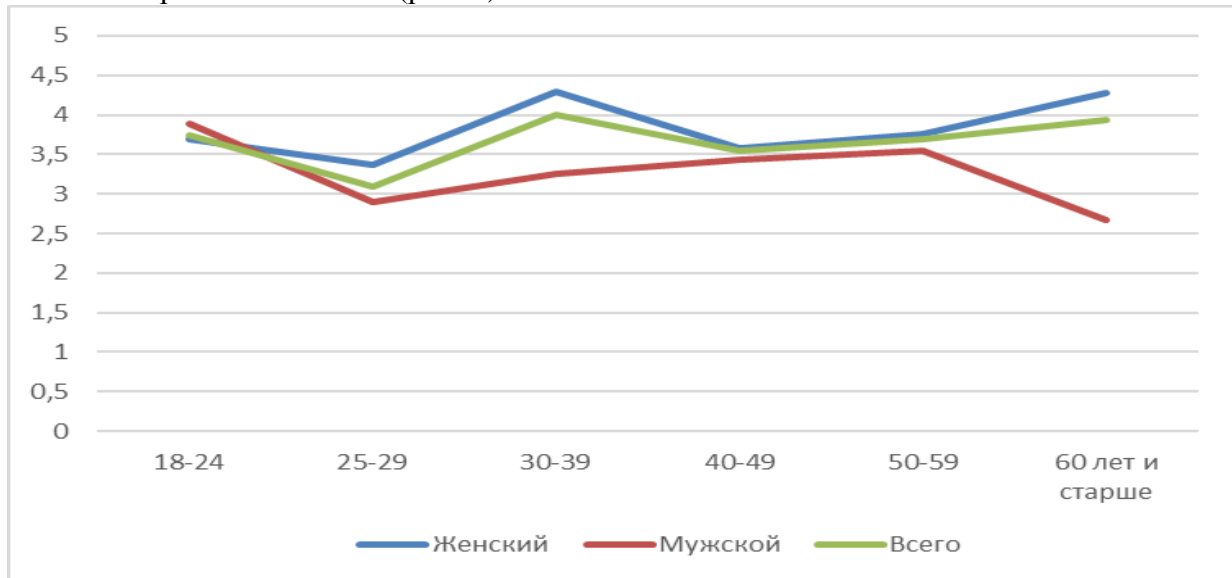

Рис. 1. Опасения по поводу уровня заработка (дохода) при пандемии COVID-19

В первую неделю самоизоляции большинство респондентов не опасались остаться без работы из-за ситуации с вирусной эпидемией. Доверительный интервал по генеральной совокупности от 2,4 до 2,8 (99%), т. е. страх безработицы ниже среднего уровня. Тем не менее, часть респондентов испытывают страх потери работы: сильные опасения — 19,7% и умеренные опасения — 8,6% соответственно. Наибольшие опасения остаться без работы демонстрируют женщины в возрасте 30—39 лет, наименьшие — мужчины 30—39 лет (рис. 2).

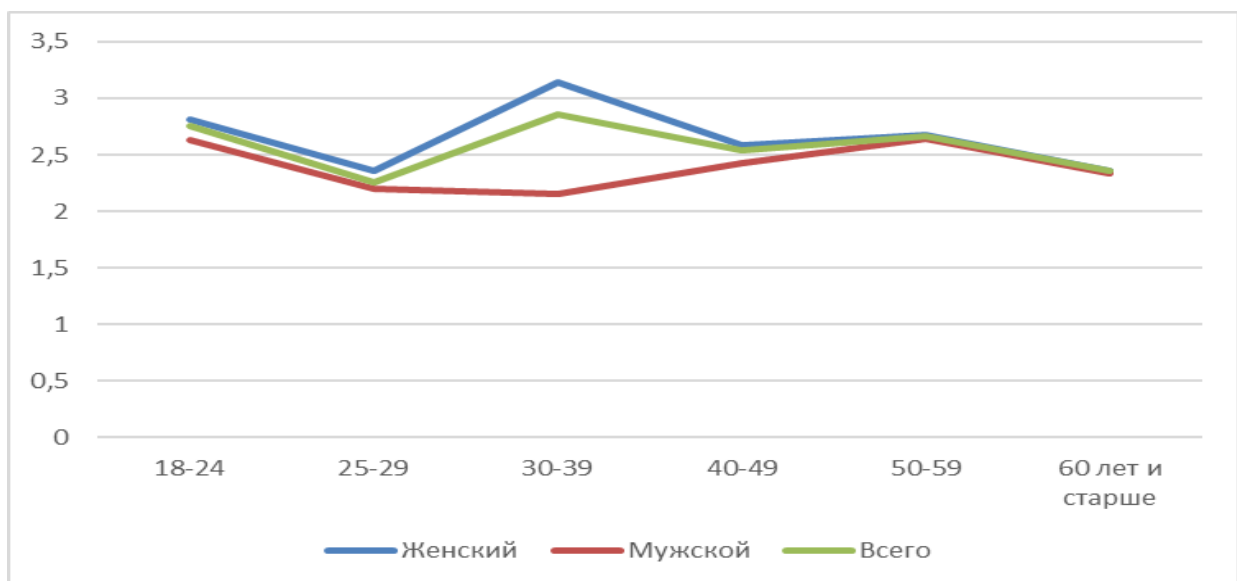

Рис. 2. Опасения по поводу возможной безработицы в условиях пандемии COVID-19
Уровень беспокойства по поводу возможности заражения во время выполнения

профессиональных обязанностей у респондентов ниже среднего уровня. Доверительный интервал по генеральной совокупности — от 2,4 до 2,8 (99%). Только 37,5% опрошенных беспокоит возможность заражения коронавирусом во время выполнения профессиональных обязанностей, 19% респондентов абсолютно не испытывают такого беспокойства. Статистически значимых различий относительно возможности заражения у респондентов разного пола и возраста не выявлено.

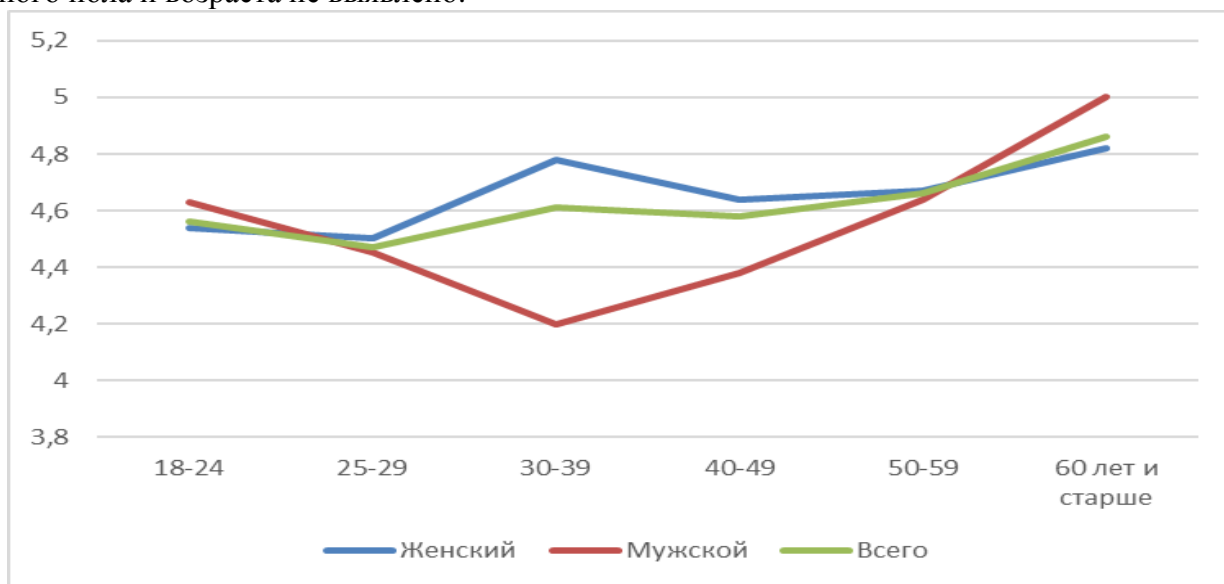

Рис 3. Готовность выполнять требования по режиму самоизоляции и карантину

Респондентов, готовых выполнять в случае необходимости требования по режиму карантина и самоизоляции, — 78,4%, полностью не готовы находиться в самоизоляции 1,9%. Доверительный интервал по генеральной совокупности — от 4,5 до 4,7 (99%). Максимальную готовность выполнять требования по выполнению режима самоизоляции ожидаемо продемонстрировали мужчины и женщины старшей возрастной группы (рис. 3).

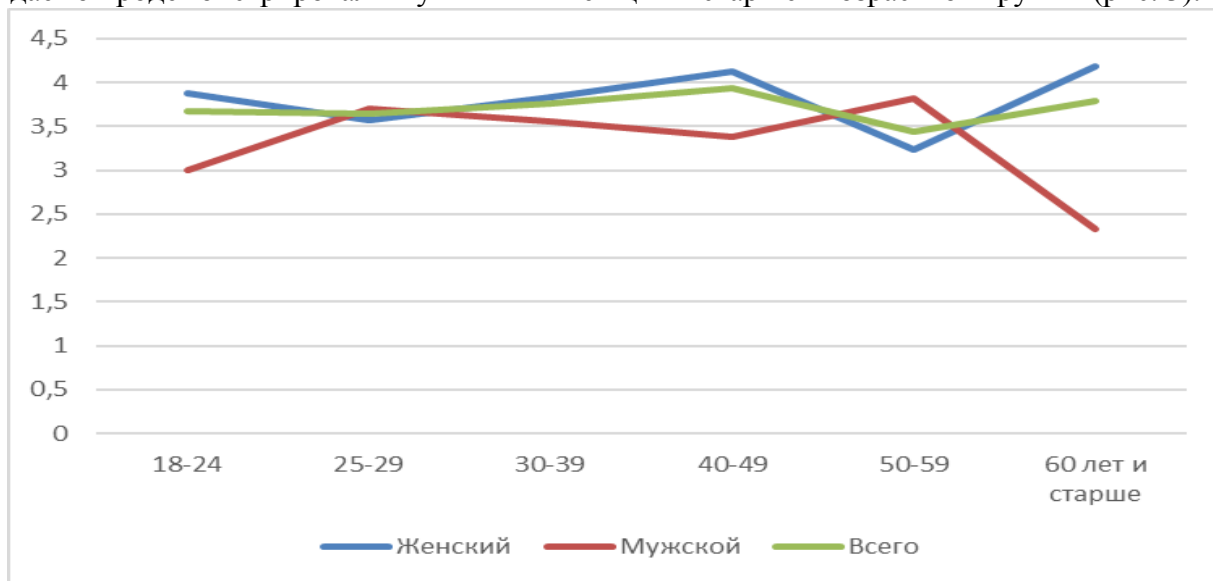

Рис. 4. Принятие работодателем необходимых мер для защиты сотрудников в условиях

пандемии COVID-19

В первую неделю режима самоизоляции в РФ работодатели, по мнению опрошенных, выполняли необходимые меры для защиты сотрудников (44,2%), однако 10,8% опрошенных, считают, что работодатели не предприняли должных мер. Доверительный интервал по генеральной совокупности — от 4,5 до 4,7 (99%).

Мужчины старшей возрастной группы показали низкий уровень удовлетворенности действиями работодателя относительно необходимых мер в период пандемии, а женщины старшей возрастной группы — самый высокий уровень (рис.4). 64,3% респондентов отметили, что работодатель полностью выполняет все требования по заработной плате, 10% респондентов не получали заработную плату уже в начальный период пандемии. Доверительный интервал по генеральной совокупности — от 4,0 до 4,3 (99%). Статистически значимых различий относительно выполнения работодателем обязательств по выплате заработной платы у респондентов разного пола не выявлено.

На необязательный открытый вопрос по поводу повышения благополучия и безопасности работников в условиях COVID-19 дали комментарии 177 респондентов, что свидетельствует о наличии высокой степени заинтересованности исследованием у большинства опрошенных. Контент-анализ полученных ответов, позволил нам выявить следующие наиболее часто посторяющиеся слова (табл. 2).

Таблица 2

Результаты контент-анализа ответов на вопрос «Как на Ваш взгляд можно повысить благополучие и безопасность работников в условиях COVID-19?»

Наиболее часто встречающиеся слова	Количество повторов
Изоляция (самоизоляция)	27
Соблюдать	26
Средство	25
Работа	24
Карантин	22
Маска	22
Все	22
Защита	18
Удаленный	17
Безопасность	10

Самые распространенные комментарии касались режима самоизоляции (высказывания «изоляция», «самоизоляция», «сидеть дома», «карантин»), удаленной работы («работать удаленно», «дистанционный труд»), обеспечения защитными средствами («маски», «перчатки», «антисептики»), требований по выплате заработной платы и необходимости выполнения требований Роспотребнадзора и органов власти. Контент-анализ позволил выявить высокую готовность к соблюдению работниками введенных государством запретов и ограничений. Необходимо обратить внимание на то, что респонденты часто указывали на важность соблюдения правовых норм всеми участниками отношений (слово «все» занимает 7-е место по распространенности).

Для того чтобы выявить, какие из изученных нами показателей влияют на готовность работающего населения к соблюдению запретов и ограничений в период пандемии нами

было построено уравнение множественной регрессии. Теоретический анализ позволил нам выделить факторы, которые могут оказать существенное влияние на готовность работников к соблюдению режима самоизоляции (Y):

- страх остаться без работы из-за ситуации с COVID 19 (X_1);
- страх заразиться COVID 19 во время работы (X_2);
- опасения по поводу уменьшения дохода и/или заработка (X_3);
- принятие работодателем необходимых мер для защиты сотрудников (X_4);
- выполнение работодателем обязательств по выплате заработной платы (X_5).

Проверка факторов на мультиколлинеарность показала ее наличие, в связи с чем необходимо было исключить фактор X_4 из дальнейшего анализа. Таким образом, для построения регрессионного уравнения были отобраны факторы: X_1 , X_2 , X_3 , X_5 . Проведенные нами расчеты позволили получить следующее уравнение множественной регрессии:

$$Y = 3,7499 - 0,0325X_1 + 0,1808X_2 - 0,02247X_3 + 0,09683X_5.$$

Параметры модели можно проинтерпретировать следующим образом: для того чтобы повысить Y в среднем на 0,181 единиц измерения (ед, изм.) необходимо увеличить X_2 на 1 ед, изм. Повышению Y в среднем на 0,0968 ед, изм, будет способствовать увеличение X_5 на 1 ед, изм. И напротив, для уменьшения Y в среднем на 0,0325 ед, изм, необходимо увеличить X_1 на 1 ед, изм, также снижение Y в среднем на 0,0225 ед, изм, произойдет при увеличении X_3 на 1 ед, изм. Статистическая значимость полученного нами уравнения была подтверждена при помощи критерия Фишера и коэффициента детерминации: было доказано, что все параметры модели имеют статистическую значимость. Установлено, что 10,66% общей вариабельности фактора Y опосредованна изменением факторов X_j . Также была проведена проверка на отсутствие гетероскедастичности и проверка на наличие автокорреляции остатков, для того чтобы подтвердить достоверность выводов по t- и F-статистикам о значимости коэффициентов регрессии и детерминации. Для анализа коррелированности отклонений была использованна статистика Дарбина—Уотсона. Мы рассчитали критические значения $d_1=1,59$ и $d_2=1,76$ для $n=269$ и количества объясняющих переменных $k=4$ (при уровне значимости 5%). Полученные значения $1,59 < 2,06$ и $1,76 < 2,06 < 4 - 1,76$, свидетельствуют об отсутствии остатков автокорреляции.

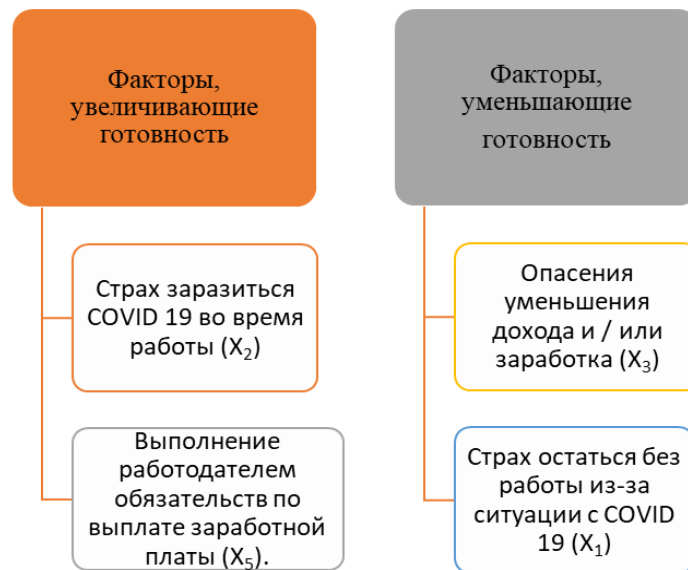

Рис. 5. Факторы, влияющие на готовность работника к соблюдению правовых запретов и ограничений в период пандемии COVID-19

Таким образом, исходя из построенной нами модели, при увеличении опасений по поводу возможности остаться без работы и реального уменьшения дохода происходит снижение готовности выполнять требования по режиму самоизоляции (рис. 5). Люди, сталкиваясь с непосредственной угрозой потери дохода и отдаленной перспективой заражения, скорее будут склонны не соблюдать запреты и ограничения. Например, работники, испытывающие страх потери дохода, могут нарушать режим самоизоляции, досрочно выходить из карантина на работу и скрывать свои контакты с зараженными людьми.

Выводы

Исследование показало, с одной стороны, наличие у респондентов высокой степени готовности выполнять требования по режиму самоизоляции, а с другой стороны — повышенную степень беспокойства по поводу снижения дохода. При этом уровень опасения относительно возможности заражения коронавирусом во время выполнения профессиональных обязанностей был ниже среднего уровня. Подобные результаты можно объяснить проведением опроса в первые три дня режима самоизоляции в Российской Федерации и тем фактом, что количество заражений COVID 19 на тот момент на территории страны было минимальным. Было установлено, что работающие женщины в большей степени испытывают опасения относительно экономических последствий пандемии и в большей степени готовы выполнять требования по режиму самоизоляции и карантину.

В ходе исследования гипотеза о том, что на готовность работников к соблюдению запретов и ограничений в период пандемии влияет индивидуальное восприятие работниками величины риска заражения во время выполнения профессиональных обязанностей и угроза потери дохода и/или работы, подтвердилась. Ограничение исследования связано с тем, что не все внешние и внутренние факторы, влияющие на готовность к соблюдению правовых запретов и ограничений, были учтены. Так, очевидно, что на готовность соблюдать режим самоизоляции влияют личностные характеристики работников, индивидуальный опыт

нахождения в подобных ситуациях, значимое окружения, угроза наказания, продолжительность введенных ограничений. Однако рассмотренные нами факторы, позволяют корректировать уровень готовности населения к соблюдению режима самоизоляции. В частности, для повышения уровня готовности работников к соблюдению правовых запретов и ограничений необходимо своевременно и качественно информировать население о риске заражения коронавирусом и на государственном уровне контролировать выполнение работодателями обязательств по выплате заработной платы.

Таким образом, в период пандемии необходим мониторинг психологической безопасности работающего населения и его готовности к соблюдению правовых запретов и ограничений. Это позволит своевременно разработать меры точечной государственной и правовой поддержки для различных социально-демографических групп экономически активного населения. Данное исследование является перспективным для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке психологии, права и экономики.

Литература

1. *Баева И.А.* Психологическая безопасность среды: условие активной работы и направление научных исследований // Вестник практической психологии образования. 2007. № 4. С. 47—50.
2. *Ишкаев М.Р.* К вопросу о соотношении правовых запретов и смежных правовых понятий // Власть. 2015. № 9. С. 103—106.
3. *Малько А.В.* Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 238—248.
4. *Малько А.В., Игнатенкова К.Е.* Способы правового регулирования деятельности органов публичной власти // Современное право. 2009. № 3. С. 56—60.
5. *Приходько И.М.* Ограничения в российском праве (проблемы теории и практики): автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. 26 с.
6. *Сорокин В.В.* Правовая психология в системе действия права [Электронный ресурс] // Психология и право. 2019. Том 9. № 1. С. 111—121. DOI: 10.17759/psylaw.2019090108
7. *Стуканов В.Г.* Психологическая характеристика деформаций правосознания личности // Человек: преступление и наказание. 2017. № 3. С. 356—362.
8. *Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И.* Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Том 28. № 2. С. 70—89. doi:10.17759/cpp.2020280204
9. Основы формирования психологически безопасной образовательной среды: учеб.-метод. пособие / С.Е. Чиркина, Р.А. Ахмеров, Е.В. Царева, К.С. Бажин. Казань: Бриг, 2015. 136 с.
10. Указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 марта 2020 г. № 13. ст. 1898.
11. Указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // Собрание законодательства Российской Федерации от 6 апреля 2020 г. № 14 (часть I). ст. 2082.

Коропец О.А., Чудиновских М.В.
Готовность работающего населения к соблюдению
правовых ограничений и запретов в период пандемии
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 223—237.

Koropets O.A., Chudinovskikh M.V.
Preparedness of Working Population to Adhere to Legal
Constraints and Prohibitions during the COVID-19
Pandemic
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 223—237.

12. Psychological and Behavioral Response to the Coronavirus (COVID-19) Pandemic [Электронный ресурс] / F. Balkhi [et al.] // *Cureus*. 2020. Vol. 12. №. 5. P. e7923. DOI:10.7759/cureus.7923
13. Bish A., Michie S. Demographic and attitudinal determinants of protective behaviours during a pandemic: a review [Электронный ресурс] // *British Journal of Health Psychology*. 2010. Vol. 15. №. 4. P. 797—824. DOI:10.1348/135910710X485826
14. Lee M., You M. Psychological and behavioral responses in South Korea during the early stages of coronavirus disease 2019 (COVID-19) [Электронный ресурс] // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17. №. 9. P. 2977. DOI:10.3390/ijerph17092977
15. Community psycho-behavioural surveillance and related impact on outbreak control in Hong Kong and Singapore during the SARS epidemic / G.M. Leung [et al.] // *Hong Kong medical journal*. 2009. Vol. 15. P. 30—34.
16. Psychological status and behavior changes of the public during the COVID-19 epidemic in China [Электронный ресурс] / X. Liu [et al.] // *Infectious Diseases of Poverty*. 2020. Vol. 9. №. 1. P. 1—11. DOI:10.1186/s40249-020-00678-3
17. Roy D., Sinha K. Cognitive biases operating behind the rejection of government safety advisories during COVID19 Pandemic [Электронный ресурс] // *Asian Journal of Psychiatry*. 2020. Vol. 51. P. 102048. DOI: 10.1016/j.ajp.2020.102048
18. Taylor S. *The Psychology of Pandemics: Preparing for the Next Global Outbreak of Infectious Disease*. Cambridge Scholars Publishing, 2019. 178 p.
19. The Global Risks Report 2020 [Электронный ресурс] // The 15th edition of the World Economic Forum's Global Risks Report. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf/ (дата обращения: 15.08.2020).

References

1. Baeva I.A. Psikhologicheskaya bezopasnost' sredy: uslovie aktivnoi raboty i napravlenie nauchnykh issledovaniy [Psychological safety of the environment: a condition for active work and direction of scientific research]. *Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya [Bulletin of practical psychology of education]*, 2007, no. 4. pp. 47—50. (in Russ.).
2. Ishkaev M.R. K voprosu o sootnoshenii pravovykh zapretov i smezhnykh pravovykh ponyatii [The problem of correlation of legal prohibitions and allied legal concepts]. *Vlast' [Vlast']*, 2015, no. 9, pp. 103—106. (in Russ.; abstr. in Engl.).
3. Mal'ko A.V. Ogranicheniya v prave: problemy teorii, praktiki, politiki [Restrictions in law: problems of theory, practice, policy]. *Yuridicheskaya tekhnika [Legal technique]*, 2018, no. 12. pp. 238—248. (in Russ.).
4. Mal'ko A.V., Ignatenkova K.E. Sposoby pravovogo regulirovaniya deyatelnosti organov publichnoi vlasti [Methods of legal regulation of the activities of public authorities]. *Sovremennoe pravo [Modern law]*, 2009, no. 3, pp. 56—60. (in Russ.).
5. Prikhod'ko I.M. Ogranicheniya v rossiiskom prave (problemy teorii i praktiki). Avtoref. diss. ... kand. jurid. Nauk [Restrictions in Russian law (problems of theory and practice). Ph.D (Law) Thesis]. Saratov, 2002. 26 p.
6. Sorokin V.V. Legal psychology in the system of law [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo*

Коропец О.А., Чудиновских М.В.
Готовность работающего населения к соблюдению
правовых ограничений и запретов в период пандемии
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 223—237.

Koropets O.A., Chudinovskikh M.V.
Preparedness of Working Population to Adhere to Legal
Constraints and Prohibitions during the COVID-19
Pandemic
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 223—237.

[*Psychology and Law*], 2019, Vol. 9, no. 1, pp. 111—121. doi: 10.17759/psylaw.2019090108. (In Russ., abstr. in Engl.).

7. Stukanov V.G. Psihologicheskaja karakteristika deformacij pravosoznaniya lichnosti [Psychological characteristic of deformations of legal consciousness of a personality]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie [Man: crime and punishment]*, 2017, no. 3, pp. 356—362. (In Russ.; abstr. in Engl.).

8. Tkhostov A.Sh., Rasskazova E.I. Psychological Contents of Anxiety and the Prevention in an Infodemic Situation: Protection against Coronavirus or the “Vicious Circle” of Anxiety? *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2020, Vol. 28, no. 2, pp. 70—89. doi.org/10.17759/cpp.2020280204 (In Russ., abstr. in Engl.).

9. Chirkina S.E. et al. Osnovy formirovaniya psikhologicheski bezopasnoi obrazovatel'noi sredy: uchebno-metodicheskoe posobie [Fundamentals of forming a psychologically safe educational environment]. Kazan: Brig, 2015. 136 p.

10. Ukaz Prezidenta RF ot 25.03.2020 № 206 «Ob ob"yavlenii v Rossiiskoi Federatsii nerabochikh dni» [Decree of the Russian President of 25.03.2020 number 206 "On the announcement of non-working days in the Russian Federation"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii [Collection of Legislation of the Russian Federation]*, no.13, st. 1898, 30.03. 2020.

11. Ukaz Prezidenta RF ot 02.04.2020 № 239 «O merakh po obespecheniyu sanitarno-epidemiologicheskogo blagopoluchiya naseleniya na territorii Rossiiskoi Federatsii v svyazi s rasprostraneniem novoi koronavirusnoi infektsii (COVID-19)» [Decree of the Russian President of 02.04.2020 number 239 "On measures to ensure the sanitary and epidemiological well-being of the population on the territory of the Russian Federation in connection with the spread of a new coronavirus infection (COVID-19)"]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii [Collection of Legislation of the Russian Federation]*, no.14.1, st. 2082, 06.04.2020.

12. Balkhi F. et al. Psychological and Behavioral Response to the Coronavirus (COVID-19) Pandemic [Elektronnyj resurs]. *Cureus*, 2020. T. 12, no. 5, pp. e7923. doi:10.7759/cureus.7923

13. Bish A., Michie S. Demographic and attitudinal determinants of protective behaviours during a pandemic: a review [Elektronnyj resurs]. *British journal of health psychology*, 2010. T. 15, no. 4, pp. 797—824. doi:10.1348/135910710X485826

14. Lee M., You M. Psychological and behavioral responses in South Korea during the early stages of coronavirus disease 2019 (COVID-19) [Elektronnyj resurs]. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. T. 17, no. 9, pp. 2977. doi:10.3390/ijerph17092977

15. Leung G.M. et al. Community psycho-behavioural surveillance and related impact on outbreak control in Hong Kong and Singapore during the SARS epidemic. *Hong Kong medical journal*, 2009, T. 15, pp. 30—34.

16. Liu X. et al. Psychological status and behavior changes of the public during the COVID-19 epidemic in China [Elektronnyj resurs]. *Infectious Diseases of Poverty*, 2020. T. 9, no. 1, pp. 1—11. doi:10.1186/s40249-020-00678-3

17. Roy D., Sinha K. Cognitive biases operating behind the rejection of government safety advisories during COVID19 Pandemic [Elektronnyj resurs]. *Asian Journal of Psychiatry*, 2020. T. 51, pp. 102048. doi: 10.1016/j.ajp.2020.102048

18. Taylor S. *The Psychology of Pandemics: Preparing for the Next Global Outbreak of Infectious Disease*. Cambridge Scholars Publishing, 2019. 178 p.

Коропец О.А., Чудиновских М.В.
Готовность работающего населения к соблюдению
правовых ограничений и запретов в период пандемии
Психология и право. 2021. Том 11. № 1. С. 223—237.

Koropets O.A., Chudinovskikh M.V.
Preparedness of Working Population to Adhere to Legal
Constraints and Prohibitions during the COVID-19
Pandemic
Psychology and Law. 2021. Vol. 11, no. 1, pp. 223—237.

19. The Global Risks Report 2020 [Elektronnyj resurs]. *The 15th edition of the World Economic Forum's Global Risks Report.* URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf/ (Accessed: 15.08.2020).

Информация об авторах

Коропец Ольга Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры управления персоналом и психологии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (ФГАОУ ВО УрФУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7449-3325>, e-mail: okor@mail.ru

Чудиновских Марина Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры публичного права, Уральский государственный экономический университет (ФГБОУ ВО УрГЭУ), г. Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1720-0258>, e-mail: chud-marina@mail.ru

Information about the authors

Olga A. Koropets, PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Human Resource Management and Psychology, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7449-3325>, e-mail: okor@mail.ru

Marina V. Chudinovskikh, PhD in Law, Associate Professor, Chair of Public Law, Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1720-0258>, e-mail: chud-marina@mail.ru

Получена 14.07.2020

Принята в печать 02.02.2021

Received 14.07.2020

Accepted 02.02.2021